

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

2017 Том 8 № 2

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantic>

**Научный журнал
Издается с 2010 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61215 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

В.Н. Денисенко, доктор филологических наук, профессор, РУДН, Россия

E-mail:

denissenko_vn@rudn.university

Заместитель главного редактора

Е.А. Красина, доктор филологических наук, профессор, РУДН, Россия

E-mail:

krasina_ea@rudn.university

Ответственный секретарь

Н.В. Новоспасская, кандидат филологических наук, РУДН, Россия

E-mail:

novospasskaya_nv@rudn.university

Члены редакционной коллегии

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова (Витебск, Беларусь)

Бахтикиреева Улданай Максумовна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Беднартова-Гибова Клаудиа, доктор филологических наук, доцент, Институт британских и американских исследований Университета г. Прешов (Прешов, Словакия)

Владимирова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Центр международного образования МГУ (Москва, Россия)

Джусупов Маханбет, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный профессор, Узбекский государственный университет мировых языков (Ташкент, Республика Узбекистан)

Нижников Сергей Анатольевич, доктор философских наук, профессор, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Новикова Марина Львовна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Петров Александр Владимирович, доктор философских наук, профессор, Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Тарасов Евгений Фёдорович, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Темригазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический институт (Павлодар, Республика Казахстан)

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Включен в каталог периодических изданий (Ulrich's Periodicals Directory:

<http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Ceberleninka.

Цели и тематика

Журнал *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика* (*Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*) издается с 2010 г. и является периодическим рецензируемым научным изданием, входит в список журналов ВАК РФ. Журнал является международным и по составу редакционной коллегии, и по тематике и авторам публикаций.

Журнал углубляет и разрабатывает вопросы общей и частной теории языка; теорию речевой деятельности и речи; семиотические характеристики знаковых систем, единиц языка разных уровней и текста; семиотику и поэтику художественных текстов; функциональную семантику лексических и грамматических единиц; предлагает вниманию комплексное и сопоставительное исследование типологии категорий и единиц языка.

Журнал публикует статьи, доклады, рецензии и научную хронику ведущих ученых различных областей гуманитарной сферы, а также материалы молодых ученых — докторантов, аспирантов и магистров.

Правила оформления статей и другая информация о журнале размещена на сайте: <http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=148#redcol>.

Каждая статья рецензируется анонимно двумя экспертами. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов.

Авторы, желающие получить номер с опубликованной статьей, оформляют подписку на два выпуска журнала; подписной индекс по каталогу Роспечати — 80555.

Электронный адрес: semioticj@rudn.university

Редактор: К.В. Зенкин

Компьютерная верстка: Е.П. Довголевская

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Почтовый адрес редакции

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2

Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: semioticj@rudn.university

Подписано в печать 25.05.2017. Выход в свет 30.05.2017. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 31,16. Тираж 500 экз. Заказ № 606. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

© Российский университет дружбы народов, 2017

RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES, SEMIOTICS AND SEMANTICS

2017 VOLUME 8 No. 2

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2
<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Founded in 2010

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir Denissenko

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail:

denissenko_vn@rudn.university

DEPUTY-EDITOR-IN CHIEF

Elena Krassina

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail:

krasina_ea@rudn.university

EXECUTIVE SECRETARY

Natalia Novopasskaya

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail:

novospasskaya_nv@rudn.university

EDITORIAL BOARD

Valentina Maslova, Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov (Vitebsk, Belarus)

Uldanay Bakhtikireeva, RUDN University (Moscow, Russia)

Kludia Bednárová-Gibová, University of Prešov (Prešov, Slovakia)

Tatyana Vladimirova, MSU n.a. M.V. Lomonosov (Moscow, Russia)

Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World languages University (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

Sergey Nizhnikov, RUDN University (Moscow, Russia)

Marina Novikova, RUDN University (Moscow, Russia)

Alexandr Petrov, Taurian Academy Crimean Federal University n.a. V.I. Vernadsky (Simferopol, Russia)

Vladimir Sinyachkin, RUDN University (Moscow, Russia)

Evgeniy Tarasov, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Zifa Temirgazina, Pavlodar State Pedagogical University (Pavlodar, Kazakhstan)

**RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES,
SEMIOTICS AND SEMANTICS**
**Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(the RUDN University), Moscow, Russian Federation**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Languages: Russian, English

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University, series "Theory of Language. Semiotics. Semantics" (new title "*RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*") elaborates and deepens the topics of general and special theory of language, speech activity and speech; semiotic features of sign systems and those of language units, belonging to different levels and texts; semiotics and poetics of literary texts; functional semantics of lexical and grammatical units; pays attention to complex and comparative typological research of language categories and units.

General goals and objectives of the journal, besides the development and propaganda of humanities, include the integral characteristics of paradigms of philological and humanitarian knowledge — symbolic and social paradigms, in particular. As to the application, methodology and complex, integral methods of theoretical research of language and society are being elaborated as well as the research in systemic linguistics and language modeling.

Academic Journal "**RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics**" (4 issues a year) was founded in 2010 (4 issues a year) and is a peer-reviewed journal on the list of the RF State Commission for Academic Degrees and Titles. It's an international journal regarding both the editorial board and contributing authors as well as research and topics of publications. Its authors are leading researchers possessing PhD and PhDr degrees, and PhD and MA students from Russia and abroad. The journal also introduces such sections as "Reviews", "Scientific Reviews", "Scientific Chronicles".

Submission requirements and stylesheet guidelines are available online: <http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=148#redcol>.

Each article is being reviewed anonymously (peer-reviewing) by two experts. The editorial board makes up a final decision on publication referring to the opinion of the reviewers.

Authors are supposed to subscribe the Bulletin, if they'd like to have an issue with their article published.

E-mail: semioticj@rudn.university

Editor K.V. Zenkin

Computer design E.P. Dovgolevskaya

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

Postal Address of the Editorial Board:

6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: semioticj@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price

The Peoples' Friendship University of Russia (the RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

© Peoples' Friendship University of Russia, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕКСТОЛОГИЯ

- Филиппова И.Н.** О некоторых факторах переводной множественности 241
- Кривошлыкова Л.В., Чернякова Ю.С.** Портрет-описание в авторском переводе писателя-билингва В. Набокова (мемуары В. Набокова «Другие берега / Conclusive Evidence» и его роман «Камера обскура» / «Laughter in the Dark») ... 249
- Головнёва Ю.В.** Солнце и Борей: сопоставление антиутопий Е.И. Замятина и Дж. Оруэлла на материале метафор внутреннего мира их героев 257
- Медведева Д.И., Фаттахова А.Ж.** Иноязычные вкрапления в русских текстах о Сербии 267
- Шаймердинова Н.Г., Жиёмбай Б.** Семантические особенности числительных в армяно-кыпчакском памятнике «СУДЕБНИК» («ТӨРЕ БІТІГІ») 280
- Семенова С.Н. (Краснодар)** Тезаурус жанра *сказка* (на материале произведения А.С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке» на русском, армянском и английском языках) 293
- Исабекова У.К.** Махмуд Кашгари — основоположник ареальной лингвистики 301

ТЕРМИНОЛОГИЯ И ТОПОНИМИКА

- Никифорова С.А., Чеснокова О.С.** Семиотика религиозных аллюзий в костариканском национальном варианте испанского языка 309
- Perfilieva N.V., Da Silva.** Toponyms of the Largest Islands of Cape Verde (Перфильева Н.В., Да Сильва Ф. Лингвистический анализ наименований островов Кабо-Верде) 320
- Майкова Т.А.** Термины-эпонимы в составе англоязычной терминологической лексики предметной области «Социология» 326
- Абишов Г.М.** Антропонимические элементы в составе топонимов 335

ЯЗЫК МАСС-МЕДИА

- Ремчукова Е.Н., Омеляненко В.А.** Языковые средства формирования имиджа России в современной рекламе 341
- Мухортов Д.С.** О некоторых особенностях реализации агональной функции в дебатных выступлениях кандидатов на пост президента США (на материале высказываний Марко Рубио, Теда Круза и Дональда Трампа). Статья 1 350
- Чигашева М.А.** Терминологический аспект политического дискурса СМИ Германии 358
- Сегал Н.А., Мищенко А.Н.** «Троянский цикл» как источник прецедентности в масс-медийном дискурсе 367

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Джиоева А.А., Стрельникова О.Ф.** Репрезентация метафорического концепта семьи в англоязычном политическом дискурсе как отражение реальных процессов в мире 377
- Жамалетдинова Э.Х.** Репрезентация ценности «Свобода» в общественном языковом сознании носителей русской культуры 384
- Федулова М.Н.** Совокупность средств вербальной репрезентации концептов ... 394
- Чернышова Е.Б.** Динамика параметра оценочности ядерных единиц русского языкового сознания 403
- Безкорвайная Г.Т.** Семантическое поле как фрагмент национальной языковой картины мира 413

СЕМИОТИКА ЯЗЫКА И ИСКУССТВА

- Логинова Е.Г.** Типы семиотического подобия при трансформации пьесы в спектакль в дискурсивном пространстве драмы 420
- Мамедова К.** Произведение Абу Убейды «Меджаз Аль-коран» как начало нового направления в практике тафсира 430
- Ткач Д.Г.** Ориентальные истоки образного языка французского орнаментального искусства XVII—XVIII вв. 440
- Зарытовская В.Н.** Лексико-морфологические средства образования колоризмов в арабском языке 448

НАУКА 21.0

- Ли Сяогэ.** Сопоставление аббревиатур в русском и китайском языках 454
- Корнакова Е.С.** Особенности словесно-художественного воплощения концепта «гражданственность» в поэзии Е.А. Евтушенко 464
- Шульган В.В.** Топонимика поэмы «Моисей» И.Я. Франко: квантитативный аспект компаративного анализа (украинский оригинал и русские переводы) 472
- Jabballa Mahmoud Mustafa H.** Access to Second Language Acquisition (Джаббалла Махмуд Мустафа Х. Об обосновании принципов освоения иностранного языка) 479
- Souadkia Mounya.** Comparative Study of Word-Order Patterns of Simple Sentences in English and Arabic (Муния Суадкиа. Сопоставительное исследование моделей порядка слов в простом предложении в английском и арабском языках) 485
- Васильева А.А.** Паремииологические единицы в речи персонажей романа А. Иванова «Географ глобус пропил» 494

CONTENTS

TEXTOLOGY

- Filippova I.N.** On Some Factors of Translation Multiplicity 241
- Krivoshlykova L.V. & Chernyakova Yu.S.** Portrayal of Characters in the Author's Translation of the Bilingual Writer Vladimir Nabokov (V. Nabokov's "Conclusive Evidence / Другие берега" and "Laughter in the Dark / Камера обскура") 249
- Golovnyova Yu.V.** The Sun And Boreas: The Juxtaposition of the Dystopias by E.I. Zamyatin's "We" And G. Orwell's "1984" on the Basis of Metaphors of Their Characters' Inner World 257
- Medvedeva Diana I. & Fattakhova A.Zh.** Serbian Language Elements in Russian Texts about Serbia 267
- Shaymerdinova N.G. & Zhiyembay B.S.** Semantic Features of Numerals in the Armenian-Kypchaksky Monument "Code of Laws" ("Tøpe Bitiri") 280
- Semenova S.N.** Thesaurus of Fairy-Tale Genre (the Study of A.S. Pushkin's "The Tale of The Fisherman and the Golden Fish" and its Translations into English and Armenian) 293
- Isabekova Uldar.** Mahmud Kashgari — the founder of areal linguistics 301

TERMINOLOGY AND TOPONYMY

- Nikiforova S.A. & Chesnokova O.S.** The Semiotics of Religious Allusions in the Costa Rican National Variant of the Spanish Language 309
- Perfilieva N.V. & Da Silva.** Toponyms of the Largest Islands of Cape Verde 320
- Maikova T.A.** Eponymic Terms as Part of English Scientific Sublanguage of Sociology 326
- Abishov G.M.** Antroponymical Elements in the Structure of Toponyms 335

LANGUAGE OF MASS MEDIA

- Remchukova E.N. & Omelianenko V.A.** Linguistic Means of Russia's Image Making in Modern Advertising 341
- Mukhortov D.S.** On Some Features of the Adversarial Function in Debates between US Presidential Contenders: Research into the Rhetoric of Marco Rubio, Ted Cruz, and Donald Trump. Article 1 350
- Chigasheva M.A.** Terminological Aspect of Political Discourse in the German Media 358
- Segal N.A. & Mischenko A.N.** "Trojan Cycle" as Source of Precedence in the Mass Media Discourse 367

LINGUO-COGNITIVE AND LINGUO-CULTURAL STUDIES

Jioeva A.A. & Strelnikova O.F. The Metaphorical Representation of the Concept of Family in English Political Discourse as a Reflection of Real Processes in the World	377
Zhamaletdinova E.Kh. The Representation of Universal Moralvalue “Freedom” in Linguistic Consciousness of Russian Culture Bearers	384
Fedulova M.N. Combination of Verbal Representative Means of Concepts	394
Chernishova E.B. Dynamics of Evaluation Parameter of Nuclear Units of Russian Language Consciousness	403
Bezkorovaynaya G.T. Semantic Field as a Fragment of National World Language Picture	413

SEMIOTICS OF LANGUAGE AND ARTS

Loginova E.G. Types of Semiotic Similitude in Dramatic Discourse: Transformation of a Play into a Theatrical Performance	420
Mamedova K. Abu Ubaidah’s “Majaz Al-Qur’an” as the Beginning of a New Trend in the Practice of Tafsir	430
Tkach D.G. Oriental Origins of Figurative Language of the French Ornamental Art in XVII— XVIII Centuries	440
Zarytovskaya V.N. Lexical and Morphological Means of Colour Names Formation in Arabic	448

SCIENCE 21.0

Li Xiaoge Comparison of Abbreviations in Russian and Chinese Languages	454
Kornakova E.S. Peculiarities of Verbal and Artistic Implementation of the Concept “Citizenship” in the Poetry of E.A. Evtushenko	464
Shulgan V.V. Toponymy of Ivan Franko’s Poem “Moses”: the Quantitative Aspects of Comparative Analysis (Ukrainian Original and Russian Translations)	472
Jabballa Mahmoud Mustafa H. Access to Second Language Acquisition	479
Souadkia Mounya. Comparative Study of Word-Order Patterns of Simple Sentences in English and Arabic	485
Vasilyeva A.A. Paremiae and Phraseological Units in the Speech of Characters in the Novel “The Geographer Drank His Globe Away” by A. Ivanov	494

ТЕКСТОЛОГИЯ

УДК: 81'25

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-241-248

О НЕКОТОРЫХ ФАКТОРАХ ПЕРЕВОДНОЙ МНОЖЕСТВЕННОСТИ

И.Н. Филиппова

Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация

В статье подвергается анализу взаимосвязь политкорректности немецкой и английской лингвокультур с феноменом переводной множественности. Отмечено национально-лингвистическое различие гендерной политкорректности, реализуемой в английском языке как феминизация, андрогинизация и нивелирование гендерных маркеров, от стратегии прецизирования гендерного статуса в немецком языке. Сопоставление этих тенденций с современным русским языком приводит к выдвиганию и обоснованию тезиса о неизбежности множественности перевода (как текста). Показаны возникающие при взаимодействии английского, немецкого и русского языков (в различных комбинациях) нетождественные варианты текстов перевода. Выявлены факультативный характер текстовых преобразований в одноязычной коммуникации и негативные последствия эвфемизации расовых отличий и маркеров физиологической неполноценности в области межкультурных и межъязыковых контактов при передаче художественной литературы: нарушение авторского стиля, девальвация сюжетной линии, дискредитация авторского текста.

Ключевые слова: перевод, художественная литература, политкорректность, авторский текст, текст перевода, переводная множественность, переводческие трансформации

ВВЕДЕНИЕ

Феномен переводной множественности подвергался анализу многими теоретиками перевода и постоянно был (и будет) онтологической реальностью переводчиков-практиков. Перманентность коммуникации через перевод, ее мультисубъектность и полифункциональность являются основой множественности текстов перевода (далее — ПТ) одного оригинала (далее — ИТ), стремящейся к трансцендентальности [Филиппова 2014: <http://www.science-education.ru/116-12025>].

Среди разномасштабных и разнозначимых факторов, определяющих существование не одного ПТ и предвосхищающих появление многочисленных ПТ, передающих один ИТ, мы остановимся только на тех, которые имеют связь с тенденцией многих языков (особенно европейских и американского английского) к так называемой политкорректности.

Под этим термином кроется несколько нетождественных (по степени эвфемизации, по своим причинам и целям) способов ухода от прямой номинации. В на-

стоящей статье мы попытаемся осуществить внимательный анализ гендерного, расового и физиологического аспекта политкорректности и отметить некоторые особенности влияния иных ее видов на перевод.

Материалом нашего анализа служат аутентичные разножанровые и разновременные тексты на немецком, английском и русском языках при их различных комбинациях в переводе. Такой разнообразный фактический материал позволит полнее охватить анализируемую тенденцию, рассматривая ее в нескольких реализациях в коммуникации: в аспекте нейтрализации конфликтов [Астафурова, Олянич 2012: 86—92; Хроменков 2012: 147—153] и повышения эффективности общения [Вековищева 2011: 85—87], в аспекте художественной коммуникации [Вековищева 2012: 4—11; Лысенкова, Чайковский 2012: 147—156], в связи с проблемой качества перевода [Нелюбин 2005: 14], в связи с проблемой преодоления интерференции при расхождении языковых систем ИЯ и ПЯ [Нелюбин 2007: 72—75, 109]. В связи с этим наиболее рациональным будет непосредственное обращение к примерам с последующим анализом и индуктивным обобщением результатов.

ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

В представленном ниже ИТ выявлены 3 различные гендерно маркированные лексемы немецкого языка:

Merkel: "Eine Schwäche von mir ist Schreien". Angela Merkel macht ihrem Ärger manchmal durch Schreien Luft. „Manchmal muss ich meinem Ärger Ausdruck verleihen. Eine Schwäche von mir ist Schreien“, sagte die 50-jährige CDU-Vorsitzende in der ARD-Talkshow „Beckmann“. „Das ist die einzige Möglichkeit, dass ich kein Magengeschwür bekomme“. In solchen Situationen verhalte sie sich gelegentlich auch ungerecht: „Wenn ich Menschen beleidige, dann entschuldige ich mich auch“. Eine weitere Schwäche sieht die Politikerin in ihrer Ungeduld. Ihr Ehemann helfe ihr, über andere Sachen nachzudenken. Das sei für sie „fast lebenswichtig“, weil sie sonst „eindimensional“ werde. „Wenn ich ihm Probleme darlege, sagt er mir, dass das Probleme sind, die die Masse der Menschen relativ wenig interessiert“, sagte die CDU-Chefin. „Wenn man spazieren geht, ist es ganz hilfreich, über andere Dinge zu reden: über Naturwissenschaft oder über Musik“ [Merkel ... URL: <http://www.dw.de/merkel-eine-schwäche-von-mir-ist-schreien/a-1456085>].

Бум гендерной политкорректности в немецкоязычном социуме получил оформление в прогрессирующем росте профессионализма с феминным маркером. Система немецкого языка обладает для этого высокопродуктивным суффиксом *-in*.

При передаче анализируемых лексем на английский и русский языки возникает ряд трудностей.

В англоязычных социумах стратегия гендерной политкорректности приняла иные формы. Здесь, как и в немецкоязычных странах, значительна феминизация языка, выраженная в словосложении: *buisenesswoman*, *chairwoman*. Однако наряду с этой тенденцией проявляется нивелирование гендерных маркеров. Важно отметить, что это изменение распространяется в относительно равной пропорции на лексемы и с андрогенным, и феминным маркером: *chairperson* (от *chairman*), *flight attendant* или *air steward* (от *stewardess*).

В русскоязычном обществе гендерная политкорректность пока не носит тотального характера, Россия медленно расстается со своей андроцентричностью (медленнее, чем европейские государства и США). Поэтому несмотря на то, что система русского языка располагает большим набором аффиксальных средств номинации лиц женского пола (*студентка, учительница, поэтесса, генеральшиа, повариха, сватья*), их общая продуктивность в сфере профессионализма значительно ниже (чем та, которой обладает один суффикс в немецком языке). Таким образом, выделенным в ИТ единицам соответствуют в ПЯ андрогенные лексемы *политик, председатель, глава партии, шеф, руководитель*.

ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ В РЕЧИ

При переходе к речевым реализациям отмеченных тенденций обнаруживается взаимосвязь между гендерной политкорректностью, языковыми ресурсами словообразования и стилистическими (дискурсивными) факторами переводной множественности.

В торжественном рождественском обращении президента ФРГ к нации мы видим генденую прецизионность:

*Denn die Demokratie, das sind wir alle. Und wir können alle etwas tun für unser Land. Millionen von **Bürgerinnen** und **Bürgern** leben danach [Weihnachtsansprache ... URL: http://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Horst-Koehler/Reden/2009/12/20091225_Rede.html.] — Т.к. демократия — это все мы. И все мы можем что-то сделать для нашей страны. Миллионы наших **граждан** живут именно так.*

В ПТ не остается места для номинации гражданок, т.к. это входит в противоречие с дискурсом официальных речей главного лица государства: в России (как и ранее в СССР) нет традиции дефинировать гендерный аспект населения, несмотря на то, что система языка позволяет образовать феминно маркированную лексему *гражданка*, приемлемую в других коммуникативных ситуациях и других вербальных контекстах. Нелепость фразы *Миллионы наших **граждан** и **гражданок** живут именно так* вызвала бы коммуникативный сбой, отвлекающий внимание слушателей от дальнейшего контекста. В данном случае причиной отказа от гендерной политкорректности в ПТ служит социокультурная составляющая.

В отличие от рассмотренных выше примеров следующий контекст демонстрирует слияние языковых и социокультурных тенденций в отношении вербализации нашего объекта в русском языке, предопределяя множественность переводческих решений. Забавный лингвистический казус *Der Kanzler und **die** Kanzlerin* [Beutler URL: <http://www.dw.de/der-kanzler-und-die-kanzlerin/a-6084121>] составлен из двух лексем, маркирующих разный гендерный статус Г. Коля и А. Меркель, однако это содержание раскрывается в самом тексте. Аналогии в системе ПЯ для изоморфной передачи заголовка статьи нет. В связи с отсутствием полноценной языковой манифестации гендерных различий должностных лиц в ПЯ при передаче этого заголовка невозможно обойтись без трансформаций. Конкретизация названия и внесение в него содержания первых двух абзацев текста позволяет эксплицитировать информацию ИТ и не нарушить языковую норму и узус ПЯ. Содержа-

ние ИТ может быть передано двумя равноценными вариантами: *Канцлер Гельмут Коль и канцлер Ангела Меркель ~ Chancellor Helmut Kohl and Chancellor Angela Merkel* или: *Два канцлера: Коль и Меркель ~ The 2 Chancellors: Kohl and Merkel*.

Представляется также возможной и иная стратегия: отказ от экспликации информации. Повышение читательского интереса через импликацию некоторого содержания соответствует прагматической функции заголовка, потому имеет право на существование и вербализация в форме *Два канцлера* с последующей детализацией (как в ИТ) содержания в самом тексте сообщения. Таким образом, один ИТ дает возможность потенциально генерировать три ПТ, создание которых имеет убедительные коммуникативные лингвистические основания.

ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ В ОДНОЯЗЫЧИИ И ПРИ ПЕРЕВОДЕ: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

Другой стороной политкорректности в лингвистической ипостаси стала эвфемия в отношении расовых и национальных отличий. Эта тенденция получила столь широкое распространение, что плоды ее не могут не удивлять.

Мы предлагаем рассмотреть в качестве примера роман А. Кристи «Десять негрятят» (1937 г.), получивший огромнейшую популярность в различных странах и изданный и издаваемый на различных национальных языках. В Германии этот роман был впервые переведен А.К. Реман-Зальтен и опубликован Бернским издательством Scherz-Verlag в 1944 г. под названием *Letztes Weekend*.

Однако в системе и норме немецкого языка нет никаких противоречий к тому, чтобы оригинальное название было передано субститутами, находя полное формальное и функциональное тождество с ИТ. И с 1975 г. он выходил именно под названием “Zehn kleine Negerlein”, которое стало традиционным с 1985 г. и не претерпело изменений даже при новом переводе, выполненном У. Гайль. В 2003 г. в еще одной новой версии перевода (С. Дайтмер) роман увидел свет под названием *Und dann gabs keines mehr (И никого не стало)*. Таким образом, соображения политкорректности вынудили переводчиков и издателей к (несколько искусственному, насильственному) созданию множественности при передаче одного ИТ.

Примечательно также, что в современном англоязычном обществе (особенно в США) эвфемия коснулась и авторского текста: без языковой трансляции роман “Ten Little Niggers” был переименован: с недавнего времени он издается на английском языке под названием “And Then There Were None”. Но также и место действия подверглось внутриязыковой трансформации (*Nigger Island — Indian Island*), и все неполиткорректные лексемы *негрятята* заменены (на *маленькие индейцы*). Формальным поводом к такому преобразованию авторского текста послужил тот факт, что в романе А. Кристи сюжетобразующую прагматическую функцию имеет детская считалочка, в старейшей версии которой фигурируют именно *индейцы*.

Значительное влияние приобрела в современном мире политкорректность в номинации лиц, ограниченных в своих физических кондициях. Основу эвфемии этого рода формируют гуманистические принципы сочувствия таким лицам и стимуляции их борьбы за свои права образовательной, профессиональной и спортивной реализации, транспортной мобильности и т.п. Однако повсеместное замеще-

ние лексем, маркирующих физические увечья или иные формы затрудненной социализации, на «нейтральные» также вызывает вопросы и наводит на мысль о скором развитии дисфемии.

Взаимосвязь такой огульной эвфемизации с переводной множественностью представляет, например, роман “*Dumb Witness*” (1937 г.) — *немой свидетель* (или *безмолвный свидетель*), передача его заголовка граничит с переводческим волюнтаризмом. Соображения политкорректности заставили издателей в США отказаться от оригинальной авторской идеи и представить роман публике под заголовком “*Poirot Loses a Client*” в 1937 г. В русскоязычной версии роман увидел свет первоначально как «Немой свидетель» (в пер. Э. Кардонской в 1991 г., и позднее переводился также Н.Л. Емельяниковой в 1994 г., Т.М. Юниной в 2000 г. с сохранением названия), а затем был переименован: «Безмолвный свидетель» (в переводе Л. Васиной в 1994 г. и А. Постникова в 1997 г.). На немецкий язык это произведение было переведено А. Шобер и появилось в продаже в 1938 г. под названием “*Der ballspielende Hund*” (и было позднее — в 2015 г. переведено вторично К. Шунке при сохранении той же вербализации названия). Однако никаких собственно лингвистических причин к этому нет, т.к. лексические средства и модели атрибутивных словосочетаний немецкого языка позволяют создать эквивалентный ПТ: *Der stumme Zeuge*. На наш взгляд, даже преобразование *Der sprachlose Zeuge* некоторым образом раскрывает замысел автора, лишая читателя главного удовольствия от чтения детектива, возможности соучастия в раскрытии тайны и разоблачении преступника.

Наблюдения за изменениями названий романов А. Кристи во внутриязыковом пространстве и в переводе позволяют обнаружить значительные преобразования авторского ИТ [Максименко 2012: 481—490; Филиппова 2015: 40], которые могут быть оценены только как негативные тенденции.

Внутриязыковые трансформации оригинального названия и текста создают благоприятную (в отрицательном смысле) почву для размывания идиостиля автора, подрывают доверие читателя к автору и его тексту, дискредитируют авторский текст как несоответствующий нормам языковой культуры. При этом происходят сдвиги информационно-прагматического характера: искажается текст автора в связи с появлением аллюзии (там, где ее не было по замыслу автора), с девальвацией сюжетной линии (имеющей особый статус в детективном жанре). Рассмотренные выше примеры выявляют различную степень деформации ИТ, но в целом должны получить негативную оценку с точки зрения теоретиков перевода, переводчиков-практиков и с точки зрения носителей языка (читателей, принадлежащих к национальной лингво- и социокультуре).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, подводя итоги представленного выше анализа некоторых факторов переводной множественности, можно сформулировать следующие выводы, охватывающие эмпирический уровень исследуемой проблемы.

1. Текстовые преобразования, обусловленные политкорректностью и эвфемизацией, при их приложении к произведениям художественной литературы носят в одноязычии факультативный характер.

2. Факторы переводной множественности имеют различную природу и различные способы проявления в коммуникации. Политкорректность как социокультурная тенденция оказывает влияние на способы вербализации и ревербализации авторской интенции в тексте.

3. Гендерный, расовый и физиологический аспекты политкорректности различным образом реализуются в сопоставляемых лингвокультурах (русской, британской, американской и немецкой). Андроцентризм русскоязычного социума вступает в конфронтацию с англоязычной гендерной стратегией нивелирования британского и американского языка и культуры (с одной стороны) и немецкой гендерной прецизионности (с другой стороны).

Сопряжение различных национально-культурных стратегий лингвистической политкорректности с другими (не менее значимыми) аспектами межкультурной и межъязыковой передачи ИТ усложняют алгоритм переводческого поиска. Совокупность и системность проблематики перевода (комплексность его объекта, множественность детерминирующих факторов) создают условия для создания поливариантности ПТ.

В заключение следует подчеркнуть значимость и неоднозначность преобразований, как внутриязыковых, так и межъязыковых и межкультурных, требующих тщательного анализа и строгой оценки во избежание негативного влияния языковой политики и социокультурологии на язык, лингвокультуру и межкультурную коммуникацию в сфере художественной литературы.

© Филиппова И.Н.

Дата поступления: 23.01.2017

Дата принятия: 3.02.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Merkel: „Eine Schwäche von mir ist Schreien“. Режим доступа: <http://www.dw.de/merkel-eine-schwaeche-von-mir-ist-schreien/a-1456085>. Дата обращения: 21.01.2017.
2. Weihnachtsansprache 2009 von Bundespräsident Horst Köhler. Режим доступа: http://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Horst-Koehler/Reden/2009/12/20091225_Rede.html. Дата обращения: 21.01.2017.
3. Beutler M. Der Kanzler und die Kanzlerin. Режим доступа: <http://www.dw.de/der-kanzler-und-die-kanzlerin/a-6084121> Дата обращения: 21.01.2017.
4. Астафурова Т.Н., Олянич А.В. Лингвосемиотика нейтрализации социальных фобий // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2012. № 1. С. 86—92.
5. Вековищева С.Н. Факторы, влияющие на успешность акта речевой коммуникации в ситуации двуязычного общения // Перевод и когнитология в XXI веке. Москва: МГОУ, 2011. С. 85—87.
6. Вековищева С.Н. Интерпретация современного художественного текста с точки зрения семантико-временной отнесенности // Проблемы теории языка и переводоведения. Москва: МГОУ, 2012. С. 4—11.
7. Лысенкова Е.Л., Чайковский Р.Р. Художественный перевод в контексте пространства и времени // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 2 (18). С. 147—156.

8. Максименко О.И. Адаптированный перевод: за и против // Язык в пространстве коммуникации и культуры. Москва: Книга и бизнес, 2012. С. 481—490.
9. Нелюбин Л.Л. Введение в технику перевода. Москва: МГОУ, 2005.
10. Нелюбин Л.Л. Сравнительная типология английского и русского, немецкого и русского, французского и русского языков. Москва: МГОУ, 2007.
11. Филиппова И.Н. Избыточность и недостаточность в одноязычной и двуязычной коммуникации (на материале немецкого и русского языков): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Московский гос. областной университет. Москва, 2015.
12. Филиппова И.Н. Трансцендентальный характер перевода // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/116-12025>. Дата обращения: 22.01.2017.
13. Хроменков П.Н. Конфликтогенез в дискурсе идеологий нового времени // Новое в переводеведении и лингвистике. 2012. С. 147—153.

УДК: 81'25

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-241-248

ON SOME FACTORS OF TRANSLATION MULTIPLICITY

Irina N. Filippova

Moscow State Regional University
105005, Moscow, Radio street, 10a, Russian Federation

Abstract. We analyze in the present paper the relationship between the correctness of the English and German linguistic cultures and the phenomenon of translation multiplicity. We point out national-linguistic and gender political correctness, realized in English language as feminization, androgenicity and the leveling of the gender marker, from strategy precisione gender in the German language. Comparing these trends with the modern Russian language we are proposing and trying to prove the thesis about the inevitability of the translation multiplicity (as text). We show non-identical versions of the translation texts which arise in the interaction of English, German and Russian languages (in various combinations). We identify optional text transformations in monolingual communication and the negative effects of racial and physiological effeminacy in intercultural and interlingual contacts in the fiction translation: a violation of the author's style, the devaluation of the storyline, discredit the author's text.

Key words: fiction, correctness, the author's text, translation, translation text, translation multiplicity, translation transformation

REFERENCES

1. Merkel: „Eine Schwäche von mir ist Schreien“: <http://www.dw.de/merkel-eine-schwäche-von-mir-ist-schreien/a-1456085>.
2. Weihnachtsansprache 2009 von Bundespräsident Horst Köhler: http://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Horst-Koehler/Reden/2009/12/20091225_Rede.html.
3. Beutler, M. *Der Kanzler und die Kanzlerin*: <http://www.dw.de/der-kanzler-und-die-kanzlerin/a-6084121>.
4. Astafurova, T.N., Olyanitch, A.V. (2012). Lingua-Semiotics of Social Phobia Neutralization. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics, 1*, 86—92. (in Russ).
5. Vekovishheva, S.N. (2011). Factors Affecting the Success of the Speech Communication's Act in Bilingual Communication. *Translation and Cognitive Science in the XXI Century*. Moscow: MGOU, p. 85—87. (in Russ).

6. Vekovishheva, S.N. (2012). The Interpretation of a Modern Literary Text from the Point of View of Semantic and Temporal Binding. In: *Problems of Language Theory and Translation Studies*. Moscow: MGOU, p. 4—11. (in Russ).
7. Lysenkova, E.L., Chaikovski, R.R. (2012). Literary Translation in the Context of Time and Space. *Vestnik of Irkutsk State Linguistic University*, 2 (18), 147—156. (in Russ).
8. Maksimenko, O.I. (2012). Translation: For and Against. In: *The Language in the Field of Communication and Culture*. Moscow: Book and business. p. 481—490. (in Russ).
9. Nelyubin, L.L. (2005). *Introduction to techniques of translation*. Moscow: MGOU. (in Russ).
10. Nelyubin, L.L. (2007). *Comparative Typology of English and Russian, German and Russian, French and Russian Languages*. Moscow: MGOU. (in Russ).
11. Filippova, I.N. (2015). *Redundancy and shortage in Monolingual and Bilingual Communication (based on German and Russian Languages)*: [dissertation abstract]. Moscow State Regional University, Moscow.
12. Filippova, I.N. (2014). Translation Transcendence Character. *Modern Problems of Science and Education*, 2. URL: <http://www.science-education.ru/116-12025> Дата обращения: 21.01.2017. (in Russ).
13. Khromenkov, P.N. (2012). Conflictogenes in the Discourse of the Ideologies of the New Time. In: *New in Translation Studies and Linguistics*. p. 147—153. (in Russ).

Сведения об авторе:

Филиппова Ирина Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики, Заслуженный работник науки и образования Российской Академии естествознания; научные интересы: теория, практика и лингводидактика перевода, лингвофилософия перевода, типология, компаративистика, германистика; *e-mail*: inf.perevod@gmail.com

Bio Note:

Filippova Irina Nikolaevna, Doctor of Philology, Associate Professor, professor of Department of Theory of Translation and Cognitive Linguistics, Honored Worker of Science and Education of the Russian Academy of Natural Sciences; Interests theory, practice and linguodidactics of translation, linguistic philosophy of translation, typology, comparativistics, germanistics; *e-mail*: inf.perevod@gmail.com

УДК: 81'255.4:821.161.1

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-249-256

ПОРТРЕТ-ОПИСАНИЕ В АВТОРСКОМ ПЕРЕВОДЕ ПИСАТЕЛЯ-БИЛИНГВА В. НАБОКОВА (мемуары В. Набокова «Другие берега / *Conclusive Evidence*» и его роман «Камера обскура» / «*Laughter in the Dark*»)*

Л.В. Кривошлыкова¹, Ю.С. Чернякова²

¹Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

²Московский областной социально-гуманитарный институт
ул. Зеленая, 30, г. Коломна, МО, Россия, 140410

В статье рассматривается авторский перевод портрета-описания на примере автобиографических мемуаров В. Набокова «*Conclusive Evidence* / Другие берега» и его романа «Камера обскура» / «*Laughter in the Dark*». Цель работы — используя сравнительный метод и метод семантического анализа, выявить средства выражения адекватности и эквивалентности перевода. Исследование показало, что билингвизм и синестезия автора формируют его лингвистическую и культурную картины мира, оказывают значительное влияние на выбор языковых средств при переводе с одного языка на другой.

Ключевые слова: билингвизм, авторский перевод, полноценный перевод, культурный код, лингвокультурный концепт, аллюзия

ВВЕДЕНИЕ

Творчество российско-американского писателя Владимира Набокова, писавшего на двух языках — русском и английском — является предметом исследования не только лингвистов, литературоведов, психологов, историков, но и экспертов в области художественного и авторского перевода.

Не вызывает сомнения тот факт, что профессиональный переводчик способен приблизиться к тексту оригинала и перенести на другой язык все оттенки смыслового содержания текста-оригинала и подобрать функционально-стилистические соответствия, но полная и абсолютная передача всех смыслов текста-оригинала невозможна. По мнению Э. Сэпира, существует «обобщающее, внеязыковое искусство, доступное передаче без ущерба средствами чужого языка, и специфически языковое искусство, по существу непереводимое» [Сепир 1993: 196].

ПОЛНОЦЕННОСТЬ ПЕРЕВОДА

Поскольку достижение полного и абсолютного сходства между текстами оригинала и перевода практически невозможно, в переводоведении появились терми-

* Тексты приводятся по изданиям: *Набоков В. (2004) Другие берега. Мемуары. Москва: Захаров; Набоков В. (2014) Камера обскура. С-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус; Vladimir Nabokov (1999) Laughter in the Dark. Penguin Group.*

ны «адекватность» и «эквивалентность». Одним из первых термин «эквивалент» предложил Р. Якобсон в статье «О лингвистических аспектах перевода» (1959).

Адекватный перевод обеспечивает «прагматические задачи на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности, не допуская нарушения норм, соблюдая жанрово-стилистические требования к текстам данного типа и соответствуя общественно-признанной конвенциональной норме перевода» [Комиссаров URL: http://www.classes.ru/grammar/43.Teoriya_perevoda_Lingvicticheskiye_aspekty]. По мнению В.Н. Комиссарова, в нестрогом употреблении «адекватный перевод» — это «хороший» перевод, оправдывающий ожидания и надежды коммуникантов или лиц, осуществляющих оценку качества перевода. Эквивалентный перевод воспроизводит «содержание иноязычного оригинала на одном из уровней эквивалентности» [Комиссаров URL: http://www.classes.ru/grammar/43.Teoriya_perevoda_Lingvicticheskiye_aspekty], то есть предметно-логическое (денотативное), коннотативное значение языковых единиц, а также прагматический потенциал переводимого текста.

Точный перевод может называться адекватным, если целью перевода считается передача фактической информации об окружающем мире. По мнению В.Н. Комиссарова, эквивалентный перевод всегда должен быть точным, а точный перевод по определению лишь частично эквивалентен. Полноценность перевода предполагает «исчерпывающую точность в передаче смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему» [Федоров 2002: 114].

Частью творческого наследия писателя-билингва являются его статьи и лекции о точности и адекватности перевода, которые не теряют своей актуальности в настоящее время. В лекции «Искусство перевода» В. Набоков особое внимание уделяет качествам, которыми «должен быть наделен переводчик, чтобы воссоздать идеальный текст шедевра иностранной литературы» [Набоков 2001: 389—397]. Важную роль, по мнению В. Набокова, играют интралингвистические и экстралингвистические факторы. Настоящий переводчик «должен прекрасно знать оба народа, оба языка, все детали авторского стиля и метода, происхождение слов и словообразование, исторические аллюзии», при этом талант переводчика должен быть такого же масштаба, что и у автора переводимого произведения, «таланты их должны быть одной природы» [Набоков 2001: 389—397].

ПОРТРЕТ В АВТОРСКОМ ПЕРЕВОДЕ

Здесь мы предпринимаем попытку рассмотреть портреты/описания с точки зрения их структуры и содержания на английском и русском языках в мемуарах В. Набокова «Другие берега/Conclusive Evidence». В ходе анализа будем «учитывать не только отношение «текст — действительность», но и коммуникативную стратегию, т.е. соотношение «текст — адресат речи». Именно коммуникативная стратегия позволяет определить «функции использованных автором языковых средств, их роль в структуре текста» [Кожин 1982: 161—162].

В литературоведении портрет является разновидностью художественного описания, следовательно, речевые средства, использованные в тексте, выражают

авторскую оценку. Ведущий тип речи в них — именно описание, то есть опора на речевые средства, выражающие авторскую оценку. К таким средствам относятся, в первую очередь, прилагательные, причастия, существительные и наречия.

Портрет персонажа — это описание его внешности: лица, фигуры, в их статике или динамике. Выражение лица, глаза, мимика, жесты, походка, позы, то есть невербальное поведение, свидетельствуют о переживаемых персонажем чувствах. В этих случаях важную роль играет костюм, манеры, которые свидетельствуют о социальном положении, привычках, воспитании и образовании.

Какими же средствами В. Набоков-переводчик достигает исчерпывающей передачи смыслового содержания текста-оригинала и полноценного функционально-стилистического соответствия ему текста-перевода при описании персонажей?

Повествуя о «пробуждении самосознания», автор подчеркивает, что этот процесс «открытия себя» непосредственно связан с отношением его возраста и возраста родителей. В. Набоков делает практически дословный перевод, одинаковый по форме и содержанию.

Пример 1 — родители

... the twenty-seven-year-old being, in soft white and pink, holding my left hand, was my mother, and the thirty-three-year-old being, in hard white and gold, holding my right hand, was my father.

... двадцатисемилетнее, в чем-то белом и розовом и мягком, создание, владеющее моей левой рукой, — моя мать, а создание тридцатитрехлетнее, в бело-золотом и твердом, держащее меня за правую руку, — мой отец.

В этом примере мы не видим изображений лиц персонажей, только общее описание внешности. Но именно по костюму, который является частью портрета, мы можем определить их социальный статус. *Бело-розовое и мягкое* (soft white and pink) — *светлое* (и скорее всего дорогое) платье дамы из высшего общества, а *бело-золотое и твердое* (hard white and gold) — парадный мундир чиновника высокого ранга. Автор, билингв и синестет, не помнит деталей, он передает свои детские зрительные, цветовые и тактильные ощущения (*soft/мягкое, hard/твердое*) и зрительное восприятие (*white and pink / бело-золотое*) родителей одинаково в обоих вариантах мемуаров.

Одной из важных функций портрета является раскрытие не только внешности персонажа, но и его возраста, настроения, характера.

Пример 2 — некий абстрактный вундеркинд (каким его представляет автор)

... pretty, curly-headed youngsters waving batons or taming enormous pianos, who eventually turn into second-rate musicians with sad eyes and obscure ailments and something vaguely misshapen about their eunuchoid hindquarters.

... с каким-нибудь кудрявым, смазливый мальчиком, управляющим оркестром или укрощавшим гремучий, громадный рояль у пальмы на освещенной, как Африка, сцене, но становящийся совершенно второстепенным лысоватым музыкантом, с грустными глазами и какой-нибудь редкой внутренней опухолью и чем-то тяглым и смутно-уродливым в очерке евнуших бедер.

В обоих вариантах мемуаров в портрете отражается возраст персонажа, но это достигается разными выразительными средствами. В английском варианте возраст и настроение «выдают» *грустные глаза (sad eyes)*, *неизвестные болезни (obscure ailments)* и *фигура персонажа (something vaguely misshapen about their eunuchoid hindquarters)*. В русском варианте — *лысоватый, грустные глаза, редкая внутренняя опухоль и что-то тяжелое и смутно-уродливое в очерке егнуших бедер*.

В авторском переводе наблюдаются лексические и грамматические трансформации. Конкретизация, при которой слово с более широким значением заменяется на слово с более узким значением, например: *enormous* — ‘гремучий’, ‘громадный’; *second-rate* — ‘совершенно второстепенный’, ‘лысоватый’; *obscure* — ‘какая-нибудь редкая’, ‘внутренняя’; *ailments* — ‘опухоль’; *vaguely misshapen* — ‘что-то тяжелое и смутно-уродливое в очертании’; *hindquarters* — ‘бедра’. Напротив, генерализация, т.е. замена частного общим, также встречается в авторском переводе, например: *waving batons* — ‘управляющий оркестром’. Грамматические трансформации часто связаны с формами числа имен существительных: множественное число в тексте оригинала *youngsters, batons, pianos, musicians, ailments* заменяется единственным числом в тексте перевода *мальчик, рояль, музыкант, опухоль*.

Из представленной ниже таблицы видно, что в анализируемом примере Набоков-переводчик предпочитает конкретизацию (5 случаев), далее следует буквальный перевод (3 случая), и генерализацию (1 случай).

Таблица

Средства выражения адекватности и эквивалентности

Виды перевода	Примеры
Буквальный перевод	<i>baton</i> — дирижерская палочка <i>tame</i> — укрощать <i>sad eyes</i> — грустные глаза
образ + лексические трансформации — конкретизация	— <i>enormous</i> (very large — размер) <i>pianos</i> — <i>гремучий, громадный рояль</i> (размер и звук) — <i>second-rate musicians</i> — <i>совершенно второстепенный</i> (усиление) — <i>лысоватый</i> (внешность) <i>музыкант</i> — <i>obscure</i> (неизвестный) — <i>ailments</i> (болезнь) — <i>какая-нибудь редкая (rare) внутренняя (internal) опухоль (tumour)</i> — <i>vaguely misshapen</i> (уродливый) — <i>что-то тяжелое и смутно-уродливое в очертании (shape)</i> — <i>hindquarters</i> (задняя часть туши) — <i>бедра (thigh, hip)</i> — <i>waving batons</i> — <i>управляющим оркестром</i>
— генерализация	

Следующий пример интересен тем, что при описании внешности учителя «бодрого Василия Мартыновича» В. Набоков использует аллюзию на внешность Льва Толстого, портрет которого знаком каждому русскоязычному читателю любого возраста.

Пример 3 — бодрый Василий Мартынович (my delightful teacher)

He had a fuzzy brown beard and chin-blue eyes.

У него было толстовского типа широконосое лицо, пушистая плешь, русые усы и светло-голубые, цвета моей молочной чашки, глаза с небольшим интелесным наростом на одном веке.

В. Набоков неоднократно подчеркивал, что и как автор, и как переводчик он ориентируется на целевого читателя, он пишет, что «переводчик должен прекрасно знать оба народа, оба языка, все детали авторского стиля и метода, происхождение слов и словообразование, исторические аллюзии» [Набоков 2001: 389—397].

Мемуары создавались на английском языке, поэтому в роли целевого читателя выступает именно англоязычный читатель. Естественно, что, представляя читателю портрет учителя / *my delightful teacher*, имея в виду «толстовский тип», автор упоминает его бороду / *a fuzzy brown beard*.

При переводе текста мемуаров на русский язык, «на прежний, основной язык», на язык «Аввакума, Пушкина... — няни...» [Набоков 2004: 6], В. Набоков настраивает русскоязычного читателя на детское эмоциональное восприятие: глаза учителя — «цвета моей молочной чашки», а возраст на веке — «интересный». В русскоязычной картине мира писателя-билингва В. Набокова воспоминания о детстве, в том числе и образ учителя русской словесности, приобретают особую, трогательную эмоциональную окраску.

КОНЦЕПТ «ТОЛСТОЙ»

Очевидно, что Толстой является тем самым культурным кодом, который позволяет проникнуть на смысловой и образный уровень текста мемуаров. Без знания культурного кода текст мемуаров может оказаться «закрытым, не понятным, не воспринятым» [<http://hi-edu.ru/ebooks/xbook880/01/part-005.htm>]. Читатель будет способен «видеть систему знаков, но не систему значений и смыслов» [<http://hi-edu.ru/ebooks/xbook880/01/part-005.htm>].

Лев Толстой относится к тем русским писателям-классикам, которые играют значительную роль в мировой культуре и являются объектами концептуализации в рамках различных языков и дискурсов. Образ писателя занимает «заметное место в языковой картине мира носителей английского языка, приобретая статус лингвокультурного концепта-персоналии» [Платонова 2012: 157].

Лингвокультурный концепт — это «основная единица отражения и интерпретации действительности (физической и психической) сознанием человека, формирующаяся в результате редукции фрагмента познаваемого мира до пределов человеческой памяти, включающая данный фрагмент в контекст культуры и воплощающаяся в вербальных единицах, необходимых для удовлетворения коммуникативных потребностей социума» [Слышкин 2004: 3].

В этой связи любопытен пример из романа «Камера обскура / *Laughter in the Dark*» (написан на русском, позже переведен самим В. Набоковым на английский), в котором сразу две аллюзии на Л. Толстого, два лингвокультурных кода. Одной из героинь романа автор дает псевдоним **Дорианна Каренина / Dorianna Karenina** (Зд. и далее выделено нами. — Л.К.). «Фильмовая» актриса взяла такой псевдоним по совету влюбленного в нее художника. Острый на язык, злой и циничный Горн/Rex пытается поставить на место посредственную актрису, которую он считает «бездарной кобылой / *second-rate actress*»:

«...Как вы придумали свой псевдоним?... — Ох, это длинная история. — Скажите, вы Толстого читали? — Нет, не помню. А почему это вас интересует?».

«...how did you come to hit on your stage name? — Oh, that's a long story... — ...Tell me, have you read *Tolstoy*? — *Doll's Toy*? No, I'm afraid not...»

Любопытно, что для самой Дорианны, и в русскоязычном, и в англоязычном вариантах романа, концепт «Толстой» — буквально пустой звук. Таким стилистическим приемом автор добавляет еще один штрих к портрету недалекой, необразованной, но претендующей на элитарность актрисы, которая видит «систему знаков, но не систему значений и смыслов» [<http://hi-edu.ru/ebooks/xbook880/01/part-005.htm>].

Оба примера подтверждают, что аллюзия как стилистический прием очень информативна, но чтобы ее увидеть, «следует существовать (или, как минимум, хорошо ориентироваться) в определенной культурной среде. Ведь аллюзия, по сути, это намек на известные обстоятельства. И представителям другой культуры текст может быть совершенно непонятен» [<https://www.proza.ru/2013/12/18/1832>]. Чтобы правильно расшифровать аллюзию, необходимо, чтобы и автор, и читатель обладали общими знаниями, иногда весьма специфическими.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема авторского перевода до сих пор является предметом дискуссий и споров современных лингвистов и переводчиков. На наш взгляд, авторский перевод является идеальным путем воссоздания оригинала произведения на другом языке, поскольку ни один переводчик не может знать оригинал и творческий замысел лучше самого автора.

В то же время в авторском переводе неминуемы существенные трансформации исходного текста, непозволительные при переводе подлинника другим переводчиком. Поэтому применительно к авторскому переводу критерии точности и вариативности, адекватности и эквивалентности в некоторой степени видоизменяются.

Своеобразие и отбор лексико-грамматических средств, использованных В. Набоковым при описании одного и того же человека на английском и русском языках, во многих случаях не совпадают. Автор-билингв как будто смотрит на человека с разных сторон, что позволяет нам говорить о двух языковых и культурных картинах мира, о разных коммуникативных стратегиях, о разном соотношении *текст — адресат речи*.

Однако и в тексте оригинала, и в тексте перевода четко прослеживается общая образная и стилистическая тональность. Это еще раз подтверждает верность гипотезы билингва и синестета В. Набокова о том, что человек не мыслит на языке. В многочисленных интервью он любил повторять, что он мыслит образами.

© Кривошлыкова Л.В., Чернякова Ю.С.

Дата поступления: 23.01.2017

Дата принятия: 3.02.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы речи. Москва: Высшая школа, 1982.
2. Кривошлыкова Л.В. Авторское предисловие в свободном косвенном дискурсе мемуаров Владимира Набокова // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем: сборник научных статей: в 2 ч. / сост. В.Н. Денисенко, Е.А. Красина, Н.В. Новоспасская, Н.В. Перфильева. Москва: РУДН, 2014. С. 446—452.

3. *Набоков В.В.* Искусство перевода // Лекции по русской литературе. Москва: Издательство «Независимая газета», 1996. С. 389—397.
4. *Платонова Д.О.* Концепт «Толстой» в англо-американской лингвокультуре (деривационный аспект экстразоны) // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2012. № 2. С. 157—161.
5. *Платонова Д.О.* Концепт «Толстой» в англо-американской лингвокультуре: аспект оценочности // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. № 4. С. 69—74. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-tolstoy-v-anglo-amerikanskoj-lingvokulture-aspekt-otsenocnosti>. Дата обращения: 11.10.2016.
6. *Слышкин Г.Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Волгоград: Волгогр. гос. пед. ун-т, 2004.
7. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. Москва: Прогресс, 1993.
8. *Федоров А.В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ; Москва: ООО «Издательский Дом „ФИЛОЛОГИЯ ТРИ“», 2002.
9. *Якобсон Р.О.* О лингвистических аспектах перевода // Избранные работы. Москва, 1985.
10. *Морозова С.В., Семенов Л.Н., Кудрявцева Т.В., Якушкина Н.В.* Культурология. Часть 1: Учебное пособие. М.: Изд-во МГУИП, 2000. Режим доступа: <http://hi-edu.ru/ebooks/xbook880/01/part-005.htm>. Дата обращения: 11.10.2016.
11. Реминисценция, аллюзия, цитата // Энциклопедия К2. 2013. Режим доступа: <https://www.proza.ru/2013/12/18/1832> Дата обращения: 12.05.2015.
12. Nabokov's interview (02) BBC Television. 1962. Режим доступа: <http://lib.ru/NABOKOW/Inter02.txt>. Дата обращения: 12.05.2015.
13. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). Москва: Высшая школа, 1990. Режим доступа: http://www.classes.ru/grammar/43.Teoriya_perevoda_Lingvicticheskiye_aspekty Дата обращения: 16.12.2016.

УДК: 81'255.4:821.161.1

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-249-256

PORTRAYAL OF CHARACTERS IN THE AUTHOR'S TRANSLATION OF THE BILINGUAL WRITER VLADIMIR NABOKOV (V. Nabokov's «Conclusive Evidence / Другие берега» and «Laughter in the Dark / Камера обскура»)

L.V. Krivoshlykova¹, Yu.S. Chernyakova²

¹RUDN University

6, Miklukho-Maklay str., Moscow, Russia, 117198

²Moscow Regional Social and Humanitarian Institute

30, Zelenaya str., Kolomna, Russia, 140410

Abstract. The ways Vladimir Nabokov portrays people are analysed through the prism of the writer's bilingualism. The research is based on the writer's autobiographic memoirs «Conclusive Evidence / Другие берега» and his novel «Камера обскура»/ «Laughter in the Dark». The study aims to highlight the means used to reach the adequacy and equivalence of translation by applying comparative method and method of semantic analysis. The study confirms the hypothesis that Vladimir Nabokov's bilingualism and synesthesia are closely interconnected, shape his linguistic and cultural worldview and influence the strategies and tools he applies when translating his own texts.

Key words: bilingualism, author's translation, exact translation, culture code, linguocultural concept, allusion

REFERENCES

1. Kozhin, A.N., Krylova, O.A. & Odintsov, V.V. (1982). *Functional Types of Speech*. Moscow: Vysshaya Shkola (in Russ).
2. Krivoshlykova, L.V. (2014). Author's note in the free indirect discourse of the memoirs of Vladimir Nabokov. In: *Functional semantics and semiotics of sign systems: a collection of scientific articles*: 2 pt. / Ed. V.N. Denissenko, E.A. Krassina, N.V. Novospasskaya, N.V. Perfilieva. Moscow: RUDN. p. 446—452. (in Russ).
3. Nabokov, V.V. (1996). The art of translation. In: *Lectures on Russian Literature*. Moscow: Nezavisimaya Gazeta Publishing. (in Russ).
4. Platonova, D.O. (2012). The “Tolstoy” concept in Anglo-American linguistic culture (the derivational aspect of the extrasone). *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2, 157—161. (in Russ).
5. Platonova, D.O. (2012). Tolstoy concept in Anglo-American linguistic culture: the aspect of appraisal. *Perm University Bulletin. Russian and Foreign Philology*, 4, 69—74. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-tolstoy-v-anglo-amerikanskoj-lingvokulture-aspekt-otsenochnosti> (accessed: 11.10.2016). (in Russ).
6. Slyshkin, G.G. (2004). *Linguistic Culture Concepts and Metaconcepts*: [dissertation abstract]. Volgograd: Volgograd state pedagogical University. (in Russ).
7. Sepir, E. (1993). *Selected Works on Linguistics and Culturology*. Moscow: Progress. (in Russ).
8. Fedorov, A.V. (2002). *Fundamentals of General theory of translation (linguistic issues): handbook*. 5 th ed. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University; Moscow: ООО «Izdatel'skii Dom “FILOLOGIA TRI”». (in Russ).
9. Yakobson, R.O. (1985). On the linguistic aspects of translation. In: *Selected works*. Moscow. (in Russ).
10. Morozova, S.V. Semenov, L.N. Kudryavtseva, T.V. & Yakushkina, N.V. *Cultural studies*. Part 1: tutorial. Moscow: Moscow State University of Printing Arts Publishing house, 2000. URL: <http://hi-edu.ru/ebooks/xbook880/01/part-005.htm> (accessed: 11.10.2016). (in Russ).
11. Reminiscence, allusion, quotation // *Encyclopedia K2*, 2013. URL: <https://www.proza.ru/2013/12/18/1832> (accessed: 11.10.2016). (in Russ).
12. Nabokov's interview. (02) BBC Television. 1962. URL: <http://lib.ru/NABOKOW/Inter02.txt> (accessed: 12.05.2015).
13. Komissarov, V.N. (1990). *Theory of translation (linguistic aspects)*. Moscow: Vysshaya Shkola. URL: http://www.classes.ru/grammar/43.Teoriya_perevoda_Lingvicticheskiye_aspekty (accessed: 16.12.2016). (in Russ).

Сведения об авторах:

Кривошлыкова Людмила Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов; научные интересы: теория, практика и лингводидактика перевода, межкультурной коммуникации, типология; *e-mail*: lvk1404@mail.ru

Чернякова Юлия Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Московского областного социально-гуманитарного института, научные интересы: лингвистическая типология, художественный перевод, стилистика текста, *e-mail*: y-chernyakova@mail.ru

Bio Note:

Krivoshlykova Lyudmila Vladimirovna, Ph.D. in Philology, Associate Professor at RUDN University; Research Interests: Theory and Practice of Translation, Typology, Inter-cultural Communication; *e-mail*: lvk1404@mail.ru

Chernyakova Yulia Sergeevna, Ph.D. in Philology, Associate Professor at the Moscow regional social and humanitarian institute, Research Interests: Linguistic Typology, Literary Translation, Text Stylistics; *e-mail*: y-chernyakova@mail.ru

УДК: [811.161.1:811.111]'373
DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-257-266

СОЛНЦЕ И БОРЕЙ: СОПОСТАВЛЕНИЕ АНТИУТОПИЙ Е.И. ЗАМЯТИНА И ДЖ. ОРУЭЛЛА НА МАТЕРИАЛЕ МЕТАФОР ВНУТРЕННЕГО МИРА ИХ ГЕРОЕВ

Ю.В. Головнёва¹

Дальневосточный федеральный университет
ул. Суханова, 8, г. Владивосток, Россия, 690950

В статье сопоставлены общие тенденции употребления языковых и индивидуально-авторских метафор внутреннего мира человека в романах-антиутопиях Е.И. Замятина «Мы» и Дж. Оруэлла «1984». На основе методов сплошной выборки метафор и метафорического моделирования в каждом романе выделены базовые метафоры данной сферы. В романе «Мы» — это профессиональные (математическая, механистическая и естественнонаучная), бытовая, природная и морбиальная метафоры; их области-источники выражены преимущественно существительными в сочетании с прилагательными. Для описаний внутреннего мира персонажей в романе «1984» характерны метафоры действий и состояний (области-источники которых выражены глаголами или существительными в сочетании с глаголами), при этом базовыми являются М-модели заглатывания и физической боли. Если в романе «Мы» преобладают индивидуально-авторские метафоры внутреннего мира, то Оруэлл для достижения эффекта экспрессивности пользуется другими средствами; среди его метафор данной сферы преобладают языковые.

Ключевые слова: метафора, базовые метафорические модели, внутренний мир человека, языковые (конвенциональные) метафоры, индивидуально-авторские метафоры, метафороподобные выражения

ВВЕДЕНИЕ

Внутренний мир человека, его скрытое от других «личное пространство» — и общества, описанные в романах-антиутопиях... Какие взаимоотношения между ними предсказывают авторы антиутопий, от чего предостерегают?

Роман Евгения Замятина «Мы», впервые опубликованный в Нью-Йорке в 1924 г. на английском языке, оказал влияние на авторов других известных антиутопий — Олдоса Хаксли, опубликовавшего «О дивный новый мир» в 1932 г., и Джорджа Оруэлла, опубликовавшего «1984» в 1949 г. Влияние Е.И. Замятина на О. Хаксли отмечает Дж. Оруэлл в рецензии на «Мы» 1947-го г. [Оруэлл URL: http://krotov.info/libr_min/15_o/orv/el_306.html]; несомненно, что и сам он испытал это влияние: основная сюжетная линия «1984» — мужчина изменяет тоталитарному государству, предпочитая ему женщину, но ближе к концу, повинуясь неодолимой силе государства, предает свою любовь, — переключается с сюжетом

¹ Автор статьи — участник научной стажировки «Объяснительные возможности системного метода в филологической науке». Москва, РУДН, кафедра общего и русского языкознания, 4—9 апреля 2016 г.

романа «Мы». Вместе с тем антиутопия Дж. Оруэлла резко отличается от романа Е.И. Замятина своей гнетуще-отрицательной тональностью — настолько резко, что представляет интерес сопоставление идиостилей авторов этих произведений.

Данная статья посвящается сопоставлению метафорики, характеризующей внутренний мир персонажей антиутопий Е.И. Замятина и Дж. Оруэлла.

В настоящее время, когда в когнитивной лингвистике метафора признана средством мышления, обладающим языковой формой, растет число работ, в которых **особенности человеческого мышления исследуются на основе метафорических моделей**, характерных для тех или иных видов дискурса.

В когнитивной теории метафоры [Lakoff, Johnson 1980] метафорическая модель понимается как устойчивое соответствие области-источника и области-цели. В дескрипторной теории метафоры каждой конкретной метафоре приписываются сигнификативные дескрипторы, соответствующие области-источнику, и денотативные, соответствующие области-цели. Пара <сигнификативный дескриптор_x, денотативный дескриптор_y> вместе с функцией отображения элементов области-источника в элементах области-цели образует **синтагматическую модель метафоризации**, а набор всех зафиксированных в исследуемом виде дискурса пар сигнификативных и денотативных дескрипторов образует ее **парадигматическую модель** [Баранов 2014: 36—38].

Автор дескрипторной теории метафоры А.Н. Баранов отграничивает метафорическую модель по Дж. Лакоффу и М. Джонсону от более широкой и абстрактной дескрипторной М-модели: «Множества сигнификативных дескрипторов, объединенные общей темой, формируют метафорические модели (М-модели). Например, сигнификативные дескрипторы, относящиеся к животным, образуют М-модель ФАУНЫ... Каждая М-модель может быть описана иерархически упорядоченными деревьями сигнификативных дескрипторов. [...] ...Предложенное понимание метафорической модели отличается от принятого в когнитивной теории метафоры, в которой метафорическая модель интерпретируется как пара сущностей — соответствие между элементами источника и элементами цели» [Баранов 2014: 15].

Дескрипторная теория метафоры разработана прежде всего для анализа больших корпусов метафор с использованием статистических методов, хотя она применима и к дискурсам ограниченного объема [ср.: Баранов 2014: 429—501]. По базовым для какого-либо дискурса, т.е. наиболее частотным и значимым для него, М-моделям² судят об актуальных для него смыслах. При анализе художественного текста опора на его базовые метафоры позволяет лучше понять авторский замысел (в широком смысле, включая сюда и «авторское бессознательное»).

Задачам данного исследования более соответствует описание М-моделей в той форме, как это принято в когнитивной теории (A is B, A — это B), но при этом будем учитывать, что в область-источник каждой модели входят все сигнификативные дескрипторы соответствующих конкретных метафор данного произведения.

² Для краткости будем также использовать в этом значении употребительный термин «базовые метафоры», помня, что, как и в случае с употреблением термина «предложение» в значении «модель предложения» речь идет не о единичном проявлении, а об обобщенной модели.

Как правило, авторские метафоры коррелируют с языковыми М-моделями, представляя собой либо их индивидуальную (часто — развернутую) версию, либо, реже, — «полемику» с ними: индивидуально-авторская метафора может противоречить языковой М-модели, способствуя ее переоценке [Головнёва 2013: 242].

БАЗОВЫЕ МЕТАФОРЫ ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА В РОМАНЕ Е. ЗАМЯТИНА «МЫ»

Наш анализ сплошной выборки метафор внутреннего мира человека в романе «Мы» [Замятин 1991] подробно описан в работе [Головнёва 2016]. Перечислим здесь базовые метафорические модели³ внутреннего мира его персонажей.

Роман написан в форме дневника одного из главных Строителей космического корабля «Интеграл» (как и у всех обитателей Единого Государства, вместо имени у него «номер»); его зовут Д-503, сокращенно — Д). Главы романа-дневника называются записями; при цитировании указываются номера «записей» и страниц.

1. Метафоры, связанные с профессиональной деятельностью Д-503 (**профессиональные метафоры**). К ним относятся математическая, механистическая, естественнонаучная модели.

1.1. **Математическая М-модель:** «Человек (его сознание, проявления его внутреннего мира) — это математический объект». Примеры:

На меня эта женщина действовала так же неприятно, как случайно затесавшийся в уравнение неразложимый иррациональный член (запись 2-я, с. 13).

Но в улыбке у ней был все время этот раздражающий икс (запись 6-я, с. 24).

И тут вдруг почему-то опять этот нелепый сон [имеется в виду воспоминание о нем. — Ю.Г.] — *или какая-то неявная функция от этого сна* (запись 7-я, с. 29).

Математическая модель метафор наиболее значима для повествователя. Она частотна, в ее рамках не встречается стертых метафор, а языковые (конвенциональные) метафоры этой модели — например, *я чувствовал себя над всеми, я был я, отдельное, мир, я перестал быть слагаемым, как всегда, и стал единицей* (запись 27-я, с. 108), — в контексте романа оживают. Их актуализация происходит рядом с такими экзотическими авторскими вариантами математической М-модели, как «женщина по имени i-330 — это корень квадратный из —1».

1.2. **Механистическая М-модель:** «Человек и его проявления — это машина».

Когда она вошла, еще всю во мне гудел логический маховик... (запись 2-я, с. 10).

Это просто все то же самое ее «опережение мысли» — как бывает (иногда вредное) опережение подачи искры в двигателе (запись 2-я, с. 13).

В голове у меня крутилось, гудело динамо (запись 10-я, с. 40).

Обилие механистических образов в метафорическом осмыслении внутреннего мира самого Д-503 и тех, с кем он общается, передает рутинность его уклада жизни, но отнюдь не бесстрастие. Многообразие его чувств отражено в других М-моделях.

³ Для краткости будем также использовать употребительный термин «базовые метафоры», помня при этом, что, как и в случае с употреблением термина «предложение» в значении «модель предложения», речь идет не о единичном проявлении, а об обобщенной модели.

1.3. **Естественнонаучная М-модель:** «Человек (его идея/чувство/ощущение) — это объект, изучаемый методами естественных наук».

Вчерашний день был для меня той самой бумагой, через которую химики фильтруют свои растворы: все взвешенные частицы, все лишнее остается на этой бумаге. И утром я спустился вниз начисто отдистиллированный, прозрачный (запись 10-я, с. 39).

*Есть идеи глиняные — и есть идеи, навеки изваянные из золота или драгоценного нашего стекла. И чтобы определить материал идеи, нужно только капнуть на него сильнодействующей кислотой. Одну из таких кислот знали и древние: *reductio ad finem** (запись 20-я, с. 81).

Все это было как последняя крупинка соли, брошенная в насыщенный раствор: быстро, колючась иглами, поползли кристаллы, отвердели, застыли (запись 39-я, с. 153).

2. **Бытовые метафоры.** Общая модель: «внутренний мир или его проявление — это предмет быта».

2.1. Среди них выделяется группа **метафор непрозрачных** (древних; зашторенных) зданий и других «контейнеров», обладающих общим свойством — **скрывать внутренний мир**. Эти метафоры восходят к особенности быта Единого Государства — необходимости опускать шторы в своих прозрачных обиталищах во время «сексуальных часов»:

Она смотрела куда-то вниз; глаза были опущены — как шторы. // Вспомнилось: вечером, около 22, проходишь по проспекту, и среди ярко освещенных, прозрачных клеток — темные, с опущенными шторами, и там, за шторами — Что у ней там, за шторами? Зачем она сегодня позвонила и зачем все это? (Запись 6-я, с. 23—24).

Другие примеры см. в разделе «Метафорические модели, общие для двух антутопий».

2.2. Отдельные метафоры **других бытовых предметов**. Как правило, артефакты, не связанные с идеей закрытости/открытости внутреннего мира, в романе «Мы» не употребляются в авторских метафорах больше одного раза. Примеры: «Сознание (и мозг как его метонимическое обозначение) — это книга»:

Что ж, я хоть сейчас готов развернуть перед ним страницы своего мозга: это такое спокойное, отрадное чувство (Запись 12-я, с. 51).

«Утешающая мысль — спасательный круг»:

...мне жутко было потерять спасательный круг (запись 16-я, с. 66).

3. **Природные метафоры.** Наиболее частотная группа среди них — 3.1. «Человек или проявление его внутреннего мира — это природное явление». Приведем несколько примеров:

...я все время дышал чистейшим горным воздухом мысли... (запись 5-я, с. 21);

...я ... почувствовал себя захваченным в дикий вихрь древней жизни (запись 6-я, с. 25);

...что-то очищающее, как гроза и буря, — было во всем торжестве [имеется в виду публичная казнь. — Ю.Г.] (запись 9-я, с. 39);

в голове — легкий, зыбкий туман (запись 18-я, с. 73).

Непреодолимым природным силам — силе тяжести для падающего камня, силе притяжения железа к магниту, — уподобляется также страсть Д к I.

Кроме того, к природным отнесены модели 3.2. «Умственная работа человека — это беременность, получение ее результата — роды», 3.3. «Человек — это животное», 3.4. «Человек — это растение», 3.5. «Человек — это клетка организма».

4. Морбиальные метафоры: их общая модель — «Некоторое состояние души (либо сама душа) — это болезнь». Для автора и читателя это, безусловно, метафоры, но Д-503 воспринимает подобные утверждения как прямозначные (ср. анализ прямозначности и непрямозначности метафороподобных выражений в [Добжиньская 1990]). Например, слова врача, что у Д-503 «образовалась душа» (запись 16-я, с. 64), ни один из собеседников не воспринимает как метафору. Именно такое понимание души заставляет Д в экстазе крикнуть восставшим «*надо всем сойти с ума, необходимо всем сойти с ума*» (запись 27-я, с. 109) — «сойти с ума» для него означает сохранить верность интуитивно понимаемому себе, своей душе.

Все базовые для романа М-модели внутреннего мира в романе Е.И. Замятина представлены преимущественно индивидуально-авторскими метафорами. Обилие оригинальных развернутых метафор (вообще, не только в данной семантической сфере) — отличительная черта романа «Мы».

БАЗОВЫЕ МЕТАФОРЫ ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА В РОМАНЕ ДЖ. ОРУЭЛЛА «1984»

Если роман «Мы» написан от лица человека, для которого восторженность — естественное состояние, то гамма чувств главного героя антиутопии «1984» иная — он балансирует между терпимой и нестерпимой болью, физической и душевной. Здесь в центре внимания отвратительное и ужасное — разоряющая страну и уничтожающая человеческое в человеке тирания Внутренней Партии, именуемая английским социализмом (ангсоцем).

Океания, страна победившего ангсоца, где живет главный герой романа «1984» Уинстон, — не единственная на земном шаре, но в двух других сверхдержавках — похожие тоталитарные режимы; сверхдержавы постоянно воюют. У власти в Океании Партия, которая делится на Внешнюю и Внутреннюю; члены Внутренней Партии обладают привилегиями, в основном сводящимися к праву пользования дефицитными продуктами; во главе Партии — вождь Большой Брат, символ власти, официально назначенный предметом обожания.

Перечислим базовые метафоры романа [Orwell: <http://www.homeenglish.ru/Books1.htm>].

1. Метафора физической боли: *mental suffering is bodily suffering* (страдания души — это страдания тела). Она встречается в различных вариациях, например:

1.1. *a fear torments* (страх терзает). Жизнь Уинстона проходит в постоянном напряжении:

*He let what he judged to be ten minutes go by, **tormented** all the while **by the fear** that some accident — a sudden draught blowing across his desk, for instance — would betray him.*

1.2. moral pressure is a physical force (психологическое воздействие — это физическая сила).

It was as though some huge force were pressing down upon you — something that penetrated inside your skull, battering against your brain, frightening you out of your beliefs, persuading you, almost, to deny the evidence of your senses.

Такие ассоциации вызывает у Уинстона портрет Большого Брата.

1.3. feeling is fire / it burns (чувство — это огонь / оно жжет). В контексте романа эта метафора, в индоевропейских языках нейтральная и даже несущая позитивные коннотации (*жар души, огонь души, with heart afire*), обретает зловещее звучание. Вот что чувствует Уинстон после того, как Джулия с предосторожностями передала ему любовную записку, которую он с еще большими предосторожностями прочитал:

What was even worse than having to focus his mind on a series of niggling jobs was the need to conceal his agitation from the telescreen. He felt as though a fire were burning in his belly.

Мучительный для души огонь выжигает все человеческое:

*There were things, your own acts, from which you could never recover. **Something was killed in your breast: burnt out, cauterized out.***

2. **Метафора «заглатывания»:** a lie / an imbecility can be swallowed (ложь/глупость можно проглотить). Именно это делают граждане Океании с любой ложью, которую Партия вбрасывает в их сознание:

*It appeared that there had even been demonstrations to thank Big Brother for raising the chocolate ration to twenty grammes a week. And only yesterday, he reflected, it had been announced that the ration was to be reduced to twenty grammes a week. Was it possible that they could **swallow** that, after only twenty-four hours? Yes, they **swallowed** it.*

Далее до конца абзаца глагол *swallow* (глотать) употреблен метафорически еще трижды. Черный юмор ситуации в том, что люди все это «глотают» вместо шоколада.

«Заглатывает» любую глупость и жена Уинстона, с которой тот не живет под одной крышей и фактически давно в разводе:

*She had **not a thought in her head that was not a slogan**, and there was no imbecility, absolutely none that she was not capable of **swallowing** if the Party handed it out to her. “The human sound-track” he nicknamed her in his own mind.*

Затем эта метафора обретает полное развертывание:

*In a way, the world-view of the Party imposed itself most successfully on people incapable of understanding it. [...] By lack of understanding they remained sane. They simply **swallowed everything, and what they swallowed did them no harm, because it left no residue behind, just as a grain of corn will pass undigested through the body of a bird.***

Другие М-модели внутреннего мира человека в романе представлены единичными примерами и не могут быть отнесены к базовым.

Экспрессивность метафор Оруэлла не всегда связана с их развернутостью, не отличаются они и разнообразием областей-источников; их отличительные черты — лексические повторы, как в случае с глаголом *swallow*, и синтаксический параллелизм, как в метафорах «физической силы» (*battering against your brain*,

frightening you out of your beliefs, persuading you, almost, to deny the evidence of your senses), «выжигания» (**burnt out, cauterized out**) и ряде других.

Особенностью романа является то, что образы позитивных чувств не передаются индивидуально-авторскими метафорами, даже языковых метафор для их воплощения задействовано немного: admiration is a wave / flows out (восхищение — это волна/вытекает). *A wave of admiration, almost of worship, flowed out from Winston...* Даже нейтрально-амбивалентное чувство (не страх, но нечто похожее на него) выражено лишь языковой метафорой: an emotion flares up in smb and fades (чувство то охватывает кого-либо, то пропадает). *A violent emotion, not fear exactly but a sort of undifferentiated excitement, flared up in him, then faded again.* Именно на отрицательные чувства главного героя приходятся самые выразительные авторские метафоры.

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ, ОБЩИЕ ДЛЯ ДВУХ АНТИУТОПИЙ

Метафора механизма: «Человек и его проявления — это машина». Если в романе «Мь» быть «машиноравным» почетно, и до поры до времени осмысление своей внутренней жизни через «машинные» метафоры не мешает творческому, полному синестетических ассоциаций мышлению главного героя, то в «1984» эта метафора передает тупой автоматизм мышления Уинстона в тюрьме:

His mind sagged round and round on the same trick, like a ball falling again and again into the same series of slots. He had only six thoughts. The pain in his belly; a piece of bread; the blood and the screaming; O'Brien; Julia; the razor blade.

Метафора прозрачности: «испытывать какое-то чувство/состояние — быть прозрачным». Главному герою антиутопии Е.И. Замятина прозрачность в любых видах приятна — ср. такое следствие уже упоминавшейся «фильтрации» его чувств, воспринимаемое им восторженно:

И утром я спустился вниз начисто отдишлированный, прозрачный (запись 10-я, с. 39).

Недоумение и смятение у него вызывает, наоборот, непрозрачность чьего-либо сознания:

Р мотнул головой, почесал в затылке: затылок у него — это какой-то четырехугольный, привязанный сзади чемоданчик (вспомнилась старинная картина — «в карете»). [...] Я смотрел на его крепко запертый чемоданчик и думал: что он сейчас там перебирает — у себя в чемоданчике? (запись 8-я, с. 35);

...я заперся в себя, как в древнем непрозрачном доме — я завалил дверь камнями, я завесил окна... (запись 34-я, с. 140).

В целом прозрачность как открытость и непрозрачность как сокровенность соответствуют известной языковой М-модели.

У Оруэлла прозрачность упоминается в неожиданной авторской метафоре an unbearable sensitivity is a sort of transparency (невыносимая чувствительность — это нечто вроде прозрачности):

Then for three dreadful days she did not appear at all. His whole mind and body seemed to be afflicted with an unbearable sensitivity, a sort of transparency, which made every movement, every sound, every contact, every word that he had to speak or listen to, an agony.

Здесь «прозрачность» означает проницаемость для любых воздействий.

Метафора клетки организма: «Человек — это клетка общественного организма». Для Д-503 она подразумевает, что людям не может не нравиться пребывание в единстве:

Мы идем — одно миллионноголобое тело, и в каждом из нас — та смиренная радость, какую, вероятно, живут молекулы, атомы, фагоциты (запись 22-я, с. 89).

В романе «1984» эту метафору употребляет член Внутренней Партии О'Брайен, когда пытается Уинстона:

“You are thinking,” he said, “that my face is old and tired. You are thinking that I talk of power, and yet I am not even able to prevent the decay of my own body. Can you not understand, Winston, that the individual is only a cell? The weariness of the cell is the vigour of the organism. Do you die when you cut your fingernails?”

Признавая, что его собственное немолодое тело подвержено распаду, О'Брайен все же видит вкус в насилии от имени Партии — она останется и продолжит насилие и после него. Опять наблюдается характерная тенденция: если для главного героя романа «Мы» роль клеток в организме — совместный радостный труд, то О'Брайен из «1984» видит силу организма именно в том, что клетки без остатка отдают ему свою силу, изнашиваясь.

В целом, М-модели внутренней жизни, употребляемые в обеих антиутопиях, в романе «1984» обладают ярко выраженными отрицательными коннотациями, а в романе «Мы» — положительными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если среди базовых метафор романа «Мы» преобладают наполненные конструктивным с психологической точки зрения содержанием (профессиональные, бытовые, природные; исключение — частотная морбиальная метафора души, обладающая отрицательной коннотацией, — но она, скорее, является метафороподобным выражением, потому что для главного героя «душа» — это болезнь в прямом смысле), то в романе «1984» преобладают негативные, разрушительные (метафора «заглатывания» того, что вызывает негативные эмоции, метафора физической боли). М-моделям, общим для двух романов, в романе «1984» также присущи дополнительные отрицательные коннотации.

Базовые метафоры внутреннего мира персонажей отражают их **доминирующие чувства и состояния**. Для романа «Мы» — это **восторженность** повествователя, его **увлеченность своей профессией** (подчеркнутая обилием метафор профессиональной сферы) и его **готовность целиком предоставить себя хоть буйству чувств** (передаваемому метафорами стихийных природных явлений), **хоть строго размеренной жизни** (что передано метафорами «машиноподобия»). В «1984» доминируют **отвращение и ужас** главного героя: отрицательные чувства становятся областью-целью преобладающего количества метафор его внутреннего мира.

На основе сопоставления двух романов можно сделать вывод, что при анализе метафорических моделей в художественных текстах важно учитывать их конно-

тации, определяемые через контекст конкретного произведения. Одни и те же сигнификативные дескрипторы МЕХАНИЗМ, ПРОЗРАЧНОСТЬ, КЛЕТКА ОРГАНИЗМА — в сочетании с денотативными дескрипторами из общей сферы внутреннего мира — в разных литературных произведениях могут передавать существенно различающиеся, иногда диаметрально противоположные коннотации.

При сопоставлении этих очень разных по общему настрою антиутопий вспоминается басня В. Жуковского «Солнце и Борей»: в споре двух могущественных сил природы, кто скорее заставит путешественника снять плащ, победу одержало Солнце — действенное оказалось ненасильственный способ. У Дж. Оруэлла система воздействует на главного героя насилием и, в отличие от персонажа басни, одерживает победу (хоть читатель, основываясь на знании истории тех лет, которых Оруэлл не застал, и может предположить, что такие победы временны). У Е.И. Замятина герой теряет человеческий облик, согласившись на операцию по «удалению фантазии» сам: «путешественник по воле плащ, ему не нужный боле, снял с себя своей рукой»... Впрочем, после анализа антиутопий XX в. у старой басни выявляется дополнительный смысл, не входивший в ее мораль: в итоге путешественник все-таки остался внакладе, сделав то, что требовалось неким внешним силам, но изначально не ему! Так и оба главных героя — независимо от того, что один принимал Государство всей душой и если бунтовал, то страстно, устремившись к новому объекту любви, а другой свое государство тихо ненавидел, — после взаимодействия с тоталитарными государствами оказываются разрушены как личности.

© Головнева Ю.В.

Дата поступления: 11.12.2016

Дата принятия к печати: 21.1.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры. Москва: Языки славянской культуры, 2014.
2. Головнёва Ю.В. Метафора и ее место в системе языка (на материале метафор внутреннего мира человека) // Международный исследовательский институт. 2013. № 12. Том 1. С. 236—243.
3. Головнёва Ю.В. Метафоры внутреннего мира человека в антиутопии Е.И. Замятина // Гуманитарные науки и образование. 2016. № 1. С. 100—106.
4. Добжинская Т. Метафора в сказке / Пер. с польского А.Л. Майорова // Теория метафоры. Москва: Прогресс, 1990. С. 476—492.
5. Замятин Е. Мы // Замятин Е., Хаксли О., Оруэлл Дж. Мы. О дивный новый мир. 1984: романы / послесл. В. Бугарова / Е.И. Замятин, О. Хаксли, Дж. Оруэлл. Свердловск: Сред-Урал. кн. изд-во, 1991. С. 6—157.
6. Оруэлл Дж. Рецензия на «Мы» Замятина. Режим доступа: http://krotov.info/libr_min/15_o/orv/el_306.html. Дата обращения: 05.12.2016.
7. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
8. Orwell G. 1984. Режим доступа: <http://www.homeenglish.ru/Books1.htm>. Дата обращения: 05.12.2016.

УДК: [811.161.1:811.111]'373

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-257-266

THE SUN AND BOREAS: THE JUXTAPOSITION OF THE DYSTOPIAS BY E.I. ZAMYATIN'S «WE» AND G. ORWELL'S «1984» ON THE BASIS OF METAPHORS OF THEIR CHARACTERS' INNER WORLD

Yuliya V. Golovnyova

The Far Eastern Federal University

Sukhanov str., 8, Vladivostok, Russia, 690950

Abstract. The article juxtaposes the use of conventional and creative metaphors of the human inner world in the dystopia “We” by E.I. Zamyatin with that in “1984” by G. Orwell. An analysis based on the methods of metaphorical modelling and continuous sampling reveals the basic metaphorical models of the characters’ inner world in each of the novels. There are the following basic metaphorical models of this sphere in the novel “We”: the professional ones (mathematical, mechanistic, and chemical), the household one, the natural one and the morbid one; their source domains are represented mainly by nouns in combination with adjectives. Metaphors of actions and states (whose source domains are expressed by verbs or nouns in combination with verbs) are characteristic of the novel «1984», the basic ones being metaphorical models of swallowing and physical pain. In the novel “We” the characters’ inner world is mainly represented by creative metaphors, while G. Orwell adds expressivity by other means, and conventional metaphors of the sphere under study prevail in “1984”.

Key words: metaphor, basic metaphorical models, human inner world, conventional metaphors, creative metaphors, metaphor-like expressions

REFERENCES

1. Baranov, A.N. (2014). *The descriptor theory of metaphor*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. LRC Publishing House. (in Russ).
2. Golovnyova, Yu.V. (2013). Metaphor and Its Place in the System of Language (Based on Metaphors of the Human Inner World). *European Social Science Journal*, 12, Vol. 1, 236—243. Moscow: International Research Institute. (in Russ).
3. Golovnyova, Yu.V. (2016). Metaphors of the Human Inner World in E.I. Zamyatin’s Dystopia. *Humanities and education*, 1, 100—106. (in Russ).
4. Dobrzyńska, T. (1990). Metaphor in a Fairy Tale / Translation from Polish A.L. Majorov. In: *Theory of metaphor*. Moscow: Progress. p. 476—492. (in Russ).
5. Zamyatin, E. (1991). We. Zamyatin, E., Huxley, O., Orwell J. We. Brave New World. 1984: novels / post-s. V. Bugarova / E.I. Zamyatin, O. Huxley, J. Orwell. Sverdlovsk: Middle-Ural. Book. Publishing house. p. 6—157. (in Russ).
6. Orwell, G. Review of “We” by Zamyatin. URL: http://krotov.info/libr_min/15_o/orv/el_306.html (accessed: 05.12.2016). (in Russ).
7. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press. (in Russ).
8. Orwell, G. 1984. URL: <http://www.homeenglish.ru/Books1.htm> (accessed: 05.12.2016).

Сведения об авторе:

Головнёва Юлия Владимировна, кандидат филологических наук; доцент, доцент кафедры образования в области романо-германских языков, Дальневосточный федеральный университет; научные интересы: лингвистика (метафорология, когнитивная лингвистика, лингвистика текста), литературоведение, философия, психология; e-mail: golovnyova@mail.ru

Bio Note:

Golovnyova Yuliya Vladimirovna, Ph.D. in Philology; Associate Professor, Associate Professor of the Department of Education in the Field of Roman and Germanic Languages, the Far Eastern Federal University; scientific interests: linguistics (metaphor theory, cognitive linguistics, text linguistics), literary criticism, philosophy, psychology; e-mail: golovnyova@mail.ru

УДК: 811.161.1'373.45(497.11)

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-267-279

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ В РУССКИХ ТЕКСТАХ О СЕРБИИ

Д.И. Медведева, А.Ж. Фаттахова

Удмуртский государственный университет
ул. Университетская, 1, Ижевск, Россия, 426034

В статье предпринимается попытка комплексного анализа иноязычных вкраплений из сербского языка в русских художественных текстах о Сербии. Новизна исследования заключается в том, что до настоящего времени вкрапления из сербского языка в русских текстах не являлись предметом специального изучения. Иноязычные вкрапления анализируются по следующим параметрам: признаки их русификации, соотношение с системами контактирующих языков, степень связанности с национально-культурным содержанием сообщения, способы раскрытия значений иноязычных вкраплений в тексте. Являясь средствами художественной выразительности, иноязычные вкрапления придают тексту национальный колорит, который представлен номинациями явлений и реалий, отличающихся от российской действительности, а также языковыми единицами, демонстрирующими как генетическое родство, так и различия двух языков. Результаты анализа иноязычных вкраплений из сербского языка в русских текстах вносят определенный вклад в исследование языковых контактов между носителями близкородственных лингвокультур.

Ключевые слова: иноязычные вкрапления, русский язык, сербский язык, национальный колорит, реалии, метаязыковой комментарий

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы межязыковых контактов и связанные с ними вопросы изучения иноязычной лексики всегда привлекали внимание исследователей. Одним из следствий языковых контактов являются иноязычные вкрапления, ставшие предметом изучения многих лингвистов: А.А. Леонтьева, Л.П. Крысина, А.М. Бабкина, Л.Э. Князевой, В.В. Карповой, Н.А. Колосовой, Л.А. Булаховского, В.В. Лебедева, Я.И. Порецкого, Т.В. Красновой, Ю.Т. Листровой-Правды и др.

Иноязычные вкрапления являются начальной стадией ассимиляции иностранной лексики, на которой лексемы воспринимаются как чужеродный языковой системе элемент. В языкознании имеется несколько вариантов интерпретации этой дефиниции. С. Флорин и С. Влахов обращают внимание на объем и функцию данных единиц: иноязычными вкраплениями являются слова и выражения на чужом для подлинника языке, в иноязычном их написании или транскрибированные без морфологических или синтаксических изменений, введенные автором для придания тексту аутентичности, для создания колорита, атмосферы или впечатления начитанности или учености, иногда — оттенка комичности или иронии [Влахов, Флорин 1980: 263]. Ю.Т. Листрова-Правда относит иноязычные вкрапления к стилистической категории литературной речи, обязанной своим появлением двуязычию носителей литературного языка [Листрова-Правда 1986].

Таким образом, можно говорить о том, что иноязычные вкрапления, являясь языковым элементом, также играют роль средств художественной выразительности для придания тексту аутентичности и создания национального колорита. Под «национальным колоритом» художественного произведения, вслед за С.И. Влаховым и С.Л. Флориным, мы понимаем окрашенность слова, которую оно приобретает, благодаря принадлежности его референта — обозначаемого им объекта — к данному народу, определенной стране или местности, конкретной исторической эпохе, благодаря тому, что он, этот референт, характерен для культуры, быта, традиции, — одним словом, особенностей действительности в данной стране или данном регионе, в данную историческую эпоху, в отличие от других стран, народов, эпох [Влахов, Флорин 1980].

В данной работе проанализированы иноязычные вкрапления (ИВ), связанные с сербской культурной и языковой спецификой. Материалом исследования являются художественные и художественно-публицистические тексты, написанные на русском языке и адресованные широкому кругу читателей, интересующихся вопросами, связанными с Сербией: взаимоотношения России и Сербии, сербская история и культура, война в Югославии 1990-х гг. Время создания большинства произведений, за исключением романа В. Пикуля «Честь имею» — рубеж XX—XXI вв. Общее количество проанализированных ИВ — около 200, в работе приводится около 100 примеров. Исследование носит комплексный характер, так как в нем сочетаются лингвистический и литературоведческий подходы. По нашим данным, изучение иноязычных вкраплений на данном материале предпринимается впервые.

1. ПРИЗНАКИ РУСИФИКАЦИИ ИНОЯЗЫЧНЫХ ВКРАПЛЕНИЙ

В рассматриваемых текстах прослеживаются общие закономерности передачи сербских слов и фраз. Повествователем является человек, ранее не изучавший сербский язык, воспринимающий сербские слова, которые станут в его сообщении ИВ, на слух в устной коммуникации и воспроизводящий их также со слуха, по памяти. Большинство сербских вкраплений в русских текстах подвергаются русификации. Исключение составляют фрагменты письменного текста, воспроизводимые в оригинальной графике.

Выделим следующие признаки русификации: использование принятого в русском языке фонематического принципа орфографии, в отличие от сербского фонетического: *сладко* [Ряховская 2010] — серб. *слатко* ‘варенье’, *троножцы* [Пикуль 1989] — серб. *троношци* ‘табуреты’, *задушбина* [Мелькова 2004] — серб. *задушбина* ‘благотворительное учреждение’; передача специфических букв сербской кириллицы *ђ, љ, ј, њ* средствами русского алфавита: *Бели(й) Анжео* [Голубович 2003] — серб. *Бели Анђео*, *брача* [Михайлов 2008; Поликарпов 2007] — серб. *браћа* ‘братья’, *родьжендан* [Тихомиров 2006] — серб. *рођендан* ‘день рождения’; опущение чередования согласных: *опанки* [Пикуль 1989, Ряховская 2010] — серб. *опанци* (ед.ч. *опанак*); *краюшники* [Поликарпов 2007] — серб. *Крајишници*

(ед.ч. *Крајишник*); наращивание окончаний прилагательных по образцу русского языка: *ратный плен* [Поликарпов 2007] — серб. *ратни плен* ‘военная добыча’, *за свободу златную* [Тихомиров 2006] — серб. *за слободу златну* ‘за свободу златую’; замена *и* на *ы* в примерах общеславянской лексики, в том числе русификация окончаний существительных и прилагательных множественного числа: *русы, добры борцы* — серб. *Руси, добри борци* ‘русские (м.р.), хорошие бойцы’ [Михайлов 2008]; *войны книжицы* — серб. *војне књижице* ‘военные билеты’; преобразование энклитики *се* в постфикс *-ся* и написание его слитно с глаголами: *приявился* — серб. *пријавио се* ‘зарегистрировался’ [Поликарпов 2007], *почастились* — серб. *почастили се* ‘угостились’ [Ряховская 2010]; этимологизация: *это моя дочерка из Москвы* [Голубович 2003] — возведение сербского *кћерка* ‘дочь’ к старославянскому *дщерь*; *ведь и говорить-то у них* — *притчати* [Голубович 2003] — сближение сербского *притчати* ‘говорить, рассказывать’ с родственным русским *притча*; *Београд! Стигли смо*, — *услыхал я сквозь дрему... Мы достигли Белграда* [Тихомиров 2006] — употребление сербского глагола в одном высказывании с однокоренным и близким по значению русским глаголом, раскрывающим его значение; *они охраняют древнесербскую престоллицу, в которой живет сейчас пара десятков сербов* [Тихомиров 2006]. Слово *престоллица* сконструировано автором как нечто среднее между сербским *престоница* ‘столица’ и русским *столица* — лексемами, тождественными по значению и происходящими от одного корня.

2. КЛАССИФИКАЦИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ВКРАПЛЕНИЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СООТНОШЕНИЯ С СИСТЕМАМИ КОНТАКТИРУЮЩИХ ЯЗЫКОВ

В нашем исследовании используется классификация Ю.Т. Листровой-Правды, поскольку она может быть применена к текстам всех функционально-речевых стилей и жанров, в ней предусмотрена синтаксическая и графическая характеристики иноязычных вкраплений, а также анализ их стилистических функций [Листрова-Правда 1986].

а) Полное ИВ (отрезок текста на иностранном языке).

Цветные фотографии альбома открывают виды города в разные времена года. <...> Но мне больше запомнилось фото девушки в осеннем парке. Нет, скорее на заросшем деревьями старом кладбище. Под ее ногами лежат желтые листья и... осколки старых надгробий. <...> Фото полно грусти, звенящей тоски, навеивает какие-то русские мотивы... Комментарий к этой иллюстрации вьелся в мою память: «Zemlja je smrtnim sjemenom posijana» (Смертным семенем земля засеяна). Пророческие слова. Семена, посеянные зубы дракона, взошли [Поликарпов 2007].

Здесь ИВ представляет собой фрагмент текста на сербском языке, вставленный без каких-либо изменений. Для автора произведения важно сохранить подпись под фотографией из югославского альбома на языке оригинала, поскольку она является центральным смыслообразующим ядром фрагмента — это предвестник гря-

душей беды, символ боли и страданий сербского народа в ходе войны 90-х гг. XX в. Отдельные снимки, объединенные в фотоальбом, предстают «застывшими» эпизодами жизни, которая уже никогда не будет прежней.

Учитывая, что читатель невольно останавливает внимание на требующих более тщательного осмысления иноязычных лексемах, можно говорить о том, что данная фраза является ярким смысловым акцентом, аккумулирующим авторский замысел максимально «погрузить» читателя в описываемые события.

Особую роль играет фонетический аспект. Сербское слово *smrt*, безошибочно ассоциирующееся в сознании читателя с русским *смерть*, состоит из четырех согласных звуков подряд, причем ударным является твердый дрожащий [p], что придает лексеме жесткое, тревожное звучание. Таким образом, создается гиперболизированный образ смерти как беспощадного, трагического явления. Примечательно, что автор переводит лексему *smrtnim* как «смертным», а не «смертельным», как было бы уместнее при упоминании неодушевленного объекта (семя). Употребляя эту лексему в согласовании со словом *семя*, автор не только учитывает фонетическую близость русского *смертными* сербского *smrtnim*, но и вводит дополнительный подтекстовый смысл: *смертное семя* — не только предвестник войны, «росток» которого приведет к гибели миллионов, но и собирательный образ людей, погибших за свою родину.

В следующем примере:

Човече, бре! Је ли ти си нормалан?! Југославија била создана неколико раније — лет, едак, на 27! Раније тогo момента, как Броз пришел к власти [Тихомиров 2006]

полное ИВ, являясь частью реплики одного из героев повествования, играет в тексте стилиобразующую роль. Следует отметить, что повесть «Зона умолчания» — документальная, и точность репрезентации образов для автора очень важна. С помощью данного ИВ, перевод которого дан в сноске *что-то типа нашего: «Алё! У тебя все дома?»,* автор создает речевой портрет человека, не просто живо участвующего в разговоре, а с жаром отстаивающего свою точку зрения.

Следует учесть, что данная фраза была сказана в момент очень эмоционального разговора о возможной монархизации Сербии. И в сербском оригинале, и в русском переводе данная фраза стилистически маркирована, однако автор предпочел сохранить язык оригинала для создания «портрета героя», принадлежащего к определенной национальности и обладающего свойственным сербам взрывным темпераментом. Важно отметить, что русский перевод высказывания дан Тихомировым в сноске, а не включен в основной текст. Это придает экспрессивной реплике эффект спонтанной разговорной речи. Кроме того, сербский язык представлен в произведении кириллицей, что позволяет русскоязычному читателю догадаться о значении слов ввиду родственности языков (букв.: *Эй, человек! Ты вообще нормальный?!*). Следовательно, читатель максимально погружается в ситуацию «жаркой» полемики, раскрывая для себя характеры каждого из ее участников.

б) Частичное ИВ (слово, словосочетание, предложение или отрезок иностранного текста, в той или другой мере — фонетически или морфологически —

ассимилированные в языке или включенные в синтаксические отношения в составе русского предложения). Рассмотрим примеры.

В примере за *фасадом европейских нововведений... скрывались устойчивые структуры традиционного общества, определяющие поведение не только простого «селяка», но и элитарных слоев сербского общества* [Белов 2009] частичное ИВ селяк передано в русской графике, что имеет важное стилиобразующее значение. Сербское *селяк* ‘крестьянин’ само по себе стилистически нейтрально, однако, записанное в русской графике, оно приобретает привычную для русского языка форму и вызывает ассоциацию с такими словами, как *бедняк, остряк, простак, добряк*, принадлежащими к разговорному стилю. Следовательно, сербское селяк в русском предложении воспринимается как маркированное (разговорное) и в контексте создает необходимый автору яркий контраст между слоями общества — «простой селяк» противопоставляется «элитарным слоям».

Следующий пример — *Мы шли по Кнеза Михаила / мимо **продавниц, кафан, биоскопов...** / Мимо шли влюбленные **девойки и момци** — / сербские **деци**, / такие же красивые и гордые, / как их таинственная страна* [Коржов 2000] — строки из стихотворения Д. Коржова «Тебе двадцать шесть». ИВ *продавниц* ‘магазинов’, *кафан* ‘кофейн’, *биоскопов* ‘кинотеатров’, *девойки* ‘девушки’, *момци* ‘юноши’, *деци* — от серб. деца ‘дети’ встроены в словоизменительную парадигму русского текста.

Отметим, что автор не дает их перевод даже в сноске, позволяя читателю построить свою цепь ассоциаций и догадок, что является уместным в лирике. Графическое оформление и отсутствие перевода придает повествованию эффект свежего впечатления от первого погружения в иную среду и первого знакомства с причудливыми словами запоминаемого на слух сербского языка. Читатель словно вовлечен в пешую прогулку молодого героя произведения, и, подобно ему, открывает для себя новые объекты, фиксируя в памяти фонетическую оболочку лексем. Сербские слова в данном случае не берут на себя роль смысловых акцентов, а несут функцию указания на место действия; на первый план выходит фигура Лирического героя и его спутницы — Весны. Таким образом, частичные иноязычные вкрапления в данном примере необходимы автору для создания особой атмосферы произведения, погружающей читателя в новую культурную среду.

Слова *родолюбие, родолюбивые песни*, употребленные в очерках о Сербии [Мелькова 2004], являются русификацией сербских слов: *родољубље* ‘патриотизм’, *родољубиве песме* ‘патриотические песни’. Русскоязычный читатель без труда выделит в сербском слове *родољубље* два корня — «род» и «любить», что контрастирует с заимствованным из греческого языка словом *патриотизм*, имеющим только один корень *πατρις* ‘отечество’.

Для авторов важно подчеркнуть славянскую принадлежность чувства любви к родине, поэтому они русифицируют сербские слова (с окончаниями *-ие, -ые*), тем самым возводя патриотизм в ранг священного чувства, объединяющего славянские народы.

Необходимо отметить, что иноязычными вкраплениями в русских текстах часто становятся сербские слова, которые являются исконными и этимологически прозрачными для носителей русского языка, в противоположность их русским эквивалентам, представляющими собой заимствования из западноевропейских языков. Так, встречая в текстах приведенные ниже ИВ, русскоязычный читатель легко соотнесет их с исконными русскими словами: *правник* ‘юрист’ — *право*, *напад* ‘атака’ — *нападение*, *положай* — от серб. *положај* ‘военная позиция’ — (место)положение, *двузрок* ‘бинокль’ — *два* и *зрение*, *затвор* ‘тюрьма’ — *затворить* (двери), *дописник* ‘корреспондент’ — *дописывать*, *ухапили* — от серб. *ухапсили* ‘арестовали’ — *ухватить* и *хапать*, *приявишься* — от серб. *пријавиш се* ‘зарегистрируешься’ — *явишься*, *црнац* ‘негр’ — *черный*. Вероятно, такое соотнесение побуждает читателя к рефлексии над родственными языками, пробуждает к ним интерес и может вызвать эффект неожиданности от того, что слова иностранного языка оказались «роднее» слов родного русского языка.

в) Контаминированное (или русско-иноязычное) вкрапление представляет собой русское слово, словосочетание или предложение, употребленное по законам другого языка (или с нарушением законов русского языка). В примере *Павел, есть проблема. По твоим бумагам ты не можешь войти в нашу землю* [Тихомиров 2006] вместо стандартного русского *ты не можешь въехать в нашу страну* употреблены в русифицированной форме слова *ући* ‘1) войти, 2) въехать’ и *земља* ‘1) страна, 2) земля’, однокоренные с русскими, но, в отличие от них, многозначные. Читатели, знающие сербский язык, распознают эту многозначность; для читателей, не знакомых с сербским языком, фраза является стилистически маркированной. В следующем примере, содержащем буквальный перевод словосочетания, вкрапление сопровождается подробным комментарием.

Вечером после службы игуменья Ефросинья пригласила нас на «русский чай» (этот любимый напиток именуется в Сербии «русским»). Приехав в страну, я долго не могла понять, почему уже по пути в сербский дом или монастырь нам сообщали о наличии там русского чая. И когда хозяйка с неизменной гордостью ставила на стол большие кружки ароматного дымящегося напитка, приходилось только удивляться их детской радости. Потом все встало на свои места. Дело в том, что почти никто на всем пространстве бывшей Югославии не пьет крепкого черного чая, предпочитая кофе (наследие турок) [Батраева 2006].

Рассмотрим примеры контаминированных ИВ в контексте, где обсуждаются аргументы «за» и «против» восстановления монархии в Сербии. Один из собеседников считает, что в случае реализации данного проекта король будет лишь марионеткой и в этом *позорище он будет даже не глумцом, а всего лишь декорацией* [Тихомиров 2006].

В данном примере иноязычные вкрапления *позорище* и *глумцом* введены автором как элементы языковой игры. Эти лексемы и по форме, и по семантике являются слиянием русского и сербского языков. Русского слово *позорище* определяется как 1) зрелище (устар.), 2) позорное явление, позор. Значение сербского *позориште* ‘театр’ схоже с устаревшим значением русского слова (зрелище). Вводя слово *позорище* в текст, автор предполагает узнавание читателем русского

значения в иноязычной форме. Слово обретает подтекст: это не только сербская ассоциация с театром как местом действия, ареной для каких-либо событий, но и русская ассоциация с *конфузом*, «*позорищем*», которая уже не стилистически нейтральна, а ярко экспрессивна. Лексема *глумцом* по форме схожа с творительным падежом русского слова *глупец* (*глупцом*), что вызывает в сознании читателя соответствующую ассоциацию. Кроме того, здесь происходит слияние семантики русского *глупец* и сербского *глумац* ‘актер’. Следовательно, тот, о ком говорится в сообщении, предстает не только «актером на арене театра жизни», но и «глупцом, подвергающим себя позору». С помощью языковой игры автор придает высказыванию экспрессивность и выражает резко негативную субъективную оценку обсуждаемого политического проекта как бессмысленного.

3. КЛАССИФИКАЦИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ВКРАПЛЕНИЙ ПО СТЕПЕНИ СВЯЗАННОСТИ С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМ СВОЕОБРАЗИЕМ СОДЕРЖАНИЯ СООБЩЕНИЯ

а) ИВ, непосредственно связанные с национально-культурным своеобразием содержания сообщения. Это названия сербских праздников и их атрибутов: *Крестная слава* — день святого покровителя семьи, *славски колач* — традиционный хлеб, который пекут на Крестную славу, *бадняк* — полено, сжигаемое в Сочельник на очаге; еды и напитков: *каймак* — мягкий соленый сыр из жирных сливок, *пришута* — копченый свиной окорок, *айвар* — овощная икра; одежды и обуви: *шайкача* — национальный головной убор наподобие пилотки, *опанки* — крестьянская кожаная обувь; разное: *инат* — упрямство, дух противоречия; *полако* — 1) медленно, полегоньку 2) расслабься, не спеши; *задруга* — 1) большая патриархальная семья 2) кооперативное товарищество; *гусли*, от серб. *гусле* — сербский народный однострунный музыкальный инструмент, *коло* — сербский народный коллективный танец, *задушбина* — благотворительное учреждение, *смертовница* — от серб. *посмртница* — извещение о смерти, вывешиваемое на улицах, на воротах домов и т.п. родственниками умершего, и др. Данные ИВ являются этнографическими реалиями и не имеют однословных эквивалентов в русском языке.

б) ИВ, косвенно связанные с национально-культурным своеобразием сообщения. В нашем материале это слова, призванные отразить языковое своеобразие среды, где происходит действие. Данные лексемы не являются реалиями и легко переводятся на русский язык: *Бадни дан* — Сочельник, *Божич* — Рождество, *кафа* — кофе и др. Факторами, побуждающими авторов к использованию таких слов в качестве ИВ, по нашему мнению, являются: образность (внутренняя форма), понятная русскоязычному читателю без перевода, но отличающаяся от образности русского эквивалента: *скакавцы* ‘кузнечики’, *уверение* ‘подтверждение’ [Валецкий 2006], *дозвола* ‘пропуск’ [Поликарпов 2007], *плаченники* ‘наемники’ [Михайлов 2008], *лота наприка* ‘горький перец’ [Батраева 2006], *купатило* ‘ванная’, *многобожцы* ‘язычники’ [Тихомиров 2006], *псовки* ‘нецензурные слова’ [Генш 2008]; лаконичность: *менячница* ‘пункт обмена валюты’ [Генш 2008]; Ряховская 2010], *спаваоница* ‘спальный район’, *специальцы* ‘бойцы отряда милиции

специального назначения' [Валецкий 2006], *рыбняк* 'пруд для разведения рыбы' [Тихомиров 2006]; несходство по форме с русскими эквивалентами: *сликати* — от серб. *сликати* 'фотографировать' [Ряховская 2010], *ручек* — от серб. *ручак* 'обед', *пражня* — от серб. *пражня* 'охрана' [Батраева 2006].

В числе иноязычных вкраплений, не имеющих непосредственной связи с национально-культурным своеобразием, представляют интерес ИВ — названия русской и сербской национальностей, как правило, имеющие позитивный оттенок значения. В данном случае сербские и русские слова имеют общие корни, но разную аффиксацию (*Рус* 'русский', *Рускиња* 'русская', *Србин* 'серб', *Српкиња* 'сербка') и принадлежат к разным частям речи (*русский*, *русская* — субстантивированные прилагательные, а *Рус*, *Рускиња* — существительные). Пример:

В пути они с сербом действовали по следующему алгоритму. Серб просил у местных жителей воды, потом говорил: «Эй, рус, пойдти сюда!» Услышав «рус», жители дома накрывали на стол и угощали руса, а заодно и его попутчика, серба [Поликарпов 2007].

ИВ *рускиня*, *сербкиня*, возможно, рассчитаны на ассоциацию с русскими словами *княгиня*, *богиня* и т.п., имплицитными высокими статус носительниц этих титулов и, следовательно, позитивно коннотированными:

Добрила — сербкиня, родом из городка Дзяковица [Тихомиров 2006].

Мирную беседу нарушил отец Петар, сообщивший, что с ним приехали рускини. — Русия, Русия! — слышались радостные голоса [Батраева 2006].

4. СПОСОБЫ РАСКРЫТИЯ ЗНАЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ВКРАПЛЕНИЙ В ТЕКСТЕ

а) Непрямой перевод средствами контекста. При использовании данного способа ИВ органично вливаются в повествование, не лишая его непринужденности, и одновременно подчеркивают национальное своеобразие. В примере В. Пикуля пояснение ИВ имеет вид рефлексии повествователя:

Суровый отец с двумя девочками, обутыми в нищенские «опанки», сказал, что у него был сынок — студент-технолог. — Но его в Белграде напередняки ухаживили. Ныне там, — добавил он, — пришло ванредно станьо... Я кивнул сербу: ухаживить — это значит арестовать, а ванредно станьо — это осадное положение [Пикуль 1989].

В отрывке из очерка М. Ряховской, посвященном празднику «крестная слава», сербское слово *породица* 'семья' вообще не поясняется, так как, вероятно, автор рассчитывает на понимание его читателем по контексту и по общеславянскому корню «род»:

В декабре и январе у сербов — сезон слав. «Крстна слава» — обычай чисто сербский, это прославление домашнего святого, покровителя рода (...) Слава длится три дня — и много-много веков, — отменить праздник не может даже смерть хозяина дома. Эстафету продолжает старший сын, у которого собирается вся «породица» [Ряховская 2010].

б) Перевод в тексте. Данный способ используется для раскрытия смысла иноязычных понятий русскими однословными эквивалентами, приблизительными

аналогами из русской культуры, родовыми понятиями, соответствующими сербским видовым, либо развернутыми пояснениями. Оформление варьируется: через дефис, через запятую, в скобках, с ремарками «по-сербски» или «по-русски». Рассмотрим примеры:

Подкрепившись булочкой-кифлицей [Голубович 2003]; *в темной крестьянской избе-куче*; *в кожаных опанках-лаптях* [Воронин 2004]; *молодежь водила свое коло (хоровод)* [Генш 2008], *Добро (хорошо — серб.)! — ответил он* [Батраева 2006]; *Мы идем в лес за дубовыми ветками, бадняком, которыми сербы украшают дом на Божич вместо елки* [Ряховская 2010]; *в течение суток ты обустроишься и это будет подтверждено так называемой приявой — штампом в паспорте, который поставят в отделении милиции того места, где человек собирается гостить* [Тихомиров 2006]; *кусты купины (ежевика)* [Поликарпов 2007]; *бинокль, по-сербски двузрок, Уеденье или смрт! (По-русски это звучало бы: «Объединение или смерть!»)* [Пикуль 1989].

в) Сноски. В приведенных выше примерах из книг П. Тихомирова в сносках объясняются как полные, так и частичные ИВ. В книге М. Поликарпова в сносках переводятся реплики, к примеру: *Здрavo, монсы! Упaлячы има?* (сноска: *Привет, мужики! Закурить будет?*), где *монсы* — это воспринятое на слух слово *момци* ‘парни’. Также сноски используются для перевода надписей: *Вместо дорожных знаков в городе висят плакаты «Пази, снајпер!» и «Пази, мины!»* (сноска: «*Пази*» — это «внимание» по-сербски) [Поликарпов 2007].

г) Метаязыковой комментарий, под которым мы, вслед за Т.А. Кравцовой, понимаем вербальное, интерпретационное замечание, касающееся разнообразных аспектов употребления языковых знаков в художественном тексте [Кравцова 2014]. Данный прием раскрывает индивидуально-авторскую оценку тех или иных иноязычных понятий и реалий за счет того, что автор, анализируя лексемы, наделяет их своим подтекстом и ассоциациями.

Некоторые метаязыковые комментарии, особенно в тексте К. Голубович, обусловлены творческой интенцией автора, стремлением к креативной речевой деятельности. К примеру, так комментируется ситуация покупки фруктов в Сербии и слово *хв́ала* ‘спасибо’, произнесенное продавщицей:

Быть может, из-за белого цвета морщинистых пакетов, скрывающих в себе все цветные радуги современности, быть может, из-за абсолютной возвышенности, которое оно имеет для русского уха, и еще от неожиданности, «хв́ала!» кажется мне образовавшимся в воздухе брильянтом, фокусирующим в себе дневной свет и распространяющим вокруг себя какое-то легкое свечение [Голубович 2003].

Автор сопоставляет русское слово «спасибо» и сербское «хвала», подчеркивая различия их внутренней формы:

Не отсроченное русское пожелание «спаси тебя Бог», спасибо, или виртуальное «дарение блага», благодарю, а открытое прославление — «хв́ала!».

В данном примере, будучи включенным в синтаксическую связь русского предложения, ИВ *хв́ала* ассимилируется, укрепляя устойчивую ассоциацию с рус-

ским словом высокого стиля *хвалá*. Наполняясь авторскими метафорическими характеристиками, оно репрезентирует образ магического, почти сакрального слова. В следующем примере также имеет место соотнесение сербского слова с одно-коренным русским и игра смыслов:

Заезжих корреспондентов сербы величали «дописниками», как будто мы дописывали то, что они, сербы, уже написали [Пикуль 1989].

В виде исключения, в примере М. Ряховской прослеживается связь со словом из языка иранской группы индоевропейской семьи:

Заведу огонь, — говорит Драган. — Огонь — у нас слово устаревшее. Огонь — у нас «ватра». И затапливает печку. Ватра — имя древнеперсидского бога, хранителя очага... [Ряховская 2010].

Здесь автор делится с читателями открытием неожиданного сходства слов отдаленно-родственных языков.

Комментарии, касающиеся различий сербского и русского произношения, либо констатируют их — *На слух — сербский язык теряет наши гласные (наше «сердце» — их «срдце»* [Голубович 2003]; *Сербь-каптеры дружно отвечали: «Нема» (ударение на первый слог)* [Поликарпов 2007] — либо выражают субъективное отношение автора:

имя «Олег» они произносили довольно забавно — с ударением на первую гласную [Тихомиров 2006], *[сербская линия обороны] шла по старому, уже закрытому Еврейскому кладбищу к горе Дебело **бырдо** (740 м). Вообще-то, **брдо** — это гора, но мне уже привычнее говорить **бырдо*** [Валецкий 2006].

5. ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ — ЛОЖНЫЕ ДРУЗЬЯ ПЕРЕВОДЧИКА

Среди ИВ выявлено несколько примеров «ложных друзей переводчика»: *куча* — серб. *кућа* ‘дом’, *печенье* — серб. *печење* ‘жаркое’, *свастика* ‘свояченица’, *кутина* ‘ежевика’ и др. Ложные друзья переводчика, на наш взгляд, являются одним из наиболее ярких средств придания произведению национального колорита, поскольку «разрушают» устоявшуюся ассоциативную модель, связанную с той или иной лексемой, в сознании читателя. Так, сербская лексема *кућа* ‘дом’ (от старосл. *куца* — шатер, хижина, жилище), переданная частичным ИВ *куча*, вызывает у русского человека ассоциацию с русским словом *куча* — большое количество чего-нибудь, наваленное в одном месте горкой. Внутритекстовый перевод привносит новую ассоциацию, неожиданную и курьезную для русскоязычного читателя, что способствует запоминанию сербского слова:

*Сразу же исчезают радующие глаз цветы, в которых утопают аккуратные сербские **кучи** (дома — серб.), их сменяют недостроенные громоздкие особняки «новых хозяев»* [Батраева 2006]; ***Кучи** (сельские дома), крытые черепицей, пестрели по всей долине* [Воронин 2004].

ИВ *свастика* рассчитано на ярко выраженный юмористический эффект:

*Больше всего мне нравится, как сербы называют сестру жены — **свастика**. Чтоб тебя, **свастика** проклятая, вечно лезешь не в свое дело!* [Ряховская 2010].

Употребление ИВ *купина* ‘ежевика’ вызывает эффект контраста между сербским нейтральным словом, отражающим фрагмент обыденной реальности, и русским *купина* ‘куст’, устаревшим, высокого стиля, находящимся на периферии языка и знакомым носителям русского языка преимущественно по словосочетанию *неопалимая купина* (библ. горящий, но не сгорающий куст. *перен.* О чем-то в высшей степени ценном, что не поддается уничтожению, забвению).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, иноязычные вкрапления являются средствами художественной выразительности, придающими тексту национальный колорит, который представлен, во-первых, номинациями артефактов, явлений и реалий, отличающихся от российской действительности. Во-вторых, созданию национального колорита способствуют иноязычные вкрапления, которые демонстрируют как генетическое родство, так и различия двух языков. В нашем исследовании отмечены примеры сходства формы и значения, сходства формы при различии значений и различие формы при сходстве значений. На комплексе указанных факторов строится система изобразительно-выразительных средств, одним из которых является языковая игра. Главная функция ИВ в художественных текстах — стилиобразующая. Способы пояснения и адаптации ИВ в тексте свидетельствуют о стремлении авторов сделать сербские слова понятными для читателя, «освоить» их, а также создать позитивное впечатление о языке и культуре родственного славянского народа.

© Медведева Д.И., Фаттахова А.Ж.

Дата поступления: 23.01.2017

Дата принятия: 3.02.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Батраева Н.А.* Косово. Сербская Голгофа. Москва, 2006.
2. *Белов М.В.* Русские о Сербии и о сербах. Т. 1: письма, статьи, мемуары (рецензия на книгу) // *Славяноведение*. 2009. № 1. С. 107—111.
3. *Валецкий О.В.* Волки Белые. Сербский дневник русского добровольца. 1993—1999. Москва, 2006.
4. *Влахов С.И., Флорин С.Л.* Непереводимое в переводе. Москва, 1980.
5. *Воронин Т.Л.* Родная Сербия (История братского народа). Москва, 2004.
6. *Генш К.* Сербия. Черногория. Македония. Албания. Путеводитель. Москва, 2008.
7. *Голубович К.О.* Сербские притчи: путешествие в 11 книгах. Москва, 2003.
8. *Кравцова Т.А.* Содержательно-прагматический потенциал метаязыкового комментария в англоязычном художественном дискурсе. Автореф. дис ... канд. филол. наук. Барнаул, 2014.
9. *Коржов Д.* Тебе двадцать шесть // Над Сербией смилуйся Ты, Боже.... Москва, 2000.
10. *Листрова-Правда Ю.Т.* Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века. Воронеж, 1986.
11. *Мелькова М.И.* Славянское братство // За крест честной и свободу золотую. Москва, 2004.
12. *Михайлов М.* Стреляешь в брата — убиваешь себя. Москва, 2008.
13. *Пикуль В.С.* Честь имею. Роман, исторические миниатюры. Москва, 1989.
14. *Поликарпов М.А.* Сербский закат. Москва, 2007.
15. *Ряховская М.* Икона и лопата: путевые заметки // *Дружба народов*. 2010. № 10. С. 135—155.
16. *Тихомиров П.В.* Зона умолчания. Николаев, 2006.

УДК: 811.161.1'373.45(497.11)

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-267-279

SERBIAN LANGUAGE ELEMENTS IN RUSSIAN TEXTS ABOUT SERBIA

Diana I. Medvedeva, A.Zh. Fattakhova

Udmurt State University

Universitetskaya str., 1, Izhevsk, Russia, 426034

Abstract. The paper presents the analysis of Serbian language elements in Russian literary texts about Serbia. The novelty of the research lies in the fact that the investigation of Serbian language elements in Russian texts has not been conducted as a separate study before. Foreign elements in this paper are analyzed in such aspects as characteristics of their adaptation in Russian, their correlation with the systems of the source language and the target language, the degree of their connection with cultural specifics of the content of the text, the ways the meanings of the foreign elements can be explained throughout the text. As a figure of speech, foreign elements add the local colour to the text. They are presented by Serbian realias that do not have direct equivalents in the Russian culture as well as by linguistic units that demonstrate both genetic affinity and differences between the two languages. The results of the analysis of Serbian elements in Russian texts about Serbia will contribute to the research of language contacts between peoples whose languages are closely related.

Key words: foreign elements, Russian language, Serbian language, local colour, realias, metalinguistic comment

REFERENCES

1. Batraeva, N.A. (2006). *Kosovo. Serbian Calvary*. Moscow. (in Russ).
2. Belov, M.V. (2009). Russians about Serbia and the Serbs. Vol. 1: letters, articles, memoirs (review of the book). *Slavianovedenie*, 1, 107—111. (in Russ).
3. Valetsky, O.V. (2006). *White Wolves. Serbian Diary of a Russian Volunteer. 1993—1999*. Москва. Moscow. (in Russ).
4. Vlahov, S.I. & Florin S.L. (1980). *Untranslatable in translation*. Moscow. (in Russ).
5. Voronin, T.L. (2004). *Native Serbia (History of the Fraternal People)*. Moscow. (in Russ).
6. Gensh, K. (2008). *Serbia. Montenegro. Macedonia. Albania. Guide*. Moscow. (in Russ).
7. Golubovich, K.O. (2003). *Serbian parables: a journey in 11 books*. Moscow. (in Russ).
8. Kravtsova, T.A. (2014). *The content-pragmatic potential of the metalanguage commentary in the English-language art discourse*. [dissertation abstract]. Barnaul. (in Russ).
9. Korzhov, D. (2000). You are twenty-six. In: *Over Serbia have mercy, Oh God... (Vs. Serbia)*. Moscow. (in Russ).
10. Lystrova-Pravda, Yu.T. (1986). *Selection and use of foreign inclusions in Russian literary speech of the XIX century*. Voronezh. (in Russ).
11. Melkova, M.I. (2004). The Slavic Brotherhood. In: *For the precious cross and Golden freedom*. Moscow. (in Russ).
12. Mikhailov, M. (2008). *You shoot at the brother — you kill yourself*. Москва. Moscow. (in Russ).
13. Pikul, V.S. (1989). *I have the honor. Novel, historical miniatures*. Moscow. (in Russ).
14. Polikarpov, M.A. (2007). *The Serbian Sunset*. Москва. 2007. Moscow. (in Russ).
15. Ryakhovskaya, M. (2010). Icon and shovel: travel notes. *Peoples' Friendship*, 10, 135—155. (in Russ).
16. Tikhomirov, P.V. (2006). *Default zone*. Nikolaev.

Сведения об авторах:

Медведева Диана Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии, второго иностранного языка и лингводидактики института языка и литературы Удмуртского государственного университета; *научные интересы*: лингвокультурология; перевод; многоязычие; ономастика; этимология; *e-mail*: diami@mail.ru

Фаттахова Аида Жавдатовна, аспирант кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики института языка и литературы Удмуртского государственного университета; *научные интересы*: эстетические функции слова в художественной речи; *e-mail*: a19f19@mail.ru

Bio Note:

Medvedeva Diana Igorevna, Ph.D. in Philology, Associate Professor of Romance philology at Udmurt State University; *Research Interests*: Translation; Multilingualism; Onomastics; Etymology; *e-mail*: diami@mail.ru

Fattakhova Aida Zhavdatovna, Graduate student at Udmurt State University; *Research Interests*: Stylistics or the Language of Literature; *e-mail*: a19f19@mail.ru

УДК: 811.19'367.627/37

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-280-292

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В АРМЯНО-КЫПЧАКСКОМ ПАМЯТНИКЕ «СУДЕБНИК» («ТӨРЕ БІТІГІ»)

Н.Г. Шаймердинова, Б.С. Жиёмбай

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
ул. Сатпаева, 2, г. Астана, Казахстан, 010000

В статье рассматривается класс имен числительных в армяно-кыпчакском памятнике, языковая система которого до настоящего времени не была изучена. Сопоставляя числительные памятника с числительными рунических памятников (древнетюркского языка) и современных тюркских языков, авторы статьи выявляют их семантические и формальные особенности. Анализ числительных осуществляется в контексте культурных маркеров тюркских народов, в т.ч. казахского народа.

Ключевые слова: армяно-кыпчакские памятники, кыпчакский язык, числительные, количественные, порядковые, дробные, семантика, сопоставление

Статья написана в рамках фундаментального проекта: «Кыпчаки: история, культура, язык в армянской графике», финансируемого Министерством образования Республики Казахстан. Нами исследован язык армяно-кыпчакских памятников, которых, по данным исследователей, насчитывается более сотни, и в настоящее время они находятся в архивах, музеях, хранилищах Еревана, Киева, Львова, Санкт-Петербурга, Парижа, Венеции, Варшавы и других городов. Известно, что тексты памятников написаны староармянской графикой, а языковая система текстов тюркская, в частности, кыпчакская, отсюда название памятников: «армяно-кыпчакские». Носителями армяно-кыпчакского языка были армяне, кыпчаки и многие другие народности. Армяне «эрменилер», как отмечает А.Н. Гаркавец, считали кыпчакский язык родным языком, поэтому назвали его бизим тил («наш язык»), бизим эрмени тили («наш армянский язык»), хыпчах тили («кыпчакский язык»), а так же эрмени тили («армянский язык») и татарча «по-татарски» [Ахинжанов 1999: 11].

В середине второго тысячелетия н.э. группы населения, использовавшие данный язык, жили большими колониями в Каменец-Подольском, Львове, Луцке, Могилеве-Подольском, Сучаве, Серете, Замостье, Яссах, Аккермане и др. городах Украины, Польши, Румынии, Молдовы. Территорией, откуда произошло их выселение, считается Крым (в основном из Кафы — Феодосии) и, возможно, Армения после монгольского нашествия. Эпиграфические памятники свидетельствуют также о том, что в XII—XIII вв. на территории Армении жили кыпчаки, которые приняли армяно-григорианство [Гаркавец 2002; Зуев 2004; Кумекоев 1972; Плетнева 1982]. Армяно-кыпчакские памятники исследованы в историко-культурном,

текстологическом и переводческих аспектах (А.Е. Крымский, В.А. Гордлевский, Ж. Дени, Г. Дерфер, Н.А. Баскаков, Э.В. Севортян, Я.Р. Дашкевич, Э. Трыарский, А.Н. Гаркавец, Н. Коча) [Баскаков 1975; Гаркавец 2007; Гордлевский 1960; Грамматика кыпчакского языка 2013; Еганян 1962].

Изучение языковой системы памятников не нашло должного внимания, за исключением работ Т.И. Грунина [Грунин 1967]. Поэтому наша задача заключалась в том, чтобы на базе армяно-кыпчакского памятника «Судебник» (в переводе на казахский язык «Төре бітігі») [Гаркавец 2003] изучить языковую систему кыпчакского языка, в частности, его лексический словарный фонд и морфологическую систему (корпус лексико-грамматических классов, их грамматических категорий и разрядов).

В классе имен достаточно интересным оказались имена числительные.

Класс числительных в указанных памятниках характеризуется набором грамматических категорий и лексико-грамматических разрядов, таких как количественные, порядковые, дробные. Среди этих лексико-грамматических разрядов в памятнике наиболее многочисленными оказались количественные числительные.

Количественные числительные обозначают дискретность и недискретность мира и имеют свои грамматические особенности. В памятнике «Судебник» функционируют следующие количественные числительные: бир/бір (один), еки/екі (два), уч/үш (три), дөрт/төрт (четыре), бес/бес (пять), алти/алты (шесть), йети/жеті (семь) и другие.

Бір — bir (один, неопределенное множество). Числительное *bir* в армяно-кыпчакских памятниках не претерпевает каких-либо формально-семантических изменений, отличительных от его исторических форм. По мнению Г.И. Рамстедта, числительное «бір», занимающее особое место среди числительных мертвых и живых тюркских языков, имеет широкую сферу употребления, происходит от монгольского слова *бүри* (все), и это слово родственно слову «бәрі» в казахском языке. Кроме того, он обосновывает это тем, что в процессе формирования тюркских языков губная фонема [y] в середине слова редуцировалась [Рамстедт 1957: 65]. А.Н. Самойлович писал, что числительные «бір», «бес», «он» в тюркских языках происходят от слова «білек» (часть руки от кисти до локтя) [Самойлович 1927: 138]. Э.Р. Тенишев связывал историю происхождения числительного «бір» со словом *бармақ* (палец), отмечая, что это слово выражает понятие единичности, неделимости мира [Тенишев 1988: 110]. Н.А. Баскаков отмечает, что среди количественных определительных сочетаний особую группу занимают сочетания, в которых определение выражено числительным *bir* «один», среди чисел десятичной системы числительное, более всего способствовавшее образованию устойчивых языковых оборотов — это число «бір» (один).

Число «бір» в миропонимании тюркских народов, в т.ч. казахского народа, связано с религиозными представлениями, единичности Всевышнего, целостности окружающего: *Аллах один, нет бога кроме Аллаха*. Кроме того, оно считается числом, управляющим жизнью человека, числом, к которому стремится каждый смертный.

В языке армяно-кыпчакских памятников числительное «бір» употребляется также в значениях «единичности», «целостности», «равенства»:

бир болмак керак — бір болмақ керек (нельзя быть одиноким), бир авуздан — бір ауыздан (единогласно), бирикпек керак — бірікпек керек (нужно объединяться), бир йурекден — бір жүректен (от одного сердца) и т.д.

Обратимся также к иллюстрации из текстов памятников:

Evet ki zayıp boldı sabap bu Töra bitikini yazmaga hormat zoıganından bizga der Sdep'anos gat' oyigosnin barcuı ermeniliknin, bir da, eki da bizdan zoltza etti, da men tahana ettim benim biliksizlikimni da kop kez tartindim bu. — Основной причиной для написания «Төре бітігі» стало уважение, проявленное ко мне католикосом всех армян Степаносом, я много раз отказывался, ссылаясь на свое незнание, но он и один раз, и два раза побуждал меня к этому [Гаркавец 2003: 58].

Таким образом, числительное «бір» семантическом и функциональном аспектах идентично значению и употреблению подобной единицы в рунических памятниках (в древнетюркском языке) и в современных тюркских языках. Своеобразие заключается в том, что указанная единица в армяно-кыпчакских памятниках может выражать и неопределенное множество, неопределенность, неизвестность, например:

«бир кун түсер басына» — «бір күні басыңа түсер» (однажды что-нибудь может случиться).

Значение неопределенности проявляется и в следующем кыпчакском выражении:

егар тишиси қалып бир адын ер била — егер әйелі басқа бір еркекпен қалып (если его жена осталась с другим мужчиной).

Екі — екі (два). Значение числительного «екі» в исследуемых памятниках соответствует его значению в современных тюркских языках:

Osyta eki türlü bardır sizda sabap: adamilik tarbiyatından da töradan, mani, ne usun suzlancy bolursız ozgalarınin törasına? — В связи с этим у Вас есть два основания: соответствующее Вашей человечности и тому, что Вы торе, но почему Вы ущемляете права других? [Гаркавец 2003: 639].

Г.И. Рамстедт и вслед за ним М. Томанов считают, что семантика числительного обусловлена значением глагола «ер» в значении «еру», «ілесу», т.е. «сопровождать», «сопутствовать» [Томанов 1988: 202]. Эту точку зрения разделяет и Э.Р. Тенишев, связывая происхождение числительного «екі» с глаголом «ер», встречающегося в Орхонских рунических памятниках. Таким образом, «екі» обозначает то, что следует за первым «бір».

Вместе с тем в тюркских языках основа *ек/ег/ик* является мотивационной базой для образования новых производных слов с новым деривационным значением: «егіз» «екінті//икинди». Так, казахское «егіз» образовалось от основы *-ек* и словообразовательного форманта *-із*, восходящего к древнетюркскому «уз//ұз//із» в значении «потомство», «семья». «Егіз» в казахском языке и других языках кыпчакской группы означает «двойню», «пару предметов»: «егіз бала» — двойняшки,

«егіз кошақан» — пара ягнят. Основа *-ек/-ук* с формантом *-ин/ин* образует производное слово «екінті//икинди» в значении времени. «Екінті» — время суток, когда солнце заходит, вечереет, иначе говоря наступают сумерки. Темпорально-временное значение «екінті» сохраняется и религиозном ритуале: «екінті намазы» — второй по времени из пяти ежедневных намазов.

Үш — uc (три):

Uç tırly isy bar, ki adamilar tepranirlar dunyada: yazsyi, u yaman, da ortacyazli. — Есть три вида дел, которые связаны с характером человека в его жизни: хорошие, плохие и средние [Гаркавец 2003: 644].

Г.И. Рамстедт связывает этимологию общетюркского числительного «үш» со словами *бий-кен* (маленький, мало) в монгольском языке, *иу-ле* (делить, разделять) в тунгусском языке [Томанов 1988: 207]. Известно также, что значение тюркского числительного «үш» некоторые исследователи сводят к значениям слов «вершина», «пик».

Төрт — dört (четыре):

Egar ki 12 bolmasa, bolgay 6, egar alti bolmasa, bolsın dört. — Если не двенадцать, пусть будет шесть, если не шесть — пусть будет четыре [Гаркавец 2003: 698].

В древнетюркском языке это числительное употреблялось как «төрт», в тюркских памятниках позднего среднековья, в т.ч. и армяно-кыпчакских, в анлауте происходит чередование фонем т/д, которое сохраняется в современных тюркских языках. По мысли А.Н. Самойловича, первоосновой для общетюркское *tort/dort* стало монгольское *дц* (ср. в монгольском языке *дцгбен* — обозначает «четыре» [Самойлович 1927: 148]. По мнению Э.Р. Тенишева, с этимологической точки зрения числительное *цц/рт/дц:рт* может быть связано с четвертым пальцем и, должно быть, связано с глаголом «түрт» (ткни) [Тенишев 1988: 166].

Число «четыре», на наш взгляд, отражает миропонимание древних и средневековых тюрков, связано с их мировоззрением, с наивным представлением о географической сфере Земли в виде «четырех углов», которое является одним из ключевых пространственных понятий в Орхоно-Енисейских памятниках:

Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган и Истеми-каган. Сев (на царство), они поддерживали и устраивали племенной союз и установления тюркского народа. Четыре угла (т.е. народы, жившие вокруг по всем четырем странам света) все были им врагами; выступая с войском, они покорили все народы, жившие по четырем углам, и принудили их всех к миру [Малов 1951: 36].

Кроме того, в мировоззрении тюркских народов также «четыре» является сакрально священным числом, о чем свидетельствуют следующие выражения: «*төрт құбыланың тең болуы, дүниенің төрт бұрышы, төрткүл дүние*». Все эти значения сохранились в языке кыпчакских памятников.

Бес — beş (пять):

Ol turlu zaytip K'risdos ovratti mane bila egri yaryucusu ucuyun, ki tugal könu yaryu etmas edi, barcyu kimsa adamilardan esi kendina yaryucusudur, dzyzanina, u tenina, u beş seziklikina, da aruvluzta sazlagay kendini. — В назидательной беседе о несправедливом судье, который не рассматривает дело правдиво, Мессия сказал, что разум каждого

человека является судьей для его души, тела и пяти чувств, и каждый должен соблюдать свою чистоту [Гаркавец 2003: 643].

Считается, что числительное *бель* близко по значению слову «білек (қол)» (рука). Не случайно Г.И. Рамстедт связывает тюркское слово *бель* со чувашским *piläk~pilläk* и казахским *bilek*. Подобную интерпретацию находим и у Э.Р. Тенишева: числительное «бес» близко к слову «belдк», где к основе *bel* прибавляется словообразовательный аффикс с уменьшительным значением. Б.А. Серебренников, Н.З. Гаджиева отмечают казахское *бес* «пять» возникло из *бә:ш*, поскольку долгий *ә* в этом языке переходил в *e*, а *ш* → *с* и т.д. [Серебренников, Гаджиева 1986: 125].

Таким образом, в этом числительном исторически наблюдается фонетические чередования фонем *ә/e*, *ш/с*, которые встречаются в казахском, турецком, киргизском, чувашском и других современных тюркских языках.

Алты — alti (шесть):

Zera bu 12 tügal san haybatlandi barçya dunyaga, zera bu 2 altidan toydular, da bu 6 san dunyanın yaratılğanının künlaridir, da olcyovüdür adaminin 6 tepranisyinin, da sanidir adamiliknin tarbiyatının. — Безусловно, число 12 — почитаемое во всем мире полное число, потому, что оно состоит из двух чисел 6, а число 6 соответствует количеству дней, за которые был создан мир, и шести движениям человека, и числу человеческих качеств [Гаркавец 2007: 533].

В современных тюркских языках это слово сохранилось в своей исторической древней форме. По всей вероятности, оно происходит от глагола «ал» и формообразующего аффикса прошедшего времени *ti/ты, di/ды* активно функционировавшего в древнетюркском языке, например в глаголах: **𐰽𐰺𐰸** *uidi* «умер», **𐰽𐰺𐰸** *igitim* «возвысил», **𐰽𐰺𐰸** *basdim* «принудил», **𐰽𐰺𐰸** *urti* «разгромил» **𐰽𐰺𐰸** *bedizti* «вырезал» и др. [Шаймердинова, Ярыгин, Молдабай, Торебекова, Жиембаев, Толстой 2014: 160]. Поэтому тюркские числительные *алты, жети* вполне возможно образованы от глагольных аффиксов.

Жети — yeti (семь). Встречается в различных фонетических вариантах в древних, современных кыпчакских и других тюркских языках. С этимологической точки зрения Г.И. Рамстедт связывает число *je + ti* со значением глагола «же» (есть) в выражении «саусақпен жеу» («есть пальцами») [Рамстедт 1957: 64]. Употребление числа семь в кыпчакском языке раскрывает его сакральный смысл, сохранившийся с древнетюркской эпохи: в рунических памятниках в Кутлук-каган собирает для борьбы с тюркскими врагами вначале 17 воинов, затем 70, позже 700 воинов обозначает объединение всех тюркских племен.

В кыпчакской культуре, в истории становления и формирования Дешт-кыпчакского государства семерка также является значимой единицей, по легенде персоязычного Гардизи кимако-кыпчакское объединение состояло из семи племен: ими, имек, татар, баяндер, кыпчак, ланиказ, аджлад. К этому сообществу присоединяется 700 человек частью из разбитого племени татар, частью из других племен, когда они размножились, они рассеялись по горам и образовали семь племен [Ахинжанов 1999: 102].

В чем же значимость семерки в культуре тюркских народов? Известно, что в культуре и мифологии многих древних цивилизаций (древнеиндийской, древневосточной, античной и др.) значение семерки связано с лунным календарем, с четырьмя фазами луны, которые меняются через каждые семь дней. Изменения небесных тел Луны, Солнца играли важную роль в жизнедеятельности кочевых и полупоселенных тюркских народов, ибо с ними были связаны летние и зимние миграции, определение выгодных пастбищ во время кочевков, удачи во время облавной охоты, исполнение ритуальных обрядов при рожденьях и захоронениях. Поэтому лунный календарь в жизни древних тюрков, кимаков, кыпчаков, огузов был глубоко символическим, что нашло отражение в употреблении семерки как сакрального числа в письменных памятниках (рунических, армяно-кыпчакских), в устном народном творчестве и в этнокультуре тюркских народов. Например, в культуре казахского народа родовое время определяется 7-ю поколениями (молодым людям из одного рода нельзя создавать семью, если не прошло семь поколений). Поминки умершего проводятся в 7 дней (а также 40 дней и в годовщину), герои-батыры, а также сказочные герои преодолевают 7 препятствий (например, в сказке «Ер Тостік»).

Сегіз — sekiz (восемь). Г.И. Рамстедт, опираясь на схожие параллели в финно-угорских и корейском языках, пытался выявить семантическую связь между числительными «егіз» и «сегіз». По его мнению, слово «сегіз» изначально производилось как «егіз» и означало «не два пальца» [Рамстедт 1957: 69]. Известно, что эта точка зрения не нашла своих сторонников. М. Рэсенен связывал «сегіз» с словом *sak-giz* (*lass springen*) «заставь прыгать», указав, что оно имеет связь с архаической формой слова «прыгать» в детской считалке (секкер, секер, хекгер и токкор, токар, токгар) [Этимологический словарь тюркских языков 2003: 76].

На наш взгляд, значение «сегіз» следует выводить из соотношения с числительными «егіз», «тоғыз». Системность употребления аффиксов (г)із, (ғ)ыз позволяет выявить их словообразовательное значение, в частности, обозначение счетной количественности, отсюда *egiz* (две единицы), *segiz* (8 единиц), *toğyz* (9 единиц) [Шаймердинова 2014: 352].

Тоғыз — toğuz (девять). В древнетюркском языке *toquz*. Г.И. Рамстедт считает, что древнетюркское *toquz* соответствует монгольскому *tokug* («несгибающийся», «скрюченный», речь идет о пальце). По мнению М. Рясенена, числительное *toquz* произошло от глагола *toku* — стучать, *tokkuz* — вели стучать [Этимологический словарь тюркских языков 2003: 77].

Вероятно, выражения «девять месяцев и девять дней вынашивать ребенка», «перекресток девяти дорог», «надеть девять слоев шелка» появились не случайно. Кочевники считали число девять вершиной бытия, в их традициях и верованиях число девять считалось священным. Если сравнить названия чисел от одного до десяти в языке памятника и современном казахском языке, а также в некоторых других тюркских языках, то можно определить общность в смысловом, семантическом плане. Различия наблюдаются на уровне фонетики: в некоторых тюркских языках звук [ш] произносится как [с], [й] — как «эй», [е] — как «э», последнее вызвано долготой переднего звука.

В армяно-кыпчакских памятниках часто встречаются и десятичные и составные количественные числительные.

Отыз — отыз (тридцать):

Borcu usuyun otыз yilga dira teptek turgannin, ki ol borcunu tura bila izdamagan, kerak teptek turgay menilikz. — Если не подавали иска до 30 лет, не взыскивали с помощью судьи, то вечно требовать нельзя [Гаркавец 2003: 694].

Различное произношение числительных в родственных языках М. Томанов относит к явлению дивергенции, что подтверждается употреблением числительного отыз/отуз. В древнетюркском языке активно функционировала форма *отуз* (этноним «отуз-татары»), в котором имеется две лабиализованных гласных [o], [y]. В «Дивани лугат-ит турки» М. Кашгари древнетюркские числительные *йети, секиз, отуз* пишутся с двойными согласными *йетти, секкиз, оттуз*, что объясняется некоторыми тюркологами как влияние уйгурской письменности [Баскаков 1975: 107].

В современном казахском и в других тюркских языках древнетюркское губное созвучие нарушается и лабиализованная [y] во втором слоге заменяется нелабиализованным гласным «ы» (отыз).

Қырық — kirk (сорок). Число сорок в тюркском мировоззрении имеет важное значение, несмотря на то, что этимология его до сих пор не выявлена. У тюркских народов, в т.ч. и у казахского народа, число сорок связано с религиозными тотемными понятиями. Возможно, что обычаи поминать умерших через сорок дней после смерти, купать новорожденного в сорока ложках воды, выражение «сорок дней, сорок ночей», встречающиеся в культуре казахского и других тюркских народов произошли от таких понятий. Если рассматривать число сорок с грамматической стороны, нужно отметить, что между словами *қырық* и *төрт* нет взаимосвязи, слово *қырық*, вероятно, вначале обозначало неопределенное множество «много», «безмерно».

Употребление в памятниках числительных *екі* (два), *төрт* (четыре), *он* (десять), *он екі* (двенадцать), *он төрт* (четырнадцать), *жүз* (сто), *мың* (тысяча) соответствует их употреблению в современных тюркских языках.

В Орхоно-Енисейских надписях десятичные числительные образовывались по схеме единица первого десятка + он: *секиз он, тоқуз он*, которые позже сохранились в некоторых тюркских языках, например, в шорском языке *алт-он* «шестьдесят», *четт-он* «семьдесят», *сегиз-он* «восемьдесят», *тоғыз-он* «девятьдесято»; в хакасском — *алт-он* «шестьдесят», *чит-он* «семьдесят», *сигез-он* «восемьдесят», *тоғыз-он* «девятьдесято» [Серебренников, Гаджиева 1986: 126]. В то же время в древнетюркском языке десятичные числительные могли образовываться и при помощи аффиксов *-мыш*, *-миш*: *алтмыш, йетмиш*.

В Орхоно-Енисейских памятниках составные количественные числительные отличаются от составных в современных тюркских языках (*йети йегірмі — жиьрма жети, алты отуз — отыз алты*), а в кыпчакскую эпоху эти числительные изменились и стали похожи на числительные в современных тюркских языках.

В большинстве тюркских языков названия десятков от двадцати до пятидесяти не соответствуют названиям единиц от двух до пяти. Но в шорском языке

десятичные числительные образованы на основе названий единиц: жиырма/ййгон, отыз/ужон, кырык/төртон, елу/пежон; тува тілінде отыз бен тоқсанның арасында: отыз/үжен, кырык/дөртон, елу/бэжон, алпыс/алдон, жетпіс/чэдон, сексен/сэзон, тоқсан/тозон и так далее.

В языке сары уйгуров числительные от одиннадцати до двадцати девяти формируются методом приближения к следующему десятку: он үш/үч ығырма, он бір/пер йығырма, жиырма тоғыз/тоқуз отуз. Расположение единиц на первом, а десятков на втором месте является самой древней формой числительных, употреблявшейся в древнетюркских и в древнейуйгурских памятниках.

Он екі — он екі (двенадцать):

Zera bu 12 tügal san haybatlandi barçya dunyaga, zera bu 2 altidan toydular, da bu 6 san dunyanin yaratilganinin künlaridir, da olcyovüdüir adaminin 6 tepranisyinin, da sanidir adamiliknin tarbiyatının. — Безусловно, число 12 — почитаемое во всем мире полное число, потому, что оно состоит из двух чисел 6, а число 6 соответствует количеству дней, за которые был создан мир, и шести движениям человека, и числу человеческих качеств [Гаркавец 2003: 533].

Известно, что у тюркских народов число двенадцать использовалось для обозначения астрономических явлений, для летосчисления.

Порядковые числительные. В кыпчакских памятниках употребляются порядковые числительные от 1 до 124, образованные при помощи аффиксов -нчи, -инчи, -унчи, -ынчы. В памятниках древнетюркской письменности также употребляется аффикс -ынч, но в Орхоно-Енисейских надписях этот аффикс присоединяется ко всем числительным, кроме числительных «бір» и «екі». Поскольку нет каких-либо семантических различий, кроме того как выражения порядка при счете, мы сочли возможным показать лишь иллюстрацию (функционирование) этих числительных в указанном памятнике.

Бірінші — бірінсі (первый):

Burungi dzyüvap alarga münü beribiz, ki Tenri avaldan adaminin tarbiyatına töztatti tapımaga könülükni. — Во-первых, наш ответ им, Тенгри с самого начала создал людей так, что они стремятся к справедливости [Гаркавец 2003: 638].

Екінші — екинсі (второй):

Ekinçyi, halbatta, yazşyi erkina berir adaminin barçya yazşyilizin zilinmaga, zaysin ki toztatir, ki bizim erkimizdadir, ki barçya adamilar bila könülük bila barmaga. — Во-вторых, конечно, предоставляя человеку самому решать о прощении, мы сообщаем, что в нашей воле быть справедливыми ко всем людям [Гаркавец 2003: 639].

Үшінші — үсүйнсі (третий):

Üsüinçyi. Klamadi Tenri bermaga yazgan töra, ki bolmagay prezmysyen (4v/159v)adan könülükta bolgaybiz, yozesa süvük bila, yarlıyyamaz bila sazlagaybiz könülükni u yazmagan törani har zamanda. — В-третьих, Тенгри не пожелал нам быть в силе и справедливости, дать писанный закон, чтобы сохранить неписанный закон, справедливость, милосердие и любовь на все времена [Гаркавец 2003: 639].

Төртінші — dortunçyu (четвертый):

Dortunçyu, ki yetkinçya Tenri yopsundu Törani, u proroklarni, u Awedaranni, neçyik ki yazşyi ürlüz bolgay dzyzanimizga, da bu türlü könülük bila da etmaga yaryularni. —

В-четвертых, Тенгри посчитал, что для нас будут хорошей духовной пищей судьбы, святые и Священное Писание, чтобы суд всегда вершился справедливо [Гаркавец 2003: 639].

Бесінші — besyınçy (пятый):

Besyınçy, ki Töra, u proroklar, u Awedaran tesykirilmastir, yozesa töra prezmysyenadan tesykirilir uluslarda u millatlar arasına. — В-пятых, судьбы, святые и Священное Писание — постоянные, а вынуждающий правитель меняется посреди улусов и народов [Гаркавец 2003: 639].

Алтыншы — altınçy (шестой):

Altınçy, ki törada prezmysyenadan antka tusyar, da Biyimiz K'risiodos tiyar ant ıçumakni, klar, ki biz könu k'risdanlıkta (5r/160r) tirilgaybiz, ki könu könu1 bolgay, egri egri bolgay. — В-шестых, вынуждающий правитель может приносить клятвы, а наши судья Мессия запретил приносить клятвы, потому, что мы рождены в истинном христианстве, где правда — правда, ложь — ложь [Гаркавец 2003: 639].

Жетінші — zhetınçy (седьмой):

7-ınçy, ki bolmamazi ıcyun toranın bartmagaylar ozga millatnin torasına, necyik buyurur edilar markarezlar, ki yoz m[i] dir Tenri (7r/162r) Israjelz arasına, ki bolvanlarga barirlar, zaysin ki arzak' ellar da ani tabalap aytirlar, ki tiymastir k'risdanlarga ozga millatnin alnına yaryuga bartaga. — В-седьмых, чтобы, ссылаясь на отсутствие судьбы, не обращались к судьям других народов, пророк заведет так: разве не было Бога среди Ираила, и святые злорадствуют, почему они поклоняются идолам, христианам не годится быть перед судом другого народа [Гаркавец 2003: 639].

Сегізінші — segızınçy:

8-ınçy, korarbiz emdigi vaztta, ki bardir azpasylar, vartabedlar, k'ahanalar, biylar, basy ketzoyalar, ki yuz korup, u orunçy alıp, da biliksizlikten könu yaryunu egri etarlar. — В-восьмых, сейчас некоторые седовласые, проповедники, бабасы, биш, бас қожалар открыто берут взятки, мы видим что от незнания они искажают справедливость закона [Гаркавец 2003: 640].

Тоғызыншы — toguzınçy (девятый):

9-ınçy, ki yaratılğan tarbiyatimiz dayta unutuçyudur yazsyilizni köp turly dzyzan u ten gınahından. — В-девятых, таков наш характер от рождения, мы постоянно забываем хорошее от многих грехов душевных и телесных [Гаркавец 2003: 640].

Оныншы — onınçy (десятый):

10-ınçy, zasyan ki adam yaratıldı ur[du] da berdi anar Biy Tenri Ari Dzyyannın synorhk'in. — В-десятых, когда создан был человек, Всевышний Тенгри вдохнул в него жизнь, дал способность Великой души [Гаркавец 2003: 640].

Он бірінші — on birinçy (одиннадцатый):

11-birinçy, ki bilgaylar yaryusyilar Töra bitikından töyru yaryu etmaga, bilip, ki kendilari da turta ztirlar koktagı yaryusyuyunın alnına yaryuga. — В-одиннадцатых, пусть судьбы знают, что они сами предстанут перед судом небесного судьи, путь правильно творят суд по судебнику [Гаркавец 2003: 640].

Он екінші — он екінці (двенадцатый):

12-inçyi, kimlar ki toranin alnina kelirlar, zorzu kecyirgaylar, anin usyun ki zacyan adamilar alnina bolmaslar egrini konu etmaga, halbat, köp turlu söz bila dzyzaht etarlar yaryusyuni aldama, ne turlu bolsarlar köktagi yaryusyunun alnina turmaga, ki barçya yarpuz- larni korar, ki anin alnina kimsa aldama. (8v/163v) bila bolmas konu bolmaga, yozsa konuluk bila tergov bolsar? — В-двенадцатых, пусть приходящие перед судьей боятся, трепещут, потому, что если они, чтобы обмануть судью, используют разные лживые слова, они не смогут перед людьми показать ложь, как правду, а как они предстанут перед небесным судьей, который знает все тайны, перед которым никто не сможет оправдаться ложью, который ведет суд справедливо? [Гаркавец 2003: 640].

Жиырмасыншы — igirminçyi (двадцатый):

Egar kimesa satkay balin avalbaharnn artmazi usyun cyulularnin, aninkibik cyulularni alip zoymaz kerak yerina, zayda cyulular zoyarlar, onuncyi ya igirminçyi kunga dira alarni sazlama tanizliz usyun, egar ol cyulular yebersalar roy ya yebermasalar. — Если кто-то продает весной мед, чтобы раплодить пчел, этих пчел нужно поместить в место, предназначенное для пчел, сохранить их до десятого или двадцатого дня, убедиться в том, что они выведут улей [Гаркавец 2003: 679].

В армяно-кыпчакских памятниках встречаются и числительные, обозначающие множество частей предметов и явлений, т.е. дробные числительные. Дробные числительные, будучи по составу сложными, образуются синтаксическим путем из количественных числительных. Большинство дробных чисел, встречающихся в «Судебнике», имеют форму исходного падежа либо притяжательную форму.

Уштен бірі — 3 ulusynun biri; (одна третья):

A egar k'risdan dinsizni öldursa, bu dzyzurumnun 3 ulusynun biri bolgay dzyzurumu. — А если христианин убьет неверующего, пусть будет назначен штраф в размере одной третьей части штрафа [Гаркавец 2003: 656].

Елуден бір — 50-dan 1 (одна пятидесятая):

Da oldyzadan u talan 10-uncyu berilgay zanga, a yizovlarga 50-dan 1 berilgay, zaysi ki tıra biladir. — Одна десятая часть добычи должны быть отдана хану, церквям должна быть отдана одна пятидесятая часть по закону [Гаркавец 2003: 657].

Бестен бірі — 5 ulusynun birin (одна пятая):

Dayi da bu türlü bolsun: tarlovlarnin ulusyu 5 ulusynun birin algaylar. — Поэтому, пусть будет так: пусть возьмет одну пятую от доли посевной земли [Гаркавец 2003: 657].

Оннан бірі — ondan bir (одна десятая):

A tarlovlar, zaysi ki rekalar bila suvarilirlar, bolgay kelisiyi 5-tan 1 ulusy; ol, ki suvarilmaslar, ondan bir, zera topraz yalyizdir zannin u biynin, dugul suv. — Пусть возьмут одну пятую от посевной земли, орошаемой из реки, из неорошаемой одну десятую; земля принадлежит хану и бию, но вода им не принадлежит [Гаркавец 2003: 658].

Төрттен бір — 4-uncyі ulusyun (одна четвертая):

Egar sozraytsa, ya munuzun sindirsa kuzu bila, ya zoyrusun keskay, ya ayazin azsatkay, yaryucyilar ani bazkaylar, yergasi bila bilip da igi tarazulagaylar, zaysin ki aytilgan satamalardan (118r/273r) ol, kim ki bolgi[y] edi yaman etucyі muninkibik isylardan, ol tuvarnin 4-uncyі ulusyun tılamaz kerak. — Если ослепит, или силой сломает рог, или отрезжет хвост, или сделает хромым, судьи должны это выяснить и рассмотреть, хорошо взвесить, тот, кто сделает такое плохое дело, должен заплатить четвертую часть стоимости этого животного [Гаркавец 2003: 690].

При образовании дробных числительных в кыпчакском языке параллельно использовалось слово «үлес» (доля), которое употребляется в казахском языке в значении «часть».

Заключение. В языке армяно-кыпчакского памятника «Судебник» активно функционируют количественные, порядковые, дробные числительные. Исследования формы и содержания числительных, особенно количественных, осуществлялось путем сравнения их с подобными формами в рунических памятниках и в современных тюркских языках, в т.ч. в казахском языке. При этом нет резких семантических различий числительных в армяно-кыпчакских памятниках с их историческими проформами и числительными в современных тюркских языках, отличие наблюдается в некоторых фонетических вариантах кыпчакских, огузских, карлукских и других тюркских языков.

В классе числительных, как и в целом в кыпчакском языке, отразились ментальность, мировоззрение и культура тюркских народов, в т.ч. казахского народа.

© Шаймердинова Н.Г., Жиёмбай Б.С.
Дата поступления: 23.01.2017
Дата принятия: 3.02.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы: Ғылым, 1999.
2. Баскаков Н.А. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. Москва: Наука, 1975.
3. Гаркавец А.Н. Кыпчакское письменное наследие. Том I: Каталог и тексты памятников армянским письмом. Алматы: Дешт-и-Кыпчак, 2002.
4. Гаркавец А.Н. Кыпчакское письменное наследие. Том II: Памятники духовной культуры караимов, куманов-половцев и армяно-кыпчаков. Алматы: KASEAN; БАУР, 2007.
5. Гаркавец А.Н. Төре бітігі. Армяно-кыпчакский судебник 1519—1594 гг., составители А. Гаркавец, Г. Сапарғалиев, М. Капраль, М. Цимбал. Алматы: Дешт-и-кыпчак, 2003.
6. Гордлевский В.А. Избранные сочинения. Т. I. Москва: Издательство восточной литературы, 1960.
7. Грамматика кыпчакского языка. Рукопись № 3522. Ереван: Матенадаран, 2013. С. 226—264.
8. Грунин Т.И. Памятники половецкого языка XIV в. Москва: Наука, 1967.
9. Зуев Ю.А. Каганат Се-яньто и кимеки (к тюркской этногеографии Центральной Азии в середине VII в.) // Shygys. Научный журнал. 2004. № 1. С. 11—21.
10. Еганян О.С. Об одном армяно-кыпчакском грамматическом пособии XVI в. // Вопросы языкознания. 1962. № 5. С. 151—153.

11. Кумекоев Б.Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Издательство «Наука», 1972.
12. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты исследования. Москва-Ленинград: Наука, 1951.
13. Плетнева С.А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. Москва, 1982.
14. Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. Морфология. Москва, 1957.
15. Самойлович А. Турецкие числительные количественные и обзор попыток их толкования // Языковедные проблемы по числительным. Ленинград: Изд-во института литературы запада и востока, 1927. С. 135—156.
16. Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Москва: Наука, 1986.
17. Тенишев Э.Р. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Москва: Наука, 1988.
18. Томапов М. Қазақ тілінің тарихи грамматикасы. Алматы: Мектеп, 1988.
19. Шаймердинова Н.Г., Ярыгин С.А., Молдабай Т., Торебекова С., Жиёмбай Б.С., Толстой А. Қыпшақтар: тарих пен тіл. Монография. Астана: «Сарыарқа» баспасы, 2014.
20. Шаймердинова Н.Г. Картина мира кыпчаков сквозь призму лексической и грамматической системы кыпчакского языка // Түркі дүниесі рухани мұра және бүгінгі мәдениеті. Халықаралық симпозиум материалдары. Астана, ЕҰҰ, 2014. С. 348—354.
21. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы Л, М, Н, П, С / Институт языкознания. Москва: Вост. лит., 2003.

УДК: 811.19'367.627/37

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-280-292

SEMANTIC FEATURES OF NUMERALS IN THE ARMENIAN-KYPCHAKSKY MONUMENT “CODE OF LAWS” («ТӨРЕ БІТІГІ»)

Nurila G. Shaymerdinova, Bibigul S. Zhiyembay

Euroasian national university of L. N. Gumilev
Satpayev St., 2, Astana, Kazakhstan, 010000

Abstract. In article the class of numerals in an Armenian-kypchakskom a monument which language system hasn't been studied so far is considered. Comparing monument numerals with numerals of runic monuments (drevnetyursky language) and modern Turkic languages, authors of article reveal their semantic and formal features. The analysis of numerals is carried out in the context of cultural markers of the Turkic people, including the Kazakh people.

Key words: Armenian-kypchaksks monuments, kypchaksky language, numerals, quantitative, serial, fractional, semantics, comparison

REFERENCES

1. Akhinjanov, S.M. (1999). *Kipchaks in the history of medieval Kazakhstan*. Edited version. Almaty: Ғылым.
2. Baskakov, N.A. (1975). *Historic-typological characteristics of the structures of Turkic languages*. Moscow: Nauka. (in Russ).
3. Garkavets, A.N. (2002). *Kipchak written heritage. Vol. I. Catalog and texts of monuments by Armenian letter*. Almaty: Desht-i-Khyrchak. (in Russ).

4. Garkavets, A.N. (2007). *Kipchak written heritage. Vol II. Monuments of spiritual culture of Karaims, Cumans, and Armenian-Kipchaks*. Almaty: KASEAN, BAUR. (in Russ).
5. Garkavets, A.N. (2003). *Toere Bitigi. Armenian-Kipchak code of law 1519—1594*. Ed. A. Garkavets, G. Sapargaliev, M. Kapral & M. Tsimbal. Almaty: Desht-i-Khyphchak. (in Russ).
6. Gordlevskii, V.A. (1960). *Selected works*. Vol. 1. Moscow: Oriental Literature Publishing House. (in Russ).
7. *Kipchak language grammar* (2013). Manuscript № 3522. Yerevan. Matenadaran. p. 226—264. (in Russ).
8. Grunin, T.I. (1967). *Monuments of Cuman language of XIV century*. Moscow: Nauka. (in Russ).
9. Zuyev, Y.A. (2004). Se-Yanto Khaganate and Cymeks (to Turkic ethnogeography of Central Asia in the middle of the 7th century). *Shygyz. Science Magazine*, 1, 11—21.
10. Yeganyan, O.S. (1962). About Armenian-Kipchak grammar textbook of XVI century. *Topics in the Study of Language*, 5, 151—153. (in Russ).
11. Kumekov, B.E. (1972). *Cymeks' state of IX—XI centuries according to Arabicsources*. Alma-Ata: Nauka Publishing House. (in Russ).
12. Malov, S.Y. (1951). *Monuments of ancient Turkic script. Research texts*. Moscow-Leningrad: Nauka. (in Russ).
13. Pletnyova, S.A. (1982). *Medievalnomads. Search of historical patterns*. Moscow. (in Russ).
14. Ramstedt, G.I. (1957). *Introduction into Altaic linguistics. Morphology*. Moscow. (in Russ).
15. Samoilovich, A. (1927). Turkish numeral sander view of its interpretation. In: *Linguistic problems in numerals*. Leningrad: Institute of Literature of the West and the East Publishing house. p. 135—156. (in Russ).
16. Serebrennikov, B.A. & Gadzhiev, N.Z. (1986). *Comparison-historic grammar of Turkic languages*. Moscow: Nauka. (in Russ).
17. Tenishev, E.R. (1988). *Comparison-historic grammar of Turkic languages*. Moscow: Nauka. (in Russ).
18. Tomanov, M. (1988). *Historic grammar of Kazakh language*. Almaty: Mecktep.
19. Shaimerdinova, N.G., Yarygin, S.A. & Zhiyembay, B.S. (2014). *Қыпшақтар: тарих пен тіл [Kipchaks: history and language]*. Monograph. Astana.
20. Shaimerdinova, N.G. (2014). Representation of the Kipchaks' world in the light of lexical and grammatical systems of Kipchak language. In: *Түркі дүниесі рухани мұра және бүгінгі мәдениеті. Халықаралық симпозиум материалдары*, Astana: ЕҰУ, p. 348—354.
21. *Etymological dictionary of Turkic languages: General Turkic and Amongst Turkic lexical basis for the letters L, M, N, P, S*. (2003). The Institute of Linguistics. Moscow: Vostochnaya literature. (in Russ).

Сведения об авторах:

Шаймердинова Нурила Габбасовна, доктор филологических наук, профессор кафедры тюркологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, «Лучший преподаватель вуза» Республики Казахстан (2008). Имеет Нагрудной знак МОН РК «Почетный работник образования РК» (2010); *научные интересы*: текстология, семантическая интерпретация и перевод древнетюркских Орхонских текстов, функциональная и когнитивная семантика, *e-mail*: ya_nurila@enu.kz

Жиембай Бибигуль Сауровна, магистр, преподаватель кафедры тюркологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева; *научные интересы*: актуальные проблемы современных тюркских исследований, язык армяно-кыпчакских надписей; *e-mail*: zhiembai_bibigul@mail.ru

Bio Note:

Shaymerdinova Nurila Gabbasovna, Doctor of Philology, Professor at L.N. Gumilyov Eurasian National University, *e-mail*: ya_nurila@enu.kz

Zhiyembay Bibigul Saurovna, Master in Philology, Lecturer at L.N. Gumilyov Eurasian National University; *e-mail*: zhiembai_bibigul@mail.ru

УДК: [811.161.1:811.19:811.111]'374
DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-293-300

ТЕЗАУРУС ЖАНРА СКАЗКА (на материале произведения А.С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке» на русском, армянском и английском языках)

С.Н. Семенова

Кубанский государственный университет
ул. Ставропольская, 149, Краснодар, Россия, 350040

Статья посвящена составлению тезауруса жанра *сказка* в рамках художественного произведения А.С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке». В этой связи исследуется массив текстов (на русском, армянском и английском языках). Автор обосновывает положение о том, что тезаурусный способ систематизации знания нашел воплощение в отраслевых тезаурусах, которые предназначены для использования в специфических информационно-поисковых системах, где представление знания равнозначно систематизации терминологии в определенной предметной области. В работе выявлено отношение *гипонимо-гиперонимии* как ведущий фактор организации тезауруса изученного жанра.

Ключевые слова: тезаурус, жанр сказка, массив текстов, гипоним, гипероним, семантические отношения, область знаний, представление знаний

ВВЕДЕНИЕ

Для всякой науки обязательно определение границ, которые характеризуют направления исследований, методов и проблем. Цель нашего исследования — построить тезаурус жанра *сказка* в рамках художественного произведения А.С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке» (“The Tale of the Fisherman and the Golden Fish” (англ.); Հերիսիւր ձկնորսի եւ ձկան մաւիւն (арм. яз.)) в контексте одного из этапов его творческого пути, выявив связь отдельных элементов анализируемого текста: темы, образы, способы выражения авторской позиции.

Стихи А.С. Пушкина — это живопись и музыка. Они сопровождают нас с самого нашего детства через всю жизнь, и каждый раз, возвращаясь к ним, мы находим в них нечто новое.

ПОСТРОЕНИЕ ТЕЗАУРУСА ЖАНРА СКАЗКА

В широко известном произведении А.С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке» нами обнаружены три основные темы: 1) море, 2) старуха и 3) старик, которые были охарактеризованы автором. Они составляют вечную проблему непонимания человеком жизни, которая была, есть и будет актуальна, как нам кажется, всегда. Сказка переведена на многие языки мира, но в нашем исследовании изучены были оригинал на *русском языке* [Пушкин 1964] и переведенные версии на: *английский язык* А. Пиманом “The Tale of the Fisherman and the Golden Fish” [Pushkin 1974], *армянский язык* Ю. Саакяном Հերիսիւր ձկնորսի եւ ձկան մաւիւն [Պուշկին 2015].

Переведенные варианты очень яркие и интересные, но в них есть некоторые отличия от произведения-оригинала. Например:

1. В английском: *Lord of Fishes* — рыбка условно представлена в мужском роде; в армянском и русском — в женском роде: *Ձկնիկ տիրուհի. Государыня рыбка.*

2. В английской версии не *more* как в русской и *Ծով* в армянской *ը*, а *Ocean* океан.

3. В английском языке *сапожки* обозначены не только цветом, но и качеством «мягкие»: *Boots of soft red leather*. В армянском варианте цвет сапог не представлен: *Փսիռնիկ մուճակներ.*

4. В английской и армянской версиях сладости представлены во множественном числе: *Crested sweet-meats, Մերթ թիւիտճուներ*, а в русской — в единственном числе: *Пряник печатный.*

5. Английское *Great wonder* — дословный перевод с русского *Великое чудо*. Слово сочетание на армянском языке: *Գլխով տնջածը* по словарному составу отличается, но смысл остается тот же, что в оригинале: *какое с ним чудо случилось.*

6. *Rule over Sea and Ocean. Օրվի տիրուհի. Владычица морская.* Версия на английском языке отличается по словарному наполнению от армянской и русской. Дословный перевод таков: «*Править на море и океане*», но смысл один и тот же.

7. *Your heart is content now* (утвердительное предложение). — *Բն իշուտի, գը հ էս ին ձնից* (вопросительное предложение). *Теперь твоя душенька довольна* (утвердительное предложение). В трех языках наблюдаются различия по типу предложения.

8. *Husband. Օրրնիկ. Муж.* Английское и русское слова отличаются от армянского — *старик.*

9. *Wife. Պսիսիկ. Жена.* Английское и русское слова отличаются от армянского — *старуха.*

10. *Pearls on her neck hanging heavy.* В армянском варианте нет строки: *Жемчуги огрузили ее шею.*

Любой тезаурус способствует расширению количества возможных связей в словарном составе языка и увеличивает размерность семантического пространства лексики. На новом витке спирали развития знания следует фиксировать общие и частные понятия, которые дают возможность сжать информацию и экономно выразить любую мысль [Баранов 1995: 55; Семенова 2007: 35].

Тезаурусный способ систематизации знания нашел воплощение в отраслевых тезаурусах, которые предназначены для использования в специфических информационно-поисковых системах. Здесь представление знания равнозначно систематизации слов и словосочетаний жанра *сказка* в рамках художественного произведения А.С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке» (на материале русского, армянского и английского языков).

Тезаурусное представление знаний — это приближенное объяснение лексической системы. Такая система позволяет наблюдать уровневую организацию лексики и определить типы отношений, которые вне тезаурусной схемы остались бы не выраженными явно. Речь идет о ключевых словах и их роли в делении семантических полей (т.е. дескрипторных статей) [Семенова 2006: 163—164].

Отбор представленной в тезаурусе лексике основывается на принципе синхронно-сопоставительного рассмотрения английского, армянского и русского языков. По результатам, полученным в ходе изучения текстов «Сказка о рыбаке и рыбке» (на трех языках), мы составили нижеследующий тезаурус слов и словосочетаний, систематизированный в отношениях подчиненности и соположенности. Итак, структура такова:

Структура тезауруса

1. Описание моря.
2. Описание старухи.
3. Местообитание старухи.
 - 3.1. Части жилища
4. Люди.
5. Географические термины.
6. Метафоры.

Вышеперечисленные компоненты *структуры тезауруса* взаимосвязаны. Для правильной тематической классификации слов в тезаурусе необходимо учитывать основное значение и отнесенность слова к определенной части речи. С учетом полученных данных из массива текстов на английском, армянском и русском языках мы составили следующую табл. 1, представляющую как количество примеров, так и их процентное соотношение.

Таблица 1

Части речи тезауруса

Часть речи	Примеры, ед.				Примеры, %			
	Русск.	Арм.	Англ.	Всего	Русск.	Арм.	Англ.	Всего
Имя существительное	39	23	29	91	42,8	25,3	31,9	100
Имя прилагательное	18	29	10	57	31,6	50,9	17,5	100
Глагол	9	11	8	28	32,1	39,3	28,6	100
ИТОГО:	66	63	47	176	37,5	35,8	26,7	100

Как следует из табл. 1, наибольшую группу в русском и английском языках составили имена существительные, в армянском — имена прилагательные. Анализ показал, что они, в основном, являются дословными переводами сказки А.С. Пушкина с русского языка на армянский и английский языки. Представленные слова в структуре тезауруса имеют некоторые сходства и различия, которые мы опишем далее в нашей работе.

Со структурно-морфологической точки зрения мы выявили слова по их количественному составу: односложные и двусложные. Например, английское слово *old woman* состоит из двух компонентов, армянское *սիւնիւ* и русское *старуха* — из одного. Английское *wife* состоит из одного слова, армянское *կին տնուհի* — из двух, русское *жена* — из одного. Итак, в трех языках словообразование различно.

Также были выделены виды семантических отношений языковых единиц: синонимы и антонимы.

Синонимы, например:

to return (to come back). Տուն դարձավ (գնաց);
Isba (hovel). Խիճիթ (դղակ). Изба (землянка).

Необходимо отметить, что наряду с синонимами были обнаружены *антонимы*, которые являются видом семантических отношений языковых единиц, но только с противоположным значением. Например:

Wife (կին *ստուիկն*) (жена) — *husband* (ստուիկն) (муж).

Далее представлено перечисление компонентов тезауруса на английском, армянском и русском языках.

1. ОПИСАНИЕ МОРЯ

Deep blue ocean. Կապույտակ ծով. У самого синего моря.

The ocean was ruffled. Ծովը խուլված է մի քիչ. Море слегка разыгралось.

The ocean was dark now and troubled. Ծովը շատ է անհանգիստ. Не спокойно синее море.

The ocean was rough now and choppy. Ծովը սևակնել է խիստ. Почернело синее море.

Black and threatening now, the blue ocean. Ուցեր փոթորկվում ծովը սևակնած. На море черная буря.

2. ОПИСАНИЕ СТАРУХИ

More self-willed, than ever. Ավելի գովեց. Старуха вздурилась.

Again on the rampage. Կորից է գովել. Старуха бунтует.

The old woman grew more and more grasping. Պատավն ավելի խելքը թոցրեց. Еще пуще старуха вздурилась.

Good-wife. Պատավ. Старуха.

A plain peasant woman. Գեղջկուհի. Черная крестьянка.

High-born lady. Իշխանուհի. Столбовая дворянка.

Mistress-Madam-M'Lady. Տիկին իմ իշխանուհի. Барыня-сударыня дворянка.

Mighty Empress. Ազատ թագուհի. Вольная царица.

Rule over Sea and Ocean. Ծովի տիրուհի. Владычица морская.

3. МЕСТООБИТАНИЕ

In a hovel of clay and wattle. Հին մի հյուղակի մեջ. В ветхой землянке.

Isba = hovel. Խիճիթ = դղակ. Изба = землянка.

Mansion. Դղակ. Терем.

Palace. Արքայական պալատներ. Царские палаты.

Hut. Տնակ. Землянка.

3.1. Части жилища

Threshold. Նախկին. Порог.

A brand-new izba with whitewashed, brickwork chimney, oaken doors, a carved attic window. Մի խիճիթ տեսակ նա աղմուսաշեն վերնասենյակով ու ծխնելուղով. Изба со светелкой, С кирпичною, беленою трубою, С дубовыми, тесовыми вороты.

4. ЛЮДИ

Servants. Ծառաներ. Слуги.

Husband. Ծերուկ. Муж.

Wife. Պառաւ. Жена.

Great nobles and lords. Իշխաններ, իշխանուհիներ. Бояре да дворяне.

Sentries. Թիկնապահները. Грозная стража.

People. Ժողովուրդը. Народ.

5. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ

Ocean. Օվկիանոս. Океан.

---. Ծով. Море.

Shore. Ծովափ. Берег.

Storm. Փոթորկ. Буря.

Wave. Զրերն ալեհի. Волна.

6. МЕТАФОРЫ

Метафора — перенесение свойств живого существа на неодушевленные предметы.

No common fish, but a golden. Հասարակ ձուկ չէր, այլ ոսկէ. С непростой рыбкой, — золотою.

Quite beside herself this time with anger. Ոնց էր հայհոյում դժբախտ ծերուկին. На чем свет стоит мужа ругает.

Pearls on her neck hanging heavy. (Нет строки в армянском варианте). Жемчуги огрузили ее шею.

Your heart is content now. Ի՞նչ կատու, գո՞հ էս ինձնից. Теперь твоя душенька довольна.

To remember your place in future! Որ սյուս ահգամ չափդ ճանաչես. Не садися не в свои сани!

Swim back and forth on my errands. Միշտ լինի կողքիս, իմ կամքին հլու. И была б у меня на посылках.

Благодаря изученному материалу мы пришли к выводу, что различие в текстах сказок на трех языках заключается в порядке слов в глагольных словосочетаниях. В английском и русском языках порядок слов таков: глагол + существительное, а в армянском существительное + глагол.

В нашем исследовании мы выявили отношение *гипонимо-гиперонимии* как ведущего фактора организации тезауруса исследуемого жанра. Гипонимо-гиперонимия характеризуется как тип семантических отношений, при котором слова, обозначающие вид или часть, семантически подчиняются словам, соответственно обозначающим род или целое. Таким образом, мы обнаружили примеры, относящиеся к таким семантическим отношениям, как гипонимам. Они семантически подчиняются родовому названию — слову «люди». Слово, подчиняющееся другому слову, называется гипонимом [БЭС 1998: 104].

Вот пример такого отношения:

Servants. Օտարներ. Слуги;

Husband. Ծերուկ. Муж;

Wife. Պսոսվ. Жена;

Great nobles and lords. Իշխաններ, իշխանապետներ. Бояре да дворяне;

Sentries. Թիկնապետներ. Грозная стража;

People. Բնիկներ. Народ.

Из вышеперечисленных примеров видно, что есть различие между этими двумя видами отношений. Смысл в том, что родовидовая семантическая зависимость связана с различными представлениями одного и того же класса, хотя семантическая зависимость целое — часть свойственна лишь определенным предметам. Части целого качественно различны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в ходе нашего исследования мы пришли к выводу, что в семантических отношениях гиперонимов и гипонимов существуют взаимоотношения семемы и значения в структуре слова. В целом из этого следует, что гипероним соотносится с семемой и включает в себя в качестве сем значения всех гипонимов.

Также были в текстах найдены заимствования из русского языка в английский и армянский языки, например:

1. *Isba*. *Изба*. В армянском языке свой вариант этого слова — *Իշխիթ*.

2. *Պալատներ*. *Палаты*. В английском языке свой вариант слова — *Palace*.

Еще одна отличительная черта английского, армянского и русского языков — разные графические изображения букв, что не является препятствием для изучения любого массива текстов.

Вся информация собрана в тезаурусе, структурированном по принципу тематического словаря, в котором происходит лексическое наполнение блоков-тем. Данный тезаурус послужит основой для дискурсивной деятельности. При помощи общих элементов в значении и употреблении единиц классы объединены в поле, а при помощи специфических различий они противостоят друг другу как классы единиц одного поля.

Очевидно, что изучение массива текстов не только жанра сказка на русском, английском и армянском языках, но и многих других жанров в рамках любой литературы даст новые результаты для построения тезаурусов по различным предметным областям.

© Семенова С.Н.

Дата поступления: 12.12.2016

Дата принятия к печати: 25.01.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баранов А.Г. Динамические тенденции в исследовании текста // *Stylistika*. 1995. Vol. 4. С. 54—69.
2. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Гл. ред. В.Н. Ярцева. Москва, 1998.

3. Пушкин А.С. Избранные произведения. Москва: Художественная литература, 1964. С. 247—253.
4. Семенова С.Н. Когнитивно-прагматические характеристики дискурса в предметной области «Горные экосистемы»: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007.
5. Семенова С.Н. Тезаурусное представление терминологических систем предметной области «Горные экосистемы» // Язык и мышление: психологический и лингвистический аспекты: Матер. 6-й Всерос. науч.-практ. конф. / Отв. ред. проф. А.В. Пузырев. Москва—Ульяновск: Институт языкознания РАН; Ульяновский гос. ун-т., 2006. С. 163—164.
6. Pushkin A.S. Selected Works (in two volumes). Moscow: Progress Publishers. Vol. 1. 1974. P. 187—193.
7. Պուշկին Ա. Ս. Ներպարզված կոնցրետիվականության. Երեվան, Բուկինիստ, Ե. 3—19. 2015. (in Armenian).

УДК: [811.161.1:811.19:811.111]'374

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-293-300

THESAURUS OF FAIRY-TALE GENRE (the study of A.S. Pushkin's "The Tale of the Fisherman and the Golden Fish" and its translations into English and Armenian)

S.N. Semenova

Kuban State University

149, Stavropolskaya str., Krasnodar, Russia, 350040

Abstract. The article is devoted to the construction of the thesaurus of fairy-tale genre within the framework of fiction of A.S. Pushkin "The Tale of the Fisherman and the Golden Fish". In this connection texts' corpus (in Russian, English and Armenian) is studied. The researcher justifies the thesis that thesaurus way of knowledge systematization is given in thesauruses of different branches. They are important for specific information-searching systems where the knowledge representation is equivalent to terminological systematization in the definite subject area. In the research work hyponym-hyperonym relationship is presented as the leading factor of the thesaurus construction of the studied genre.

Key words: thesaurus, fairy-tale genre, fiction, texts' corpus, hyponym, hyperonym, semantic relationship, subject area, representation of knowledge

REFERENCES

1. Baranov, A.G. (1995). Dynamic trends in text studies. *Stylistika*, 4, 54—69. (in Russ).
2. *Large encyclopedic dictionary* (1998). Language studies / Ed. V.N. Yartseva. Moscow. (in Russ).
3. Pushkin, A.S. (1964). *Selected Works*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. p. 247—253. (in Russ).
4. Semenova, S.N. (2007). *Cognitive and pragmatic features of discourse in the field of "Mountain ecosystems"*: [dissertation]. Krasnodar. (in Russ).
5. Semenova, S.N. (2006). Thesaurus presentation of the field studies of "Mountain ecosystems". Language and Thinking: Psychological and Linguistic Aspects: *Proceedings of the 6th All-Russian Scientific and Practical Conference* / Ed. Prof. A.V. Puzyrev. Moscow-Ulyanovsk: Institute of Linguistics RAS; The Ulyanovsk state University. p. 163—164. (in Russ).

6. Pushkin, A.S. (1974). *Selected Works* (in two volumes). Moscow: Progress Publishers. Vol. 1. p. 187—193. (in Russ).
7. Պուշկին Ա.Ս. (2015). Հեքիաթձկնորսի եվձկանմասին. Երեվան, Բուկինիստ. Ե. 3—19. (in Armenian).

Сведения об авторе:

Семенова София Новиковна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере факультета романо-германской филологии Кубанского государственного университета; *научные интересы*: текстология, семантическая интерпретация и перевод текстов, английские заимствования, строительные технологии; термины, терминосистема, эквивалентность; тождественность перевода, функциональная и когнитивная семантика, *e-mail*: sofya.semenova75@yandex.ru

Bio Note:

Semenova Sofia Novikovna, Ph.D. in Philology, Associate Professor at Kuban State University; *e-mail*: sofya.semenova75@yandex.ru

УДК: 81'286:904

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-301-308

МАХМУД КАШГАРИ — ОСНОВОПОЛОЖНИК АРЕАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

У.К. Исабекова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
ул. Моховая, 11, Москва, Россия, 125009

«Словарь тюркских языков» («Диван лугат ат-тюрк») Махмуда Кашгари — комплексный труд, охватывающий такие отрасли науки, как сравнительно-историческое языкознание, лексикография, антропологическая лингвистика, ареальная лингвистика, лингвокультурология, диалектология. В статье раскрывается содержание «Дивана лугат ат-тюрк» в тесном соотношении с «Картой», которая является приложением к «Словарю».

Автор статьи отмечает, что Махмуд Кашгари выявил взаимосвязь диалектных особенностей тюркских племен с их географическим местом обитания, а также языковое сходство тюркских племен. В статье делается заключение о том, что в истории мирового языкознания «Дивану лугат ат-тюрк» принадлежит место первого труда по ареальной лингвистике.

Ключевые слова: ареальная лингвистика, средневековая письменная культура, языковые исторические памятники, Караханидская эпоха

ВВЕДЕНИЕ

«Диван лугат ат-тюрк» («Словарь тюркских языков») Махмуда Кашгари — комплексный и разносторонний лингвистический труд, созданный в 1072—1074 гг. на мусульманском Востоке, в значительной степени отразил успехи арабской науки, расцвет которой приходится на средние века. В нем были переосмыслены на новом материале и в новом ракурсе исследования исламских ученых, изучавших существование мироздания, место в нем человека и окружающей среды, а также подняты проблемы, никогда до этого не рассматриваемые в арабской лингвистике в качестве объекта исследования. Об этом Кашгари в своей работе напишет так: «Я избрал указанный способ, чтобы облегчить и сократить описание, и выступил с сочинением, которого не было и о котором не знали раньше» [ал-Кашгари 2010: 58]. Раскрытие этой позиции автора — важная задача сегодняшнего кашгароведения.

Главная ценность работы Кашгари в том, что впервые в исследовании языков средневековых тюркских племен на основе лингвистических и ареальных методик была создана первая карта тюркоязычного мира, рассмотрены языковые и географические границы тюркских племен, особенности языковых контактов.

МАХМУД КАШГАРИ И АРЕАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

В эпоху, в которой жил Кашгари, стремительно развивались научные исследования, основанные на идеях ислама, группировались и вырабатывались философские принципы, наряду с гуманитарными науками формировались и отрасли

естественных наук. Наука начала разделяться на различные отрасли. Являющийся комплексной работой труд Кашгари отражает продолжающийся процесс размежевания в науке разных отраслей и ответвлений. В то же время нужно понимать, что в этом труде, естественно, отразился и общий уровень научных знаний того времени.

В ходе рассмотрения личностных особенностей Махмуда Кашгари мы старались показать его труд с разных сторон.

Проблемой, в решении которой кашгароведы не могут прийти к единому мнению, являются «Словарь» и круглая карта мира, приложенная к «Словарю». Махмуд Кашгари на карте отметил населенные пункты и народы, расположенные на материке Евразия.

В отношении этой карты существует много разных мнений. Известно, что учение о географических картах развивали великие путешественники-географы, сформировавшиеся в Арабском халифате в VII—X вв. Махмуд Кашгари, умело использовавший богатый опыт классической школы арабских географов, разместил в середине карты, как указывает В.У. Махпиров, «политические центры тюрок» [Махпиров 1997: 216]. Там он отметил такие города тюрокских племен, как Жаркент, Кашгар, Барсхан, Баласагун, Яфук, Икигуз, Асбуали, Куми и Талас [islamonline.ru/index.php].

Если арабские картографы рисовали карту круглой как образ земли и в середине изображали Мекку, то Кашгари по этому подобию рисовал круглую карту и отмечал в ее центре такие города, как Кашгар, Барсхан и Баласгун, центры государства Караханидов. На западе карты изображены кипчаки и Рум, населенный франками, на юго-западе — Эфиопия, на севере — Индия, на востоке — Китай и Япония. О ценности карты, думаем, скажут свое слово картографы, географы и историки. Нашей же задачей является определение деятельности Кашгари как основоположника ареальной лингвистики.

Чтобы рассматривать Кашгари в связи с ареальной лингвистикой, необходимо обратить особое внимание на связь между его словарем и картой. Несмотря на то что словарь разносторонне изучается в филологических исследованиях, о взаимосвязях с картой в них говорится косвенно.

Немецкий востоковед И. Маркварт, первым в 1931 г. обративший внимание на карту Махмуда Кашгари, вместе с историком-картографом К. Миллером и арабистом Г. Генслером сделали попытку прочитать надписи и перевести их на немецкий язык. Но для досконального изучения карты «Словарь» не был использован. В последующие годы ее изучали А. Германн (1935), Ш. Улкуташир (1946), В.В. Бартольд. Опираясь на предыдущие исследования, И.И. Умняков очень удачно перевел топонимы с карты на русский язык, тем самым подняв на новый уровень кашгароведение.

Исследователи не раз отмечали четкое нанесение Махмудом Кашгари относительно центра карты заселенных тюрокскими племенами территорий и приграничных земель. В частности, академик И.Ю. Крачковский писал, что лингвистическое произведение Махмуда Кашгари «Диван лугат ат-турк» имеет особую значимость и с точки зрения географии [Крачковский 1957: 267—270].

Махмуда Кашгари относят к представителям картографов школы Абу Райхана Бируни [Хасанов 1967: 34.], Бартольд считает, что Кашгари «единственный арабский автор, написавший о Средней Азии не по книге, а по тому, что сам видел и знал». И. Умняков отмечает «...на ней были размещены все тюркские народы, о которых говорится в тексте» [Умняков 1940: 103—132]. Г.Г. Мусабаев говорит, что, «так как в карте не были точно обозначены меридианы, имеются некоторые отклонения в расположении рек, озер и др.» [Мусабаев 1969: 48].

Вместе с тем исследователи по-разному читали надпись на краю северо-западной части карты. Например, И.И. Умняков читает это слово как «ал-маджус», и предлагает переводить его как «язычник, неверный» [Умняков 1940: 103—132]. Узбекский ученый Х. Хасанов пишет, что впервые встречается с названием венгерской земли «ал-маджар». Это название, появившееся в период, когда у тюркских племен вдоль берегов Дуная сформировалось новое соседнее государство — Венгрия [Хасанов 1967: 33].

Х. Хасанов, изучавший географические данные Словаря в связи с картой, поддерживает мнение А. Германна о том, что *Сарарка* и Япония — это названия одной и той же страны, и доказывает, что Японию впервые упоминал не Марко Поло в XIII в., а Махмуд Кашгари в XI в. [islamonline.ru/index.php].

Х. Досмухамедулы в начале XX в. — один из первых исследователей, рассматривавших труд Кашгари в связи с ареальной лингвистикой, писал, что «в истории ислама никогда география не использовалась в языкознании» и это сделал Кашгари, «нарисовав карту в круглой форме и показав всему миру, где и как располагались тюркские племена» [Досмухамедулы 1998: 24]. Наряду с этим А.М. Щербак отмечает, что «Диван Махмуда Кашгарского (XI в.) не имеет себе равного... он включает в себя обширные лингвистические данные по тюркской грамматике, своеобразно интерпретируемой (в сравнении с арабской), лексике, фонетике, подробности о размещении племен, географические и другие сведения» [Щербак 1961: 29]. Х. Хасанов так отзываясь о труде Махмуда Кашгари: «Диван лугат аттурк» — наглядная энциклопедия культуры, быта, хозяйства, языка и географии Центральной Азии и Западного Китая XI в.), а об авторе: «Кашгари — выдающийся краевед, географ, терминолог и картограф Средней Азии» [Хасанов 1967: 35].

Кашгари же побывал в тюркских племенах, живших в его эпоху, изучил и проанализировал их жизнь и быт, обычаи и традиции, описал их язык, систематизировал их сходства и различия. Об этом пишет и сам автор: «Я обошел их города и степи и изучил наречия и стихи тюрков, туркменов-огузов, чигилей, ягма, кыркызов, так что для меня стал превосходно известным язык каждого племени» [Махмуд ал-Кашгари 2010: 56].

Кроме того, Кашгари во введении пишет, что в словаре он намеренно проводил этнолингвистические исследования: «Я расположил основы [слов] по правилам и принципам... И я ограничился для каждого племени основами [слов]... Я рассыпал в нем (сочинении) примеры произносимых ими (тюрками) в торжественных и обыденных случаях стихов, а также пословиц, которые они создают на путях мудрости как в горе, так и в радости, передавая их от сказавшего следующим. Я собрал в нем [названия] наиболее употребительных вещей и известные

выражения, так что книга приобрела высочайшие достоинства и исключительную утонченность» [Махмуд ал-Кашгари 2010: 56]. К примеру: «uluş „селение“, в чигильском наречии. У жителей Баласагуна и соседних с ним земель племени аргу это слово обозначает „город“. А потому город Баласагун называется quz uluş» [Махмуд ал-Кашгари 2010: 100]. Ясно, что это слово созвучно слову «ұлыс» в казахском языке.

Таким образом, Кашгари проводит лингвистический анализ ряда географических названий. Это может служить доказательством того, что Словарь является первым ареальным лингвистическим трудом. В ходе составления круглой карты Кашгари обследовал территорию расселенных от Рима до океана тюркских родов и племен и социально-географические особенности сохранения «в чистоте» их языка, создал ареальную классификацию тюркских языков [Егеубай 1997: 17].

Известно, что теоретические основы современной ареальной лингвистики начали складываться в начале XX в. Представители неолингвистики Дж. Бертони и М. Бартоли назвали ее «пространственной лингвистикой» и обосновали ее первоначальные правила, принципы, методы и приемы. Французский лингвист Ж. Жильерон ввел термин «ареал», создал приемы «ареальной лингвистики»: рассмотрел области распространения языка, границы распространения языковых явлений, проблемы взаимоотношений диалектов в масштабной сфере языкознания — ареальной лингвистике.

Особенности языковых ареалов и границы их распространения, определение изоглосс, диалектов, языковых контактов ареальных объединений, проблемы распространения отдельных языков или языковых групп и др. относятся к задачам ареальной лингвистики. Конкретные термины ареальной лингвистики изофон, изолекс, изосем, использование сравнительно-генетических методик для определения изоглосс и использование типологического анализа для конвергенционных изоглосс, появившихся в результате долгих языковых связей неродственных языков, — достижение лингвистики XXI в.

Классификацию языков по географическому, или ареальному, принципу, принятому в языкознании, можно заметить и в разделах Словаря Махмуда Кашгари. «Тюрки состоят изначально из двадцати племен... Каждое племя имеет роды, количество которых знает только Аллах. Я перечисляю главные племена и оставляю [втуне] незначительные, кроме родов туркмен-огузов. Я привожу их роды и клеймы... Я обозначил, кроме того, местоположение каждого племени восточной земли... по порядку на восток, начиная от ближайших к Руму» [Махмуд ал-Кашгари 2010: 73]. Точно так же, по месту расположения, он отдельно располагает племена печенегов, кипчаков, огузов, йемеков, башкуртов, басмыл, кай, ябаку, татар и киргизов, отдельно — племена чигил, тухси, ягма, ыграк, жарук, жомул (джумул), уйгуров, тангыт и китайские племена. Здесь можно заметить, что выделено изоглоссное сообщество неродственных языков, расположенных в одном ареале.

В «Словаре» Махмуд Кашгари рассказывает и о конкретных местах расселения племен.

В X—XI вв. огузские племена, а среди них сельджукские и туркменские племена заселяли обширную территорию. Основная часть огузских племен кочевала

в низовьях Сырдарьи до Аральского моря и дальше охватывала Хорезм, низовья Амударьи до Каспийского моря. В XI в. кипчакские племена, как и огузские, занимали громадную территорию. В древности основная масса восточных кипчаков, являвшаяся частью западных кимаков, располагалась севернее кочевых огузских и печенежских племен. В связи с тем, что огузские племена продвинулись на запад, кыпчаки поселились на территории от нижнего течения Сырдарьи к востоку до Иртыша.

Карлукские племена разместились в Семиречье, вдоль Иртыша, перевалив через Тарбагатайские горы, и двинулись далее на запад, к югу от Иссык-Куля, от Нарына до р. Чу. Племена аргу заселяли земли между Испиджабом и Баласагуном, т.е. земли вдоль течений рек Талас, Чу. Племена аргу были полукочевыми.

В своем труде Махмуд Кашгари не только описал области распространения ряда племен, но и показал их языковые особенности, а также дал собственные объяснения появлению этих языковых особенностей. К примеру, в главе «Отглагольные имена» он пишет: «Между хаканскими тюрками и другими, с одной стороны, и туркменами-огузами, с другой, существует очевидное и последовательное расхождение» [Махмуд ал-Кашгари 2010: 63].

Такие высказывания Кашгари об особенностях тюркских языков еще ждут своих дальнейших исследований, а сделанные им выводы по сей день не утратили своего значения. Остановимся на некоторых из них.

Так, он делает заключение, что «Самый правильный язык у тех, кто знает только один язык, не смешивался с персами и не привык жить в городах. А у тех, у кого два языка и кто смешивался с жителями городов, есть смягчение в произношении» [Махмуд ал-Кашгари 2010: 310]. «У уйгуров чистый тюркский язык (*lisan*), но у них есть и другое наречие», «кай, ябаку, татары и басмылы, каждое объединение из них имеет особое наречие». Махмуд ал-Кашгари выделяет языковые общности «у кыркызов, кыпчаков, огузов, тухси, ягма, чигилей, ограков, чаруков — чистый и единственный тюркский язык; язык емеков и башкир близок к их языку». Кашгари самым выразительным, открытым, красивым и четким называл язык хаканцев: «Самый легкий из языков — огузский, а самый правильный — язык ягма, тухси и тех, кто живет в долинах Или, Иртыша, Оби, Волги — вплоть до страны уйгуров» [Махмуд ал-Кашгари 2010].

В своем исследовании Кашгари обращает особое внимание и на ономастику, старается раскрыть этимологию названий. К примеру, «пограничный город *iki ögüz*, назван потому что это город между двумя реками — рекой *ila* и рекой *jafinç*» [Махмуд ал-Кашгари 2010: 97]. *Uđu* «холм». «Песчаный холм» называют *qum uđu*. Отсюда и название города у аргу: *Uđukänd*. *Ordu* «ставка хана». Отсюда город Кашгар называется *ordu känd*, что значит: «город, в котором располагается ставка хана». *Ordu* — ставка вблизи Баласагуна. Поэтому Баласагун тоже называется *Quiz ordu*» [Махмуд ал-Кашгари 2010: 114].

Känd «село», у огузов и у тех, кто примыкает к ним. У большинства тюрков слово [*känd*] значит «город». А потому один из городов Ферганы называется *özkänd*, что значит «наш, свой город». Таков *sämizkänd*, что [буквально] значит «жирный город». [Так назван] он из-за огромной величины. По-персидски он [на-

зывается] Samarqand» [Махмуд ал-Кашгари 2010: 261]; *ġigil* — название трех групп тюрков. Первая из них представлена кочевниками, живущими в Куйасе. Это городок за Барсганом. Вторая группа живет в городке вблизи Таласа (Taraz), который называется *ġigil*. Происхождение этого названия таково: когда Зулкарнейн (Александр Македонский) дошел до страны Аргу, разверзлись хляби небесные, и дороги покрылись грязью, из-за чего у него были большие трудности. И сказал [Зулкарнейн] по-персидски: *ġigil ast*, что значит: «что это за грязь, от нее мы не избавимся». Он приказал начать там строительство. Была построена крепость, которая сегодня называется *ġigil*; она была названа этим словом. Потом тюрки, которые жили в этой крепости, стали называться чигильцами *ġigili*. Это название распространилось позднее. Огузы постоянно воевали с населением Чигиля, поскольку их страна примыкает к этой крепости. Враждебные отношения между ними сохранялись даже до сего дня. И всех тюрков, кто одевается на чигильский манер, [огузы] называют так. Огузы всех тюрков, обитающих начиная от Джейхуна вплоть до Верхнего Чина, называют чигилями. Но это неверно. Третья группа обитает в ряде селений Кашгара» [Махмуд ал-Кашгари 2010: 316]; *Täskän* — название [города] Шаш. Это тот город, откуда Абу: Бакр ал-Каффа:л аш-Ша:ши. Настоящее [название] его *Tas қапа*, что значит «каменный город» [Махмуд ал-Кашгари 2010: 360]; *Каһміг* — название города в стране тюрков. Его построил Сюлейман (Соломон), да будет над ним благословение Аллаха» [Махмуд ал-Кашгари 2010: 371].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Махмуд Кашгарский приводит сведения о размере земель тюрков, населяющих бескрайние степи. «Большая часть областей тюрков от Рума до Мачина — пять тысяч фарсахов в длину на три тысячи фарсахов в ширину, всего восемь тысяч фарсахов. Я их всех обозначил в круге — на карте земли, для того чтобы знали их» [Махмуд ал-Кашгари 2010]. Если учесть, что 1 персидский фарсах земли был равен 5549 м, то можно сказать, что Кашгари, который обошел и нанес на карту все племена, проживавшие на такой большой территории, ставил перед собой достаточно большую цель.

В языковых исследованиях до Кашгари географические методы не применялись. В частности, никогда до него не заносились на карту ареалы распространения языков, соседние племена, их языковые контакты. Поэтому есть все основания считать, что Махмуд Кашгари своим «Словарем тюркских языков» стал основоположником ареальной лингвистики.

© Исабекова У.К.

Дата поступления: 1.02.2017

Дата принятия к печати: 25.02.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Махмуд ал-Кашгари*. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов) / пер. с араб. А.Р. Рустамова, под ред. И.В. Кормушина, прим. И.В. Кормушина, Е.А. Поцелуевского, А.Р. Рустамова. Москва: Восточная литература, 2010.
2. *Махпиров В.У.* Имена далеких предков. Алматы: Институт востоковедения АН РК, 1997.

3. Самая старая карта Японии, начерченная Махмудом Кашгари. Режим доступа: islamonline.ru/index.php Дата обращения: 22.01.2017.
4. *Крачковский И.Ю.* Ал-Бируни и географы в XI в. на Востоке // *Избранные произведения*. Т. IV. М.—Л.: Наука, 1957. С. 267—270.
5. *Хасанов Х.* Географическое наследие ученых Средней Азии: автореф. ... док. дис. Ташкент: Фан, 1967.
6. *Умняков И.И.* Самая старая турецкая карта мира // *Труды Самаркандского госпединститута*. Вып. 1. Самарканд, 1940. С. 103—132.
7. *Мусабаев Г.Г.* Некоторые сведения о жизни М. Кашгарского // *Исследования по тюркологии*. Алматы: Наука, 1969. С. 48—62.
8. *Досмұхамедұлы Х.* Диуани лұғат ат түрк // *Тандамалы*. Алматы: Ана тілі. 1998. С. 155—162.
9. *Щербак А.М.* Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л.: АН СССР, 1961.
10. *Егеубай А.* Махмұт Қашқари «Диуани лұғат-ит-түрік» (XI ғ.). Алматы: Хант, 1997. Т. 1.

УДК: 81'286:904

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-301-308

MAHMUD KASHGARI — THE FOUNDER OF AREAL LINGUISTICS

Uldar Isabekova

Moscow State University, Department of Turkic philology of ICAA
125009, Mohovaya Str., 11, Moscow, Russia

Abstract. Mahmud Kashgaria's work — “The dictionary of Turkic languages” (“Divan lugat at-tyurk”) is the complex work of comparative-historical linguistics, a lexicography, anthropological linguistics, areal linguistics, a linguistic culture, dialectology. In article the historical questions are considered and its communication with “The map of the Turkic world of the XI century”, the content of “Divanu lugat at-tyurk” in its close coorelation with the “Map” is discovered which is the annex to dictionary reveals.

The author of article notes that Mahmud Kashgaria has revealed interrelation of dialectic features of Turkic tribes with their geographical habitat and also language similarity of Turkic tribes. In the conclusion are told that in the history of world linguistics “Divanu lugat at-tyurk” is the first work on areal linguistics.

Key words: areal linguistics, medieval written culture, language historical monuments, outlooks, Karakhans era

REFERENCES

1. Mahmud-al-Kashgari. (2010). *Code of Turkic words* / Translation from Arabic by A.R. Rustamov, ed. I.V. Kormushina, notes I.V. Kormushina, E.A. Potseluevsky, A.R. Rustamov. Moscow: Eastern Literature. Vol. 1. (in Russ).
2. Mahpirov, V.U. (1997). *Names of farancestors*. Almaty: Institute of Oriental Studies, Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. (in Russ).
3. *The oldest map of Japan, nacherchenny Mahmoud of Kashgaria*. URL: islamonline.ru/index.php (accessed: 25.01.2017).
4. Krachkovsky, I.Yu. (1957). *Al-Biruni and geographers in 11th century in the east. Selected works*. T. IV. Moscow-Leningrad: Nauka. p. 267—270. (in Russ).

5. Hasanov, H. (1967). *Geographical heritage of scientists of Central Asia*: [dissertation abstract] Tashkent: Fan. (in Russ).
6. Umnyakov, I.I. (1960). The oldest Turkish world map. In: *Proceedings of the Samarkand State Pedagogical Institute*. Issue 1. Samarkand. p. 103—132. (in Russ).
7. Musabaev, G.G. (1969). Some data on M. Kashgarsky's life. In: *Research on Turkic Studies*. Almaty: Nauka. p. 48—62. (in Russ).
8. Dosmuhameduly, H. (1998). *Code of Turkic words*. Almaty. p. 155—162. (in Russ).
9. Shcherbak, A.M. (1961). *Grammatical sketch of language of Turkic texts of the 10—13th centuries from East Turkestan*. Moscow-Leningrad: The USSR Academy of Sciences. (in Russ).
10. Egeubaj, A. (1997). *Code of Turkic words (XI century)*. Almaty. Vol. 1.

Сведения об авторах:

Исабекова Улдар Келдибековна, кандидат филологических наук, докторант кафедры тюркской филологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки; *научные интересы*: текстология, семантическая интерпретация и перевод текстов, вопросы теории и практики перевода, национальная литература, *e-mail*: isabekovauldar@mail.ru

Bio Note:

Isabekova Uldar Keldibekovna, Ph.D. in Philology, doctoral candidate of department Turkic philology at Lomonosov Moscow State University, Institute of the countries of Asia and Africa; *e-mail*: isabekovauldar@mail.ru

ТЕРМИНОЛОГИЯ И ТОПОНИМИКА

УДК: 811.134.2'22:81'282

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-309-319

СЕМИОТИКА РЕЛИГИОЗНЫХ АЛЛЮЗИЙ В КОСТАРИКАНСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ВАРИАНТЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

С.А. Никифорова¹, О.С. Чеснокова²

¹Agencia Andaluza de Promoción Exterior (Extenda)
ул. Покрышкина, 3, Москва, Россия, 119602

²Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена реконструкции религиозных аллюзий в костариканском национальном варианте испанского языка и анализу их семиотики. Главные исследовательские задачи включили в себя выделение и систематизацию религиозных аллюзий, выведение их мотивации, установление закономерностей функционирования в костариканском художественном и разговорно-обиходном дискурсах. С использованием методики комплексного филологического анализа было установлено, что религиозные аллюзии в художественном и разговорно-обиходном дискурсе костариканцев представлены в диапазоне от отдельной лексико-семантической единицы до фразеологической единицы — сложного предложения. Религиозные аллюзии применяются костариканцами в различных прагматических целях, среди которых наиболее типична функция усиления, что, в свою очередь, отражает национальный костариканский стиль коммуникации. Выводы статьи могут послужить отправной точкой для сопоставительных исследований религиозных аллюзий на материале других национальных вариантов испанского языка.

Ключевые слова: Коста-Рика, испанский язык, религиозные аллюзии, государственная церковь, национальный вариант испанского языка

ВВЕДЕНИЕ

Испанский язык полинационален и мультивариативен, поэтому семиотическое пространство, по Лотману [Лотман 2000: 102], в котором он существует, не является однородным, что отчасти затрудняет коммуникацию между испаноговорящими разных стран. Национальные кодовые системы испаноговорящих далеко не всегда совпадают из-за особенностей национальной языковой картины мира, национального коммуникативного стиля, языковых предпочтений, а значит, объективно возникают трудности в процессе коммуникации, которые необходимо регистрировать и систематизировать [Мед 2007]. Или, следуя логике А. Вежбицкой, «идентифицировать (...) универсальные элементарные смыслы (...) нанести их на карту» [Вежбицкая 2001: 27], для того, чтобы реципиент мог правильно декодировать сообщение, передаваемое коммуникатором.

Анализ семиотики религиозных аллюзий в костариканском национальном варианте испанского языка основан на исследовании образцов костариканского художественного дискурса и на случайной выборке из словарей костариканизмов, а также были использованы форумы, личные онлайн-записи костариканцев, записи их устной речи от 2016 г.

Исследовательские задачи включили в себя выделение и систематизацию религиозных аллюзий, выведение их мотивации и установление закономерностей использования религиозной лексики в костариканском художественном и разговорно-бытовом дискурсах.

СТАТУС РЕЛИГИИ И ЦЕРКВИ В РЕСПУБЛИКЕ КОСТА-РИКА

Республика Коста-Рика — страна, традиционно занимающая высочайшие места в международных рейтингах по уровню развития демократических свобод [Gobierno CR URL: <http://gobierno.cr/costa-rica-subio-al-segundo-lugar-en-indice-de-desarrollo-democratico-para-america-latina>. Одновременно Коста-Рика — это религиозное государство. Конституция 1949 г. декларирует Римско-католическую церковь официальной (государственной) в стране [Sistema Costarricense de Información Jurídica URL: http://www.pgrweb.go.cr/scij/Busqueda/Normativa/Normas/nrm_texto_completo.aspx?param1=NRTC&nValor1=1&nValor2=871&nValor3=95479&strTipM=TC], что является уникальным явлением не только на Американском континенте, но и в целом довольно редким явлением в мире. Наличие в государстве своей церкви означает полный государственный контроль над церковными делами, прямое финансирование церкви государством, государственное назначение церковнослужителей. Таких стран, включая Коста-Рику, в мире всего семь.

Особое положение Римско-католической церкви в Коста-Рике влияет на все стороны жизни костариканского общества, прежде всего на занятость населения, поведение людей в быту, официальные праздники, образование, в том числе и на обилие религиозных терминов и аллюзий, которыми характеризуется как костариканский художественный дискурс, так и разговорная речь костариканцев в целом.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ РЕЛИГИОЗНЫХ АЛЛЮЗИЙ

Собранная картотека позволяет вывести следующие лексико-семантические группы наиболее употребительных в разговорной речи костариканцев религиозных терминов и религиозных аллюзий, а именно:

Бог, христианский Бог-отец, Иисус Христос, Дух Святой: el Creador (Создатель), Dios (Бог), Dios Padre (Бог-Отец), Diosito (Боженька), Nuestro Señor (Господь наш), Señor (Господь), el Redentor (Искупитель), Señor Todopoderoso (Господь Всемогущий), El Padre Eterno (Вечный Отец), Espíritu Santo (Святой Дух), Santo Dios (Святой Боже), Tatica Dios (Батюшка Бог), Nuestro Amo (Наш Хозяин), Su Divina Majestad (Его Божественное Величество), El Dulce Nombre (Сладкое Имя), Jesucristo (Иисусе Христе), Jesús (Иисус), Cristo (Христос), el Niño, Niño Dios (Божественный Младенец), el Hijo (Сын), el Santísimo (Святейший).

Дева Мария, Богородица: Ave María (Радуйся, Мария), Ave María Purísima (Пречистая дева, радуйся!), Doña María / ña María (Донья Мария / ня Мария), María Santísima (Святейшая Мария), Mariquita (Марикита — уменьшительно-ласкательное от Мария), Nuestra señora (Наша Госпожа), Nuestra señora de los Angeles (Наша Госпожа Всех Ангелов), La Virgen (Дева), La Virgen María (Дева Мария), Virgen de los Angeles (Дева Мария Всех Ангелов — святая покровительница Коста-Рики), la madre de Dios (Божья Матерь), La Virgen del Pilar (Богоматерь Пилар).

Святая Троица La Santísima Trinidad (Святая Троица), Las Tres Divinas Personas (Три Божественных Лица), Los Tres Dulcísimos Nombres (Три Сладчайших Имени).

Святые, Ангелы, другие библейские персонажи: Abel, Adán, Santa Ana, angel, ángel de la guarda (ангел-хранитель), arcángel (архангел), Cain, San Carlos, San Cristóbal, Eva, San Francisco, San Isidro, San Jerónimo, San Joaquín, Santo Job, San José / José, Jesús, María y José, San Juan, San Ignacio, Santa Lucía, San Luís rey, San Miguel, San Pablo, San Pedro, San Roque, Santa Rosa, santico (святошечка), el santísimo (его святейшество), el santo (святой), San Vicente, San Vito.

Священники, религиозные деятели и их паства: el cura párroco (отце-настоятель), compadre/comadre (кум/кума), el devoto (верующий), el fraile (брат-монах), el monje / la monja (монах/монахиня), el obispo (епископ), el padre (священник), el Papa (Папа), su Santidad (его Святейшество), la sor (сестра-монахиня), el Sumo Pontífice (Папа Римский), el tata cura (бабушка священник).

Сатана: el cachudo (рогатый), diablo (дьявол), el diantres (чертеняка), demonio (демон), Lucifer (Люцифер), Satanás (Сатана), demontre (дьяволина), el malo (плохой), el pisuicas (чертеняка), tío coles (дядюшка Хвостатый), el patas (Копытца), el cuíjen (чертеняка), diablillo, diablito (дьяволёнок).

Отрицательные христианские или языческие персонажи: espíritu maligno (злой дух), alma en pena (неуспокоенная душа), duende (домовой), Judas (Иуда), la larva (злой дух), el dueño del monte (хозяин горы), la mujer del agua (русалка), el fraile sin cabeza (безголовый монах), la monja del vaso (монахиня со стаканом), espíritus aéreos (воздушные духи), la Ju de León (Ху из Леона), la Piapia piscuicas (дьявольская сорока), las lamia (ламия), ña Fustes (Ня Фустес), el peje Nicolás (рыба-Николас), ña Zárate (Ня Сарате), el cadejo (кадехо), el mico malo (злая обезьяна), la zegua/segua/segua/tsegua (сегуа), la tule vieja (ведьма старая шляпа), la llorona (плакальщица), la bruja (ведьма), los aparecidos (приведения), el genio (el genecillo) (дух, маленький дух), el viejo del monte (старик из леса), el fantasma (приведение), el espantajo (чучело).

Злые дела, творимые отрицательными персонажами, ад, адские силы: hacer brujería (колдовать), hacer conjeturas (заколдовывать), hacer mal de ojo (сглазить), artimaña de Satanás (проделки Сатаны), el infierno / los infiernos (ад), poder del diablo (дьявольская сила), siete plagas de Egipto (семь казней египетских), arte diabólico (дьявольское искусство), *seres diabólicos* — дьявольские существа.

Святые места, праздники, библейские сюжеты и религиозные ритуалы: el alma (душа), Amor de Dios (Божья Любовь), el arbol prohibido (дерево познания), Basílica de Nuestra Señora de los Ángeles (собор нашей Госпожи Всех Ангелов),

bendecir, la bendición (благословлять, благословение), el Bendito Alabado (благодарственная молитва), la campana (колокол), la casa de Dios (Божий дом), el Cielo (Небо), el Credo (Верую), El Corpus (Cristi) (крестный ход), gracia de Dios (божья благодать), la cruz, crucificar, morir crucificado (крест, распять, умереть на кресте), la Gloria (Слава), el Infierno (ад), jesusiar (призывать Иисуса), la justicia divina (высшая справедливость), Navidad (Рождество), Nochebuena (Святая ночь), la otra vida / el otro mundo (тот свет), pasada (крестный ход с переносным изображением Девы Марии), pecado mortal (смертный грех), pecado venial (обыденный грех), persignarse (перекреститься), rezar (молиться), el rezo al niño (семейной моление младенцу-Христу), romería (паломничество), Santa Cena (Святая Вечеря), el santiamén/santo, amen (слова, произносимые в конце мессы), santiguarse (перекреститься), Semana Santa (Святая/страстная неделя), la tentación (искушение), la torre de Babel (Вавилонская башня), vida eterna (вечная жизнь), Viernes Santo (страстная пятница), el alma (душа), el más allá (тот свет), la Santa Cena (Последняя вечеря), rezar (молиться), escapulario (скапулярий), iglesia (церковь), púlpito (кафедра в церкви), fiestas patronales (праздник святого-покровителя города), encomendar el matrimonio (посвятить брак, например, деве Марии), la viña del Señor (виноградник Господа), el Santísimo Sacramento (Святое Таинство).

Положительная характеристика человека: cristiano (христианин/христианский, человек/человеческий, гуманный), hombre/buenazo de Dios (добрый человек), angelical (ангельский, милый), ángel/ángel de Dios (хороший человек), (vestido) de coger misa (нарядный, красивый), bendecido (хороший (благословенный) человек).

ВИДЫ ТЕКСТА И ДИСКУРСА, ТЯГОТЕЮЩИЕ К УПОТРЕБЛЕНИЮ РЕЛИГИОЗНЫХ АЛЛЮЗИЙ

Прецедентные религиозные лица и имена запечатлены в костариканских текстах сказок, баек, легенд. При этом нерелигиозные персонажи, существующие в транскультурно известном сюжете, почти всегда превращаются в религиозные в костариканском переложении. Например, в аналоге всемирно известной Золушки крестная становится Девой Марией, а встречи принца и Золушки происходят не на балу, а в церкви. Злой волшебник — аналог великана-людоеда, которого съедает Кот в сапогах, в костариканской версии сказки оказывается самим дьяволом во плоти.

Религиозные термины и реалии фигурируют в детских песенках, считалках, загадках, например:

Mambrú se fue a la guerra, ¿y cuándo volverá? ¿Vendrá para la Pascua o P'a la Trinidad? [Gutiérrez 1989:16] 'Мамбру отправился на войну. Когда же он вернется? Может на Пасху? Или на Троицу?'

Señor San José vos sos carpintero, Haceme una cuna para este cordero [Gutiérrez 1989:31]. 'Господин Святой Иосиф, ты ведь плотник, сделай колыбельку для этого ягненка'.

La flor del diente de León ¡Qué unidas nos puso La mano de Dios! Ahora viene el viento: ¡Hermanos, adiós! [Gutiérrez 1989: 59]. 'Зубчики одуванчика, как близко нас посадила рука Господа, Сейчас начнется ветер и: Братцы, прощайте!'

Костариканские **загадки** также обнаруживают религиозные аллюзии:

¿Por qué **Adán** fue el hombre más valiente del mundo? — Porque nunca se escondió en las faldas de Eva [Padilla 2013: 58]. ‘Почему **Адам** был самым смелым мужчиной в мире? — Потому что он никогда не прятался за юбку Евы’.

No soy **Dios**, y lo soy (el hilo) [Gutiérrez 1989: 40]. Игра слов, основанная на омофонии: Я не **Бог**, но я и **Бог**. Кто же я? Или: я не **Бог**, я нитка. (Ответ — **нитка**).

В детских играх, шутках, дразнилках: Ребенку задают вопрос: ¿Quiere ver a **Dios**? [Padilla 2013: 15]. ‘Хочешь увидеть **Бога**? / И когда тот наивно говорит «да», его тотчас тянут изо всех сил за ухо. Сравните:

1) Дети бегают под дождем и поют: ¡Que llueva, que llueva, la Virgen de la Cueva! ¡San Isidro Labrador puso el agua y quitó el sol! [Padilla 2013: 12].

2) No es lo mismo “**las devotas** van al cielo que “**las botas** van al cielo” [Padilla 2013: 42]. — Игра слов, можно прочесть: не одно и то же «верующие идут на небо, и ботинки идут на небо».

3) La mulita de San Vicente lleva carga y no la siente [Padilla 2013: 49]. ‘Ослик Святого Висенте несет груз, но не чувствует его’. Так смеются над ребенком, которому привязали хвостик.

Скороговорки:

El Obispo de Constantinopla, se quiere **desconstantinopolizar**, y el que lo desconstantinopolizare buen desconstantinopolizador será. [Gutiérrez 1989: 43] ‘Епископ из Константинополя хочет **расконстантинополиться**. Кто его **расконстантинополит**, будет хорошим **расконстантинопольщиком**’.

Плетушки (Retohilas). Особый интерес представляют так называемые, **плетушки** — **retohilas**. Использование религиозной лексики, как и других словосочетаний не несет в них никакой смысловой нагрузки, а употребляется потому, что постоянно находится на детском слуху, например:

Y ahí va llegando el ternero **Encomendándose al diablo**, Cuando botan a **San Pablo** Porque es **pecado mortal**, Y el queso con el tamal Son una comida rica, Y qué linda es Costa Rica [Gutiérrez 1989:47]. ‘Приходит теленок / Он **предал себя дьяволу** / Когда выгоняют **святого Павла** / Потому что это **смертный грех** / И сыр с тамалем — это вкусная еда, А Коста-Рика — красивая страна’.

Заклинания, заговоры:

Varillita, varillita, por la virtud que Dios te dio, que... [Lyra 1980: 34]. ‘Палочка-палочка, по Божьему велению...’ — De parte de Dios todopoderoso, di, ¿quién eres? [Zeledón 1989: 131]. ‘Во имя Бога Всемогущего, кто ты такой?’

КОММУНИКАТИВНЫЕ СИТУАЦИИ ПОВСЕДНЕВНОГО ОБЩЕНИЯ, РЕАЛИЗУЮЩИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ АЛЛЮЗИИ

Выделим коммуникативные ситуации, в которых костариканцы регулярно прибегают к религиозным терминам.

Приветствие: (при стуке в дверь или оклике): ¡**Upe!** (сокращенное от ¡**Virgen de Guadalupe!**) — аналог русского: «Тук-тук! Есть кто-нибудь?» или «Эй!». В ответ следует сказать: Sin **pecado** concebida [Lyra 1980: 26]. ‘Без **греха** зачатая’;

¿Qué hace **Dios** de esa vida? [Лура 1980: 158]. ‘Как дела?’, дословно: ‘Что делает **Бог** с нашей жизнью?’

Поздравление: FELICIDADES Y BENDICIONES: **Dios le permita** seguir cumpliendo muchos años más [J. Mathieu URL: https://www.facebook.com/javier.mathieu.9?fref=pb&hc_location=friends_tab&pnref=friends.all]; **ПОЗДРАВЛЕНИЯ** и **БЛАГОСЛОВЕНИЯ**:

‘Пусть **Бог** позволит тебе выполнять твой долг еще многие годы’. **En el nombre de Jesús** así sera, **bendiciones**. ‘**Во имя Иисуса** пусть так и будет, поздравляю (**благословения**)’!

Тем не менее, основная прагматическая цель использования религиозной лексики в костариканском разговорно-обиходном дискурсе — это намерение **усилить высказывание**. Исследованный материал показывает, что посредством религиозных аллюзий костариканцы усиливают следующие виды речевых актов и лексико-семантических единиц:

Восклицания (удивление, отчаяние, возмущение, угроза и др.):

¡Andate a los infiernos! — катись в ад, ¡Ave María! (Аве Мария), ¡Ave María Gracias Plena! (Богородица-дева, радуйся), ¡Ave María Purísima! (Пречистая Мария, радуйся), ¡Demontres! (Чертеняки!), ¡Ay los diablos! (Ничего себе!), ¡Con todos los diablos! — Черт подери!, ¡Dios mío! (Боже мой!), ¡Encomendate a Dios! (Ну, молись!), ¡Jesús, María y José! (Иисус, Мария и Иосиф!), ¡Jesús, no seas malagradecido! (Иисусе, не будь таким неблагодарным!), ¡La Madre de Dios! (Божья Матерь!), ¡Oh, poder del Diablo! (О, дьявольские пути!), ¡Santo Dios! (Святой Боже!), ¡Santa vaca! (Святая корова! переносное значение в шуточных высказываниях), ¡La Santísima Trinidad! (Святая Троица!), ¡Qué está pasando, Señor! (Да что ж это творится!), ¡Los Tres Dulcísimos Nombres! (Три Сладчайших Имени), ¡María Santísima! (Святейшая Мария), ¡Por amor de Dios! (Ради Божьей любви!), ¡Qué madre más santa! (Матерь Божья!), ¡Que Dios te ayude! (Помоги тебе, Господи!), El señor me dé paciencia! (Господи, дай мне терпения!), ¡Válgame Dios! (Спаси Господи).

Повседневная лексика:

¡Muchacho de Dios! (добрый мальчуган), el hambre que se lo mandaba Dios Padre (на него напал ужасный голод), darle infinitas gracias a Nuestro Señor (бесконечно быть благодарным Богу), ¡Tío Tigre de Dios, ni me pregunte! (Дядюшка Тигр, дорогой, даже не спрашивай!) ¡Compadrito de Dios! (Драгоценный кум!)

Благодарность:

Finalizando una intensa semana de trabajo... Gracias Dios por el trabajo [J. Mathieu URL: https://www.facebook.com/javier.mathieu.9?fref=pb&hc_location=friends_tab&pnref=friends.all]. Вот и заканчивается еще одна интенсивная рабочая неделя... Благодарю тебя, господи, за работу. — Por un milagro de Dios quedó vivo (чудо Господне (слава Богу, что он остался в живых).

Извинение, прощение:

Dios se lo pague (пусть Бог тебе воздаст), Que Dios lo haiga perdonado (Бог простит) [CR hoy URL: <http://www.crhoy.com/nacionales/lo-que-se-sabe-hasta-ahora-del-homicidio-multiple-en-liberia/>].

Просьба, пожелания, напутствия угрозы:

Que Dios les dé mucha fortaleza a los familiares! — Дай бог твердости духа родным! Iniciando el día en el Tribunal Superior de Trabajo... Начинаю рабочий день в Верховном трудовом суде... Suerte amor **bendiciones** [J. Mathieu URL: https://www.facebook.com/javier.mathieu.9?fref=pb&hc_location=friends_tab&pnref=friends.all]: Удачи, дорогой, благословения! **Diosito lo ilumine** como hasta hoy y le de una semana colmada de felicidad y bendición. — Пусть Бог осеняет тебя впредь и даст тебе спокойную неделю, полную радости и благословения.

Пожелание в день рождения:

Dios le permita seguir cumpliendo muchos años más. — Пусть бог позволит тебе выполнять твой долг еще многие годы. Muchas felicidades de cumpleaños **que Dios me lo bendiga** [J. Mathieu URL: https://www.facebook.com/javier.mathieu.9?fref=pb&hc_location=friends_tab&pnref=friends.all] — Поздравляю с днем рождения, пусть бог благословляет тебя всегда. **Dios te cuide te guarde** siempre. — Пусть Господь заботится о тебе и всегда хранит тебя, обнимаю. **En el nombre de Jesús a si sera Bendiciones** — Марта: во имя Иисуса благословения!

Зрители желают известной журналистке, которая временно покидает работу из-за рождения ребенка: **Miles de bendiciones... Dios te bendiga Ginnes... Dios guíe tu camino... Dios le dé mucha sabiduría e ilumine** en este trabajo...te deseo muchas pero **muchas bendiciones y que Dios todo poderoso ilumine** [Teletica URL: <http://www.teletica.com/m/note.aspx?note=149685>]. — Тысяча благословений... Пусть Бог тебя благословит... Пусть Бог ведет по твоему пути... Пусть Бог даст тебе мудрости и осветит твою работу... Благословений тебе и пусть Бог Всемогущий тебя осветит.

Dios les perdone; porque por ser quienes son, no son excluyentes de **pecado**. — Прости их Господи, какие бы они ни были, и они не без греха...; **Dios quiera** y la muchacha se recupere y hable... [CR hoy URL: <http://www.crhoy.com/nacionales/lo-que-se-sabe-hasta-ahora-del-homicidio-multiple-en-liberia/>]. — Бог захочет, и девушка выздоровеет и заговорит...; **Dios nos libre**. — Спаси нас, Господи от него! (речь идет о новом кандидате в партию PLN!)

[El Mundo URL: <https://www.facebook.com/elmundoCR/>] **Dios quiera...** [Quesada 2012: 172]. — Дай Бог...; **Dios nos agarre confesados**. — Спаси Господи (дословно: Не дай нам бог умереть без покаяния); Que **Dios nos proteja** a todos. — Храни нас всех, господи; Que **Dios te acompañe**, hijo. — Бог с тобой, сынок; **Dios me lo guarde**, pedile a Dios que no me arrepienta [Lyra 1980: 177]. (проси Господа, чтобы не раскаяться), que **se encomendara a Dios** la que lo perdiera. [Lyra 1980: 32] (пусть молится та, которая его потеряет!).

Сомнения:

Y si **Dios quería**, cuando ella se casara iban a ser comadres... [Lyra 1980: 107]. — Кто знает, будут ли они кумами, когда выйдут замуж; **Quiso Dios que...** — Божья воля на то; **¡Sepa Judas!** — Один Иуда знает, то есть никто не знает.

В целом, **использование фразеологизмов**, связанных с религией и верой обуславливается теми же принципами, что и использование отдельных религиозных номинаций.

РЕЛИГИОЗНЫЕ АЛЛЮЗИИ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ

Помимо того, что само использование фразеологизма часто обусловлено целями усилить реплику, в костариканском узусе религиозный термин дополнительно усиливает фразеологизм, то есть возникает **эффект двойного усиления**.

Проанализированный материал показывает, что в костариканском коммуникативном стиле религиозные аллюзии регулярно используются в фразеологизмах в следующих прагматических целях.

Для усиления сравнения:

ni a la Virgen María (даже Дева Мария не...); más tranquilo que un viernes santo (спокойнее, чем страстная пятница); pasar la vida como un Niño Dios en retoque (провести жизнь без движения как деревянная фигура младенца Иисуса), hacer temblar al mismo San Miguel Arcángel (заставить дрожать самого Михаила Архангела), la cara más triste que un viernes santo (лицо такое грустное, как в страстную пятницу), tener la cabeza inclinada como si fuera pasando Nuestro Amo (опустить голову, как будто Господь мимо проходил), ser más malo que el mismísimo Patas (хуже, чем тот, что с копытцами), como si le hubieran metido dos cielos entre el alma (радостный, как будто ему два неба в душу поместили), más limpio que el cuello de monja (чище монашкиной шеи), tener más fe que San Roque (верить больше, чем Святой Роке), quedarse como la perrita del Padre (объесться как собачка батюшки), estar como los diablos (быть очень сердитым), más perdido que el hijo de la Llorona (совершенно потерянный), ser más viejo que el ascensorista de Babel (старше лифтера Вавилонской башни), ser mas viejo que la botella de canfín que encendió el infierno / que la factura de Santa Cena / la zoga con que se ahorcó Judas (быть старше бутылки с керосином, от которой подожгли ад / быть старше счета за Святую Вечерю / веревки, на которой повесился Иуда), ser más limpio que el fustán de María Santísima (быть чище юбки Пресвятой Марии).

Для усиления наречного смысла «абсолютно, совершенно»:

como Nuestro Señor lo echó a este mundo (совершенно голый, в чем мать родила); todo el santo día (весь божий день); ¡Sólo Dios pudo habérmela reparado! (никто абсолютно не мог мне помочь!); Sin temor de Dios (абсолютно ничего не бояться); no poder ni rezar ni coger (ничего абсолютно не мочь); Jurar por Dios y la Virgen del Pilar (клясться и божиться, чем только можно).

Для усиления смыслов «редко», «никогда»:

Esto pasa cada muerte de Obispo / cuando San Juan baja el dedo [Padilla 2013: 90] (это происходит раз в сто лет).

Для усиления смысла «очень»:

Donde el diablo perdió la chaqueta [Padilla 2013: 86] (очень далеко).

Для усиления смысла «быстро»:

en un santiamén [Padilla 2013: 11].

Для усиления смысла «много»:

De todo hay en la viña del Señor [Padilla 2013: 85] (чего/ кого только нет в этом мире).

Для усиления этикетного ответа на благодарность «нэ за что»:

aunque se enojara el Padre Eterno [Lyra 1980: 53] (пусть даже Вечный Отец рассердится).

Пословицы и поговорки часто используются для риторической убедительности высказывания:

Al tonto ni Dios ni el diablo lo quieren. — Дурак никому не нужен — ни Богу, ни дьяволу; Caer como San Juan al veinticuatro. — Подойти / начаться точно вóвремя.

El que se hace de Redentor muere crucificado [Padilla 2013: 88]. — Назвался Спасителем, будь готов, что умрешь распятым (аналог русск.: Назвался груздем, полезай в кузов).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Коста-Рика — одновременно и демократическая страна, и религиозное государство, в котором церковь обладает уникальным на американском континенте влиятельным статусом. В результате применения методики комплексного филологического анализа нами было установлено, что религиозные аллюзии в художественном и разговорно-обиходном дискурсе костариканцев представлены в диапазоне от отдельной лексико-семантической единицы до фразеологической единицы — сложного предложения. Религиозные аллюзии применяются костариканцами в различных прагматических целях, среди которых наиболее типична функция усиления, что, в свою очередь, отражает национальный костариканский стиль коммуникации. Хотя многие религиозные аллюзии костариканцев оказываются языковыми клише, их прагматическая сущность реализуется главным образом для усиления смысла высказывания.

© Никифорова С.А., Чеснокова О.С.

Дата поступления: 27.11.2016

Дата принятия к печати: 25.01.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. Москва: Языки славянской культуры, 2001.
2. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. С-Петербург: Искусство-СПб, 2000.
3. *Мед Н.Г.* Оценочная картина мира в испанской лексике и фразеологии. С-Петербург: Изд-во С.-Петербургского университета, 2007.
4. *Gutiérrez J.* (1989). Chinto Pinto. San José: Editorial de la Universidad de Costa Rica.
5. *Lyra C.* (1980). Cuentos de mi mía Panchita. San José: Editorial Costa Rica e Imprenta Nacional.
6. *Padilla Monge M.* (2013). Dichos y refranes ticos. Un “gallo pinto” de costarriqueñismos. San José: Jardine Ediciones.
7. *Quesada Pacheco M.* (2012). Nuevo Diccionario de Costarriqueñismos. Cartago: Editorial Tecnológica de Costa Rica.
8. *Zeledón Cartín E.* (1989). Leyendas constarricenses. Heredia: Museo de Cultura Popular.
9. CR hoy. Режим доступа: <http://www.crhoy.com/nacionales/lo-que-se-sabe-hasta-ahora-del-homicidio-multiple-en-liberia>. Дата обращения: 16.09.2016.
10. Costa Rica subió al segundo lugar en Índice de Desarrollo Democrático para América Latina. *Gobierno CR.* Режим доступа: <http://gobierno.cr/costa-rica-subio-al-segundo-lugar-en-indice-de-desarrollo-democratico-para-america-latina> Дата обращения: 5.10.2016.
11. Mathieu J. Режим доступа: https://www.facebook.com/javier.mathieu.9?fref=pb&hc_location=friends_tab&pnrref=friends.all Дата обращения: 10.10.2016.

12. El Mundo. Режим доступа: <https://www.facebook.com/elmundoCR> Дата обращения: 10.10.2016.
13. Sistema Costarricense de Información Jurídica. Режим доступа: http://www.pgrweb.go.cr/scij/Busqueda/Normativa/Normas/nrm_texto_completo.aspx?param1=NRTC&nValor1=1&nValor2=871&nValor3=95479&strTipM=TC. Дата обращения: 5.10.2016.
14. Teletica. Режим доступа: <http://www.teletica.com/m/note.aspx?note=14968> Дата обращения: 20.10.2016.
15. Teletica. Режим доступа: <http://www.teletica.com/m/note.aspx?note=149685> Дата обращения: 20.10.2016.

УДК: 811.134.2'22:81'282

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-309-319

THE SEMIOTICS OF RELIGIOUS ALLUSIONS IN THE COSTA RICAN NATIONAL VARIANT OF THE SPANISH LANGUAGE

Svetlana A. Nikiforova¹, Olga S. Chesnokova²

¹Agencia Andaluza de Promoción Exterior (Extenda)
Pokryshkin St., 3, Moscow, Russia, 119602

²RUDN University
Miklukho-Maclay St., 6, Moscow, Russia, 117198

Abstract. The article is devoted to the reconstruction of religious allusions in the Costa Rican national variant of the Spanish language and analysis of its semiotics. The main research objectives include identifying and systematizing of religious allusions, explaining their motivation and defining patterns of using religious lexical units in the Costa Rican literary and everyday discourses. In order to do that we used the integral philological analysis method which allowed realize that religious allusions in the Costa Rican literary and everyday discourses vary from a separate lexical semantic unit to a phraseme in a composite sentence. Religious allusions are used by Costa Ricans for various purposes. The most common one is the intensification of speech which reflects the Costa Rican national way of communicating. The research results can serve as a basis for comparative studies of religious allusions in other national variants of the Spanish language.

Key words: Costa Rica, the Spanish language, religious allusions, State religion, national variant of the Spanish language

REFERENCES

1. Wierzbicka, A. (2001). *Understanding cultures through their keywords*. Moscow: Language of Slavic Culture.
2. Lotman, Y.M. (2000). *Semiosphere. Culture and blast. Insiderational worlds. Articles. Research. Miscellanea (1968—1992)*. St. Petersburg: Art-SPB. (in Russ).
3. Med, N.G. (2007). *Axiological world view in Spanish lexis and phraseology*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University. (in Russ).
4. Gutiérrez, J. (1989). *Chinto Pinto*. San José: Editorial de la Universidad de Costa Rica.
5. Lyra, C. (1980). *Cuentos de mi mía Panchita*. San José: Editorial Costa Rica e Imprenta Nacional.
6. Padilla Monge, M. (2013). *Dichos y refranes ticos. Un “gallo pinto” de costarriqueñismos*. San José: Jardine Ediciones.
7. Quesada Pacheco, M. (2012). *Nuevo Diccionario de Costarriqueñismos*. Cartago: Editorial Tecnológica de Costa Rica.

8. Zeledón Cartín, E. (1989). *Leyendas constarricenses*. Heredia: Museo de Cultura Popular.
9. *CR hoy*. URL: <http://www.crhoy.com/nacionales/lo-que-se-sabe-hasta-ahora-del-homicidio-multiple-en-liberia> (accessed: 16.09.2016).
10. *Costa Rica subió al segundo lugar en Índice de Desarrollo Democrático para América Latina. Gobierno CR*. URL: <http://gobierno.cr/costa-rica-subio-al-segundo-lugar-en-indice-de-desarrollo-democratico-para-america-latina> (accessed: 5.10.2016).
11. Mathieu, J. URL: https://www.facebook.com/javier.mathieu.9?fref=pb&hc_location=friends_tab&pnref=friends.all (accessed: 10.10.2016).
12. El Mundo. URL: <https://www.facebook.com/elmundoCR> (accessed: 10.10.2016).
13. *Sistema Costarricense de Información Jurídica*. URL: http://www.pgrweb.go.cr/scij/Busqueda/Normativa/Normas/nrm_texto_completo.aspx?param1=NRTC&nValor1=1&nValor2=871&nValor3=95479&strTipM=TC (accessed: 5.10.2016).
14. *Teletica*. URL: <http://www.teletica.com/m/note.aspx?note=14968> (accessed: 10.10.2016).
15. *Teletica*. URL: <http://www.teletica.com/m/note.aspx?note=149685> (accessed: 10.10.2016).

Сведения об авторах:

Никифорова Светлана Александровна, соискатель ученой степени кандидата филологических наук на кафедре иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: теория и практика межкультурной коммуникации; лексикография русского и испанского языков; семиотика; *e-mail*: sviet@rambler.ru

Чеснокова Ольга Станиславовна, доктор филологических наук; профессор, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов; член Ассоциации испанистов России (Asociación de Hispanistas de Rusia) и член Международной Ассоциации по изучению диалога (International Association for Dialogue Analysis, IADA); *научные интересы*: теория и практика межкультурной коммуникации; вариативность испанского языка; латиноамериканская топонимика; фразеология; семиотика художественного текста; *e-mail*: tchesnokova_olga@mail.ru

Bio Note:

Nikiforova Svetlana Aleksandrovna, the applicant of an academic degree of Candidate of Philology at department of foreign languages of philological faculty of the Peoples' Friendship University of Russia. *Research Interests*: theory and practice of cross-cultural communication; lexicography of the Russian and Spanish languages; semiotics; *e-mail*: sviet@rambler.ru

Chesnokova Olga Stanislavovna, Doctor of Philology; professor, professor of Department of Foreign languages at RUDN University; the member of Association of ispanist of Russia (Asociación de Hispanistas de Rusia) and the member of the International Association on dialogue studying (International Association for Dialogue Analysis, IADA). *Research Interests*: Theory and Practice of Cross-cultural Communication; Variability of Spanish; Latin American Toponymics; Phraseology; Semiotics of the Art Text; *e-mail*: tchesnokova_olga@mail.ru

УДК: 811.134.3'373.21

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-320-325

LINGUISTIC RESEARCH OF TOPONYMS OF CAPE VERDE'S ISLANDS

Natalia V. Perfilieva, Da Silva F.

RUDN University
10/2, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

Abstract. The article deals with the place names of the West African state of Cape Verde. It is known that the nomination of geographical features, continents, cities, natural features is closely linked to the history and culture of the peoples living in the area. In this connection it is of interest to explore the cultural component reflected in the place names of Cape Verde. The article also analyzes the toponyms in the etymological and structural aspects.

Etymological analysis of toponyms involves their consideration in the aspect of the Luso-not-Portogallo of origin, focusing on etymological analysis that is due to this region. The paper proposes a classification according to the semantic criterion: the toponym is of anthropological origin.

Structural analysis involves identifying groups of toponyms in the number of components, describes the following types of toponymic units: one word, a different compound, word types, a phrase and an idiom.

The research centers on toponyms of Cape-Verde selected by the method of continuous sampling. However this article presents the examples of oikonym, oronym, hagianym, choronym as bearing the universal or national-specific information about the nomination. Some conclusions about the General and specific terms of toponymy of Cape Verde are given.

Key words: toponymy, toponym, classification, the Portuguese language, the Creole language

INTRODUCTION

The importance of learning toponyms is particularly important in the research of the toponymy of the region. The linguistic and cultural portrait of ethnicity provides information about the stereotypes of human's comprehension mastering these territories and the historical past of the people who lived here before.

The main aspect of toponyms is establishing the true etymology of geographical names and would be possible only under certain circumstances such as:

- 1) the time and circumstances of the nomination;
- 2) the language or dialect of the nomination;
- 3) the geography of the nomination object;
- 4) the history of the region.

Linguistic and extralinguistic factors are considered as the specific names in the system of the region's toponyms. This article studies the toponyms, oikonym, choronyms, hagianym of the Islands of Cape Verde. 50 lexical units were selected by the method of continuous sampling. This article analyses the names of geographical objects in the etymological and structural aspects.

1. THE OBJECT OF THE DESCRIPTION ARE CAPE VERDE'S TOPONYMS

Cape-Verde is a country in West Africa located on the Cape Verde Islands in the Atlantic ocean. The archipelago consists of 10 large and 8 small Islands. For several centuries the territory of the archipelago was part of the colonial Empire of Portugal. The history of the country began in 1456, when the archipelago was discovered by the Portuguese. Immediately after the discovery of the archipelago Portuguese colonialists began to settle there. Later the settlement of Spanish, French, Venetians and the Genoese were established on that territory.

It should be noted that at the beginning of colonization the Islands were uninhabited. Then that territory became the basis for the African slave trade, and by 1572 most of the population were descendants of African slaves from different regions of Africa.

A multi-ethnic population of the Islands of the archipelago left traces in the culture, including toponyms of Cape-Verde that is of interest to the linguistic typological studies.

It is known that Cape-Verde is a country with a strong Catholic tradition of the Roman version, which inherited from the Portuguese colonialist. 90 percent of the population professes Catholicism at present. The official language is Portuguese, Caboverdiano is used as a regional language.

2. ETYMOLOGICAL CLASSIFICATION OF TOPONYMS IN CAPE VERDE

In order to consider toponyms of the region, you need to focus on the names of the archipelago Islands. The names of the archipelago Islands of the Cape Verde are mostly of the Portuguese origin. Geographically, the archipelago is divided into two parts: the leeward group of Islands, called the Portuguese *sotavento* [Sotavento] 'leeward' and 'windward' group of Islands located in the North of the archipelago named in Portuguese *barlavento* [barlavento] 'windward'.

Below is a brief review of major Islands of Cape Verde with the linguistic comment:

Santiago (São Tiago) [santiago] 'Saint Iago (James)' is the largest island of Cape Verde, which is the state capital of Praia. The island has a typical name for Portuguese, Spanish and Italian new lands in the name of the Catholic Saint James, the son of Zebedee, the eldest of the twelve apostles of Jesus, the patron of wandering. Probably, the name of the island comes from the area of Marialva in Portugal, which is particularly revered James, the son of Zebedee, from where, perhaps, was a ship of the pioneers of this island or directly with the name of the Saint.

Fogo [fogo] 'fire, flame' — the island received its nomination because it is located on the active volcano of Fogo. Originally the island was named like most of the islands of the archipelago *São Filipe* [Sao Filipe], but after a series of devastating volcanic eruptions 1675 and 1680 years it received the name of Fogo and San Filipe remains the largest city of the island.

Santo Antão [santo antão] 'Saint Anthony' — the second largest inhabited island of the archipelago of Cape Verde. It was discovered by the Portuguese Navigator Diogo Afonso, which got its name according to date of discovery: January 17 — feast day of St. Anthony the Great, early Christian hermit, the founder of hermit monks.

São Vicente [san vicente] ‘St. Vincent’ is one of the most populated islands of the archipelago, discovered by the Portuguese navigator Diogo Gomes. It received the nomination from the discovery date: January 22 — St. Vincent (of Vincent) of Zaragoza.

São Nicolau [são nicolau] ‘Saint Nicholas’ — one of the most inhabited islands in the Northern part of the archipelago, considered to be the literary capital of the country. The island has interesting relief that includes mountains, plains and attraction — rock with undecrypted ancient writings — has its own name *Rotcha Scribida* [rotch scribida] (Creole) the ‘rock of inscriptions’.

The name, unlike the Islands of Santo Antao and Sao Vicente, is not associated with the date of discovery, is associated with the patron of sailors St. Nicholas.

Santa Luzia [santa luzia] ‘Saint Lucia’ is one of the uninhabited islands of the archipelago, despite a rather large area. One of the possible explanations of the origin of its name is the fact that the Lucy of Syracuse, an early Christian Saint, is the patron of Saint of Venice, from where the first settlers came along with the Portuguese.

Sal [sal] ‘salt’ is the flat in relief and the most ancient of the Islands, now densely populated, although for a long time was used for cattle farming since the island had no fresh water sources. Originally it had a Portuguese name *Liana* [Lana] ‘flat’, which was changed to the Portuguese *Sal* ‘salt’ after 1833, when they discovered deposits of salt in the crater of an extinct volcano.

A quick review of names and the linguistic commentary of some cities of Cape Verde

Espargos [aspargus] ‘asparagus’ — the main town of the island of Sal, the island’s capital located in its center. The city was named after the wild-growing asparagus. The lexical unit is used in the plural.

Santa Maria [santa maria] ‘Holy Mary’ is the third largest city of Cape Verde, located on the South of the island of Sal. The name is associated with the Catholic tradition.

Cidade Velha [cidade velha] ‘old town’ — a town located on the island of Santo Antão, near the capital of Cape Verde. One of the objects protected by UNESCO as the first colonial fortress of Europe in the tropics. We assume that this name replaced the older one as the part included hagnonym lexical unit *Velha* ‘old’, but we know from history that the first settlements of the Islands of the archipelago of the Cape Verde Islands are associated with the Portuguese colonists. The second hypothesis suggests that the site of this city was a settlement of the colonists, therefore the city subsequently has got this name. It is possible that the lexeme *Velha* ‘old’ is connected with the transfer of the state capital to Praia after the destruction of the city in 1770 by French pirates.

Ribeira Grande [ribeira grande] ‘big river’ — a city on the island of Santo Antão, which was founded in 1462 by one of the discoverers of the archipelago of Cape Verde Antonio Noli. The nomination of Bay of the river Ribeira Grande where the ships of the colonists could be to moored. It is known that the vessels of Christopher Columbus and Vasco da Gama entered there.

Tarrafal [tarrafal] ‘the adjective from the word chimney’ — a village on the island of Santiago, located on the Northern shore of the island less than 100 km from the state capital. Actionem has got this nomination of the severe climate, because this part of the

island is exposed to constant winds. Since 1936 the Portuguese colonial government used severe climate as a means of influence on political criminals of all African colonies of Portugal. Currently, the former prison is a training center of the armed forces of Cape Verde.

Assomanda [asomanda] The Spanish noun from the verb *asomar* ‘stick out’, i.e. ‘the city which is visible’. It’s located in the centre of the island of Santiago on a hill that defines the nomination of this hagonym.

The linguistic review of some names of Cape Verde’s mountains

Monte Vermelho [monte vermelho] ‘the red hill’ — the hill in Sal island has a height of about 400 meters. The category involves lexemes *Monte* ‘hill, mountain’ with such a small height associated with the relief features: this is the most flat, smooth island of the archipelago.

Monte Grande [monte grande] ‘the big mountain’ — the highest mountain of the island, which is not as high as other mountains of Cape Verde.

Caixa [caixa] ‘a box’ — a high archipelago mountain, over 500 meters above the sea level. It’s located in the southern part of the island of São Vicente and is of a volcanic origin. The nomination is caused by the shape of the mountain which resembles a square.

Crioulo [creole] ‘Creole’ — a small elevation on the island of Santa Luzia. We presume that the nomination is motivated by the group name of the island’s population living there — the descendants of the slaves who were trafficked across the island and sold in the period of the slave traffic.

In this way, the motivating Portuguese bases of Cape Verde names are represented in table 1.

Table 1

The name type of toponyms of the largest islands of Cape Verde

The place name in the original language	Translation	Type of toponym	Type of nomination
Rotcha <i>Scribida</i> [rotch scribed] the island of São Nicolau	‘rock of inscriptions’ (Creole)	oronym	the nomination with nominal-geographic source name, in this case, the lexis <i>Rotcha</i> ‘the rock’
Monte Verde [Monte Verde] the island of São Vicente	‘green mountain’	oronym	the nomination synonymous with geographic source in the names of <i>Monte</i> ‘mountain’
Monte Grande [Monte Grande] the island of Fogo	‘the big mountain’	oronym	the nomination synonymous with geographic source in the names of <i>Monte</i> ‘mountain’
<i>Santa Maria</i> [Santa Maria] the town of the island of Sal	‘Holy Mary’	hagonym	the toponym is of anthropological origin, the city is named after a Catholic Saint
<i>Santo Antão</i> [Santo antão], the city	‘Saint Anthony’	choronym	this toponym is of anthropological origin, the city is named after a Catholic Saint, the day of remembrance when was discovered the island
<i>Crioulo</i> [Creole] the island <i>Santa Luzia</i>	‘Creole’	oronym	the toponym is of anthropological origin in the name of the main population
<i>Sal</i> [can]	‘solt’	choronym	the secondary nomination of the describing type. The island received this name after the discovery of salt deposits of salt, which is the base of the island’s economy

End of the table 1

The place name in the original language	Translation	Type of toponym	Type of nomination
<i>Espargos</i> the capital of the island of Sal	'asparagus (pl.h.)'	hagionym	the nomination of a describing type the <i>flora and fauna</i>
<i>Caixa</i> [Kaisha] the mountain island <i>São Vicente</i>	'box'	oronym	the toponym is named for the shape of the mountain, which is close to the square
<i>Nova-Sintra</i> [Nova Sintra] the small village on the island of Sal	'Nova Sintra'	oikonym	the transferred toponymy

3. STRUCTURAL CLASSIFICATION OF CAPE VERDE TOPONYMS

In terms of composition the toponyms of Cape Verde may be:

- ◆ single word *Espargos*;
- ◆ two-words *Nova-Sintra*;
- ◆ word combinations *Rotcha Scribida*,

which in our opinion reflects the Portuguese beginning in the nomination of the geographical objects.

Conclusion

The research allowed to draw the following conclusions:

- 1) the basic toponyms of Cape Verde are of Portuguese origin, there are certain geographical names, motivated by lexemes of the French and Italian languages.
- 2) the national-cultural peculiarities of the language picture of the world of the first colonists of Cape Verde were preserved in the toponymy. The prevalence of such groups of the toponymic vocabulary are as follows describing the landscape, describing flora and fauna types, the Saint names' nomination.

© Перфильева Н.В., Франческа Да Сильва
 Дата поступления: 27.12.2016
 Дата принятия к печати: 25.01.2017

REFERENCES

1. Senna, Manuel Roiz Lucas de. (1987). *Dissertação sobre as ilhas de Cabo Verde (1818). Anotações e comentários de António Carreira*. Lisboa: Edição de António Carreira.
2. Ohotin, N.V. ed. (1975). *The language situation in Africa*. Moscow: Nauka. (in Russ).
3. Trubachov, O.N. (2012). Preface In: V.L. Vasiliev. *Slavic place names of the Novgorod land of antiquity*. Moscow: Handwritten monuments of Ancient Rus. (in Russ).
4. *Linguistic Encyclopedic Dictionary*, ed. V.N. Yartseva. (1990). Moscow: "Soviet Encyclopedia". (in Russ).
5. Appiah, Kwame Anthony (1997). *Na casa de meu pai: a África na filosofia da cultura*. Rio de Janeiro: Contraponto.
6. Stepanov, Ju.S. (1975). *Methods and principles of modern linguistic*. Moscow: Nauka. (in Russ).
7. Zhuchkevich V.A. (1980). *General toponyms*. Minsk: Vysheishaya shkola.
8. Gak, V.G. (1963) *Comparative Typology of French and Russian languages*. Moscow: Prosveshchenie. (in Russ).
9. Bolekia Boleká, J. (2010). *Las identidades minorizadas y la desconfiguración del Estado / J. Bolekia Boleká. La palabra y la memoria: Guinea Ecuatorial 25 años después*; L.-W. Miampika (ed.). Madrid: Editorial Verbum.

УДК: 811.134.3'373.21

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-320-325

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАИМЕНОВАНИЙ ОСТРОВОВ КАБО-ВЕРДЕ

Н.В. Перфильева, Франческа Да Сильва

RUDN University

10/2, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

В представленной статье рассматриваются топонимы западно-африканского государства Кабо-Верде. Известно, что номинация географических объектов, таких как, например, города, названия островов, гор, рек, тесно связана с историей и культурой народов, живущих на данной территории. Новизной данного исследования является анализ отражения культурного компонента в топонимической номинации Кабо-Верде. В статье также рассматриваются топонимы в этимологическом структурном аспектах. Структурный анализ заключается в классификации групп топонимов по числу компонентов; описываются следующие виды топонимических единиц: слово, словосочетание, два слова.

Ключевые слова: топонимы, номинация, португальский язык, креольский язык

БИБЛИГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Senna, Manuel Roiz Lucas de*. Dissertação sobre as ilhas de Cabo Verde (1818) // Anotações e comentários de António Carreira. Lisboa: Edição de António Carreira, 1987.
2. Языковая ситуация в странах Африки под ред. *Н.В. Охотиной*. Москва: Наука, 1975.
3. *Трубачев О.Н.* Предисловие // в кн.: Васильев В.Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2012.
4. Лингвистический энциклопедический словарь под ред. *В.Н. Ярцевой*. Москва: Советская энциклопедия, 1990.
5. *Arriah, K.A.* Na casa de meu pai: a África na filosofia da cultura. Rio de Janeiro: Contraponto, 1997.
6. *Степанов Ю.С.* Методы и принципы современной лингвистики. Москва: Наука, 1975.
7. *Жучкевич В.А.* Общая топонимика. Минск: Вышэйшая школа, 1980.
8. *Гак В.Г.* Сравнительная типология французского и русского языков. Москва: Просвещение, 1963.
9. *Bolekia Boleká, J.* Las identidades minorizadas y la desconfiguración del Estado / J. Bolekia Boleká // La palabra y la memoria: Guinea Ecuatorial 25 años después; L.-W. Miampika (ed.). Madrid: Editorial Verbum, 2010.

Сведения об авторах:

Перфильева Наталия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов; *научные интересы:* теория и практика славянских, германских и романских языков, типология, семантика; *e-mail:* nperfilieva@yandex.ru;

Франческа Да Сильва, соискатель ученой степени кандидата филологических наук на кафедре общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов; *научные интересы:* теория и практика межкультурной коммуникации, топонимика; *e-mail:* dasilvafran66@yahoo.com

Bio Note:

Perfilieva Nataliya Vladimirovna, Ph.D. in Philology; Associate Professor at Department of the General and Russian Linguistics at RUDN University. *Research Interests:* Theory and Practice of Slavic, Germanic and Romance Languages, Typology, Comparativistics, Semantics; *e-mail:* nperfilieva@yandex.ru;

Francesca Da Silva, the applicant of an academic degree of Ph.D. in Philology at Department of the General and Russian Linguistics at RUDN University. *Research Interests:* theory and practice of cross-cultural communication; Toponymics; *e-mail:* dasilvafran66@yahoo.com

УДК: 811.111'27:316

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-326-334

ТЕРМИНЫ-ЭПОНИМЫ В СОСТАВЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «СОЦИОЛОГИЯ»

Т.А. Майкова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/1, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена англоязычным терминам-эпонимам научного подязыка социологии, не получившим еще достаточного освещения в терминологических исследованиях. Хотя число социологических терминов-эпонимов сравнительно невелико, они обладают рядом специфических черт, что делает их интересными для изучения. В статье рассматриваются структурные и семантические особенности социологических терминов-эпонимов. Автор приходит к заключению, что рассматриваемые термины отличаются значительной разноплановостью онимических компонентов, их мотивировка осуществляется за счет комбинации энциклопедических знаний о феномене, репрезентированном онимом и семантики деривационной морфемы или апеллятивного компонента. Лингвокультурный анализ показал, что значительная часть англоязычных терминов-эпонимов культуроспецифична по отношению к американской культуре.

Ключевые слова: терминология социологии, термины-эпонимы, мотивированность термина-эпонима, культуроспецифичность эпонима

ВВЕДЕНИЕ

По мере развития наук растет потребность в новых обозначениях для вновь открываемых элементов научного знания. Одним из традиционных способов пополнения научного лексикона, восходящих к самым ранним периодам становления наук, является использование терминов-эпонимов, т.е. терминов, образованных от имен собственных.

По определению Е.М. Какзановой [Какзанова 2013: 62], термин-эпоним — это термин, содержащий в своем составе имя собственное, представленное антропонимом, топонимом или мифонимом, или же образованный от имени собственного безаффиксным (при помощи метонимического переноса) или аффиксальным способом. Терминам-эпонимам посвящено немало работ, ими занимались такие ученые, как Е.А. Лобач, Н.В. Новинская, Е.М. Какзанова, В.Д. Бондалетов, Л.Б. Ткачева. Им уделено внимание в работах В.М. Лейчика и С.Д. Шелова, В.М. Виноградова и Н.В. Васильевой, В.А. Иконниковой, некоторых зарубежных ученых (М. Turska и др.). Хорошо изучены термины-эпонимы таких предметных областей, как медицина, математика, естественные науки, спорт, некоторых прикладных областей, в то время как эпонимы социальных и гуманитарных наук еще не получили достаточного освещения. Возможно, это связано с тем, что эпонимизация как способ создания новых терминов в разных областях человеческого знания задействуется неравномерно, что ведет к разному «удельному весу» эпонимической терминологии в рамках той или иной науки.

МЕСТО ТЕРМИНОВ-ЭПОНИМОВ В СОСТАВЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ СОЦИОЛОГИИ

По нашим наблюдениям, по сравнению с другими дисциплинами социального цикла (например, экономикой) в составе англоязычной терминологии социологии собственно эпонимические терминологические сочетания представлены слабо. В проанализированном терминологическом массиве, содержащем 2500 лексических единиц английского языка, отобранных нами из социологических словарей, словарей социальных наук, научных монографий и статей, мы выявили 52 термина-эпонима, что составляет чуть более двух процентов. Тем не менее, им присущи яркие отличительные особенности, что делает их интересными для изучения.

В целом, в сфере социальных наук и социологии в частности термины-эпонимы используются для обозначения самых разнообразных понятий и характеризуются значительной неоднородностью с точки зрения базовых компонентов номинации. В первую очередь они включают в себя термины-эпонимы, производные от фамилий — ученых, непосредственно сделавших научное открытие, создавших научную теорию, описавших то или иное явление, разработавших новую методологию или эксперимент (*Guttman scale / шкала Гуттмана*, *Halevy Thesis / тезис Галеви*, *Gini coefficient / коэффициент Джини*, *social Keynesianism / социальное кейнсианство*, *Fordism/фордизм*, *social Darwinism / социал-дарвинизм*), общественных деятелей: *McDonaldization/макдональдизация*, *Disneyfication/диснеефикация*. Кроме того, они включают в себя топонимы (*Hawthorne Effect / Хоторнский эффект* или *эффект Готорна*, по названию завода Hawthorne Works, где проводилось исследование; *Abilene paradox / парадокс Абилина*, по названию города); общекультурные и национально-специфичные мифонимы (*Mathew Effect / эффект Матфея*, *John Henry Effect / эффект Джона Генри*).

Термины-эпонимы, образованные от имени лица, в честь или память которого номинируется явление, единичны (*Fabianism/фабианство*) и в целом терминологии социологии несвойственны. А.О. Алимуратов считает эпонимы данного типа маркированными сравнительно высокой степенью метафоричности [цит. по Раздубев 2013: 105]. Основной массив терминов-эпонимов в терминологии социологии составляют термины, имеющие в своем составе антропоним (84,5%), значительно реже встречаются мифонимы (11%), топонимы (4,5%).

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ-ЭПОНИМОВ

Как известно, термины используются для фиксации специального знания, а также для передачи этого знания в пространстве и во времени [Какзанова 2011: 11]. Приращение научного знания сопровождается появлением новых терминов, в том числе терминов-эпонимов. При их создании задействуются определенные словообразовательные модели.

С точки зрения структурной организации термины-эпонимы можно подразделить на термины-слова и терминологические сочетания. Е.М. Какзанова выделяет такие словообразовательные модели, используемые в случае однословных терми-

нов-эпонимов, как семантическая деривация, то есть использование уже имеющих в языке номинативных средств в новом акте наречения, и морфологический способ, включающий в себя образование аффиксальных производных и образование сложных слов [Какзанова 2015: 129ff].

Анализ показал, что для образования англоязычных терминов-эпонимов социологии семантическая деривация не используется. Наиболее продуктивным является образование термина-эпонима простым аффиксальным способом от онимической основы — антропонима, топонима или мифонима. При этом в качестве структурных элементов терминоединиц выступают суффикс *-ism* (9), суффиксы *-tion* (4), *-ite* (1), и префикс *post-* (1).

Значительно бóльшая часть терминов-эпонимов (37 терминологических единиц) представлена терминологическими сочетаниями, что подтверждает выводы о структуре терминов-эпонимов, сделанные ранее на другом материале В.М. Лейчиком, Н.В. Новинской, Е.М. Какзановой. Этот тип терминов-эпонимов — терминологические сочетания — включают в себя опорный структурный элемент, выраженный нарицательным существительным, и оним. В качестве нарицательных компонентов (опорных структурных и семантических компонентов терминоединиц — апеллятивов) используется достаточно большая группа терминоэлементов, среди которых наиболее частотными являются, в частности — *effect* (8), *experiment* (4), *paradox* (2), *theory* (2), *law* (закон) (2), *goods* (товары) (2), менее частотны — *theorem* (1), *grid* (таблица) (1), *slope* (зд. угловой коэффициент) (1), *space* (пространство) (1). Очевидно, что в случае эпонимических терминологических сочетаний предметной области социологии в качестве опорных (апеллятивных) выступают терминоэлементы с общенаучным или междисциплинарным значением, при этом проприальный (онимический) компонент выполняет индивидуализирующую функцию, выделяя объект из ряда подобных.

С грамматико-структурной точки зрения онимические компоненты в эпонимическом терминосочетании в рамках англоязычной терминологии социологии выступают в роли препозитивного определения по формуле Npr. + Ncom. (*Bogardus scale*, *Chayanov slope*) или Npr.-Npr. + Ncom. (+ Ncom.) (*Davis-Moore Theory of Stratification*), в абсолютном большинстве случаев в непритяжательной форме. Это может объясняться тем, что здесь онимический компонент структурно употребляется в качестве прилагательного, и поэтому не имеет притяжательного значения. Единичные случаи употребления притяжательного падежа (*Arrow's paradox*, *Engel's Law*, *Gibrat's law*) могут, по нашему мнению, объясняться соображениями благозвучия или прагматическими причинами. Так, например, термин *Arrow's paradox* (парадокс Эрроу, теорема о невозможности «коллективного выбора») можно спутать с *Zeno's arrow paradox* (парадокс стрелы Зенона), философско-математическим термином, где *arrow* не личное имя, а апеллятивный компонент. Встречается также и непродуктивная модель Adj. + Ncom. (+ Ncom.), где адъективный компонент выражен морфологическим производным онима (*Malthusian Theory*, *Keynesian Welfare State*).

СЕМАНТИЧЕСКАЯ И СТРУКТУРНАЯ МОТИВИРОВАННОСТЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ-ЭПОНИМОВ

Что касается собственно семантики проприальных компонентов и в целом эпонимических терминов и терминосочетаний, то здесь необходимо отметить, что для терминоведения важна в первую очередь связь термина с научным понятием, а также степень отражения в термине существенных признаков понятия, то есть мотивированность термина. Вопрос о мотивированности терминов-эпонимов остается дискуссионным. В.М. Лейчик относит термины-эпонимы к немотивированным; при этом под мотивированностью термина подразумевается «объясненность значения термина, с одной стороны, значением той лексической единицы естественного знака, на базе которой он существует, с другой стороны, концептом в системе концептов теории, описывающей определенную специальную область знаний или деятельности» [Лейчик 1994: 11]. По мнению Е.М. Какзановой, термины-эпонимы — это ассоциативные термины, в которых мотивировка выражается косвенно, с помощью разного рода ассоциаций [Какзанова 2010: 24]. Н.В. Новинская говорит о многообразии форм семантической мотивации терминов-эпонимов, таких как энциклопедическое значение антропонима, факт включения конкретной номинативной единицы в ряд терминов строго определенной категории понятий, и др. [Новинская 2013: 36]. Применительно к терминам-эпонимам предметной области социологии, образованным морфологическим способом, можно говорить о типе мотивации, основанном на своеобразной комбинации семантически специализированных деривационных морфем и энциклопедических сведений о лице или явлении, репрезентируемом онимом. Это может быть определенный объем информации, который связывается с конкретным лицом, автором теории, научного направления, метода или же с каким-либо названием из области культуры или социальной жизни.

Е.М. Какзанова [Какзанова 2013: 64; Какзанова 2015: 133] считает, что английский суффикс *-ism*, служит для обозначения отвлеченных, абстрактных существительных и, присоединяясь к основе антропонима, придает существительным значение общественно-политических течений, философских и религиозных учений, направлений. В русском языке ему соответствует русский суффикс *-изм* или *-ство*. Анализ показал, что в терминологии социологии при передаче англоязычных терминов-эпонимов, образованных аффиксальным способом, наиболее частотны случаи соответствия английскому *-ism* русского суффикса *-ство*, например *Malthusianism* — *мальтузианство*, *Fabianism* — *фабианство*, *Keynesianism* — *кейнсианство*. В целом же можно отметить, что социологические термины, образованные от личных имен при помощи суффикса *-ism* (*Marxism*, *Social Darwinism*, *Taylorism*, *Fordism*, etc.), приобретают значение крупной теории, учения, течения, направления.

Еще одним продуктивным суффиксом для создания эпонимической терминологии в терминологии социологии является суффикс *-tion* (*Disneyfication*, *Coca-colonization*, *McDonaldization*).

Суффикс имеет значение процесса, состояния или действия и в общем случае используется для образования отглагольного существительного, что для англоязыч-

ной терминологии социологии не свойственно. Мотивировка образованного термина осуществляется за счет комбинации фоновых знаний о феномене, репрезентированном онимом, и семантики деривационной морфемы. Как видно из приведенных примеров, в роли проприального компонента эпонимического термина здесь выступают названия популярных компаний.

Таким образом, итоговый термин, основанный на метафорическом переносе, получает значение процесса, в результате которого нечто обретает черты, приписываемые объекту, репрезентированному онимом. Кроме того, термин *Cocacolonization*, имеющий эпонимический дублет *Americanization*, создан по принципу блендинга или словостяжения, то есть наложения двух слов по одинаковым слогам: *Coca-cola + colonization*, что сообщает ему дополнительную мотивированность.

Термины *Disneyfication* (встречается также вариант *Disneyzation*) и *McDonaldization* могут рассматриваться как примеры вторичной номинации, так как они образованы от названий компаний, образованных в свою очередь от личных имен, что можно представить в виде цепочки *Walt Disney* (личное имя) — *Walt Disney World* (название развлекательного парка) — *Disneyfication* (термин, означающий превращение общества в подобие тематического парка Диснея, где среда в основном служит для стимуляции потребления). То есть актуализация значения вторичного термина-эпонима происходит не за счет информации о личности Уолта Диснея, а за счет отсылки к образу, вызываемому первичной номинацией. Сходным же образом можно представить цепочку *McDonald* (личное имя) — *McDonald's (ресторан быстрого питания)* — *McDonaldization* (термин, означающий превращение функциональных принципов ресторанного бизнеса этой сети в базисные принципы организации современной социальной жизни, что способствует ее дальнейшей рационализации).

Эпонимические терминологические словосочетания мотивируются по схожему принципу, при этом категориальный признак выражается апеллятивным элементом словосочетания, а дифференциальный признак связан с энциклопедическим значением онима. В терминологии социологии апеллятивный компонент зачастую выражает общенаучное понятие или относится к методике исследования (см. выше), а проприальный может быть выражен именем ученого — автора теории, направления или метода (*Gibrat's Law, Blau Space, Ringelmann Effect, Asch Experiments, Milgram Experiments, Davis—Moore hypothesis, Giffen goods, Halevy Thesis, Averch-Johnson Effect*); или же топонимом — местом проведения эксперимента (*Stanford Prison Experiment, Hawthorne Effect*), или мифонимом, используемым для обобщенного обозначения определенных физических и моральных характеристик или действий, присущих данному персонажу (*Pygmalion Effect, Janus Effect*).

НАЦИОНАЛЬНОЕ И КУЛЬТУРОСПЕЦИФИЧНОЕ В ТЕРМИНЕ-ЭПОНИМЕ СОЦИОЛОГИИ

Необходимо отметить, что энциклопедическое значение онима включает в себя разноплановую информацию, что в совокупности дает возможность рассматривать термины-эпонимы в качестве отражения национально-культурного компонента терминологической картины мира. Картина мира представляет собой сложную

систему образов, отражающих действительность в коллективном сознании. Научная картина мира оперирует терминами и построена на практических и теоретических знаниях, а противопоставленная ей наивная картина мира более диалектична и допускает противоречивые определения вещей. О.А. Корнилов определяет научную картину мира как «способ моделирования реальности, который существует помимо отдельных научных дисциплин (но на их основе) и характеризуется универсальностью, глобальностью охвата всех областей знания о мире, человеке и обществе». Национальной научной картиной мира О.А. Корнилов называет «инвариант научного знания о мире в языковой оболочке конкретного национального языка» [Корнилов 2003: 9, 112]. То есть терминологическая картина мира, материальным носителем которой является естественный язык, не застрахована от воздействия национально-культурного фактора. В.И. Заботкина рассматривает культуру как общие фоновые знания о мире участников коммуникации [Заботкина 2014: 101].

Проанализировав в свете вышеизложенного группу англоязычной эпонимической терминологии социологии, онимический компонент которой выражен мифонимом, мы обнаружили, что она представлена как общекультурными (*Mathew Effect* (эффект Матфея), *Janus Effect* (эффект Януса)), так и культуроспецифичными (*Average Joe* (среднестатистический американец), *Abilene Paradox* (парадокс Абилина), *John Henry Effect* (эффект Джона Генри)) терминами-эпонимами.

Можно отметить, что социологические термины-эпонимы общекультурного характера образованы от мифонимов, восходящих к античной или библейской основе, в то время как мифонимы, лежащие в основе культуроспецифичных терминов, имеют относительно недавнее происхождение. Их отнесенность к мифонимам обусловлена тем фактом, что они являются именованями лиц и объектов, не существовавших в действительности, или же отсылают к событиям, никогда не имевшим места. Использование имен вымышленных лиц при терминообразовании не является редкостью. Подобные случаи описаны, например, и для математического дискурса [Какзанова 2011: 160—161].

Актуализация значения эпонимов — производных от культуроспецифичных онимов невозможна без обращения к фоновым знаниям, присущим представителям порождающей культуры. В основе термина *Abilene Paradox*, например, лежит анекдот о поездке в американский город Абилин, которой никто не желал, но каждый побоялся подвести остальных. Очевидно, что при отсутствии соответствующих фоновых знаний у участников научной коммуникации термин окажется мотивирован только на уровне родового понятия.

Другой термин-эпоним на основе культуроспецифичного мифонима содержит личное имя *John Henry* (*John Henry Effect*), принадлежащее полулегендарному чернокожему дорожному рабочему, который, узнав, что его выработка сравнится с выработкой паровой машины, приложил все усилия, чтобы победить, и умер от перенапряжения. Термин-эпоним, увековечивший его имя, означает искажение результатов эксперимента, если контрольная группа осведомлена о своем участии, что приводит к подсознательному желанию показать наилучший результат.

При этом значение эпонима, образованного от общекультурного мифонима, более или менее прозрачно, так термин *Janus Effect*, отсылающий к римскому бо- жеству Янусу, у которого было два лица, означает основную характеристику субъ- екта, обладающего способностью взаимодействовать с другими людьми как во властной, так и зависимой роли.

Несколько иначе обстоит дело с другим мифологическим эпонимом *Pygma- lion Effect*. Как известно, в греческой мифологии Пигмалион — скульптор, создав- ший прекрасную статую, влюбившийся в нее и попросивший богов оживить ее.

Термин *Pygmalion Effect* означает феномен, заключающийся в том, что ожи- дание реализации пророчества во многом определяет характер действий личности и интерпретацию ею реакций окружающих, что и провоцирует самоосуществле- ние пророчества. Связь между концептом, вербализуемым термином, и действи- тельным мифом представляется лишь косвенной, что, возможно, привело к появ- лению терминологического дублета, тоже эпонимического, *Rosenthal Effect* (*эф- фект Розенталя*). О значении еще одного эпонимического термина, образованного на основе мифонима, *Mathew Effect* (подробнее см. [Майкова 2015: 69]).

Отдельного рассмотрения заслуживает термин *average Joe*. В отличие от про- чих имен собственных, лежащих в основе английской социологической термино- лексики, имя *Joe* не означает здесь конкретного лица. Оно относится к категории имен собственных, которые М.В. Мишкевич называл полиреферентными именами, противопоставив их монореферентным, общеизвестным именам, подчеркивая, что первые «предполагают наличие множества референтов с одним и тем же именем, а прямая, непосредственно закрепленная соотнесенность свойственна им только в конкретной речевой ситуации, в речевом акте» [Мишкевич 1988: 110]. Очевидно, что в данном случае этого не происходит, скорее наоборот, оним приобретает зна- чение «любой Джо вообще» (очень популярное в США имя), то есть среднеста- тистический житель, что подчеркивается значением апеллятивного компонента *average* (*средний*).

Можно прийти к выводу, что значительная часть англоязычных терминов- эпонимов культуроспецифична по отношению к культуре США. Большинство ан- тропонимов — это имена американских ученых (если не брать в расчет происхож- дение), топонимы относятся к географическим объектам на территории США (*Stanford Prison Experiment, Abilene Paradox*), культуроспецифичные мифонимы отсылают к персонажам и событиям, неизвестным за пределами Америки. Таким образом, термины-эпонимы в составе англоязычной социологии отражают суще- ственный вклад научного сообщества этой страны в развитие отрасли.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ позволил прийти к ряду выводов.

♦ В англоязычной терминологии социологии термины эпонимы составляют приблизительно 2% от общего терминологического массива.

♦ Термины-эпонимы социологии отличаются значительной разнопланово- стью онимических компонентов.

◆ Мифонимы, лежащие в основе некоторых социологических терминов-эпонимов, можно подразделить на две группы: мифонимы, восходящие к античной или библейской традиции, и мифонимы позднейшего происхождения, требующие для своей актуализации наличия у участников коммуникации специфического культурного опыта.

◆ Мотивировка однословных терминов происходит за счет комбинации фоновых знаний о феномене, репрезентированном онимом, и семантики деривационной морфемы.

◆ Мотивировка терминов-словосочетаний происходит сходным образом, при этом категориальный признак выражается апеллятивным элементом словосочетания, а дифференциальный признак связан с энциклопедическим значением онима.

◆ В структурном отношении термины-эпонимы могут обнаруживать совпадение с неэпонимическими терминами или с эпонимическими дублетами.

◆ Лингвокультурный анализ показывает культуроспецифичность части англоязычных терминов-эпонимов по отношению к американской культуре.

© Майкова Т.А.

Дата поступления: 27.01.2016

Дата принятия к печати: 25.01.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Заботкина В.И.* О взаимосвязи картины мира и культурноносных смыслов в слове // *Язык. Сознание. Коммуникация*. Выпуск 50. Москва: Макс Пресс, 2014. С. 101—107.
2. *Какзанова Е.М.* Имя собственное в термине. Москва: Галлея-Принт, 2015.
3. *Какзанова Е.М.* Лингвокогнитивные и культурологические особенности научного дискурса (на материале математических и медицинских терминов-эпонимов): дис. ... д-ра филол. наук. Москва: ИЯЗ РАН, 2011.
4. *Какзанова Е.М.* Номенклатура и термины-эпонимы: обзор мнений // *Вестник московского государственного областного университета*. Серия: Лингвистика. Москва: Изд-во Московский государственный областной университет, 2010. № 5. С. 21—25.
5. *Какзанова Е.М.* Философская картина мира в эпонимических интернационализмах // *Вестник Пермского университета*. Философия. Психология. Социология. 2013. № 1 (13). С. 62—64.
6. *Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. Москва: ЧеРо, 2003.
7. *Лейчик В.М.* Обоснование структуры термина как языкового знака понятия // *Терминоведение*. Москва: Московский лицей. 1994. № 2. С. 5—16.
8. *Майкова Т.А.* Концептуальная метафора в терминологии социологии // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 3. С. 65—73.
9. *Мишкевич М.В.* Семантика имени собственного // *Методика обучения иностранным языкам*. Романское и германское языкознание. Минск: Изд-во БГУ. 1988. С. 110—114.
10. *Новинская Н.В.* Термины-эпонимы в языке науки // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2013. Выпуск № 4. С. 34—38.
11. *Раздубев А.В.* Современный английский подъязык нанотехнологий: структурно-семантическая, когнитивно-фреймовая и лексикографическая модели. Дис. ... канд. филол. наук, Пятигорск. 2013.

УДК: 811.111'27:316

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-326-334

EPONYMIC TERMS AS PART OF ENGLISH SCIENTIFIC SUBLANGUAGE OF SOCIOLOGY

T.A. Maikova

RUDN University

Miklukho-Maklay st., 10/1, Moscow, Russia, 117198

Abstract. The article is devoted to eponymic terms in English scientific sublanguage of Sociology, which has not yet received sufficient coverage in terminological studies. Although their number is relatively small, eponymic terms of Sociology display a number of specific characteristics that make them interesting to study. The article centers upon their structural and semantic characteristics as well as their cultural specificity. The author comes to conclusion that these terms exhibit substantial diversity concerning their onim components; they are motivated through the combination of encyclopedic knowledge of the phenomenon, represented by the onim, and the semantics of derivational morphemes or appellative components. Linguocultural analysis showed that many of the English eponymic terms of Sociology are culture-specific in relation to American culture.

Key words: terminology of Sociology, eponymic terms, motivation of eponymic terms, culture-specific eponyms

REFERENCES

1. Zabotkina, V.I. (2014). On Inter relatedness of World view and Cultural Implications in a Word. In: *Language — mind — communication*. Issue 50. Moscow: MAX Press. p. 101—107. (in Russ).
2. Kakzanova, E.M. (2015). *Proper Names in Terminology*. Москва: Галлея-Принт. Moscow: Halley-Print. (in Russ).
3. Kakzanova, E.M. (2011). *Linguo-Cognitive and Cultural Aspects of Scientific Discourse (as Exemplified by Eponymic Terms of Mathematics and Medicine)*. [dissertation] Moscow: Institute of Linguistics RAS. (in Russ).
4. Kakzanova, E.M. (2010). Nomenclature and Eponymic Terms: Opinion Review. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics*, 5, 21—25. (in Russ).
5. Kakzanova, E.M. (2013). Philosophical World view in Eponymic Internationalisms. *Perm University Herald. Series: Philosophy. Psychology. Sociology*, 13(1), 62—64. (in Russ).
6. Kornilov, O.A. (2003). *Linguistic Pictures of the World as Derivatives of National Mentalities*. Moscow: CheRo. (in Russ).
7. Lejchik, V.M. (1994). Under lying Rationale of the Structure of Terms as Linguistic Symbols of Concepts. *Terminology*, 2, 5—16. (in Russ).
8. Maikova, T.A. (2015). Conceptual Metaphor in Sociological Terminology. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 3, 65—73. (in Russ).
9. Mishkevich, M.V. (1988). Proper Names Semantics. In: *Methods of teaching foreign languages. Romance and Germanic linguistics*. Minsk: Publishing house of the Belarusian State University. p. 110—114. (in Russ).
10. Novinskaya, N.V. (2013). Eponymic Terms in the Language of Science. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 4, 34—38. (in Russ).
11. Razduev, A.V. (2013). *Modern English Sublanguage of Nanotechnology: Structural, Semantic, Cognitive and Lexicographic models*. [dissertation]. Pyatigorsk. (in Russ).

Сведения об авторе:

Майкова Татьяна Анатольевна — старший преподаватель Российского университета дружбы народов. e-mail: maykova_ta@pfur.ru

Bio Note:

Maikova Tatiana Anatolyevna — Senior Lecturer at RUDN University; e-mail: maykova_ta@pfur.ru

УДК: 81'373.21

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-335-340

АНТРОПОНИМИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СОСТАВЕ ТОПОНИМОВ

Г.М. Абишов

Каракалпакский государственный университет им. Бердаха
ул. Ч. Абдиров, 1, Нукус, Республика Каракалпакстан, 230112

Топонимы, образованные от имен, составляют особую группу географических названий: антропотопонимы обозначали принадлежность этого географического объекта определенному лицу или названы именем того человека, который первым расположился в этом объекте. В составе каракалпакских имен участвуют антропонимические элементы типа *бай, бек, берген, бийби, бийке, гул, жан, зада, мурат, назар, нияз*. В статье приведены антропотопонимы Чимбайского района, в составе которого имеются элементы *бай, бек, берген, бийби, гул, назар, нияз, мурат, хан*. В составе антропотопонимов этой территории эти элементы используются плодотворно. Они в составе антропотопонимов встречаются как первый или второй компонент. Также эти антропонимические элементы (*бай, бек, берген, назар, нияз, гул*), сложившись между собой, образуют антропонимы (*Бекбай, Бекназар*). В системе районной топонимии в составе названий имеются подобные характерные элементы. Они приведены в качестве примеров в составе местных топонимов.

Ключевые слова: топонимы, бай, бийби, гул, жан, назар, мурат, хан

Народ, дав название географическим объектам, расположенным на своей территории, создает топонимы. Топонимы дают богатые сведения о месте расположения определенного географического объекта, об истории народа, жившего на этом месте, о событиях, произошедших в общественной жизни этого народа. В этом плане изучение топонимов Чимбайского района, имеющего свою древнюю историю и богатый топонимический материал, в семантическом и структурном отношении имеет теоретическое и практическое значение.

Чимбайский район — одна из пяти древних территорий в Республике Каракалпакстан. Местное население пользуется топонимами, обозначающими географические объекты в районе. Среди них количество сложных наименований намного больше, чем простых, потому что большинство названий земель и водных объектов образованы способом сложения двух основ, таким образом, в топонимии этой территории плодотворно используются сложные слова-топонимы. По строению выделяются несколько типов сложных топонимов. Среди них часто встречаются сложные антропотопонимы, образованные от имени людей.

Одной из особенностей топонимики Чимбайского района являются антропотопонимы, т.е. топонимы, образованные от имен, прозвищ и фамилий. Антропотопонимы образуют особую группу географических названий. Они занимают важное место в образовании ряда названий в системе имен собственных.

Лингвистические материалы, связанные с каракалпакской антропонимией, проанализированы в монографических исследованиях О. Сайымбетова [Сайым-

бетов 2000] и Ю. Хожалепесовой [Хожалепесова 1995]. Однако виды антропотопонимов Чимбайского района по происхождению, семантическому своеобразие, способам образования, их классификация по строению до сего времени специально в науке не исследовались. Поэтому в этой статье антропонимические элементы в составе топонимов рассматривается как основной объект.

В словообразовании самым плодотворным является словосложение. Слова, образованные таким образом, встречаются и в старотюркских памятниках письменности. В каракалпакском языке сложные слова образуются сложением двух и более основ и передают одно значение. Они по значению близки к отдельным словам, а по форме и строению к сочетанию слов. Несмотря на это, сложные слова отличаются от них.

Антропотопонимы Чимбайского района по строению бывают простыми и сложными. В составе сложных имен лиц в большинстве случаях участвуют следующие антропонимические элементы:

1) компонент *бай*. Слово *бай* в составе каракалпакских имен частотно используются. Это слово первоначально обозначало положение человека в обществе, потом в составе имен перешло в функцию ласкательного аффикса [Сайымбетов 2000: 47].

Слово *бай* в качестве титула появилось в VI в. Это слово часто встречается в письменных памятниках тюркских языков V—VIII в. Его старотюркское значение «хэким (правитель), баслык (начальник)», а в каракалпакском языке «человек, имеющий много скота, состоятельный, богатый человек». Слово *бай* выполняло свою номинативную функцию до начала XX в., в настоящее время изменилась общественная функция в связи с приобретением нового значения.

А. Бернштам пришел к выводу, что слово *бай* — видоизмененный вид слова *бек*, *бий* или второй вариант этих слов. Слово *бай* — один из компонентов в образовании имени лиц. В ранние времена при употреблении с именами лиц слово *бай* указывало, что данное лицо является представителем господствующего класса или употреблялось с целью определения по-настоящему богатого человека. В настоящее время слово *бай* как компонент имени лица выполняет функцию аффикса.

Топонимы, образованные от имени лиц с компонентом *бай*, на исследуемой территории встречаются часто. Например:

Сапарбай журт (родная страна Сапарбая), *Дарибай аўыл* (село Дарибая), *Кийикбай аўыл* (село Кийикбая), *Асқарбай бағ* (сад Аскарбая), *Төребай жер* (земля Торебая), *Бекбай көлем* (участок Бекбая), *Сарсенбай бөлік* (часть участка, принадлежащий Сарсенбаю), *Узақбай көл* (озеро Узакбая), *Артықбай ой* (низина Артыкбая), *Көшкінбай жарған* (разбить, капать что-либо, то что сделано Кошкинбаем, например: разбить арык, капать канал и т.д.), *Сарсенбай жап* (небольшой оросительный канал или арык, принадлежащий Сарсенбаю), *Өскинбай жап* (так же), *Қадирбай салма* (арык Кадирбая), *Жумабай көпір* (мост Жумабая);

2) компонент *бек*. Слово *бек* встречается в Орхон-Енисейских письменных памятниках V—VIII вв. Персидские историки слово *бек* относит к имени людей. При определении происхождения слово *бек* В.В. Бартольд, Б.Ю. Владимирцов опираются на данные родословной «Хасыл ертеке (Благородная сказка)». В связи с частотностью слово *бек* в сказке они относят его к монгольскому слову.

Слово *бек*, когда является компонентом имени лица, в ранние времена имело значение «ақ сүйек, хәким (белая кость, человек вышедший из высокого сословия правитель)» в последующие времена перешло в значение «мықлы (крепкий), күшли (сильный)». А в компоненте имен лиц в настоящее время оно не имеет этих первоначальных значений, лишь выполняет функцию с ласкательным значением.

Топонимы, образованные от имен лиц с компонентом *бек*, на исследуемой территории немногочисленны. Например:

Бекпан көл (озера Бекпан), *Оразбек ақсақал* СТБ (Оразбек белая борода КОВ, «КОВ» — кооперативное объединение воднееков, «ақсақал» — уважаемый человек), *Муўсабек жасп*, *Мырзабек жасп*, *Жумабек салма* (*салма* то же что арык), *Рейимбек жер* (поле Рейимбека), *Қаллибек терек* (дерево Каллибека), *Сайыпбек жер* (поле Сайыпбека), *Султанбек бағ* (сад Султанбека);

3) компонент *берген*. В системе каракалпакской антропонимии имена лиц с компонентом *берген* встречаются часто. Они используются только как второй компонент. В составе антропотопонимов исследуемой территории встречаются и имена лиц с компонентом *берген*:

Досберген арна СТБ (арна — русло реки, СТБ — КОВ), *Узақберген салма*, *Қудайберген жасп*, *Бекберген көлем* (поле Бекбергена), *Емберген көлем*, *Есберген сотка*;

4) компонент *бийби* — один из продуктивных компонентов в составе женских имен в каракалпакской антропонимии. Это слово раньше имело значение «дочка бийя (бий — глава родового подразделения) или бека или же жена» [Кононов 1960: 72], в настоящее время в составе женских имен имеет ласкательное значение и является первым или вторым компонентом сложного слова. Например: *Бийбируза*, *Бийбихан*, *Жанбийби*. На исследуемой территории слово *бийби* в составе сложных топонимов идет как первой компонент: *Бийбигүл көлем* (поле, участок Бийбигүл), *Бийбираба көлем*. На этой территории топонимы, образованные от имен лиц с компонентом *бийби*, встречаются редко;

5) компонент *гүл* в составе женских имен был особенно распространен в средние века, в XV—XVIII в. В эти времена была усилена традиция образования сложных имен способом сложения двух слов, например: *Ақшолтан*, *Айжамал*, *Айпарша*, *Алтынгүл*, *Бийбижамал*, *Бийбисара* и т.д. Самым плодотворным способом образования женских сложных имен было присоединение к женскому имени компонента *гүл*. Образованных данным способом имен в каракалпакском языке очень много. Об элементе *гүл* в именах каракалпакских девушек была опубликована статья Н.А. Баскакова [Баскаков 1978: 138, 143]. Женские имена с участием этого элемента в составе антропотопонимов на исследуемой территории малочисленны:

Амангүл жасп, *Сапаргүл салма*, *Жумагүл суўгарган* (поливала Жумагүл), *Бийбигүл көлем*.

Компонент *гүл* в составе женских имен встречается и как корневая морфема. В таких случаях к корню присоединяются аффиксы *-стан*, *зар* и т.д.: при помощи аффикса *-стан* образован антропотопоним *Гулистан көшеси* (улица Гулистан);

6) компонент *жан*. Этот компонент участвует в образовании мужских и женских имен и имеет ласкательное значение. В.А. Гордлеский отмечает, что элемент *жан* встречается в составе таджикских, тюркских и татарских имен. В Турции начал применяться начиная с XVI в. [Гордлевский 1954: 17]. Топонимы, образованные от имен лиц с компонентом *жан*, в исследуемом объекте немногочисленны, например:

Нуржан аўыл, *Қаражанов көшеси* (улица Каражанов), *Матжан сотка*, *Айтжан салма*, *Ержан көл* (озеро Ержан);

7) компонент *назар*. Этот элемент в образовании имен лиц частотен. Он встречается в составе ряда антропотопонимов исследуемой территории: *Ақназар салма*, *Қудайназар көлем*, *Хожаназар жер*, *Алланазар қум* (кум — песок). На территории района компонент *назар* используется и как отдельный топоним: *Назар көл*;

8) компонент *нияз*. Лексема *нияз* в составе имен лиц имеет два значения: 1) умолять, просить; 2) подарок, дар; премия. Это слово в составе сложных имен встречается в первом и втором компоненте. В исследуемом объекте явление, в котором *нияз* идет как второй компонент в составе имен лиц в составе антропотопонимов, фиксируется часто. Например:

Жуманияз аўыл (село Жуманияз), *Ажинияз көшеси* (улица Ажинияз), *Сапарнияз жап* (арык Сапарнияз), *Қурбанияз көл* (озеро Курбанияз), *Нурнияз жер* (поле Нурнияз), *Уббинияз ахун аўлийеси* (кладбище Уббинияз ахун);

9) компонент *мурат*. Этот компонент является одним из своеобразных языковых элементов каракалпакской антропотопонимии; имя лиц с компонентом *мурат* в связи с местом применения имеет два значения: 1) цель, мечта; 2) пожелания для мальчика повзрослев достичь своей цели.

Компонент *мурат* в антропотопонимии исследуемой территории встречается во втором компоненте и частотно используется. Например:

Халмурат төпе («топе-возвышенность», название села), *Өтемурат канал*, *Алламурат салма*, *Шадымурат көпир*, *Татлымурат жап*, *Төремурат жер*.

10) Компонент *хан*. Этот компонент участвует в образовании мужских и женских имен, имеет ласкательное значение и плодотворно используется. Ж. Дондуков указал, что аффиксы *-хан// -хэн*, *-ган// -гэн* в бурятском языке встречаются в женских именах [Дондуков 1964: 19]. Г.Ц. Пюрбеев отмечает, что в калмыкском языке форма *-хн* в женских именах имеет субъективно-оценочное значение [Пюрбеев 1971: 59]. Антропотопонимы, в составе которых имеется компонент *хан*, на исследуемой территории очень малочисленны: *Нурхан аўылл*, *Дэўирхан жап*, *Арыўхан салма*, *Оразхан журт*.

В каракалпакском языке соединением антропонимических элементов *бай*, *бек*, *берген*, *бийби*, *наза*, *нияз*, *гул* образуются сложные имена лиц. Например: *Бекбай*, *Бекназар*, *Бекнияз*, *Байнияз*, *Байназар*, *Ниязбай*, *Ниязбек*. На исследуемой территории используются антропотопонимы, образованные соединением двух таких ан-

тропонимических элементов. Например: *Бекберген көлем, Бийбигүл көлем, Бекбай көлем, Бекбай қум*. Антропоним *Бийбигүл* состоит из двух антропонимических элементов (бийби + гүл).

Второй элемент, участвующий в образовании имен лиц типа *бай, бек, гул, жан, хан, бийби, назар, мурат*, нельзя отнести к полнозначным словам, потому что у него нет лексико-грамматической устойчивости в объединении с другими словами и не учитывается значимое отношение слов друг другу. Также они, участвуя в составе имени лица, не имеющего никакого реального значения, не обозначая определенного значения, выполняют лишь функцию знака. Поэтому их можно менять местами. Например: Баймурат—Муратбай, Гүлайым—Айымгүл, Бекнияз—Ниязбек, Зийбагүл—Гүлзийба и т.д.

Это не отвечает формату сложных слов, потому что в сложных словах нельзя менять корни существительных местами. Поэтому вышеприведенные примеры имен лиц, образованные при помощи указанных элементов, условно относятся к сложным существительным.

Таким образом, в системе антропотопонимии вышеуказанной территории в строении названий имеются некоторых характерные особенности. В образовании таких названий участвуют антропонимические элементы. Они, присоединяясь к словам, образуют собственные имена географических объектов. Мы в своей статье рассмотрели антропотопонимии, образованные при помощи элементов *бай, нияз, берген, хан, жан, назар, мурат*. В составе районных топонимов данные слова плодотворно используются, и их изучение имеет важное значение.

© Абишов Г.М.

Дата поступления: 27.11.2016

Дата принятия к печати: 25.01.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Баскаков Н.А.* Элемент г л «роза, цветок» в составе каракалпакских женских имен // Ономастика Средней Азии, вып. I. Москва, 1978. С. 138—143.
2. *Гордлевский В.А.* Был ли турецкий султан халифом? // Известия отделения общественных наук. Сталинабад: Издательство АН Таджикской ССР, 1954.
3. *Дондуков Ж.* Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ, 1964.
4. *Кононов А.Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. Москва: изд-во Академии Наук СССР, 1960.
5. *Пюрбеев Г.Ц.* Дифференциальные признаки женских и мужских личных имен калмыков // Ономастика Поволжья. Вып. 2. Горький, 1971.
6. *Сайымбетов О.* Ара алпа тилиндеги меншикли адам атлары. Н кис: Билим, 2000.
7. *Хожалепесова Ю.Н.* Прозвища в системе каракалпакской антропонимии: дис. ... канд. филол. наук: Академия наук Республики Узбекистан Институт Языкознания, Ташкент, 1995.

УДК: 81'373.21

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-335-340

ANTROPONYMICAL ELEMENTS IN THE STRUCTURE OF TOPONYMS

Genjebaj M. Abishov

Karakalpak state university named after Berdakh
Ch.Abdirov str., 1, Nukus city, Republic of Karakalpakstan, 230112

Abstract. The toponyms derived from the names are a special group of geographical terms. These antropotoponyms informed that geographical object belongs to definite person or are called by the name of person who placed that place first. The antroponymical elements like *bay, bek, bergen, biybi, biyke, gul, jan, zada, murat, nazar, niyaz*, take part in the structure of the karakalpak names. In this article these components of antropotoponyms were learned and given antropotoponyms Chimbay region, in which structure there are elements *bay, bek, bergen, biybi, gul, nazar, niyaz, murat, khan*. As part of antropotoponyms of this territory these elements are used productively. They are found as part of antropotoponyms first or second component. Also, these elements of anthroponymic (*bay, beg, bergen, nazar, niyaz, gul*), fold together to form anthroponymy (*Bekbay, Beknazar*). The system of regional toponymy as part of the names are similar to the above characteristic originality. They are exemplified in local names.

Key words: Toponyms, *bay, biybi, gul, jan, nazar, murat, khan*

REFERENCES

1. Baskakov, N.A. (1978). Element gul “rose, flower” as part of the Karakalpak women names. In: *Onomastics of Central Asia*, issue I. Moscow. p. 138—143. (in Russ).
2. Gordlevskiy, V.A. (1954). Was the Turkish sultan caliph? In: *Izvestiya Department of Social Sciences*. Stalinabad: Publishing House of the Academy of Sciences of the Tajik SSR. (in Russ).
3. Dondukov, J. (1964). *Affixal derivation parts of speech in the Buryat language*. Ulan-Ude. (in Russ).
4. Kononov, A.N. (1960). *Grammatics of the modern uzbek literary language*. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. (in Russ).
5. Pyurbeyev, G.Tc. (1971). Differential features of male and female personal names of Kalmyks. In: *Onomastics of the Volga region*. Issue 2. Gorky. (in Russ).
6. Sayimbetov, O. (2000). *Individual personal names of Karakalpak-language*. Nekis: Bilim.
7. Xojalepesova, Yu.N. (1995). *Nicknames in system of Karakalpak anthroponymy*: [dissertation] Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan Institute of Linguistics, Tashkent. (in Russ).

Сведения об авторе:

Абишов Генжебай Матжанович — старший научный сотрудник-соискатель Каракалпакского государственного университета им. Бердаха; *e-mail*: genjebay.abishov@mail.ru

Bio Note:

Abishov Genjebay Matjanovich — Senior scientific worker-researcher at Karakalpak State University named after Berdakh; *e-mail*: genjebay.abishov@mail.ru

ЯЗЫК МАСС-МЕДИА

УДК: 81'276.6:659(470)

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-341-349

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА РОССИИ В СОВРЕМЕННОЙ РЕКЛАМЕ

Е.Н. Ремчукова, В.А. Омеляненко

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье рассмотрены языковые особенности, формирующие внутренний имидж России в современной телевизионной рекламе продуктов питания. Лингвистическая проблематика имиджа состоит в изучении понятия, разграничения смежных с ним понятий и, прежде всего, в использовании разнообразных языковых средств воздействия на массового зрителя, участвующих в формировании имиджа страны. В статье применялся традиционный описательный метод, основанный на непосредственном наблюдении над языковым материалом. Основные выводы сводятся к тому, что позитивный имидж, создаваемый в СМИ, закрепляется и стереотипизируется в рекламе, в которой сегодня развивается концепция «быть русским модно». Специфика рекламы отечественных продуктов заключается в использовании традиционных языковых ресурсов: фразеологизмов, приемов устного народного творчества, метафоры и т.п.

Ключевые слова: имидж России, образ России, имидж страны, имидж государства, внутренний имидж, внешний имидж, имидж в рекламе

1. ВВЕДЕНИЕ

В условиях экономического кризиса и поиска импортозамещения одним из важных культурных ресурсов государства является культура питания [Имидж регионов России 2016: 36]. Сегодня в России активно начал формироваться бренд национальной кухни, а также отечественного товара. В 2015 г. в России лучшую отечественную продукцию стали отмечать государственным знаком качества. Российские рестораторы начали принимать активное участие в гастрономических фестивалях («Фестиваль крошки» и т.п.) и международных конкурсах («Недели русской кухни в Греции», русско-французские гастрономические сезоны), в стране становятся популярны рестораны, специализирующиеся на русской кухне («Годуновъ», «Ермак», «Старая башня», «Охотничий», «Илья Муромец», «Обломов», «Ярь», «Клюква», «Русская охота», «Пушкин», «Ноев ковчег», «Денис Давыдов» и т.д.). Этим обусловлен интерес к изучению языка рекламы продуктов питания.

Объектом статьи является взаимодействие имиджа страны и его целостного образа, формируемого в общественном сознании с помощью культурного наследия; предметом — языковая репрезентация внутреннего имиджа России в современной телевизионной рекламе продуктов питания.

Понятие имиджа является междисциплинарным, важным для ряда наук — психологии, философии, журналистики, истории, лингвистики, социологии, политологии и других смежных дисциплин. Исследователи по-разному определяют понятие «имидж», поэтому на сегодняшний день не существует общего устоявшегося определения.

Термин «имидж» происходит от латинского слова *imago*, связанного со словом *imitari* — имитировать. В Древнем Риме так назывались посмертные восковые маски, представлявшие облагороженный облик покойного и снабженные его краткой хвалебной характеристикой.

Приведем несколько определений понятия «имидж» и проанализируем их. Английские словари определяют слово “image” как понятие «образ», «репутация», «престиж», «общее впечатление, произведенное на окружающих» [Oxford Russian Dictionary 1984: 896]. Имидж определяется как образ, который формируется в индивидуальном или массовом сознании медийными способами и методами психологического влияния» [Медиалингвистика 2014: 65], или как сложившийся в массовом сознании и имеющий характер стереотипа эмоционально окрашенный образ объекта, возникающий в результате социального познания [Большая энциклопедия 2006: 443]. Ученые чаще всего рассматривают имидж как «целенаправленно создаваемое представление о чем-нибудь внутреннем и общем облике, образе» [Крысин 2005: 295] или как средство манипуляции [Зирка 2004: 81].

Выделим общие составляющие в приведенных определениях. В основе данного понятия лежит взаимодействие двух сторон — источника информации и получателя информации, целенаправленность и восприимчивость потребителями через чувства и эмоции. Ключевым в определении «имиджа» является понятие «образ».

В общем виде «имидж» представляется как схематический, упрощенный образ субъекта. Имидж по отношению к образу вторичен. И следует отметить, что понятие «образ» гораздо шире понятия «имидж». В русском языке понятие «образ» имеет несколько значений: 1) облик, внешность; 2) живое представление о чем-либо, о ком-либо, возникающее в воображении, в мыслях; 3) форма восприятия сознанием явлений объективной действительности 4) обобщенное художественное восприятие конкретного явления; 5) характер, склад, направление чего-либо; 6) способ, средство [БТС 2001: 682].

Под «образом» мы понимаем субъективно воспринятое отражение чего-либо, представление о качествах объекта, а под «имиджем» — результат внедрения образа в массовое сознание [Рожков, Кисемерешкин 2006, Терских, Малёнова 2015]. Следовательно, «образ» — это стихийно созданное представление об объекте, а «имидж» — целенаправленное.

2. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА, ФОРМИРУЮЩИЕ ИМИДЖ РОССИИ В РЕКЛАМЕ

2.1. Имидж страны/государства

Особой популярностью термин «имидж» в современном русском языке начал пользоваться в середине 90-х гг: изначально он применялся непосредственно к власти и политикам. Сегодня термин «имидж» используется значительно шире (имидж рекламного продукта, имидж страны, имидж региона, имидж вуза и т.д.). Однако исследователи предполагают, что непосредственно к стране, государству понятие имидж впервые применил О.А. Феофанов еще в 1974 г. [Мартынова 2011: 16].

Формирование имиджа страны — одна из самых важных современных задач, ведь образ государства во многом влияет как на внешнюю, так и на внутреннюю политику, а также на развитие экономики, бизнеса и т.д. Ученые отмечают, что сегодня обнаруживается возрастание интереса к вопросам формирования имиджа страны/государства, предпринимаются попытки улучшения имиджа России за рубежом. В числе подобных действий наблюдается «создание государственной корпорации по улучшению инвестиционной привлекательности России, обращение Администрации Президента РФ к группе американских PR-агентств Ketchum с предложением о разработке программы преодоления «„незаслуженно неблагоприятного имиджа России“ на Западе, создание телеканала Russia Today и др.» [Гринёв 2009, Харбих 2015].

2.2. Внешний и внутренний имидж страны/государства

Одной из существенных характеристик имиджа государства является наличие дихотомии между тем, как его видит и интерпретирует собственное население, и тем, каким он предстает в глазах мировой общественности. Причем, как правило, восприятие страны собственными гражданами существенно влияет на восприятие ее иностранными гражданами.

Традиционно выделяют «внутренний» и «внешний» имидж субъекта. Первый направлен на внутреннюю целевую аудиторию (население России), второй — на внешнюю целевую аудиторию (международный образ России) [Мартынова 2011]. Для того чтобы иметь хорошую репутацию на мировой арене, необходимо сперва сформировать позитивный внутренний образ страны.

Образ России в общественном сознании формировался веками и наиболее значимыми элементами российской самоидентификации сегодня являются: обширная территория, богатство природными ископаемыми, религиозные традиции и обычаи, историческая традиция, язык, духовное и культурное наследие, общие представления о национальном характере (гостеприимство, открытость, широта души, бескорыстие и т.п.).

2.3. Имидж в рекламе

Если в СМИ основная цель использования имиджевых установок — утверждение позитивных характеристик объекта или же противоборствующего эффекта [Галумов 2003, Быкова 2012, Гринберг 2012 и мн. др.], то реклама — это способ

закрепления положительного имиджа в сознании граждан. Имидж в контексте рекламы очень часто становился объектом научных исследований [Морозов 2012, Прохоров 2013 и др.]. «В случае рекламы под „имиджем“ следует понимать „сплав“ всех тех ассоциаций, которые возникают у потребителя при упоминании данной торговой марки» [Медведева 2003: 82].

Реклама, являясь сегодня связующим звеном между экономической сферой деятельности и культурой, выполняет основную функцию — воздействующую, и рекламодатель, пробуждая патриотические чувства у потребителя, представляет товар в выгодном свете.

Особого внимания заслуживают языковые средства формирования имиджа, которые интенсивно используются в рекламных текстах, представляющих специфическую «речь общества о себе» [Дульянинов 1999: 42]. Языковая специфика конструирования имиджа исследуется в русле направления **лингвоимиджелогии** [Речевая коммуникация 2002; Кубрякова 2008], что подчеркивает роль языка в процессе моделирования имиджа.

Анализ рекламных текстов отечественных продуктов дал нам возможность выделить несколько основных ключевых представлений о России: «Россия — щедрая душа», «Россия — страна, которая чтит свои традиции», «Россия — страна качественных продуктов».

2.4. «Россия — щедрая душа»

Открытость, широта и щедрость русской души как национальные черты русского народа [Вежбицкая 1996; Булыгина, Шмелёв 1997, Медведева 2003 и др.] прочно закрепились в умах россиян и стали клишированными благодаря слоганам компании Nestle: *Для тех, у кого душа нараспашку. Россия — щедрая душа.*

Сила традиции, любовь к национальным праздникам, «актуальный историзм», эксплуатация патриотических и семейных ценностей, что является важной составляющей в рекламе шоколада российских производителей [Ремчукова, Страхова 2016: 28], представлены в рекламе шоколада «Сударушка» компании Nestle:

С детства люблю Масленицу. В этом празднике вся щедрость русской души. И высоченные башни из блинов, и яркие наряды, и горы угощений — все здесь радует душу богатством и изобилием. Так и в моем деле и орехов, и сочного изюма должно быть не много, а очень много, только тогда в сочетании с превосходным молочным шоколадом получается продукт настоящего российского качества с глубоким богатым вкусом. «Россия» — щедрая душа.

Русский народ отличается богатой культурой, множеством обычаев и красочным фольклором, которые создают имидж России как страны, богатой традициями. Подтверждением тому являются ежегодные празднования древних славянских народных праздников (Масленица, Ивана Купала, Велик день и др.) и религиозных (Пасха, Крещение, Рождество Христово и др.).

В русской культуре давно сложилось представление о том, что преимущество национальной кухни заключается в ее свежести, полезности и качестве. Шоколад, как известно, не является исконно русским продуктом, а лучшим шоколадом традиционно признается швейцарский. Именно поэтому реклама произведенного

в России шоколада, который позиционируется на фоне исконно русского национального праздника вместе с традиционным восточнославянским блюдом — блинами, уже воспринимается не как «чужой», а как полезный и качественный отечественный продукт. Трансляция одних и тех же качеств продукта в национально-ориентированных рекламных кампаниях является характерной чертой и большинства международных производителей [Ремчукова, Страхова 2016: 23—31].

При этом щедрость русской души в полной мере помогают выразить разнообразные языковые средства: существительные с семой «много» (*богатство* и *изобилие*); гиперболические метафоры, выражающие значение «много»: *высоченные башни из блинов, горы угощений*; противопоставление — *не много, а очень много*, устойчивое выражение *душа нараспаику*, что говорит «об открытости, откровенности или гостеприимности» русского народа [БТС 2000: 290]. Вкус шоколада передается с помощью эмоционально-оценочной лексики: *глубокий вкус, богатый вкус, настоящее качество, превосходный шоколад*.

2.5. Россия — страна, которая чтит свои традиции

Известно, что Россия — страна, в которой традиционной основой являются семейные ценности. Уже давно сформирован традиционный образ семьи (мама, папа, дети, бабушка и дедушка). Образ традиционной семьи представлен в рекламе «Вятского» кваса, где создан идеальный персонаж — отец семейства Василий Вятский¹, который воплощает в себе лучшие качества русской души. В более поздних роликах у него появилась жена Аленка и трое детей (семья Вятских)².

Создатели рекламных текстов «Вятского» кваса активно пользуются приемами устного народного творчества. Фольклорные элементы выражаются с помощью различных художественных средств, среди которых рифма, ритм, звуковой повтор, стилизация разговорной речи (*твердое с на конце глаголов [поднялос], [родилос]* и др.; *партитив* в словосочетании *налить квасу* и т.д.), прием зачина (*Отправились Вятские в кругосветное путешествие*), разговорные элементы (*объясните-ка нам — постпозитивная частица*), полистилизм (*нынче (разг.), ветшают (книжн.)* и т.д.), русский народный вариант имени, часто встречающийся в сказках (*Аленка*). Образ русского квасовара Василия Вятского формируется с помощью разговорно-просторечного фразеологизма *без царя в голове* — «о том, кто недалек, глуп» [БТС 2000: 1158], который построен на подобии образа «дурака», встречающегося в русских народных сказках (Иван-дурак, Емеля) и в русской литературе (князь Мышкин). Дурак подобен юродивому — почитаемому в русской православной культуре безумцу, Божьему человеку, обладающему даром прорицателя (подробнее в [Чулкина, Гомес Диас 2016]).

В рекламе кваса обязательно присутствует образ «русской ржи». Рожь — природная благодать, символ жизни, символ России, константа русской культуры [Степанов 1997: 289]. Поэтому в рекламных роликах «Вятского» кваса многократ-

¹ Здесь очевидна отсылка к идеям В. Пелевина, создавшего в романе «Generation П» по образу Рональда Макдональда глубоко национального по духу персонажа Николу Спрайтова.

² К идеям В. Пелевина обратились и производители кваса «Никола». Слоган *Квас — не кола, пей «Николу»* заимствован из романа «Generation П» — «*Sprite — the Unkola*» или «*Спрайт. Не-кола для Николы*».

но вариативно повторяются ключевые эхо-фразы: «*Вот она — сила русской ржи*», «*Вятский квас — здоровье спас!*». Это способствует усилению воздействующей силы рекламы и закреплению убедительного имиджа России как страны с богатой природой, имиджа российского товара как натурального (о чем будет сказано в пункте 2.6), качественного и полезного для здоровья и имиджа бренда.

2.6. Россия — страна качественных продуктов

Понятие «имидж» часто дополняется понятием «бренд». Можно встретить формулировку имиджа как части бренда, который сегодня стал паролем, определяющим предпочтения и жизненные приоритеты. На российском рынке очень популярен бренд *российское*, который в рекламе может выражаться лексемами *российское, русское, наше, отечественное, родное* и т.п., и именно благодаря рекламе потребитель воспринимает эти понятия как синонимы качественному, полезному и надежному. Обратимся к рекламе отечественного сока:

Только лучшие яблоки из нашего сада становятся вашим соком. «Сады Придонья». Сок, который мы вырастили.

В рекламе сока «Сады Придонья» внимание привлекают антонимически ударные (лексические) компоненты *наши-ваши*. Кроме того, в этой рекламе наблюдается «двусмысленность», обусловленная тем, что притяжательное местоимение *наши* в словосочетании *наши сады* может указывать на принадлежность к компании «Сады Придонья», либо на принадлежность к российским садам в целом. Неоднозначность личного местоимения *мы* представлена в слогане *Сок, который мы вырастили*, в котором, с одной стороны, актуализируется совместно-ограничительный оттенок значения (автор и адресаты), а с другой — обобщенно-ограничительный (совокупность одной национальной группы). При этом преимущество получает последний оттенок значения, акцентирующий внимание на том, что яблоки были выращены именно в России, значит они натуральные и полезные.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Специфика рекламы отечественных продуктов заключается в использовании традиционных ресурсов русского языка: фразеологизмов, приемов устного народного творчества, метафоры, а также «актуального историзма» и эксплуатации патриотических и семейных ценностей, в отличие от рекламы товаров зарубежного производства, которая пестрит неологизмами и заимствованиями (см. [Пристайко 2010], [Ремчукова, Омельяненко 2015]).

Имидж страны создается, прежде всего, внутри государства. Иностранцы, приезжая в Россию, знакомятся с городами и их жителями и именно на основе этих впечатлений составляют себе представление о России в целом. Позитивный имидж, создаваемый в СМИ, закрепляется и стереотипизируется в рекламе и, в свою очередь, транслируется на зарубежную аудиторию.

Благоприятный имидж государства представляет собой значительное конкурентное преимущество в глобальной экономике и политике и тем самым укрепляет его положение в мире. Именно в рекламе, в которой сегодня развивается концепция «быть русским модно», при умелом использовании языковых ресурсов, закрепляется позитивный имидж России и отечественного товара.

© Ремчукова Е.Н., Омеляненко В.А.

Дата поступления: 13.01.2017

Дата принятия: 23.01.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Большая энциклопедия в 62 томах. Москва: ТЕРРА, 2006.
2. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000.
3. Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). Москва: Школа «Языки русской культуры», 1997.
4. Быкова Ю.Н. Языковые средства формирования современного российского журналиста на примере информационных и информационно-аналитических программ / дисс. ... канд. филол. наук: Тверской гос. университет. Тверь, 2012.
5. Васюкова И.А. Словарь иностранных слов. Москва: АСТ-ПРЕСС, 1998.
6. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ. / отв. ред. М.А. Кронгауз. Москва: Русские словари, 1996.
7. Галумов Э.А. Международный имидж России: стратегии формирования. Москва: Известия, 2003.
8. Гринёв И.В. Роль национальной российской культуры в формировании международного имиджа страны / дисс. ... канд. философ. наук: Государственный ун-т управления. Москва, 2009.
9. Зирка В.В. Языковая парадигма манипулятивной игры в рекламе. Днепропетровск, 2005.
10. Имидж регионов России: инновационные технологии и стратегии ребрендинга / под ред. И.А. Василенко. Москва: Международные отношения, 2016.
11. Кубрякова Е.С. К определению понятия имиджа // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 1. С. 5—11.
12. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. Москва: Русский язык, 2005.
13. Медведева Е.В. Рекламная коммуникация. Москва: Издательство ЛКИ, 2008.
14. Мартынова Л.Г. Современный имидж России: проблемы и перспективы / дисс. ... канд. полит. наук: Рос. академия нар. хоз. и гос. службы при президенте РФ. Москва, 2011.
15. Морозов А.Ю. Имидж в рекламе: опыт лингвистического исследования. Самара: Офорт, 2012.
16. Пристайко Т.С. О стильном iPod'e замолвите слово (оценочная лексика в рекламе высокотехнологической продукции) / Вісн. Дніпропетров. ун-ту: Сер. Мовознавство, 2010, Вип. 16.
17. Прохоров А.В. Специфика лингвистического моделирования имиджа // Вестник ТГУ серии Гуманитарные науки. 2013, 125 (9). С. 254—257.
18. Речевая коммуникация в современном обществе / под общ. ред. Л.В. Минаевой. Москва: НОПАЗ, 2002.
19. Ремчукова Е.Н., Омеляненко В.А. Комбинаторика в рекламном заголовке как способ достижения гиперэкспрессии // Меди@льманах. 2015. Вып. 5 (70). С. 62—69.
20. Ремчукова Е.Н., Страхова А.В. Рекламное «зазеркалье» России и Франции: Лингвокреативный и гендерный аспекты. Москва: ЛЕНАНД, 2016.
21. Рожков И.Я., Кисемерешкин В.Г. Имидж России. Ресурсы. Опыт. Приоритеты. Москва: Рипол Классик, 2008.
22. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Москва: Языки русской культуры, 1997.

23. Терских М.В., Малёнова Е.Д. Медиаобраз сибирского региона: лингвокогнитивное моделирование. Омск: ЛИТЕРА, 2015.
24. Шевченко Л.Л., Дергач Д.В., Сизонов Д.Ю. Медіалінгвістика: словник термінів і понять. Київ: ВПЦ «Київський університет», 2014.
25. Чулкина Н.Л., Гомес Диас В.Б. Амбивалентность концепта юродство/юродивый в русской языковой картине мира // Вопросы психолингвистики. 2016. № 2 (28). С. 291—301.
26. The Oxford English-Russian Dictionary (1984) Oxford. New York. Oxford University Press.

УДК: 81'276.6:659(470)

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-341-349

LINGUISTIC MEANS OF RUSSIA'S IMAGE MAKING IN MODERN ADVERTISING

E.N. Remchukova, V.A. Omelianenko

RUDN University

10/2, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

Abstract. The article is devoted to description of the linguistic features specific means of Russia's image making in modern TV advertising. Linguistic issue of the image is to study the concept, distinguish it from certain closely related concepts and also to use a variety of linguistic means of influence on the mass audience which involved in the formation of the country's image. The article used the traditional descriptive method based on direct observation of the linguistic material. From this point of view well-formed Russia's image will help to strengthen its world position. Positive image created in the media fixed and stereotyped in advertising. Specificity of advertising of domestic products is the use of traditional language resources like phraseology, folklore, metaphors, etc.

Key words: Russia's image, wide image, image of the country / state, internal image, external image, the image in advertising

REFERENCES

1. Kondratov, S.A. (Ed.). (2006). *A large encyclopedia in 62 volumes*. Moscow: TERRA. (in Russ).
2. Kuznetsov, S.A. (Ed.). (2000). *Big Dictionary of the Russian Language*. St. Petersburg: Norint. (in Russ).
3. Bulygina, T.V. & Shmel'jov, A.D. (1997) *Language conceptualization of the world (based on Russian grammar)*. Moscow: School of Languages of Russian Culture. (in Russ).
4. Bykova, Yu.N. (2012). *Language tools for the formation of a modern Russian journalist on the example of information and information-analytical programs* [dissertation] Tver State University. Tver. (in Russ).
5. Vasjukova, I.A. (1998). *Dictionary of foreign words*. Moscow: AST-PRESS. (in Russ).
6. Vezhbicka, A. (1996). *Semantics, Culture and Cognition. Translation from English*. Executive editor M.A. Cronhaus. Moscow: Russian dictionaries. (in Russ).
7. Galumov, Je.A. (2003). *International image of Russia: formation strategies*. Moscow: Izvestia. (in Russ).
8. Grin'jov, I.V. (2009). *The role of the national Russian culture in shaping the country's international image* [dissertation] State University of Management. Moscow. (in Russ).
9. Zirka, V.V. (2005). *Linguistic Paradigm of Manipulative Play in Advertising*. Dnepropetrovsk. (in Russ).
10. Vasilenko, I.A. (2016). *Image of Russian regions: innovative technologies and rebranding strategies*. Moscow: International Relations. (in Russ).

11. Kubryakova, E.S. (2008). To the definition of the notion “image”. *Issues of cognitive Linguistics*, 1(014), 5—11.
12. Krysin, L.P. (2005). *Explanatory Dictionary of Foreign Words*. Moscow: Russian language. (in Russ).
13. Medvedeva, E.V. (2008). *Advertising Communication*. Moscow: Publishing house LKI. (in Russ).
14. Martynova, L.G. (2011). *The modern image of Russia: problems and prospects*. [Dissertation]. The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration). Moscow. (in Russ).
15. Morozov, A.Yu. (2012). *Image in Advertising A Linguistic Study*. Samara: Ofort. (in Russ).
16. Pristayko, T.S. (2010). On the stylish iPOD’е utter the word (Evaluation vocabulary in advertising high-tech products). *Bulletin of Dnepropetrovsk University Висн. Дніпропетров. ун-ту: Linguistics series*, 16.
17. Prohorov, A.V. (2013). Lingua-cognitive peculiarities of image modeling. *Tambov University Reports. Series: Humanities*, 9(125), 254—257. (in Russ).
18. Minaeva, L.V. (Ed). (2002). *Speech communication in modern society*. Moscow: National Association of Teachers of English in Russia.
19. Remchukova, E.N. & Omelianenko, V.A. (2015). Combinatorics in an Advertising Headline as a Way to Achieve Hyper-Expressivity (a case study of Russian-language specialized magazines in Ukraine). *Scientific Journal Medi@Imanah*, 5(70), 62—69. (in Russ).
20. Remchukova, E.N. & Strahova, A.V. (2016). *Advertising “behind the looking glass” of Russia and France: Lingvocreative and gender aspects*. Moscow: LENAND. (in Russ).
21. Rozhkov, I.Ya. & Kismereshkin, V.G. (2008). *Image of Russia. Resources. An experience. Priorities*. Moscow: Ripol Classic. (in Russ).
22. Stepanov, Yu.S. (1997). *Constants. Dictionary of Russian Culture*. Moscow: Languages of Russian culture.
23. Terskih, M.V. & Maljonova, E.D. (2015). *Media form of the Siberian region: linguocognitive modeling*. Omsk: LITERA. (in Russ).
24. Shevchenko, L.I., Dergach, D.V. & Sizonov, D.Ju. (2014). *Medialinguistics. Dictionary of terms and concepts*. Kyiv: publishing and printing center “Kyiv University”.
25. Chulkina, N.L. & Gomes Dias, V.B. (2016). The Ambivalence of the Concept of Yurodstvo/ Yurodivyi within the Russian Linguistic World-Image. *Journal of Psycholinguistics*, 2(28), 291—301. (in Russ).
26. Falla, P. (Ed.) (1984). *The Oxford English-Russian Dictionary Oxford*. New York. Oxford University Press.

Сведения об авторах:

Ремчукова Елена Николаевна, доктор филологических наук; профессор кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов; *e-mail*: remchukova@pochta.ru;

Омельяненко Виктория Александровна, ассистент кафедры русского языка № 2 факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин РУДН, аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН; *e-mail*: omelianenko_va@pfur.ru

Bio Note:

Remchukova Elena Nikolaevna, Doctor of Philology; Professor of Department of General and Russian Linguistics at RUDN University; *e-mail*: remchukova@pochta.ru;

Omelyanenko Victoria Aleksandrovna, Assistant at Department of Russian Language No 2 of Faculty of Russian and General Education Disciplines of RUDN, Graduate student at Department of General and Russian Linguistics at RUDN University; *e-mail*: omelianenko_va@pfur.ru

УДК: 659.4:32.019.51(73)

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-350-357

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РЕАЛИЗАЦИИ АГОНАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ В ДЕБАТНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ КАНДИДАТОВ НА ПОСТ ПРЕЗИДЕНТА США (на материале высказываний Марко Рубио, Теда Круза и Дональда Трампа)

Статья 1

Д.С. Мухортов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1-51, Москва, Россия, 119234

В процессе анализа президентских дебатов агональная функция является самой эмоционально насыщенной. Способы ее реализации позволяют судить как о языковой личности каждого отдельного баллотирующегося политика, так и коллективной языковой личности кандидата в целом. Под агональной функцией мы понимаем способность политического деятеля использовать знаки эксплицитной вербальной агрессии в целях самозащиты от противника, отчуждения от его позиций и порицания его поведения. Помимо выявления различных маркеров семиотического поля агональности в статье делается ряд замечаний о состоянии лингвокультуры президентских дебатов в США. В частности, высказывается тезис о том, что происходит деградация как в отношении общей языковой культуры претендентов, так и в отношении коммуникативных стратегий и тактик, выбираемых этими людьми для достижения своих зачастую ничтожных целей. некогда доминирующий релятивизм в американском английском языке сменяется неоправданно прямолинейными способами общения людей, пусть даже в такой непростой коммуникативной ситуации, как дебаты. Сниженная лексика и презрительно-саркастическая тональность становятся единственно возможным инструментом в руках людей, от которых может зависеть будущее страны в частности и геополитики в мире в целом.

Ключевые слова: президентские дебаты, риторика, языковая культура, агональная функция, политический дискурс, семиотическое поле агональности, эмотивы, инвективы, аффективы

ВВЕДЕНИЕ

Наиболее распространенной точкой зрения на характерологические особенности семиотического поля политического дискурса, на наш взгляд, является выделение триады знаков интеграции, ориентации и агональности, которые в свою очередь влияют на жанрово-регистровые особенности политической речи [Шейгал 2000: 46—58]. Последняя из указанных составляющих триады активно проявляется в президентских дебатах. Как правило, здесь в конденсированном виде предстает неспособность человека подавлять свою вербальную агрессию, удерживаться от нанесения вреда имиджу противника и причинения ему репутационного ущерба, уклоняться от избыточной оценочности слов и поступков конкурента или происходящих в социуме процессов, избегать конфликтных ситуаций ради продви-

жения своих идеалов и вознесения себя и себе подобных. Борьба за власть, как известно, требует использования этой порочной практики, поскольку в противном случае тебя скинут с дистанции, растопчут, уничтожат, сотрут в порошок.

В отличие от агрессии звериной, варварской, всеразрушающей, неуправляемой исследователи оправдывают подобное поведение и называют такую агрессию «инструментальной» [Buss 1971, цит. по: Шейгал 2000: 293], то есть действенной для достижения задуманных планов по избавлению от нежелательного конкурента или получению искомого социально-политического статуса.

Прошедшие в 2015—2016 гг. в США дебаты кандидатов в президенты страны всецело доказывают сказанное выше. Одним из качественных отличий этой кампании от предыдущих стало появление миллиардера Дональда Трампа, который своими философско-прагматическими установками и моделями коммуникативного поведения неоднократно выводил из себя своих однопартийцев и их избирателей.

Вседозволенность Трампа, бесстрашие говорить открыто в лицо конкуренту то, что он о нем думает, привычка общаться с позиции сильного, невольно вынудили его спаринг-партнеров менять свои стратегии и тактики и местами являть избирателям себя дерзкими и разнузданными.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

С точки зрения политической лингвистики отдельного внимания заслуживают маркеры семиотического поля агональности. В ходе исследования дебатных выступлений наиболее стойких конкурентов Трампа — Марко Рубио и Теда Круза — в первую очередь на себя обращает внимание тот факт, что участники президентской гонки прибегают к эксплицитной вербальной агрессии, иначе говоря, они используют **ЭМОТИВЫ** — слова и выражения с адгерентной аффективно-оценочной составляющей, которые в свою очередь можно разделить на **ИНВЕКТИВЫ** — презрительно-саркастическую лексику из разряда дисфемизмов, используемую для именованья конкурента разными словами с целью унижения его чести и достоинства (например, *scoundrel, bustard, thief, war-monger*), и **АФФЕКТИВЫ** — эмоционально-оценочные слова, использование которых направлено на дискредитацию деятельности противника в глазах избирателей и, как следствие, его диффамацию и ниспровержение (например, *hypocrisy, corruption, cronyism, violation, disaster, chaos*). Другими словами, инвективы отвечают на вопрос: «Какой из себя конкурент? Каким бы словом его можно было назвать?», а аффективы — на вопрос: «Какими словами можно охарактеризовать его деятельность? Если пойти за ним, что это принесет обществу?».

Так, изучение расшифровки выступлений кандидатов в рамках всего одного дня дебатов, 25 февраля 2016 года [URL: <http://www.uspresidentialelectionnews.com/2016/02/full-video-cnn-republican-debate-from-houston/>], позволяет обнаружить целый ряд иллюстраций, убедительно подтверждающих данных тезис.

Примерами **ИНВЕКТИВ** могут быть следующие.

1)

TRUMP: And by the way, I've hired — and by the way, I've hired tens of thousands of people over at my job. You've hired nobody.

RUBIO: Yes, you've hired a thousand from another country...

TRUMP: You've had nothing but problems with your credit cards, et cetera. So don't tell me about that.

RUBIO: Let me just say — let me finish the statement. This is important.

TRUMP: You haven't hired one person, you **liar**.

2)

TRUMP: I have to say, he **lied** this time. He **lied**. 100 percent. 100 percent.

RUBIO: You **lied** about the Polish workers.

TRUMP: Yes, yes, yes. 38 years ago.

RUBIO: You **lied** to the students at Trump University.

ARRASAS: Let Senator Cruz jump in.

RUBIO: Oh, he **lied** 38 years ago. All right, I guess there's a statute of limitation on lies.

3)

CRUZ: Let me tell you right now, Donald, I will not apologize for a minute for defending the Constitution. I will not apologize for defending the Bill of Rights.

And I find it amazing that your answer to Hugh and to the American people is, on religious liberty, you can't have one of these **crazy zealots** that actually believes in it. You've got to be willing to cut a deal.

And you know, there is a reason why, when Harry Reid was asked, of all the people on this stage, who does he want the most, who does he like the most, Harry Reid said Donald — Donald Trump.

Why? Because Donald has supported him in the past, and he knows he can cut a deal with him.

You know what, Donald...

HEWITT: Senator Rubio.

CRUZ: ... I don't want a Supreme Court justice that you cut a deal with Harry Reid to undermine religious liberty, because that same justice will also erase the Second Amendment from the Bill of Rights.

TRUMP: When you say crazy zealot, are you talking about you? **Crazy zealot** — give me a break.

Примерами **аффективов** могут быть нижеследующие два отрывка.

В первом — Тед Круз, используя в своей речи лозунги Дональда Трампа («enough with the **corruption**, enough with the **cronyism**»), косвенно указывает избирателям на то, что у этих призывов есть обратная сторона, а именно то, что бизнесмены типа Трампа активно пользуются подкупом своих деловых партнеров и чиновников, а также своим административным ресурсом для того, чтобы ставить на ключевые позиции своих родных и знакомых. Трамп в долгу не остается и в своей реплике на замечание оппонента называет его Робин Гудом (**Robin Hood**) в том смысле, что тот борется с состоятельными людьми, уличая их с нечестном ведении деловых операций, а сам, как выясняется, берет на свои корыстные цели немалые суммы у известных банкиров и странным образом забывает упомянуть о них в налоговой декларации. Подобные действия Трамп естественным образом называет «нарушением» кодекса порядочного гражданина (**violation**).

В этом же пассаже читается еще один эмотив. Так, используя аллюзивный потенциал сказки о Красной Шапочке и Сером Волке (big bad wolf **big bad**

banks), Трамп иронизирует над поведением Теда Круза, который якобы выставляет банкиров страшными и бесчестными существами, и в этой иронии читается насмешка Трампа над инфантильными высказываниями Круза.

Во втором примере республиканец Марко Рубио, защищая свободу предпринимательства, упрекает своих противников демократов Берни Сандерса и Хилари Клинтон в апологетике идей социализма, а в США, как известно, с давних пор понятие “**socialism**” у многих людей вызывает исключительно отрицательные эмоции, поскольку сами принципы социализма противоречат устоям американского общества, ибо они являются опасными для национальной безопасности и их нужно всячески искоренять.

1)

*CRUZ: You know, I actually think Donald is right. He is promising if he's elected he will go and cut deals in Washington. And he's right. He has supported — he has given hundreds of thousands of dollars to Democrats. Anyone who really cared about illegal immigration wouldn't be hiring illegal immigrants. Anyone who really cared about illegal immigration wouldn't be funding Harry Reid and Nancy Pelosi; wouldn't be funding the Gang of Eight. And, you know, he is right. When you stand up to Washington, when you honor the promise you made to the men and women who elected you and say enough with the **corruption**, enough with the **cronyism**, let's actually stand for the working men and women of this country, Washington doesn't like it.*

And Donald, if you want to be liked in Washington, that's not a good attribute for a president.

*TRUMP: Here's a man — **Robin Hood**. This is Robin Hood over here. He talks about corruption. On his financial disclosure form, he didn't even put that he's borrowed money from Citibank and from Goldman Sachs, which is a total **violation**. He didn't talk about the fact that he pays almost no interest. He just left it off, and now he's going to protect the people from the **big bad banks**.*

2)

RUBIO: ... OK. I was mentioned — just because of the hispanic — and I'll be brief.

A couple points, number one, I do think it's amazing that on this stage tonight there are two descendants of Cuban origin, and an African American. We are the party of diversity, not the Democratic party.

And, the second point I would make is that we have to move past this idea that somehow the hispanic community only cares about immigration.

Yes, it's an important issue because we know and love people that have been impacted by it. But, I'm going to tell you that the most powerful sentiment in the hispanic community, as it is in every immigrant community, is the burning desire to leave your children better off than yourself...

*RUBIO: ... and, you can only do that through free enterprise. That's what we stand for, not **socialism** like Bernie Sanders, and increasingly Hillary Clinton.*

Еще одной заметной особенностью реализации агональной функции в дебатных выступлениях кандидатов на пост Президента США является прямолинейность и категоричность высказываний. На протяжении многих десятилетий в американском обществе превалировал релятивизм в том смысле, что фразы, подобные “You are wrong”, воспринимались «как непростительная грубость» [Виссон 2003:

109—112], однако риторика Трампа, Круза и Рубио свидетельствует о том, что времена меняются. То, что некогда можно было услышать только в зале суда или в бытовой перебранке, сегодня выходит на экраны и становится закономерными проявлениями лингвокультуры.

Показательным примером является полемика между Рубио и Трампом. В этом отрывке Рубио обвиняет Трампа в двойных стандартах, который в своих программных заявлениях призывает ограничивать иммиграцию, а сам на своих предприятиях нанимает, например, поляков. Трамп в свою очередь обвиняет своего оппонента в том, что он в своей жизни вовсе никого никогда не нанимал и не ему рассуждать об этих вопросах. Трамп трижды утверждает, что Рубио «не прав» (**wrong**), а, когда последний пытается возражать, он находит в себе достаточно «деликатности», что вместо “shut up” сказать: “**Be quiet. Just be quiet**”.

RUBIO: He hired workers from Poland. And he had to pay a million dollars or so in a judgment from...

*TRUMP: **That’s wrong. That’s wrong. Totally wrong.***

RUBIO: That’s a fact. People can look it up. I’m sure people are Googling it right now. Look it up. “Trump Polish workers”, you’ll see a million dollars for hiring illegal workers on one of his projects. He did it.

RUBIO: That happened.

TRUMP: I’ve hired tens of thousands of people over my lifetime. Tens of thousands...

RUBIO: Many from other countries instead of hiring Americans.

*TRUMP: **Be quiet. Just be quiet.***

TRUMP: Let me talk. I’ve hired tens of thousands of people. He brings up something from 30 years ago, it worked out very well. Everybody was happy.

RUBIO: You paid a million dollars.

TRUMP: And by the way, the laws were totally different. That was a whole different world.

BLITZER: Thank you.

TRUMP: But I’ve hired people. Nobody up here has hired anybody.

В другом примере Трамп стыдит своего другого оппонента, Теда Круза (**You should be ashamed of yourself**), в том, что у него отсутствует поддержка со стороны влиятельных политиков и бизнесменов, в частности, сенаторов-республиканцев. Также за счет использования сильной антитезы «я дружу со всеми — ты не дружишь ни с кем» (**I get along with everybody vs You get along with nobody**) Трамп намекает избирателям на то, что Круз не может быть президентом, поскольку он не способен общаться с представителями разных деловых и политических кругов.

*TRUMP: I’ve had an amazing relationship with politicians — with politicians both Democrat, Republican, because I was a businessman. As one magazine said, he’s a world-class businessman; he was friendly with everybody. **I got along with everybody.***

You get along with nobody.** You don’t have one Republican — you don’t have one Republican senator, and you work with them every day of your life, although you skipped a lot of time. These are minor details. But you don’t have one Republican senator backing you; not one. You don’t have the endorsement of one Republican senator and you work with these people. **You should be ashamed of yourself.

Последним по порядку, но не по значимости наблюдением за реализацией агональной функции в ходе дебатных выступлений Трампа, Круза и Рубио является использование личных местоимений. Анализ показывает, что для Теда Круза и Марко Рубио характерным является употребление местоимения 3 лица *he*, которым они обращаются к Дональду Трампу. Частотность контекстов с местоимением *he* заставляет делать вывод о том, что каждый из названных политиков по отдельности, и оба они вместе своими выпадами в сторону своего общего неприятеля лишь ослабляют свои позиции перед избирателями. Вместо того чтобы активно отстаивать свои интересы, пропагандировать свои взгляды на будущее своей страны они избрали тактику препирательства со своим оппонентом, и, как известно, эта модель коммуникативного поведения оказалась ошибочной, и ни один из них не дошел до финишной прямой. Таким образом, подобное злоупотребление механизмами агональности может стать фатальным для претендентов на высший пост в государстве. С другой стороны, оно позитивно влияет на исход дебатов для того политика, против которого направлены все обвинения и укоры.

Дональд Трамп, исходя из характерологических особенностей «социально-статусного типа языковой личности» [Мухортов 2014: 169] бизнесмена и закономерных следствий своей социализации, самым активным образом использовал в своей речи местоимение первого лица единственного числа *I*. Приведем два наглядных примера.

TRUMP:

1)

I'm just telling you — I'm just telling you that I will do really well with Hispanics. I will do better than anybody on this stage. I have respect for the people on the stage, but I will do very well with Hispanics. But I'm telling you also, I'm bringing people, Democrats over and I'm bringing independents over, and we're building a much bigger, much stronger Republican Party.

2)

Nobody knows politicians better than I do. They're all talk, they're no action, nothing gets done. I've watched it for years. Take a look at what's happening to our country.

All of the things that I've been talking about, whether it's trade, whether it's building up our depleted military, whether it's taking care of our vets, whether it's getting rid of Common Core, which is a disaster, or knocking out Obamacare and coming up with something so much better, I will get it done. Politicians will never, ever get it done. And we will make America great again. Thank you.

Подобное вербальное поведение может свидетельствовать о двух моментах: во-первых, говорящий является эгоцентриком, а, во-вторых, он не боится брать на себя ответственность. Если вторая характеристика заслуживает похвалы, то первая, наоборот, настораживает, поскольку указывает на присутствие у говорящего избыточной импульсивности и частых проявлений гнева [об этом более подробно: Winter, Hermann, Weintbraub, Walker 1991]. Надо полагать, политик с подобными аффектациями вряд ли может претендовать на пост главы государства.

Целью нашего исследования, однако, не является прогнозирование результатов президентской кампании. Мы лишь констатируем то, что перечисление способов реализации агональной функции в дебатных выступлениях является не просто уточнением теоретических положений политической лингвистики, а имеет прикладной характер, заключающийся в выявлении некоторых значимых особенностей языковой личности конкретного претендента на пост президента, что может иметь диагностическую ценность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подытоживая результаты проведенного исследования, необходимо отметить, что наиболее распространенными знаками агональности в республиканском предвыборном дискурсе являются эмотивы с превалированием инвективов и аффективов, а также знаки предметно-персонального дейксиса — личные местоимения с доминированием *I* и *he*, используя которые, конкуренты либо выставляют напоказ свое эго, либо унижают свое достоинство. Помимо получения важной эмпирической информации анализ дебатных выступлений трех указанных участников президентской гонки 2015—2016 гг. позволил сделать вывод о том, что знаки агональности уверенно входят в публичную речь американских политиков. Однако их качественный состав и контекстуальное наполнение свидетельствует не только о слабомыслии этих людей, проявляющимся в бесцветности и однообразности используемых ими языковых средств, но и о деградации политической лингвокультуры американского общества в целом.

© Мухортов Д.С.

Дата поступления: 22.12.2016

Дата принятия: 3.02.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Виссон Л.* Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур. Москва: Р. Валент, 2003.
2. *Мухортов Д.С.* Об общем и частном в понятиях «языковая личность», «речевой портрет», «идиостиль» и «идиолект» (на примере вербального поведения современных политических деятелей) // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления: материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 26—28.08.2014) / гл. ред. А.П. Чудинов; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». Екатеринбург, 2014. С. 167—173.
3. *Шейгал Е.И.* (2000) Семиотика политического дискурса: Дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград.
4. *Buss A.* (1971) *Aggression Pays. The Control of Aggression and Violence.* NY, London. p. 18—35.
5. Republican Candidates Debate in Houston, Texas. February 25, 2016 // Election Central. Режим доступа: <http://www.uspresidentialelectionnews.com/2016/02/full-video-cnn-republican-debate-from-houston> Дата обращения: 10.08.2016.
6. *Winter D.G., Hermann M.G., Weintbraub W., Walker S.G.* (1991) The Personalities of Bush and Gorbachev Measured at a Distance: Procedures, Portraits and Policy. *Political Psychology.* Vol. 12. No. 3. p. 215—244, 457—464.

УДК: 659.4:32.019.51(73)

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-350-357

ON SOME FEATURES OF THE ADVERSARIAL FUNCTION IN DEBATES BETWEEN US PRESIDENTIAL CONTENDERS: RESEARCH INTO THE RHETORIC OF MARCO RUBIO, TED CRUZ, AND DONALD TRUMP

Article 1

D.S. Mukhortov

Lomonosov Moscow State University
1/51, Leninskiye Gory, Moscow, Russia, 119234

Abstract. An analysis of presidential debates clearly brings into sharper focus the adversarial function of political discourse. Its manifestations may be an efficient tool for studying the stylistic behaviour of each presidential contender individually and all presidential contenders collectively. The adversarial function is understood as a politician's use of signs of explicit verbal aggression in order to fight rivals, bash them, and estrange himself or herself from their views. The study, besides singling out confrontation markers of the contenders, claims that the debates show negative trends in the language culture of modern politicians. The predominant relativism, which American English has long been known for, is being replaced by blatant straightforwardness affecting the choice of words, communicative strategies and tactics, and the well-known etiquette rules. This signals the emergence of a new generation of US politicians who will surely affect the local politics and geopolitical arena in the years to come.

Key words: presidential debates, rhetoric, language culture, presidential contenders, adversarial function, political discourse, confrontation markers, emotives, invectives, affectives

REFERENCES

1. Visson, L. (2003). *Russian Issues in the English Speech. Words and Phrases in the Context of the Two Cultures*. Moscow: R. Valent. (in Russ).
2. Mukhortov, D. (2014). 'Yazykovaya lichnost', 'rechevoy portret', 'idiostil', 'idiolect': the notions of Russian scholars in contrast. What is required to study the stylistic behaviour of the politician? In Chudinov, A.P. (Ed.), In: *Political Communication: Prospects for the Development of the Scientific Direction: Materials of the Intern. Sci. Conf.*; 2014 26—28.08; Ekaterinburg. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. p. 3—12. (in Russ).
3. Sheigal, E.I. (2000). *Semiotics of Political Discourse*. [doctoral dissertation]. Volgograd. (in Russ).
4. Buss, A. (1971). *Aggression Pays. The Control of Aggression and Violence*. NY, London. Pp. 18—35.
5. *Republican Candidates Debate in Houston, Texas*. February 25, 2016. <http://www.uspresidentialelectionnews.com/2016/02/full-video-cnn-republican-debate-from-houston/> (accessed: 10.08.2016).
6. Winter D.G., Hermann M.G., Weintbraub W. & Walker S.G. (1991). The Personalities of Bush and Gorbachev Measured at a Distance: Procedures, Portraits and Policy. *Political Psychology*, 3(12), 215—244, 457—464.

Сведения об авторах:

Мухортков Денис Сергеевич, кандидат филологических наук; доцент кафедры английского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; *научные интересы*: герменевтическое исследование политического дискурса, семантический анализ гипертекста, лексико-семантические и синтаксические трансформации при переводе речей политика; *e-mail*: dennismukhortov@mail.ru

Bio Note:

Mukhortov Denis Sergeevich, Ph.D. in Philology; Associate Professor of the English linguistics at Lomonosov Moscow State University; *e-mail*: dennismukhortov@mail.ru

УДК: 81'276.6:32.019.5(430)
DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-358-366

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА СМИ ГЕРМАНИИ

М.А. Чигашева

Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД РФ
пр. Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454

Политический дискурс представляет собой сложное коммуникативное явление, и его изучение может быть многогранным. В данной статье обращается внимание на некоторые лингвистические особенности политического дискурса СМИ Германии и предлагается классификация наиболее употребительных языковых средств. Важная роль отводится при этом деонимизации, т.е. возможности апелляции именованных основ, в частности имен немецких политических деятелей. При этом новые лексические единицы наполняются определенным значением и под влиянием экстралингвистических факторов получают ярко выраженную негативную коннотацию. Особый интерес представляет рассмотрение возможности терминологизации деонима. Анализ понятия «термин», способов его образования и основных характеристик деонимических единиц позволяет сделать вывод о возможности перехода деонима из разряда окказионализмов и жаргонизмов в разряд терминов, что демонстрируется на некоторых примерах.

Ключевые слова: политический медиа-дискурс, немецкий язык, словообразование, термин, деоним, терминологизация, экспрессивность

ВВЕДЕНИЕ

Медийный дискурс занимает в общем дискурсивном пространстве свою нишу и предусматривает выполнение определенных задач. Не вызывает сомнения, что тексты СМИ общественно-политической тематики представляют собой именно дискурс, так как они динамичны, отражают актуальные политические процессы и воспринимаются участниками коммуникации в контексте происходящих событий. С коммуникативной точки зрения политический дискурс СМИ, возникающий в области пересечения политического дискурса и дискурса СМИ, является довольно сложным явлением. Он включает в себя текст, контекст, необходимый для понимания содержания текста, а также соответствующие языковые средства для реализации конкретных целей и задач. К основным особенностям политического дискурса СМИ относят также ориентированность на широкие слои населения, национально-культурную специфику, идеологичность и информативность [Никитина 2006].

Представляется интересным рассмотреть наиболее типичные языковые средства немецкого политического медиа-дискурса. Материалом исследования послужили тексты немецкоязычных онлайн-СМИ. В настоящее время популярностью пользуются именно онлайн-издания, потому что они доступны, предоставляют

практически неограниченные возможности поиска нужной информации, а также систему обратной связи. Следует отметить, что это удобство для пользователей обусловлено появлением в сфере СМИ коммуникативной модели «pull», которая направляет массовую коммуникацию не только от СМИ к аудитории, но и обратно [Шевелева 2010].

КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ НЕМЕЦКОГО МЕДИА-ДИСКУРСА

При рассмотрении основных языковых средств, типичных для политического дискурса СМИ Германии, стоит обратить внимание прежде всего на специальные обозначения. Сюда относятся лексические единицы, обозначающие явления или понятия данной тематической области и отражающие специфику информационного текста (*der Wahlkampf, die Agenda, die Partei, der Gipfel, die Linke, der/die Abgeordnete, der/die Kanzler/in, der/die Präsident/in, die Grünen* и др.). Важное место занимают также сокращения, как принятые в общем дискурсивном пространстве, независимо от языка (*die UNO, die NATO, die IAEA, die UNESCO, die WTO, die APEC* и др.), их по праву можно считать интернационализмами, так и типично немецкие. Причем, последние могут быть различны по своей структуре (*die OSZE, die EU, das AA, die GroKo, die K-Frage, die AfD, der AfDler* и др.).

Довольно много встречается контекстуально обусловленных сращений. Они зачастую представляют собой окказионализмы, потому что появляются только в связи с определенными политическими событиями и употребляются в языке до тех пор, пока те являются актуальными. Так, например, в 2011 г. для урегулирования кризиса евро канцлер Германии А. Меркель и Президент Франции Н. Саркози предложили план действий, который в немецком медийном дискурсе получил обозначение *Meisterplan*. В российских СМИ он назывался «план Меркель—Саркози».

Многие сращения имеют, как правило, экспрессивную составляющую, например, *Nazi-Jägerin* («охотница за нацистами»). В этом случае речь идет о немецкой журналистке Беате Кларсфельд (Beate Klarsfeld). В медийной среде она известна своей борьбой за разоблачение нацистов в послевоенный период, в том числе пыталась обратить внимание общественности и на неблагоприятное прошлое немецких политиков. Это сращение появлялось в прессе довольно часто в 2012 г., когда Б. Кларсфельд баллотировалась на пост президента Германии от партии левых, но проиграла Й. Гауку. Ироничным является, например, сращение *Kunduskanzlerin* как намек на политику А. Меркель в отношении миссии бундесвера в Афганистане, которая воспринимается в немецком обществе довольно неоднозначно, в последнее время даже негативно.

Изобилуют тексты немецких СМИ и заимствованиями из английского языка, причем даже в тех случаях, когда речь не идет об обозначении понятий, типичных для англоязычного дискурса (*der Atomdeal, die Roadmap, der Global Player, die Pipeline, der Showdown, das Statement* и др.). Для придания информационным текстам экспрессивности журналисты зачастую прибегают к устойчивым выражениям, в том числе идиомам (*hoch im Kurs stehen, an einem Strang ziehen, Leviten lesen, Klartext reden, an den Katzentisch katapultieren* и др.).

Важное место в этом перечне занимают имена собственные. Топонимы, например, выполняют в немецком политическом дискурсе функцию идеологически нагруженных знаков, вследствие чего приобретают символическое значение, необходимое для понимания сущности политических событий. В словосочетаниях *Entscheidung von Berlin* содержится указание на решение правительства Германии, *das Karlsruher Urteil* — на приговор Федерального конституционного суда, расположенного в г. Карлсруэ, *der Einsatz am Hindukusch* — на миссию бундесвера в Афганистане (именно в горах Гиндукуш дислоцируются подразделения бундесвера), в обозначении *Stuttgart 21* — на амбициозный проект компании Deutsche Bahn по строительству суперсовременного железнодорожного вокзала в Штутгарт-гарте и т.д. В равной степени это касается и микропонимов (*am Werderschen Markt, Schloss Bellevue, das Rote Rathaus* и др.). Можно предположить, что топонимы и микропонимы выполняют функцию своеобразного эзопова языка и помогают журналистам представлять информацию полупрозрачно, иносказательно.

И, конечно же, в медиа-дискурсе нельзя обойтись без антропонимов. Любые политические события связаны с именами конкретных людей, в нашем случае преимущественно политиков, не только немецких (*Angela Merkel, Frank Walter Steinmeier, Sigmar Gabriel, Martin Schulz, Donald Trump* и др.).

Следует, однако, упомянуть, что антропонимы иногда обозначают не просто конкретного человека, а выступают символом, культурным знаком, носителем определенной информации, что приводит к возникновению прецедентности (*das Konrad-Adenauer-Haus* — центральный офис ХДС, *das Willy-Brandt-Haus* — центральный офис СДПГ и др.). Особую роль в немецком политическом дискурсе СМИ играют деонимы, т.е. антропонимы, перешедшие в разряд аппелятивов (*merkeln, adenauern, hartzten, entschrödern, Merkelianer, merkelisieren, Merkelsch, schäubleweise, Schulzomania* и др.). По мнению немецкого лингвиста М. Венгелера, подобные обозначения выражают иронично-негативное отношение к поступкам и действиям носителей данных имен, дискредитируют выражаемые понятия и служат средством языковой экономии и выразительности [Wengeler 2010: 91—92].

Что же из всего перечисленного можно называть терминами? С нашей точки зрения, сюда относятся прежде всего специальные обозначения, т.к. они выражают основные понятия данной области знания и сферы деятельности. Аналогичную или похожую функцию выполняют сокращения, заимствования и сращения, в том числе креативного характера. Однако особенность политического дискурса СМИ заключается в том, что он призван не только информировать об актуальных событиях, но и формировать общественное мнение и оказывать на получателей информации определенное эмоциональное воздействие. Именно с этой целью журналисты используют в своих статьях устойчивые выражения, идиомы, топонимы и микропонимы во вторичном значении, а также создают деонимы, которые, по нашим наблюдениям, обладают ярко выраженной негативной коннотацией. Поэтому позволим себе не согласиться с точкой зрения О.А. Никитиной, которая считает, что одни деантропонимические единицы выполняют номинативно-когнитивную функцию и являются экспрессивно нейтральными, а в других преобладает экспрессивно-оценочная функция [Никитина 2015].

Возникает следующий вопрос — можно ли считать деоним термином?

Анализ различных видов дискурса позволяет ответить на него утвердительно. Так, с нашей точки зрения, терминологическим характером обладают следующие примеры из кулинарного (*салат Оливье, салат Цезарь, настеризовать, pasteurisieren, Mozartkugeln* и др.), религиозного (*лютеранство, Luthertum, Thomismus, Thomist* и др.), исторического (*бироновицина, потемкинские деревни, петровская эпоха, екатеринка, lynchen, boykottieren, Bismarcksche Politik, salomonisches Urteil, Gorbi-Mania* и др.), научно-технического (*рентген, дизельный мотор, менделелизм, röntgen, Dieselmotor, Litfaßsäule, mendeln* и др.) и военного дискурса (*маузер, максимум, беретма, Mauser, Junkers, Messerschmitt* и др.).

ПОНЯТИЕ «ТЕРМИН» И СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ТЕРМИНОВ

Считаем необходимым обратиться к понятию «термин». В разных дисциплинах оно рассматривается по-разному, связано со своими представлениями, имеет неравный объем содержания и определяется по-своему.

Существует точка зрения, что в современной науке отсутствует однозначное определение термина в связи с его принадлежностью к разным сферам научной деятельности, разным подходам к его дефиниции и многообразием параметров [Яковлева 2014]. В логике под термином понимается любое слово при наличии строгой дефиниции. В философии термин иногда представляется сокращенной дефиницией, в социологии — любым специальным словом, связанным с наукой или производством. Лингвисты предлагают свое видение. А.А. Реформатский относит к терминам «слова специальные, ограниченные своим особым назначением; слова, стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и название вещей» [Реформатский 2011: 115]. По мнению А.В. Суперанской, термин представляет собой «специальное слово или словосочетание, принятое в профессиональной деятельности, и употребляющееся в особых условиях». Она считает его словесным обозначением понятия определенной области профессиональных знаний. Важной характеристикой является также его однозначность внутри своего терминологического поля [Суперанская, Подольская, Васильева 2003: 14]. Энциклопедия «Русский язык», опираясь на труды различных ученых, дает следующее определение: «Термин — слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности». Основными особенностями термина считаются системность, наличие дефиниции, тенденция к однозначности в пределах своего поля, отсутствие экспрессии, стилистическая нейтральность, которые термин сохраняет только внутри своего терминологического поля [Русский язык. Энциклопедия 1997: 556—557]. Д.Э. Розенталь и М.А. Теленкова называют термином «слово или словосочетание, точно обозначающее какое-либо понятие науки, техники, искусства». Термин, по их мнению, однозначен, ему не свойственна экспрессия [Розенталь, Теленкова 2001: 556—557].

Обобщая вышеупомянутое, можно выделить единые или схожие компоненты во всех определениях. Итак, термином считается специальное слово, выражающее понятие профессиональной сферы или деятельности, которое возможно описать, т.е. дать ему дефиницию, и которое употребляется в особых условиях. Спорным остается утверждение, что термину присуща однозначность и нейтральность.

Впрочем, если речь идет о науке, технике или производственной сфере, то это имеет смысл, в этом случае термин, действительно, не должен демонстрировать многозначность и экспрессивность. А в случае с политическим дискурсом СМИ? Кроме того, есть примеры, опровергающие мнение, что в рамках одного терминологического поля термин не может иметь более одного значения. Так, например, термин *der Präsident* в политическом дискурсе обозначает в зависимости от контекста президента (*der Bundespräsident*) и председателя (*der Bundestagspräsident*). Точно также два значения имеет термин *die Partei* — партия (*konserervative Partei*) и сторона (*die Konfliktpartei, die Vertragspartei*).

В этой связи необходимо рассмотреть основные способы создания термина. Во-первых, для этой цели используются уже имеющиеся языковые средства, и тогда общеупотребительное слово получает новое семантическое наполнение (*der Gipfel* = общ.: «вершина»; полит.: «саммит», *der Flügel* = общ.: «крыло»; полит.: «крыло партии»). Разграничить значения помогает в этих условиях контекст. Во-вторых, для обозначения необходимого понятия заимствуется слово из другого языка. В немецком политическом дискурсе можно обнаружить единицы латинского происхождения (*der Kanzler*), в том числе появившиеся в немецком языке через французский (*der Präsident, die Partei*). В последнее время довольно много обозначений заимствуется из английского языка (*der Think Tank, das Establishment, die Lobby, die First Lady, die Primary*). В этом многообразии можно установить как отрицательные, так и положительные черты [Чигашева 2015]. Третий способ представляет собой образование новых слов путем грамматических трансформаций имеющихся языковых средств (*der/die Abgeordnete, die Grünen*) или словосложения (*der Wahlkampf, der Stimmzettel, die Briefwahl*), которое является самым распространенным способом словообразования в немецком языке. Предлагаем выделить и четвертый способ создания терминов — деонимизацию.

ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИЯ ДЕОНИМА

Приведем пример деонимов-терминов из немецкого научно-технического дискурса — *das Röntgen, röntgen*. Их появление в физике и медицине связано с изобретением немецкого физика Конрада Вильгельма Рёнтгена и, что также важно, с именем его друга Альберта фон Кёлликера, швейцарского анатома, зоолога, члена Петербургской Академии наук. Именно он в 1896 г. предложил использовать фамилию Röntgen для обозначения икс-излучения. В современном немецком языке насчитывается более 20 наименований с компонентом *röntgen*, в том числе с пересмысленным значением (*der Röntgenblick, das Röntgenauge*). А толковые словари немецкого языка включают их в свой основной фонд и дают им дефиницию [<http://www.duden.de/rechtschreibung/roentgen>; <http://www.duden.de/rechtschreibung/Roentgen>; Gerhard Wahrig 1988: 1076]. Аналогичная ситуация наблюдается и в русском языке — все знают, что такое рентген, воспринимают это слово как терминологическое обозначение определенной сферы деятельности, но не каждый соотносит его с именем конкретного человека.

Подобный пример можно найти и в немецком политическом дискурсе — *der Marxismus*. Опираясь на предлагаемую словарем Duden дефиницию, напрашивается

вывод, что первоначально это слово являлось жаргонизмом, а сейчас определяется в лексикографических источниках как учение [Duden URL: <http://www.duden.de/rechtschreibung/Marxismus>; Gerhard Wahrig 1988: 866]. Кроме того, имя Марх послужило основой для создания новых слов разных частей речи — *Marxismus-Leninismus*, *Marxist*, *Marxistin*, *marxistisch*, *Marxologie* и др. Приведем пример деониматермина из современного политического дискурса — *Hartz IV*. Так называют в Германии социальное пособие по безработице, названное по имени Петера Харца, экономиста и предпринимателя, предложившего пакет мер по реформированию рынка труда. Реализовать в 2005 г. удалось именно четвертый пакет, и именно он вызвал негодование в обществе, т.к. предусматривал существенное сокращение выплат. Словарь Duden относит к области политики (Politik) производные единицы *Hartzkommission* и *Hartzreform*. Довольно большое количество слов включается в сферу разговорного языка (umg.) — *der/die Hartz IV — Bezieher/in*, *Hartz IV — Empfänger/in*, *die Hartz IV — Familie*, *die Hartz IV — Leistungen*, *das Hartz IV — Gesetz*; жаргонизмом считается глагол *hartzten*. К этому же ряду можно отнести еще два примера из словаря Duden — *Riester-Rente/Riesterrente* с пометой «жарг.» (Politikjargon) и *Rürup-Rente* с пометой «разг.» (umg.). Оба обозначения связаны с именами конкретных людей — экономистов, работавших в свое время в правительстве Германии и предложивших программы дополнительных пенсионных накоплений для трудящихся (*Riesterrente*) и для частных предпринимателей и фрилансеров (*Rürup-Rente*). Оба проекта, однако, были восприняты в обществе негативно, потому что были связаны с дополнительным финансовым бременем для граждан. Поэтому обе лексические единицы, как и в случае с *Hartz IV*, обладают негативной коннотацией.

Подтверждение употребительности деонимов можно найти на сайте проекта Академии наук Берлин-Бранденбург www.dwds.de. Он представляет собой словарь и одновременно корпус текстов современного немецкого языка. Все упомянутые в статье деонимы употребляются в публицистических текстах (*Zeitungskorpora*), т.е. в дискурсивном пространстве, и в блогах (*Spezialkorpora*), т.е. в околодискурсивном пространстве.

ВЫВОДЫ

В заключение вернемся к вопросу — является ли деоним термином? Если вспомнить основные характеристики термина, то можно установить, что деоним отвечает практически всем. Во-первых, он представляет собой специальное слово, во-вторых, обозначает понятие определенной профессиональной сферы деятельности (если считать таковой политику и политическую журналистику), в-третьих, имеет дефиницию, в-четвертых, свою сферу употребления (публицистика). Кроме того, позволим предположить, что именно деоним отличается однозначностью, потому что его появление и его значение всегда связаны с конкретным именем и конкретным событием.

Однако этим лексическим единицам присуща довольно высокая степень экспрессивности, что обусловлено задачами политического дискурса. Они призваны формировать общественное мнение, влиять на него в нужном направлении, при

необходимости даже манипулировать им, оказывая на получателей информации определенное эмоциональное воздействие.

С течением времени объективные условия, а также потеря доли экспрессивности, приводят к возможности перехода деонима из разряда окказионализмов и жаргонизмов в разряд терминов, что мы попытались продемонстрировать на некоторых примерах. Такую тенденцию проявляют уже сейчас, например, обозначения *Hartz IV* и *Riesterrente*, которые употребляются в текстах СМИ преимущественного экономического содержания как термины, т.е. как единицы, не требующие дополнительного разъяснения. Предположим также, что под влиянием некоторых факторов деонимы, появляясь на периферии терминологического поля, могут смещаться к его центру и становиться важными понятиями конкретной области профессиональных знаний.

© М.А. Чигашева

Дата поступления: 22.01.2017

Дата принятия: 3.02.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Никитина К.В.* Политический дискурс СМИ и его особенности, создающие предпосылки для манипуляции общественным сознанием // Управление общественными и экономическими системами. 2006. № 2. С. 1—7.
2. *Никитина О.А.* Особенности образования новых немецких глаголов на базе антропонимов // Научный диалог. 2015. № 11 (47). С. 42—54.
3. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. Москва: Аспект Пресс, 2011.
4. *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. Москва: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2001.
5. Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. Москва: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997.
6. *Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В.* Общая терминология: Вопросы теории / Отв. ред. Т.Л. Канделаки. Москва: Едиториал УРСС, 2003.
7. *Чигашева М.А.* Заимствования из английского языка в политическом дискурсе СМИ Германии // Филологические науки в МГИМО. 2015. № 3. С. 34—47.
8. *Шевелева И.А.* Лингвистические особенности дискурса Интернет-СМИ // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Москва: МАКС Пресс. 2010. Вып. 41. С. 50—54.
9. *Яковлева А.А.* К вопросу о понятии «Термин» в современной лингвистике // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2014. № 2. С. 88—94.
10. Duden — Das große Wörterbuch der deutschen Sprache. Режим доступа: <http://www.duden.de/rechtschreibung/Marxismus> (Дата обращения: 15.01.17).
11. Duden — Das große Wörterbuch der deutschen Sprache. Режим доступа: <http://www.duden.de/rechtschreibung/roentgen> (дата обращения: 15.01.17).
12. *Gerhard Wahrig.* (1988). Deutsches Wörterbuch. Mosaik Verlag GmbH, München.
13. *Wengeler M.* (2010). Schaubleweise, Schröderisierung und riestern. Formen und Funktionen von Ableitungen aus Personenamen im öffentlichen Sprachgebrauch // Komparatistik Online. Dusseldorf, Trier. p. 79—98.

TERMINOLOGICAL ASPECT OF POLITICAL DISCOURSE IN THE GERMAN MEDIA

Marina A. Chigasheva

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)

Prospect Vernagorskogo, 76, Moscow, Russia, 119454

Abstract. Political discourse is a complex communicative phenomenon and its study may be multi-lateral. This paper highlights some of the linguistic features of political discourse in the Germany media and offers a classification of the most common language means. An important role is attributed to deonimization, possibilizt of appellativation of nominal stems, in particular, the names of German politicians. Moreover new lexical units are filled with a certain meaning, and receive a strong negative connotation under the influence of extralinguistic factors. Of particular interest is the consideration of the possibility terminalization of deonim. Analysis of the concept of “term” and the ways of its formation and basic characteristics of deonimic units suggests possible transition from the category of deonims nonce words and slangwords into the category of terms that is demonstrated in some instances.

Key words: the political media discourse, the German language, word formation, term, deonim, terminologization, expressiveness

REFERENCES

1. Nikitina, K.V. (2006). The Political Discourse of the Media and its Features, which Create Conditions for the Manipulation of Public Opinion. *Management of public and economic systems*, 2, 1—7. (in Russ).
2. Nikitina, O.A. (2015). Peculiarities of New German Verbs Formation Based on Anthroponyms. *Scientific dialogue*, 11(47), 42—54. (in Russ).
3. Reformatskyi, A.A. (2011). *Introduction to Linguistics*. Moscow: Aspect Press. (in Russ).
4. Rozental', D.Je., Telenkova, M.A. (2001). *Dictionary of Linguistic Terms*. Moscow: LLC “Publishing Astrel”, LLC “Publishing house AST”. (in Russ).
5. *Russian Language. Encyclopedia* (1997). Ch. Ed. Yu.N. Karaulov. Moscow: The Big Russian Encyclopedia; Drofa. (in Russ).
6. Superanskaya, A.V., Podol'skaya, N.V. & Vasil'eva, N.V. (2003). *Common Terminology: Theory*. Ed. T.L. Kandelaki. Moscow: Editorial URSS. (in Russ).
7. Chigasheva, M.A. (2015). Borrowings from English in the German Media Political Discourse. *Philology at MGIMO*, 3, 34—47. (in Russ).
8. Sheveleva, I.A. (2010). Linguistic Features of Online Media-Discourse. In: *Language, mind, communication*. Ed. V.V. Red, A.I. Izotov. Moscow: MAX Press. Issue 41. p. 50—54. (in Russ).
9. Jakovleva, A.A. (2014). On the Concept «Term» in Modern Linguistics. *Interexpo Geo-Siberia*, 2, 88—94.
10. *Duden — Das große Wörterbuch der deutschen Sprache*. URL: <http://www.duden.de/rechtschreibung/Marxismus> (accessed: 15.01.17).
11. *Duden — Das große Wörterbuch der deutschen Sprache*. URL: <http://www.duden.de/rechtschreibung/roentgen> (accessed: 15.01.17).
12. Gerhard, Wahrig. (1988). *Deutsches Wörterbuch*. Mosaik Verlag GmbH, München.
13. Wengeler, M. (2010). Schaubleweise, Schröderisierung und riestern. Formen und Funktionen von Ableitungen aus Personenamen im öffentlichen Sprachgebrauch. *Komparatistik Online*. Dusseldorf, Trier. p. 79—98.

Сведения об авторе:

Чигашева Марина Анатольевна, кандидат филологических наук; доцент, заведующий кафедрой немецкого языка факультета международных отношений Московского государственного института международных отношений (университет) МИД РФ; *научные интересы*: семантика современного немецкого языка в сопоставлении с русским, политический дискурс; *e-mail*: mchigasheva@mail.ru

Bio Note:

Chigasheva Marina Anatolyevna, Ph.D. in Philology; Associate Professor, Head of the Department of German in Faculty of the International Relations at MGIMO-University of RF Ministry of Foreign Affairs; *Research Interests*: Semantics of Modern German or Russian, Political Discourse; *e-mail*: mchigasheva@mail.ru

УДК: 81'276.6:659.4

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-367-376

«ТРОЯНСКИЙ ЦИКЛ» КАК ИСТОЧНИК ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В МАСС-МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Н.А. Сегал, А.Н. Мищенко

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
Таврическая академия
*Проспект Академика Вернадского, 4, Республика Крым,
Симферополь, Россия, 295007*
natasha-segal@mail.ru

В статье рассматриваются механизмы языковой репрезентации прецедентных конструкций со сферой-источником «Троянская война», выявляется специфика их функционирования в масс-медийном дискурсе. С целью описания коммуникативно-прагматического содержания политического текста в данном исследовании предлагается тематическая и семантико-грамматическая классификация конструкций с учетом замещенного стержневого компонента и прагматических установок адресата. В статье показано, что изменение семантики конструкций проходит не только на денотативном, но и на коннотативном, прагматическом уровне, где прецедентные феномены «тroyанского цикла» приобретают новые семантические признаки. Анализ особенностей реализации прецедентных конструкций со сферой-источником «Троянская война» позволяет прийти к выводу о специфике фрагмента картины мира, закреплённой в прецедентных феноменах мифологического типа.

Ключевые слова: прецедентный текст, прецедентный феномен, масс-медийный дискурс, фразеология, трансформация

ВВЕДЕНИЕ

Масс-медийный дискурс в силу своей интерактивности и общедоступности представляет собой идеальную среду функционирования прецедентных феноменов разного типа. Как отмечают исследователи, это обусловлено тем, что «на страницах газет раньше всего формируются и новые понятия, и новые слова, и новые выражения. Именно в языке газеты легко прослеживаются все малейшие изменения в семантике слова, в его стилистической окраске» [Клушина 1995: 11]. Для масс-медийных текстов характерно не только возникновение новых слов и выражений, но и трансформация уже имеющихся языковых единиц, придание новых смысловых оттенков, расширение их синтагматического, парадигматического и эпидигматического потенциала.

Цель данного исследования — определить особенности реализации прецедентных конструкций со сферой-источником «Троянская война» в масс-медийном дискурсе.

Активизация изменений в языке современных масс-медиа, появление новых источников прецедентности позволяют установить структурно-семантические типы трансформации прецедентных феноменов и особенности их функционирования

в политическом дискурсе. Такие конструкции определяются В.Н. Телия как «стереотипный образно-ассоциативный комплекс» [Телия 1988: 30], направленный на формирование определенных прагматических установок читателя-адресата.

Значимость прецедентных конструкций именно для масс-медийных текстов, по мнению Е.А. Дрянгиной, определяется тем, что прецедентные феномены способствуют адекватному пониманию производимого текста и его большей эффективности [Дрянгина 2011: 165]. Отметим, что эффективным является формирование у адресата как положительной, так и отрицательной оценки факта политической действительности.

Представляя реалии современной политической жизни, СМИ часто используют прецедентные конструкции с имплицитно или эксплицитно выраженным компонентом 'обман', что характеризует политическую картину мира как сложную непрозрачную систему.

Подтверждая представленный тезис данными лексикографических источников, отметим, что в словарях ключевая единица «обман» определяется как «сознательное введение в заблуждение другого лица с корыстными целями; состоит в сообщении ложных сведений о положении дела или в извращении истинных фактов» [Ожегов 2008: 547].

Как показал анализ политических текстов, значимым фрагментом политической картины мира являются прецедентные конструкции со сферой-источником «греческая мифология», в частности, единицы с интегральным компонентом «Троя» («Троя», «Троянская война», «троянский конь») и апеллирующие к известному мифу о Троянской войне. В древнегреческих мифах утверждается, что Троя (Илион) — это город в Малой Азии, в области Троада, который греки осаждали десять лет. Название Трои произошло от имени ее основателя Троса и получило известность именно из текстов греческих мифов о Троянской войне [Краткий словарь мифологии и древностей 1894: 163].

Знаменитая Троянская война составляет содержание бессмертной поэмы Гомера «Илиада». Согласно преданию в XII в. до Рождества Христова Троя была покорена греками посредством деревянного коня — изобретения хитрого Одиссея, — внутри которого поместилось несколько героев [Краткий словарь мифологии и древностей 1894: 168].

В масс-медийном дискурсе данная конструкция используется как в трансформированном варианте, так и с сохранением своей формы. По замечанию К.Н. Дубровиной, в стилистических целях устойчивые конструкции могут функционировать с такими характеристиками: «1. Вообще без трансформации, то есть и их форма и семантика сохраняются в кодифицированном виде; при этом стилистический эффект возникает в результате взаимодействия фразеологизма с контекстом. 2. С частичной трансформацией: изменяется семантика при сохранении формы фразеологической единицы. 3. Также с частичной трансформацией, но в данном случае изменяется форма фразеологизма при сохранении его семантики. 4. С полной трансформацией и формы, и семантики фразеологизма» [Дубровина 2005: 100]. Как показал анализ современных масс-медийных текстов, данная классификация является актуальной и при анализе прецедентного феномена «троянский конь».

Компонент *троянский* функционирует в структуре устойчивых сочетаний. Сегодня *троянская программа*, *троянский вирус*, *троянский червь* (также — *троян*, *троянец*, *троянский конь*) номинируют вредоносную компьютерную программу, которую распространяют интернет-пользователи. Свое название компьютерный вирус получил в честь мифологического троянского коня, поскольку большинство вирусных программ действует аналогичным образом: маскируются под безвредные и даже полезные программы и приложения, которые пользователь запускает на своем компьютере. Так, самые примитивные модификации могут полностью стереть содержимое диска при загрузке, а некоторые программы умеют встраиваться в определенные приложения на персональном компьютере.

Собственно локатив Троя для масс-медийных текстов не является активным, так как восприятие адресатом связано не с топонимом, а с событиями. Так, современные события на Юго-Востоке Украины привели к образованию отряда «Троя»:

Подконтрольные лидера ДНР взяли штурмом мятежный отряд «Троя», вступивший в конфликт с лидером ополченцев (Экономические известия, 30.01.2016);

Уже почти три недели в самопровозглашенной ДНР в блокаде находится отряд «Троя», который через соцсети призывает ополченцев к войне с собственным командованием (Росбалт, 18.01.2016).

Можно предположить, что название отряда было выбрано не случайно и апеллирует к событиям греческого мифа.

Троянский конь, по греческому преданию, представляет собой фигуру огромного деревянного коня, в котором спрятались ахейские воины, осаждавшие Трою. Троянцы, не подозревая хитрости, ввели его в Трою. Ночью ахейцы вышли из коня ипустили в город остальное войско [Мифы Древней Греции: Словарь-справочник URL: <http://my-dict.ru/dic/enciklopediya-mifologii/2173839-troyanskiy-konj>].

При реализации в политических текстах данная конструкция сохраняет денотативные компоненты ‘тайный’, ‘коварный’ ‘замысел’, ‘замаскированный’ ‘под подарок’:

Греция — наш троянский конь в ЕС. ЕС не может себе позволить выхода Греции из еврозоны и ЕС (Росинфо, 06.07.2015).

Прецедентный феномен «троянский конь» в политических текстах реализуется весьма активно. При этом происходят следующие структурно-семантические трансформации:

1. Расширение адъектива без трансформации компонентов:

Донецко-троянский конь Путина для Украины (Макспарк, 19.10.2015); *Российский «троянский конь»*: реальная угроза или паранойя? (Инопресса, 13.08.2014); *Украинский троянский конь* (Портмоне, 21.07.2016); *Путин впустил в Россию натовского «троянского коня»* (Русская планета, 05.07.2012); *Американский ядерный троянский конь* (Око планеты, 29.04.2013); *Многоразовый «российско-Троянский конь» для украинской вольницы* (Обозреватель, 02.04.2015); *Западенский «троянский конь»: 75 лет назад Западная Украина вошла в состав СССР* (Гипотезы и факты, 26.09.2014). *При этом возможно расширение как первого, так и второго компонента устойчивого сочетания. Ср.: Россия хочет подарить Европе «газового троянского коня»* (24tv.ua, 09.04.2016).

2. Трансформация стержневого субстантива с наведением ироничной коннотации:

Троянский конек. Греческий конек сегодня — это нынешний «экзистенциальный спор о Европе» (news.21, 31.08.2011).

3. Трансформация субстантива с изменением семантики:

Андрей — «Троянский Конек-Горбунок». Андрей Владимирович Келин — российский дипломат, постоянный представитель России при Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) (Живой журнал, 24.12.2014).

Выбор автором статьи сказочного персонажа П. Ершова не является случайным и определяет семантико-прагматический потенциал всей конструкции. Так, в контексте А.В. Келин определяется как сильный и умный дипломат, которого стоит опасаться Европе, как «конек», который «все на свете знал» и мог творить чудеса, при этом адекатив «троянский» сохраняет денотативное содержание «тайный замысел».

Субстантив в конструкции «троянский конь» является зоонимом и в массмедийных текстах может замещаться другими зоонимами с изменением значения всей конструкции. Так, при характеристике лиц женского пола характерно замещение лексемы «конь» ключевой единицей «лошадь» с целью выделения гендерной принадлежности субъекта текста:

троянская лошадь Королевская лишила Тимошенко избирателей (news.24, 05.08.2012); троянская лошадь «оранжевых» и предвыборные тараканы «голубых». О политической партии Юлии Тимошенко и Виктора Януковича (Живой журнал, 19.06.2012); троянская лошадь Савченко (Новости и слухи, 09.06.2016); троянская лошадь Королевская пожират «живой овес» Тимошенко (Глобалист, 11.05.2012).

Конструкция «троянская лошадь» активно используется для обозначения политических действий, например, выхода из еврозоны:

троянская лошадь в киевской конюшне. Таким образом, с помощью «троянской лошади» из Греции в заторможенные минские договоренности удалось вдохнуть новую жизнь (Конт, 15.04.2015).

При выражении экспрессивности для политического текста характерно использование словообразовательных ресурсов, прежде всего добавление уменьшительно-ласкательных суффиксов **-к**, **-енок**, **-ят**, что характеризует ключевой компонент конструкции не только по размеру и возрасту, но и по потенциалу развития:

пируэты троянской лошадики. Разборки между Москвой и Киевом вокруг песчаного острова в Керченском проливе открыли много нового в украинской политике (Четверта влада, 30.10.2013).

Ряд контекстов включает одновременное функционирование конструкций «Троянский конь» — «Троянский жеребенок», при котором семантика конструкций не является тождественной:

Получается, что внутри «троянского коня» — «Справедливой России» в целом — есть свой маленький «троянский жеребенок», но он вырастает в настоящего тя-

*желовоза, как только подходит время выборов в Государственную Думу (Независимая, 01.04.2008); **Троянские жеребята** — грузинские оппозиционеры. Некоторые могут предположить, что правительство имеет важные рычаги контроля над участниками мюнхенской встречи. Более того, могут подумать, что это (условно) — операция «**Троянский конь**», конечная цель которой — дискредитация идеи протеста и радикальных акций (на фоне профанации идеи выборов) (Новость, 29.06.2010).*

Весьма частотными в масс-медийных текстах являются конструкции, функционирующие с замещением компонента-зоонима «конь» другим зоонимом. Например:

*Петр Порошенко — **троянская свинья** Путина (ukrday.com, 04.2014); «**Троянская свинья**» или зачем Чехия передает Польше часть своей территории? (Телеграф, 05.03.2015).*

В данной конструкции компонент «свинья» используется в значении фразеологической единицы «подложить свинью»: «кому. Разг. Ирон. Готовить втихомолку и незаметно неприятность, гадость и т.п.» [Федоров 2008: 264] и сохраняет не денотативное значение, а семантику замещаемого фразеологизма. В значении «неряшливый человек, ведущий себя как свинья» используется ключевая единица свин:

*Европейский Союз и «**троянский свин**» Украины (Politikus.ru, 10.05.2016).*

Новую семантику и коннотацию получает конструкция «*голубь мира*», имеющая в денотативном значении позитивную коннотацию. Данное выражение приобрело популярность после окончания Второй мировой войны в связи с деятельностью Всемирного конгресса сторонников мира. В конструкции *Олигарх Вадим Новинский — «**троянский голубь мира**» Путина* (Антикор, 21.05.2014) речь идет о голосовании в парламенте за Меморандум взаимопонимания и мира, куда выдвигались «примирители» Донбасса, партнеры Рината Ахметова и Вадима Новинского.

В политических текстах фиксируются элементы языковой игры:

***Троянский червь** неонацизма. Вадим Троян заработал на Украине дурную славу неонациста (Рабочий фронт Украины, 18.02.2015).*

Так, как отмечалось ранее, устойчивое словосочетание «*троянский червь* (сетевой червь)» — это вредоносная программа, распространяющаяся по сетевым каналам; Троян — фамилия главы ГУ МВД в Киевской области.

Горячее обсуждение результатов конкурса Евровидение-2016 весьма эффективно интерпретировали для украинской общественности как доказательство неприязни россиян ко всему украинскому, охарактеризовав участника конкурса ***Троянская кобыла** Украины* (Росинфонет 20.05.2016).

Компонент ***корова*** в составе устойчивой конструкции определяется как продукт питания, цена на который может значительно увеличиться:

***Троянская корова.** Снятие официального эмбарго на поставки мяса из Киргизии в Россию и Казахстан подтолкнет рост цен на киргизском рынке (Эксперт-онлайн, 07.09.2009).*

В масс-медийных текстах происходит замещение компонента **конь** лексемой **ишак**, представленной в контексте в переносном значении (2. Упрямый, глупый, дурак (бран.)):

Репрессии против граждан России в Киргизии — «тактика троянского ишака». Так назвал политическую линию властей Киргизии белорусский политолог Николай Малишевский (ИА Регнум, 15.05.2013).

Подобным образом политолог интерпретирует тактику Киргизии как негибкую и неперспективную позицию, которая ведется властями исключительно из-за упрямства и нежелания признавать свою ошибку.

Конструкция **троянский медведь** в масс-медийном дискурсе используется в контекстах двух типов. Так, с одной стороны, русский медведь являет собой олицетворение России, атрибут российского государства и субститут ее верховного правителя: **Россия — троянский медведь** (Нефтегаз.ру, 21.12.2014). С другой стороны, в текстах реализуются элементы языковой игры, при которых происходит взаимодействие фамилии Медведев (премьер-министр России Дмитрий Анатольевич Медведев) с конструкцией «троянский медведь»; данная единица может интерпретироваться как «тайное оружие», возможность неожиданно для других достичь высоких результатов:

Вполне возможно, что пришло время «внутреннему» Медведеву проявить себя на международной арене... пускай он будет нашим «троянским медведем» (Евразия, 21.12.2007).

Образ «троянского кролика» раскрывается через прозвище Арсения Яценюка, придуманное газетой «Комсомольская правда в Украине» в 2009 г., в одной из статей впервые сравнившей Яценюка с Кроликом из мультфильма про Винни-Пуха:

Троянский кролик Яценюк предал Тимошенко и ее партию (Свободно, 14.12.2012); Троянский кролик готов проглотить «Батькивщину» (Живой журнал, 21.12.2012).

В политических текстах конструкция **троянский конь** предполагает экспликацию объекта, номинированного данной конструкцией. Такие объекты не являются однородными и могут быть представлены следующими тематическими группами:

1) территориально-административные единицы (государства и регионы):

Греция — наш троянский конь в ЕС (Росинфо, 06.07.2015); Страны Балтии — троянский конь ЕС (Геополитика, 27.05.2015); Евразийский союз — троянский конь или билет в светлое будущее? (РИА Новости, 23.06.2015); ДНР и ЛНР — троянский конь Путина (Живой журнал, 22.02.2016); Украина как троянский конь Запада (Правда-тв, 02.05.2014); Донбасс — троянский конь Путина для Украины (Биржевой лидер, 18.01.2015);

2) политические действия и нормативные документы:

Конституция РФ — «троянский конь» США (Партия Великое отечество, 16.12.2013); Выборы по-киевски: «троянский конь» и гречка для Кличко (Мой Киев, 20.03.2015); Конституция Порошенко — троянский конь для президента? (dw.com, 03.07.2015); Перемирие — троянский конь Порошенко (Живой журнал, 01.11.2014);

Раздача паспортов — традиционный троянский конь России (Полит навигатор, 09.10.2015); *Гуманитарный конвой — троянский конь Путина?* (Минвол, 11.08.2015).

Весьма характерным для масс-медийных текстов является замещение компонента-субстантива. Трансформированные конструкции предполагают еще более разветвленную классификацию:

1) территориально-административные объекты:

Троянский Крым. Крым — новый самый дотационный регион России (Брама, 03.04.2015); *Троянский Кремль. Миролюбие Москвы всего лишь уловка, чтобы получить отсрочку для подготовки новой волны против Украины* (ТСН, 21.01.2016);

2) предметы и атрибуты:

Гуманитарная помощь — троянская матрешка Путина? (Прикол новости, 13.08.2014); *Троянский катафалк. Греческие выборы и евро-лепозорий* (ПолиСМИ, 24.01.2015); *Троянский конвой для Украины* (Голос, 26.04.2014); *США подарят Севастополю «троянские» корабли* (Росбалт, 18.10.2014); *Минск подсунул Украине троянского авто-коня* (Ридус, 06.06.2016);

3) события:

Троянская победа. Российская школа бокса — одна из сильнейших в мире (Живой журнал, 28.10.2014);

4) астрономические объекты:

астрономы открыли «троянский» спутник Земли (РИА Новости, 27.07.2011); *такие «троянские астероиды» были найдены на орбитах Юпитера, Марса и Нептуна...* (РИА Новости, 27.07.2011); *Астероид 2010 ТК7 может оказаться первым настоящим «троянцем» на земной орбите* (РИА Новости, 27.07.2011).

Следует отметить, что конструкция «троянский конь» в масс-медийных текстах может использоваться в форме множественного числа, что не является характерным для ее денотативного употребления:

Губусы с конфетами — как троянские кони — проникают на нужную территорию и захватывают ее (Рекламные вкусности, 17.06.2016); *Грузия рада туристам, которые станут «троянскими конями» для России* (Росбалт, 19.01.2010); *Троянские кони России. А виной всему, конечно же, нефть и газ, которые открыли для России новые горизонты в мировой политике* (Клайпедская ассоциация, 16.11.2007); *Тарас Плеткин: Крым — пастбище троянских коней* (Майдан, 29.03.2007).

Таким образом, анализ особенностей реализации прецедентного феномена «троянский конь» позволил наметить тематические и семантико-грамматические классификации.

1. Замена или деривационная трансформация одного из компонентов фразеологизма при сохранении семантики:

Леди в Воронежской облдуме обошел троянский конек (Новости рамблера, 26.02.2016); *Крым как троянская лошадка Москвы* (Евро, 16.05.2014); *Гуманитарная помощь России — это что? Троянский конь, матрешка Путина? Так может это не гуманитарная помощь, а троянская матрешка Путина?* (Новости, 13.08.2014).

Замена компонента фразеологической единицы не вызывает изменения семантики, но значительно повышает ее экспрессивность.

2. Расширение компонентного состава фразеологизма (не приводит к смене семантики, но усиливает имеющееся значение):

Раздача паспортов — традиционный троянский конь России (Полит навигатор, 09.10.2015); *троянский ядерный конь: зачем США предлагают России сократить вооружение* (Аргументы и факты, 12.02.2013); *Порошенко — троянский регионаловский конь* (Время новостей, 12.02.2011).

3. Изменение семантики фразеологизма при замене одного из его компонентов новым, окказиональным. Замена в общеупотребительном фразеологизме *троянский конь* какого-либо компонента приводит к изменению семантики всего оборота:

Троянский Кремль. Миролюбие Москвы всего лишь уловка, чтобы получить отсрочку для подготовки новой войны против Украины (ТСН, 21.01.2016).

В результате замены компонента *конь* на окказиональный компонент *Кремль* происходит изменение семантики конструкции, которая интерпретируется как «тайный политический замысел Кремля — официальной резиденции президента Российской Федерации».

Минск подсунул Украине троянского авто-коня. Минские машиностроители нашли долгожданных покупателей в лице украинских силовиков (Ридус, 06.05.2016).

Замена компонента *конь* на окказиональный компонент *авто-конь* подчеркивает отношение именно к автомобилям.

4. Наведение саркастического или иронического оттенка:

Украина — это огромный Троянский свин, который заинтересованные люди пытаются затолкнуть в ворота Евросоюза (Politikus.ru, 10.05.2016).

В данном контексте лексема «свин», не закрепленная в лексикографических источниках, употребляется в значении неряшливого человека, ведущего себя как свинья.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, механизмы актуализации концептуального содержания прецедентных единиц в масс-медийных текстах определяются специфическими прагматическими установками языкового сознания носителя языка. Проведенный в статье анализ позволяет сделать вывод, что масс-медийный дискурс отличается спецификой интенционального содержания, многополярностью и многовекторностью. Изменение семантики конструкций проходит не только на денотативном, но и на коннотативном, прагматическом уровне, где прецедентные феномены «троянского цикла» приобретают новые семантические признаки. Такие признаки являются основой для трансформации всего высказывания и придания ему новых коннотативно-прагматических смыслов.

© Сегал Н.А., Мищенко А.Н.
Дата поступления: 24.08.2016
Дата принятия: 3.09.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бахи А.М. Политическая фразеология арабского языка // Ученые записки ТНУ. Серия Филология. Социальные коммуникации. 2013. Т. 26 (65). № 2. С. 183—188.
2. Дрянгина Е.А. Особенности прецедентных текстов как ассоциативно-образного средства репрезентации языковой личности // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 2. С. 165—174.
3. Дубровина К.Н. Лингвистические основы стилистических приемов использования фразеологизмов в художественной литературе и публицистике // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2005. № 7. С. 100—117.
4. Клушина Н.И. Влияние ценностной дихотомии «свое»/«чужое» на язык современной газеты // Журналистика в 1994 году: Тезисы научно-практической конференции. Часть 4. Москва: МГУ, 1995. С. 11—21.
5. Краткий словарь мифологии и древностей. СПб.: А.С. Суворин, 1894.
6. Мифы Древней Греции: Словарь-справочник (2009). Режим доступа: <http://my-dict.ru/dic/enciklopediya-mifologii/2173839-troyanskiy-kon> Дата обращения: 02.09.2016.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Москва: Оникс, 2008.
8. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в языковой картине мира. Москва, 1988. С. 173—203.
9. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Языки русской культуры, 1996.
10. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. Москва: Астрель, 2008.

УДК: 81'276.6:659.4

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-367-376

«TROJAN CYCLE» AS SOURCE OF PRECEDENCE IN THE MASS MEDIA DISCOURSE

N.A. Segal, A.N. Mischenko

V.I. Vernadsky Crimean Federal University Tauride Academy
Vernadsky Avenue, 4, Republic of Crimea, Simferopol, Russia, 295007

Abstract. Mechanisms of linguistic representation of preceding constructions with origin sphere «Trojan War» are questioned in the article, specifics of its operation in mass-media discourse are identified. To describe the communicative-pragmatic content of political text in this research thematic, semantic and grammar classification of constructions, which were proposed, taking into consideration replaced core component and pragmatic attitudes of recipient. The article states that change of semantic structure is not only to denotative level, but also connotative and pragmatic level, where preceding phenomena «Trojan cycle» acquires new semantic features. Particular properties analysis of preceding constructions with origin sphere «Trojan War» allows to come to a conclusion about the fragment specification of world's picture, fastened in preceding phenomenon of mythological type.

Key words: precedent text, precedent phenomenon, mass-media discourse, phraseology, transformation

REFERENCES

1. Bahi, A.M. (2013). The political phraseology of the Arabic language. *Scientific Notes of Taurida V.I. Vernadsky National University. Series Philology. Social Communications*, 2, 26 (65), 183—188. (in Russ).

2. Drjangina, E.A. (2011). Features precedent texts as a means of associative-shaped representation of linguistic identity. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2, 165—174. (in Russ).
3. Dubrovina, K.N. (2005). Linguistic principles of stylistic devices usage of phraseological units (fiction and journalist texts). *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series Linguistics*, 7, 100—117. (in Russ).
4. Klushina, N.I. (1995). Impact of the value dichotomy of «his»/«foreign» into the language of contemporary newspaper. In: *Journalism in 1994: Abstracts of the scientific and practical conference*. Part 4. Moscow: Moscow State University. p. 11—21. (in Russ).
5. Krosh, M. (1894). *The Concise Dictionary of mythology and antiquities*. St. Petersburg: A.S. Suvorin. (in Russ).
6. *Myths of Ancient Greece: Glossary Directory*. (2009). URL: <http://my-dict.ru/dic/enciklopediya-mifologii/2173839-troyanskiy-kon> (accessed: 02.09.2016).
7. Ozhegov, S.I. (2008). *Dictionary of Russian language*. Moscow: Onyx. (in Russ).
8. Telija, V.N. (1988). *Metaphor and its role in the linguistic picture of the world*. Moscow. p. 173—203. (in Russ).
9. Telija, V.N. (1996). *Russian phraseology: semantic, pragmatic and cultural linguistics aspects*. Moscow: Languages of Russian culture. (in Russ).
10. Fedorov, A.I. (2008). *Phraseological dictionary Russian literary language*. Moscow: Astrel. (in Russ).

Сведения об авторах:

Сегал Наталья Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»; *научные интересы*: семантика, фразеология, политический дискурс; *e-mail*: natasha-segal@mail.ru

Мищенко Анна Николаевна, аспирант кафедры русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»; *научные интересы*: семантика, фразеология, политический дискурс; *e-mail*: anutik-anutik18@mail.ru

Bio Note:

Segal Natalia Alexandrovna, Ph.D. in Philology, Assistant Professor of Department Russian, Slavic and General Linguistics of the Faculty of Slavic Philology and Journalism Academy Tauride (a structural subdivision) of V.I. Vernadsky Crimean Federal University; *Research Interests*: Semantics, Phraseology, Political Discourse; *e-mail*: anutik-anutik18@mail.ru

Mishchenko Anna Nikolaevna, Graduate student of Department Russian, Slavic and General Linguistics of the Faculty of Slavic Philology and Journalism Academy Tauride (a structural subdivision) of V.I. Vernadsky Crimean Federal University; *Research Interests*: Semantics, Phraseology, Political Discourse; *e-mail*: anutik-anutik18@mail.ru

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК: 811.111'276.6:32.019.51
DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-377-383

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МЕТАФОРИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА СЕМЬИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ РЕАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В МИРЕ

А.А. Джиеова¹, О.Ф. Стрельникова²

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ленинские Горы, 1, Москва, Россия, 119991

²МГИМО МИД России
Проспект Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454

В статье рассматриваются особенности функционирования метафорического концепта «Семья» и отражающая его концептосфера с коррелирующими компонентами в британской и американской политической риторике. Анализ текстов выступлений политических лидеров Британии и США позволяет выявить, что репрезентация концепта «Семья» и его компонентов, детерминированная самой действительностью и ценностями, заложенными в американском и британском социумах, оказывается несколько разной. Американская политическая риторика представляет концепт «Семья» и его корреляты как относящиеся к внутреннему устройству страны, в то время как в британской политической риторике имеет место в том числе иллюстрация отношений Великобритании с ЕС и некоторыми странами Содружества.

Ключевые слова: концепт «Семья», метафора семьи, политическая риторика

ВВЕДЕНИЕ

Ставший уже несколько тривиальным, но не потерявший своей актуальности на предмет его бесконечной иллюстрации тезис о способности языка отражать и репрезентировать окружающий нас мир находит каждый раз и в каждом конкретном исследовании свое новое подтверждение и доказательства. Репрезентативная особенность языка как одна из наиболее функциональных характеристик человека включает в себя способность видения мира, его осмысления, постижения наиболее существенных его характеристик и, наконец, представления этого мира в своей семантической, смысловой, понятийной и концептуальной сферах. Все, что значимо в мире и в окружающей нас действительности, не может не быть вербализовано средствами человеческого языка. Иными словами, ничто значимое в мире не может не пройти процесс языковой номинации и не найти свою адекватную языковую репрезентацию.

КОНЦЕПТОСФЕРА С КЛЮЧЕВЫМ КОМПОНЕНТОМ «СЕМЬЯ»

Не составляет исключения и концептосфера с ключевым компонентом «Семья». Чрезвычайно ярко и богато представленный в языке, этот концепт оказывается таковым в том числе и прежде всего потому, что значим в окружающем нас мире. Независимо от типа культуры, характерной для того или иного народа, коллективистской или индивидуалистской, «равнинной» или «островной» психологии, низкоконтекстной или высококонтекстной культуры [Ларина 2009: 35—112; Джиоева 2014 в: 136—156], значимость феномена семьи в современном обществе не вызывает сомнения. Идет ли речь об «immediate family» (ближайших родственников) или об «extended family» (ближних и дальних родственниках), человек, как исключительно социальное существо, не может не выступать как определенный член семейного сообщества. Этому в принципе не могут препятствовать и тенденции современного общества к некоторому индивидуализму, приводящему к относительно распространяющемуся феномену самостоятельности и предпочтению к несемейной жизни.

Тем не менее, и даже вопреки этому, семья как ячейка общества продолжает занимать значимую роль в жизни людей. Братья, сестры, дети, родители, супруги и т.д. в той или иной представленности были и, наверное, всегда останутся важными индивидами в обществе, без которых человек вряд ли способен полноценно, адекватно и многогранно функционировать. Другое дело, что в разных типах общества и в разных этнокультурах семья и семейные ценности находят различную репрезентацию. Соответственно, своеобразной будет и представленность концепта «Семья» и составляющая его концептосфера в отдельных языках. Разным будет и то, как концептосфера «Семья» с ее центральным компонентом будет представлена в разных функциональных сферах языка.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕТАФОРИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА «СЕМЬЯ» В БРИТАНСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКЕ

Обратимся к особенностям функционирования метафорического концепта «семья» в британской и американской политической риторике. Понимая концепт как коллективное содержательное ментальное образование, фиксирующее своеобразие соответствующей культуры [Карасик 2005: 29], а концептосферу как систему компонентов, связанных с ним едиными смысловыми ассоциациями [Джиоева 2014 в: 81—127], мы будем выделять центральный элемент концептосферы с ключевым компонентом «Семья» и два отдельных слоя этой системы: ядерную составляющую, которая включает наиболее репрезентативную и часто используемую часть семейной лексики, и периферийную, отражающую относительно менее употребительную и менее ярко представленную ее часть.

Частной областью представленности концепта семьи и всей связанной с ним концептосферы выступает политический текст. Универсальность концепта семьи в мире позволяет говорить об универсальности метафоры семьи в политической риторике лидеров самых разных государств. Проведем анализ особенностей использования метафоры семьи в британской и американской политической риторике.

Анализ текстов выступлений Дэвида Кэмерона за 2011 — ноябрь 2015 [British Political Speech] представляет большой интерес для исследователя. Изучение ри-

торического стиля премьер-министра Великобритании Д. Кэмерона позволяет проследить последовательное использование метафоры семьи. В своих выступлениях премьер-министр метафорически выражает идею об общности судеб европейских стран, называя ЕС «семьей»; говоря о бюджете страны, прибегает к метафоре семьи, чтобы подчеркнуть необходимость всеобщей экономии; обращаясь к теме детей, Д. Кэмерон говорит обо всех детях страны, называя государство «родителями» [Джиоева, Стрельникова 2016 в].

В более поздних выступлениях Д. Кэмерона прослеживается та же тенденция. Так, в одной из своих речей премьер-министр заявляет:

«Others suggest that Britain stalking out could lead to and I quote “the democratic liberation of an entire continent”. Well, tell that to the Poles, the Czechs, the Baltic States and the other countries of central and eastern Europe which languished for so long behind the Iron Curtain. <...> They see Britain as the country that did more than any other to unlock their shackles and enable them to take their rightful place in the family of European nations» («Другие предполагают, что выход Британии может привести к — и я цитирую — «демократическому освобождению всего континента». Что же, скажите это полякам, чехам, странам Балтии и другим странам центральной и восточной Европы, которые так долго тосковали за Железным Занавесом. <...> Они смотрят на Британию как на страну, которая сделала больше, чем любая другая, чтобы разорвать их оковы и сделать возможным то, что они заняли принадлежащее им по праву место в семье европейских государств») [PM].

Обращение Д. Кэмерона к теме семьи становится особенно важным накануне референдума о выходе Великобритании из ЕС: говоря о «семье европейских наций», премьер-министр подчеркивает единство интересов европейских стран.

«Our allies have a very clear view. They want us to remain members of the European Union. <...> And then there are the nations to which we are perhaps closest in the world, our cousins in Australia and New Zealand, whose prime ministers have spoken out so clearly» («У наших союзников есть очень недвусмысленная точка зрения. Они хотят, чтобы мы оставались членами Европейского Союза. <...> И потом существуют нации, с которыми, мы возможно, наиболее близки, наши двоюродные братья и сестры в Австралии и Новой Зеландии, премьер-министры которых высказались так ясно»).

Лидер Великобритании подчеркивает сплоченность стран Содружества, которые, по его словам, придерживаются единого мнения о референдуме и необходимости для Великобритании проголосовать против выхода страны из ЕС, с помощью концепта семьи: дружественные нации в Австралии и Новой Зеландии метафорически представляются как «двоюродные братья и сестры», то есть дальние родственники, что объясняется географической удаленностью обеих стран.

Последовательное изучение текстов обращения Президента США к американской нации за 2009—2014 г. («State of the Union address» [Peters]) дает возможность понять, что метафора семьи всеобъемлюща, универсальна, важна, она востребована как в британской, так и в американской риторике. Проведенный анализ показывает, что, как премьер-министр Великобритании, так и Президент США обращаются к метафоре семьи, когда речь идет о бюджете страны и необходимости строгой экономии; метафорически представляют себя как «Отца нации» и подчеркивают сплоченность нации, прибегая к данной метафоре [Джиоева, Стрельникова 2016 а].

В своем более позднем выступлении (2016) Президент США также обращается к теме семьи и семейных отношений. Президент обращается к метафориче-

скому концепту семьи, заявляя о необходимости защитить всех американских детей, «наших детей», таким образом, выступая в качестве «Отца нации»:

*«And I will keep pushing for progress on the work that I believe still needs to be done. Fixing a broken immigration system. (Applause.) Protecting **our kids** from gun violence» («И я буду продолжать прилагать усилия к тому, чтобы работа, которая, я верю, должна быть сделана, была сделана. Работа по налаживанию сломанной иммиграционной системы. (Аплодисменты). Защита наших детей от насилия с применением огнестрельного оружия»)* [Peters].

Также Президент верит в необходимость дать образование всем американским детям:

*«We should recruit and support more great teachers for **our kids**» («Мы должны нанимать и поддерживать больше отличных учителей для наших детей»)* [Peters].

Б. Обама также заявляет о потребности в переходе к новым источникам энергии, сохраняя планету для «наших детей и правнуков»:

*«Now we've got to accelerate the transition away from old, dirtier energy sources. <...> Now, none of this is going to happen overnight. And, yes, there are plenty of entrenched interests who want to protect the status quo. But the jobs we'll create, the money we'll save, the planet we'll preserve — that is the kind of future **our kids and our grandkids** deserve» («Сейчас мы должны ускорить переход от старых, более грязных источников энергии. <...> Итак, ничто из этого не случится в одночасье. И, да, есть множество заинтересованных лиц, которые хотят сохранить существующее положение. Но рабочие места, которые мы создадим, деньги, которые мы сэкономим, планета, которую мы сохраним — это то будущее, которое заслуживают наши внуки и правнуки»).*

И далее:

*«When we lead nearly 200 nations to the most ambitious agreement in history to fight climate change, yes, that helps vulnerable countries, but it also protects **our kids**» («Когда мы ведем почти 200 стран к наиболее амбициозному соглашению по климату в истории, да, это помогает странам, которые наиболее уязвимы к изменениям климата, но это также защищает наших детей»)* [Peters].

Лейтмотивом всего выступления американского Президента звучит мысль о необходимости думать о будущем, о том наследии, которое оставит своим детям после себя нынешнее поколение американцев. В своем выступлении в 2015 г. Президент США обращается к популярному в риторике в настоящее время жанру рассказа и повествует о молодой американской семье (семье Бена и Ребекки), столкнувшейся с экономическими трудностями. В заключение своего рассказа Б. Обама цитирует письмо Ребекки:

“<...> we are a strong, tight-knit family who has made it through some very, very hard times.” («<...> мы сильная, сплоченная семья, которая смогла пережить очень, очень тяжелые времена») — и повторяет: *«We are a strong, tight-knit family who has made it through some very, very hard times. America, Rebekah and Ben's story is our story. They represent the millions who have worked hard and scrimped, and sacrificed and retooled» («Мы сильная, сплоченная семья, которая смогла пережить очень, очень тяжелые времена. Америка, история Ребекки и Бена — это наша история. Они представляют миллионы американцев, которые упорно трудятся и экономят, жертвуют чем-то и обучаются новым навыкам»)* [Peters].

Таким образом, история Ребекки и Бена становится историей Америки — повествованием о сильной, сплоченной «семье», которая противостоит всевозможным испытаниям. Прибегая к метафорическому концепту семьи, Президент США подчеркивает единство нации перед лицом трудностей. Эта идея становится еще более наглядной в конце выступления, в сильной коммуникативной позиции, когда Б. Обама повторяет мысль об американской нации как о сплоченной семье:

«I want them to grow up in a country where a young mom can sit down and write a letter to her President with a story that sums up these past six years: “<...>we are a strong, tight-knit family who’s made it through some very, very hard times.” My fellow Americans, we, too, are a strong, tight-knit family. We, too, have made it through some hard times» («Я хочу, чтобы они выросли в стране, где молодая мать может сесть и написать письмо Президенту, рассказав историю, которая подводит итог этим шести годам: «<...> мы сильная, сплоченная семья, которая смогла пережить очень, очень тяжелые времена». Сograждане, мы тоже — сильная, сплоченная семья. Мы тоже смогли пережить очень тяжелые времена») [Peters].

Итак, метафора семьи играет большую роль в тексте, позволяя Президенту США провести через весь текст мысль о единстве и сплоченности американской нации. Такое метафорическое описание отражает декларирование значимости семьи и семейных ценностей в американском социуме.

ВЫВОДЫ

Итак, заключая данное исследование, можно сказать, что политический дискурс, как и все ключевые компоненты функционирования языка в целом, не может не отражать протекание реальных изменений в мире. Важность политических процессов в жизни современного человека предопределяет необходимость их анализа с точки зрения языка, ибо язык отражает ту же значимость реальных процессов, которые происходят в жизни. Роль феномена семьи в жизни современного общества не может не быть репрезентирована и в языковых процессах. Она не может не использоваться и политическими лидерами как весомый компонент влияния на аудиторию, перед которой они выступают. Именно поэтому концепт «Семья» оказывается значимым в политическом дискурсе.

Исследование было посвящено ключевому концепту «Семья» и отражающей его концептосфере с коррелирующими компонентами и иллюстрацией последних на примере речей двух крупных политиков современности Д. Кэмерона и Б. Обамы. Проведенный анализ показал, что как в британской, так и в американской политической риторике концепт «Семья» и репрезентирующая его концептосфера представляют достаточно репрезентативную картину.

Вместе с тем материал выявил, что, детерминированная самой действительностью и ценностями, заложенными в американском и британском социумах, репрезентация концепта «Семья» и его компонентов оказалась несколько разной. Проведенный анализ показал, что в американской политической риторике концепт «Семья» и его корреляты описываются как относящиеся к внутреннему устройству страны, в то время как в британской политической риторике представлены и отношения Великобритании с ЕС и некоторыми странами Содружества. Лидер США делает акцент на членах семьи, принадлежащих к «immediate family» («ближайших родственниках»), в то время как политический лидер Великобритании предпочитает номинацию, отражающую членов семьи как «extended family» («ближних

и дальних родственников»). В данном случае «островная ментальность» британцев не становится препятствием к использованию концепта «Семья» в отношении стран Евросоюза, поскольку, как мы предполагаем, оно продиктовано желанием лидера Великобритании постулировать общность интересов европейских стран, что становится особенно важным накануне референдума о выходе Великобритании из ЕС («Brexit»). Отношения же со странами Содружества представлены как отношения с дальними родственниками, что объясняется географической удаленностью стран Содружества и желанием британцев сохранять дистанцию.

© Джиоева А.А., Стрельникова О.Ф.

Дата поступления: 8.06.2016

Дата принятия: 3.09.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Джиоева А.А. Англосаксонский менталитет сквозь призму английского языка. Москва: Изд-во Московского Университета, 2014 (в).
2. Джиоева А.А. (2014 а) Fundamentals of Political English. Moscow: Moscow University Press.
3. Джиоева А.А., Стрельникова О.Ф. Глобальность метафоры семья в политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016а. № 1. С. 83—90.
4. Джиоева А.А., Стрельникова О.Ф. Универсальное и этноспецифичное в языковой репрезентации концепта семьи (на материале английского языка) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016 (в). № 3. С. 23—29.
5. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.
6. Карасик В.И. Этноспецифичные концепты // Иная ментальность. Москва: Гнозис, 2005. С. 8—100.
7. British Political Speech. Режим доступа: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm> Дата обращения: 30.05.16.
8. PM speech on the UK's strength and security in the EU: 9 May 2016. Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-on-the-uks-strength-and-security-in-the-eu-9-may-2016> Дата обращения: 30.05.16.
9. Peters G. State of the Union Addresses and Messages. Режим доступа: <http://www.presidency.ucsb.edu/sou.php> Дата обращения: 30.05.16.

УДК: 811.111'276.6:32.019.51

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-377-383

THE METAPHORICAL REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF FAMILY IN ENGLISH POLITICAL DISCOURSE AS A REFLECTION OF REAL PROCESSES IN THE WORLD

Alecia A. Jioeva¹, Olga F. Strelnikova²

¹Moscow State University n.a. M.V. Lomonosov
Leninskiye Gory, 1, Moscow, Russia, 119991
Alecia28@yandex.ru

²Moscow State Institute of Foreign Affairs (University), MFA, RF
Vernadsky ave., 76, Moscow, Russia, 119454
strelnikova.olgastrelnikova@gmail.com

Abstract. The article deals with the features of the functioning of the metaphorical concept “Family” and reflects its conceptosphere with the correlating components in British and American political rhetoric.

An analysis of the speeches of the political leaders of Britain and the United States reveals that the representation of the concept “Family” and its components, determined by the very reality and values laid down in the American and British societies, turns out to be somewhat different. American political rhetoric represents the concept of the “Family” and its correlates as relating to the internal structure of the country, while British political rhetoric includes, among other things, an illustration of relations between the UK and the EU and some countries of the Commonwealth.

Key words: concept “Family”; Family metaphor; Political rhetoric

REFERENCES

1. Dzhioeva, A.A. (2014). *Anglo-Saxon mentality through the prism of the English language*. Moscow: Moscow University Press. (in Russ).
2. Dzhioeva, A.A. (2014 a). *Fundamentals of Political English*. Moscow: Moscow University Press. (in Russ).
3. Dzhioeva, A.A. & Strelnikova, O.F. (2016). Globality of the metaphor of family in political discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 1, 83—90. (in Russ).
4. Dzhioeva, A.A. & Strelnikova O.F. (2016). Universal and ethnospecific in language representation of the concept of family (based on the material of the English language. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 1, 23—29. (in Russ).
5. Larina, T.V. (2009). *The category of politeness and the style of communication: comparison of English and Russian linguistic cultural traditions*. Moscow: Handwritten monuments of ancient Russia. (in Russ).
6. Karasik, V.I. (2005). Ethno-specific concepts. In: Karasik, V.I. & Prokhvacheva, O.G. *The other mentality*. Moscow: Gnosis. p. 8—100. (in Russ).
7. *British Political Speech*. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm> (accessed: 30.05.16)
8. *PM speech on the UK's strength and security in the EU: 9 May 2016*. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-on-the-uks-strength-and-security-in-the-eu-9-may-2016> (accessed: 16.04.16)
9. Peters, G. *State of the Union Addresses and Messages*. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/sou.php> (accessed: 03.05.16)

Сведения об авторе:

Джюева Алеся Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова; *e-mail*: Alecia28@yandex.ru.

Стрельникова Ольга Федоровна, преподаватель кафедры английского языка No 1, аспирант кафедры по специальности 10.02.04 — германские языки МГИМО(У) МИД России; *e-mail*: strelnikova.olgastrelnikova@gmail.com

Bio Note:

Jioeva Alecia Alexandrovna, Doctor of Philology, Full Professor, Professor of UNESCO Chair on Global Problems, Faculty of Global Processes, Lomonosov Moscow State University, Interests theory, practice and linguodidactics of translation, linguistic philosophy of translation, typology, comparativistics, germanistics; *e-mail*: Alecia28@yandex.ru.

Strelnikova Olga Fedorovna, Lecturer at English Language Department No. 1, Graduate student of the department on specialty 10.02.04 — Germanic languages MGIMO (U) Ministry of Foreign Affairs of Russia; *e-mail*: strelnikova.olgastrelnikova@gmail.com

УДК: 811.161.1:17:130.2

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-384-393

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЦЕННОСТИ «СВОБОДА» В ОБЩЕСТВЕННОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Э.Х. Жамалетдинова

Институт языкознания РАН

Б. Кисловский пер., д. 1-1, Москва, Россия, 125009

khamitovich@gmail.com

Статья рассматривает содержание общечеловеческой ценности «свобода» в официальном и обыденном общественном языковом сознании носителей русской культуры. Представлены результаты анализа репрезентации ценности «свобода» на официальном и обыденном уровне общественного сознания. С целью изучения репрезентации ценности «свобода» на обоих уровнях общественного сознания анализируется материал энциклопедических и лексикографических источников, корпусного и паремиологического фондов, а также данных ассоциативного и психосемантического экспериментов. Данное исследование основывается на теории деятельностного подхода, разработанного Московской школой психолингвистики, и триангуляционном подходе В.А. Янчука. Триангуляционный подход учитывает данные различных областей знания, а также позволяет применять разнообразные методики для достижения оптимальных результатов исследований. На основании результатов проведенной работы делается вывод о том, что на обыденном уровне общественного сознания ценность *свобода* употребляется в более разнообразных значениях, чем на официальном. Данный факт свидетельствует об операциональном характере исследуемой ценности. Методика исследования ценности «свобода» может использоваться для изучения репрезентации различных ценностей и понятий в языковом сознании носителей как русской, так и других национальных культур.

Ключевые слова: ценность, свобода, языковое сознание, компонентно-дефиниционный анализ, ассоциативный эксперимент, психосемантический эксперимент

ВВЕДЕНИЕ

В рамках исследования содержания ценности «свобода» в русском языковом общественном сознании проведен компонентно-дефиниционный анализ определенных из энциклопедических и лексикографических источников, паремиологического и корпусного фондов текстов русского языка и русского ассоциативного словаря, а также материалов психосемантического эксперимента. Дефиниции из энциклопедических источников представляют официальное общественное сознание. Дефиниции из лексикографических источников мы относим к промежуточному уровню общественного сознания. Пословицы и поговорки, тексты из корпуса русского языка, РАС (русский ассоциативный словарь), данные психосемантического эксперимента представляют обыденное общественное сознание. Результаты анализа различных источников представляют полную картину содержания ценности на официальном и обыденном уровнях национального сознания.

Понятие *свобода* воспринимается неоднозначно и в зависимости от контекста может трактоваться как ценность и антиценность. В широком плане понятие *свобода* означает отсутствие ограничений и принуждений (см. толковые словари русского языка Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова, А.П. Евгеньевой). *Свобода* также сопряжена с понятием выбора. Для субъекта термин *свобода* скорее трактуется как наличие выбора альтернативных действий.

В социальном плане гражданин имеет *свободу*, которую гарантирует ему государство и общественные институты, а также другие граждане, соблюдая права друг друга и выполняя свои обязанности. Данная *свобода* объективируется в так называемых гражданских, или либеральных, свободах. *Свобода* в социальном плане во многом соотносится с нравственной *свободой*. Последняя обнаруживает себя в том, как принимаются решения и какие действия совершаются согласно этим решениям. Например, для Н.А. Бердяева, который рассматривает свободу в религиозном смысле, она связана с добром, благодатью, истиной, которые можно обрести, только находясь в лоне Церкви [Бердяев URL: <http://predanie.ru/berdyayev-nikolay-aleksandrovich/book/69721-filosofiya-svobody/>].

Также *свобода* может являться отрицательной характеристикой действия, когда мы говорим о неподчинении закону, своеволии. Отрицательная *свобода* проявляется в безответственности, равнодушии, эгоизме, анархии [НФС 2010 Т. 3: 560]. Например, В.В. Розанов пишет, что *свобода* не желаемая никем: «От „свободы“ все бегут: работник — к занятости, человек — к должности, женщина — к мужу. Всякий — к чему-нибудь» [Розанов 2001: 226].

По мнению В.Э. Багдасаряна и С.С. Сулакшина, *свобода* не является самодостаточной категорией. На определение *свободы* влияет система запретов, существующая в обществе. Таким образом, освобождение от запретов означает дестабилизацию общества и является губительным для него, т.к. дестабилизация общественных нормативов ведет к возвращению первобытного состояния. Авторы указывают, что в смутные времена в России свобода, т.е. освобождение от запретов, сопровождалась падением нравственности. Например, во время перестройки отмечался высокий рост преступности [Сулакшин, Багдасарян 2013: 105—108].

АНАЛИЗ ЦЕННОСТИ «СВОБОДА» НА ОФИЦИАЛЬНОМ УРОВНЕ ЯЗЫКОВОГО ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

На основе анализа дефиниций из «Философской энциклопедии», «Новой философской энциклопедии», «Новейшего философского словаря» и «Большой психологической энциклопедии» мы выделили следующие семантические компоненты ценности *свобода*: *отсутствие ограничений и стеснений* (отсутствие ограничений может интерпретироваться в разных аспектах: в политическом означает возможность беспрепятственно действовать в общественно-политической жизни; возможность свободно передвигаться, т.е. отсутствие неволи); *личная независимость* (возможность располагать собой по собственному усмотрению); *государственная независимость* (суверенитет страны); *легкость* (отсутствие затруднений в действиях, движении, речи и т.п.); *простор* (физически не занятое ничем место);

самоволие (положительная характеристика *свободы*; личное решение совершать какие-л. действия, опираясь на политические и нравственные законы); *своеволие* (отрицательная характеристика *свободы*; неподчинение никакому порядку).

АНАЛИЗ ЦЕННОСТИ «СВОБОДА» НА ПРОМЕЖУТОЧНОМ УРОВНЕ ЯЗЫКОВОГО ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

По нашему мнению, дефиниции толковых словарей русского языка репрезентуют обыденное общественное языковое сознание, обработанное научным методом. Следовательно, семантические компоненты, выделенные из данных дефиниций, не могут быть отнесены строго к одному из уровней. В связи с этим мы выделяем промежуточный уровень языкового сознания.

В толковых словарях русского языка *свобода* определяется как «положение, при котором отсутствуют ограничения, связывающие общественно-политическую жизнь и деятельность какого-л. класса или всего общества», «возможность беспрепятственно и без принуждения действовать», «отсутствие зависимости».

На основе анализа дефиниций мы выделили следующие семантические компоненты: *отсутствие ограничений и стеснений*; *возможность беспрепятственно действовать в политике* (деятельность может осуществляться в рамках политических законов и норм); *отсутствие зависимости от кого-л. или чего-л.* (на действия субъекта не налагается никаких ограничений); *нахождение не в тюрьме* (синонимичной фразой является «нахождение на воле», т.е. в незакрытом пространстве с возможностью передвигаться в любом направлении и на любые расстояния); *государственная независимость* (самостоятельность страны, отсутствие политической, экономической, культурной, и любой другой подчиненности); *легкость* (непринужденность в действиях, движениях, речи); *простор* (пространственный компонент ценности *свобода*; раздолье); *незанятое время* (период времени, которым субъект распоряжается по своему усмотрению).

АНАЛИЗ ЦЕННОСТИ «СВОБОДА» НА ОБЫДЕННОМ УРОВНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Анализ ценности *свобода* на обыденном уровне общественного сознания представляет собой комплекс методов исследования и состоит из четырех частей: анализ значений ценности *свобода* в корпусном фонде русского языка, в пареомилоническом фонде русского языка, анализ словарной статьи из Русского ассоциативного словаря и материалов психосемантического эксперимента.

С целью расширения представления о значениях ценности *свобода*, используемых носителями русской культуры, нами исследованы тексты из корпусного фонда русского языка. Мы проанализировали 117 текстов из форумов, блогов и социальных сетей, представленных в обыденно-бытовом подкорпусе корпусного фонда текстов русского языка и относящихся к периоду 2004—2012 гг.

Данные примеры, по нашему мнению, репрезентуют восприятие ценности *свобода* обыденным общественным сознанием, т.к. изученные высказывания принадлежат рядовым представителям социума. В результате мы выделили следу-

ющие семантические компоненты значения ценности *свобода*: *легкость, непринужденность; личная независимость; отсутствие ограничений и стеснений; гражданское право; простор; самоволие; своеволие; отсутствие контроля; неординарный подход к чему-л.; неограниченность в передвижении; отсутствие обязательств; возможность самостоятельно принимать решения; возможность беспрепятственно действовать в политике.*

В результате анализа контекстного употребления понятия *свобода* в обиходно-бытовой сфере мы выяснили, что практически все значения, выделенные из энциклопедических и лексикографических источниках, также используются в данной сфере. Стоит отметить, что в связи с ситуативностью значения, репрезентующие обыденное общественное языковое сознание, более дифференцированы, хотя в широком смысле могут быть сведены к первому значению ценности *свобода* — отсутствие ограничений и стеснений. Нами было выделено семь дополнительных семантических компонентов, расширяющих значение ценности *свобода*: *гражданское право, отсутствие контроля, неординарный подход к чему-л., отсутствие физических затруднений для каких-л. действий; неограниченность в передвижении; отсутствие обязательств; возможность самостоятельно принимать решения.*

Значение *свободы* как гражданского права в обыденном общественном языковом сознании репрезентовано в первую очередь словосочетанием *свобода слова*. Следующим по употребляемости является словосочетание *свобода выбора*, которое используется не только в экономическом смысле (свободное право собственника использовать по своему усмотрению имеющиеся ресурсы и деньги), но чаще в моральном, как возможность реализовать любое свое желание.

На следующем этапе исследования содержания ценности *свобода* в обыденном общественном языковом сознании мы проанализировали 100 русских пословиц и поговорок. Анализ паремий позволяет выявить особенности восприятия той или иной ценности обыденным общественным сознанием, а также обнаружить фундаментальные элементы менталитета. В пословицах и поговорках характеристика определенного явления представлена в сжатом, концентрированном виде, что придает паремиям большую выразительную силу. Они основаны на многолетнем опыте народа, что делает их универсальными.

В большинстве пословиц и поговорок используется не слово *свобода*, а его синоним *воля*. Многие исследователи, рассматривающие проблему понятия *свободы*, сопоставляют его с понятием *воля* и даже противопоставляют их (А. Вежицкая, Н.Д. Арутюнова, Н.Н. Петровых, И.В. Андреева, О.С. Егорова, О.А. Кириллова, М.Л. Можейко). Основной смысл сравнения *свободы* и *воли* сводится к тому, что *свобода* ограничена извне законами, нормами; она объективна; связана с модальностью необходимости; является состоянием социума. *Воля* субъективна; связана с модальностью желания; стремится переступить границы; является индивидуальным состоянием; имеет пространственный или природный компонент [Вежицкая 1999: 457; Арутюнова 2003: 73—77; 91—94].

Поговорки, в которых непосредственно упоминается слово *свобода*, составляют меньшинство и созданы в советский период. Примерами данных пословиц

могут быть следующие: *Наши народы не отдадут свободы; За советскую нашу свободу — в огонь и в воду.*

В результате анализа паремий, связанных с ценностью *свобода*, нами выделены следующие категории.

Пословицы из категории «воля как опасность» в основном выражают идею того, что полное несоблюдение условий и ограничений может привести к потере воли. Данные пословицы звучат как предупреждение об опасности, что для неразумного и своевольного человека отсутствие какого-л. контроля обернется неприятными последствиями (*Своя воля страшной неволи; дураку дай волю — заплачешься*).

В категории «воля как безнравственное состояние» пословицы представляют волю как отрицательную характеристику, связанную с безнравственным образом жизни (*Заниматься волюю — распутничать; что хочу — то и ворочу*).

В категории «ценность воли» воля представлена как положительное явление; то, что нужно беречь. Ценность воли проявляется в том, что самостоятельная работа и ответственность за свои дела приводит к успешным результатам, отсутствие каких-л. ограничений ценнее, чем богатство или какие-л. выгодные условия (*Воля и труд дивные всходы дают; воля птичке дорожке золотой клетки*).

В категории «условность воли» представлены пословицы, которые показывают волю как явление, зависящее от разных обстоятельств. Возможность действовать по своему усмотрению ставится выше, чем неблагоприятные условия (*Серо, серо, да волюшка своя; спела б и рыбка песенку, когда б голос был*).

В категории «неволя как несчастье» неволя представлена как ограничение чьих-л. действий, что вызывает негативную реакцию (*Вольной корове хлеб — беда; в неволи нет счастливой доли*).

Пословицы категории «безусловность воли» описывают ситуации, в которых действия совершаются по чьему-л. личному усмотрению, независимо от условий или ограничений (*Вольному — воля; своя рука владыка*).

В поговорках категории «воля как освобождение» воля рассматривается как возможность какого-л. действия, которое было невозможно совершить некоторое время, из-за чего сложилось некоторое напряжение (*Дать волю рукам/слезам/языку*).

По результатам анализа мы можем заключить, что в обыденном сознании носителей русской культуры *свобода* ассоциирована с *волей*. Понятие *воля* теснее связано с повседневной жизнью и бытом русского человека. Восприятие *воли* противоречиво, т.е. состояние воли приветствуется, однако к нему же относятся с опаской и сомнением, ожидая неприятных последствий, например наказания.

Наряду с понятием *воля* в русских пословицах используют понятие *неволя*. К данному состоянию существует только негативное отношение, как к беде или несчастью. Однако воля и неволя во многих паремиях представлены как неотъемлемые части друг друга.

Слово *свобода* практически отсутствует в русских паремиях, возможно по причине употребления в формальном дискурсе, например, политическом и социальном, описывающем отношение народа и власти.

Словарная статья из Русского ассоциативного словаря репрезентуют обыденное общественное сознание с помощью реакций на стимул *свобода*. Нами проанализированы 369 наиболее частотных реакций.

Словарная статья СВОБОДА (РАС)

Слово/слова 112; выбор/выбора 30; жизнь 24; воля/воли 21; счастье 16; независимость 15; равенство 11; полет, полная 10; совести, тюрьма 9; птица, человек 8; действий, мысли 7; личность 6; поле 5; анархия, ветер, демократия, мир, простор, статуя 4; воздух, Кипелов, Куба, моя, площадь, рай 3; *freedom*, во всем, дорога, каникулы, крылья, личная, народ, небо, улица, флаг, ответственность, прекрасно, радость, Родина 2.

Реакции из словарной статьи *свобода* позволяют выделить следующие семантические категории *гражданские свободы* (слова, выбора, совести, действий, мысли); *положительная эмоциональная оценка* (счастье, рай, прекрасно, радость); *синонимы слова свобода* (жизнь, воля, независимость); *прецедентные имена, названия и выражения* (равенство, Кипелов, Куба); *степень свободы* (полная, личная); *пространственный компонент* (площадь, дорога, каникулы, улица); *политический строй* (анархия, демократия); *антонимы* (тюрьма), *символы* (птица, статуя, флаг, крылья), *метафоры* (полет, ветер, поле, мир, простор, воздух, небо).

По мнению Н.Д. Арутюновой, *свобода* объективна, т.к. ограничена законами и нормами, и конкретизируется через общее указание на область действия, например, *свобода слова* [Арутюнова 2003: 91—94].

Арутюнова Н.Д. пишет, что понятия *свобода* и *воля* семантически то сближались, то отдалялись. Как было сказано выше, *свобода* объективна, а *воля* субъективна. Различие данных понятий заключается в разных модальностях: *свобода* связана с модальностью необходимости, тогда как *воля* — с модальностью желания [Арутюнова 2003: 73—77].

В категории *символы* реакция *птица* — универсальный символ свободы, связанный с отделением духовного от земного, души от тела. Реакция *крылья* также связана с предыдущей реакцией, т.к. вызывает ассоциацию с птицей. Реакция *статуя* связана со статуей Свободы в США.

В категории *метафоры свободы* исследуемая ценность ассоциирована со стихией (*ветер, воздух*), с движением (*полет*), с безграничными пространствами (*мир, простор*).

В РАС отсутствуют негативные реакции на стимул *свобода*. Зато разнообразно представлены положительные реакции. А. Вежицкая полагает, что *свобода* предполагает ощущение счастья, вызываемого отсутствием какого-л. давления или ощущения внешнего принуждения [Вежицкая 1999: 455].

В категории *прецедентные имена, названия и выражения* реакции *равенство* и *братство* даны под влиянием девиза французской революции «Свобода, равенство и братство», заимствованного русскими революционерами начала XX в. Реакция *Свобода пугаям* заимствована из мультфильма «Попугай Кеша» и выражает ироничное отношение к свободе. Реакция *Кипелов* связана с песней «Я свободен» группы «Кипелов». Реакция *Куба* связана с тем, что Кубу считают островом Свободы.

В категории *политический строй* реакция *анархия* связывается с безначалием, произволом и своеволием. Реакция *демократия* связана с определением *свободы* как гражданского права.

В категории *пространственный компонент* данные реакции объективируют значение *свободы* как возможности физически свободно передвигаться. Реакция *каникулы* характеризует период, когда отсутствуют внешнее давление и ограничения, связанные с учебой.

В обыденном общественном сознании ценность *свобода* представлена разносторонне. Кроме сильно выраженного политического компонента, также четко представлены символический, метафорический и пространственный компоненты. Данный факт свидетельствует о том, что ценность *свобода* воспринимается с идеальной точки зрения, как самодостаточное понятие, связанное с возможностью передвигаться свободно физически и не испытывать психологического затруднения для самореализации. Ценность *свобода* имеет положительную коннотацию и связана с ощущением счастья. Наиболее широкой категорией является категория *гражданские свободы*. А. Вежбицкая предполагает, что понятие *свобода* связано с политической историей страны: деспотизмом царей, отсутствием демократических структур и действенной правовой системой [Вежбицкая 2003: 458].

Завершающим этапом исследования содержания ценности *свобода* является анализ результатов психосемантического эксперимента, которые представлены деревом кластеризации (дендрограммой) (рис.).

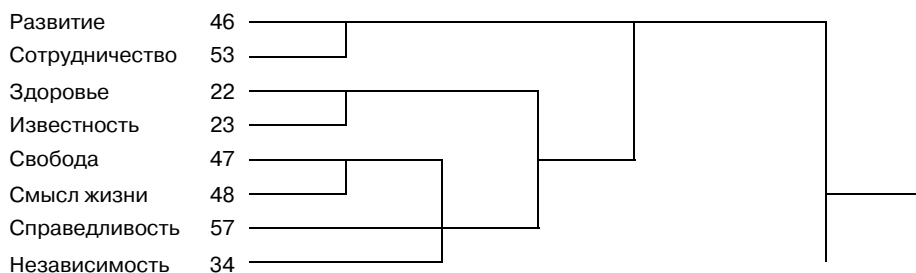

Рис. Дерево кластеризации

В дендрограмме ценность *свобода* входит в один кластер с ценностью *смысл жизни*. Согласно словарной статье РАС *смысл жизни* самыми частотными реакциями на данный стимул являются *семья 55; любовь 35; дети 29; цель 22; работа, счастье 17*. Данные реакции позволяют заключить, что ценность *смысл жизни* в первую очередь связана с личной жизнью человека.

Данный кластер на следующем шаге связан с кластером *справедливость—независимость*. В статье РАС самыми частотными реакциями на стимул *справедливость* являются *честность 36; правда, равенство 19; закон 18; суд 13*, что позволяет отнести данную ценность к группе универсальных (честность, правда) и государственных (равенство, закон, суд) ценностей.

Наиболее частотными реакциями на стимул *независимость* являются *свобода* 54; *самостоятельность* 26; *сила, одиночество* 17; *ответственность* 11. Данные реакции позволяют отнести *независимость* к группе универсальных ценностей.

Для интерпретации данных дендрограммы мы обратились к социологическим исследованиям «Молодежь России», «Постсоветский человек», опросам Левада-центра и работам сотрудников Института социологии РАН. На основе данных перечисленных источников удалось выяснить, что граждане России считают наиболее важным правом право на социальное обеспечение. Молодежи свойственно более явное стремление к гражданским свободам, поэтому наряду с гарантиями соцобеспечения для них важными являются право на жизнь, неприкосновенность личной жизни, жилища, свободы слова. Более образованная и обеспеченная часть молодежи подчеркивает значимость гражданских свобод, тогда как для менее образованной части молодежи большую роль играют гарантии со стороны государства, т.е. права на соцобеспечение [Гудков и др. 2011: 4; 75—77].

В целом для русского сознания ценность *свобода* тесно связана с ценностью *справедливость*. Справедливость воспринимается не только рационально, но и эмоционально. И.В. Андреева пишет, что русское сознание ставит справедливость выше закона, т.к. закон всегда скомпрометирован. Ироничное и скептическое отношение к закону выражается пословицей «Закон что дышло: куда повернешь, туда и вышло» [Андреева 2007]. Большинство представителей среднего и старшего возраста скептически относятся и к организации, устанавливающей справедливость, к суду [Гудков и др. 2011: 48].

Ценность *справедливость* в сознании русских объективируется образом справедливого государства, т.е. государства, гарантирующего социальную справедливость. По мнению граждан России, справедливое государство должно обеспечивать социальные гарантии на медицинское обслуживание, образование, пенсии, безопасность.

Идеальное представление о социальном государстве состоит в том, что справедливые и равные условия для жизни и развития граждан порождают ощущение свободы, что в свою очередь способствует согласию между гражданами и властью и может стимулировать их сотрудничество.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ценность *свобода* характеризуется многогранностью, т.к. ее содержание может различно трактоваться, она проявляется в разной степени и реализуется разными способами. Свобода в целом связана с удовлетворением интересов на всех уровнях человеческой жизни: личной, политической, социально-экономической, культурной и духовной.

В законодательном поле свобода связана с правами и регулируется с помощью документов международного права, конституции государства и нормативных документов всех отраслей внутреннего государственного права. Согласно Конституции РФ основные права и свободы неотчуждаемы и присущи каждому

гражданину от рождения [Конституция РФ URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm>].

Стоит отметить, что две другие ценности на древе кластеризации — *смысл жизни и независимость*, — расположены также близко к ценности *свобода*. Данная ситуация может быть интерпретирована так, что ценность *свобода* имеет скорее личностную значимость, о чем свидетельствуют, например, реакции на стимул *независимость* (самостоятельность, одиночество) и *смысл жизни* (семья, любовь).

Ценность *смысла жизни* связана с внутренней потребностью человека в реализации самого главного в жизни, которая также соотносится с целью жизни. Реакции на стимул *смысл жизни* выражают отношение к данной ценности не как к глобальному служению высшим ценностям русского народа, а как служение именно личным потребностям создания семьи и обеспечения ее благосостояния.

Мы можем заключить, что ценность *свобода* в общественном языковом сознании носителей русской культуры функционирует как абсолютная духовная ценность и как операциональная ценность, связанная с решением конкретных жизненных задач и удовлетворением собственных интересов.

© Жамалетдинова Э.Х.

Дата поступления: 23.01.2017

Дата принятия: 3.02.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андреева И.В. Концепты «свобода», «справедливость», «закон», «родина» в картине мира русских и американцев // Вопросы культурологии. 2007. № 4. С. 11—14.
2. Арутюнова Н.Д. Воля и свобода в кн. Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка. Москва: Индрик, 2003. С. 73—99.
3. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. Режим доступа: <http://predanie.ru/berdyayev-nikolay-aleksandrovich/book/69721-filosofiya-svobody> Дата обращения: 12.11.2016.
4. Вежищкая А. Семантические универсалии и описание языков. Москва: Языки русской культуры, 1999.
5. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Молодежь России. Москва: Московская школа политических исследований, 2011.
6. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Постсоветский человек и гражданское общество. Москва: Московская школа, 2011.
7. Конституция Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.constitution.ru>. Дата обращения: 12.11.2016.
8. Новейший философский словарь под ред. А.А. Грицанова. Москва, 2003.
9. Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru>. Дата обращения: 16.01.2017.
10. Розанов В.В. Опавшие листья. Короб второй, и последний. Москва, 2001.
11. Сулакишин С.С., Багдасарян В.Э. Высшие ценности Российского государства: монография. Москва, 2013.

УДК: 811.161.1:17:130.2

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-384-393

THE REPRESENTATION OF UNIVERSAL MORAL VALUE “FREEDOM” IN LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN CULTURE BEARERS

E.Kh. Zhamaletdinova

The institute of Linguistics of the Academy of Sciences of Russia
B. Kislovsky per., 1, bldg 1, Moscow, Russia, 125009
khamitovich@gmail.com

Abstract. This paper examines the meaning of universal moral value “freedom” reflected in linguistic consciousness of Russian culture-bearers. It contains the results of the analysis of the way the value is represented on official and common levels of consciousness. Within the framework of the research on the official level of consciousness the data of encyclopedic dictionaries is analysed. That aims to reflect the scientific worldview of Russian culture-bearers. Their everyday worldview is revealed through the analysis of the data of lexicographical literature, Russian text corpus, paroemiological fund as well as the results of associative and psycho-semantic experiments. The methodology of the research is based on the theory of activity approach elaborated by Moscow psycholinguistic School and the triangulation approach designed by V.A. Yanchuk. The latter approach allows to integrate knowledge of different layers and the methodology aiming at obtaining the most precise findings. The results of the given research shows the variety of meanings of the value “freedom” used on the common level of consciousness. That indicates the practical attitude to the value considered in the perception of the Russians. The methods of the analysis has a great potential for further research of different notions.

Key words: value, freedom, linguistic consciousness, component-definitional analysis, associative, experiment, psycho-semantic experiment

REFERENCES

1. Andreeva, I.V. (2007). The Concepts of Freedom, Fairness, Law, Motherland in the World view of the Russians and Americans. *Issues of Culturology*, 4, 11—14. (in Russ).
2. Arutyunova, N.D. (2003). Will and Freedom. Logic Analysis of Language In: *Space and chaos: conceptual fields of order and disorder*. Moscow: Indrik. p. 73—99. (In Russ).
3. Berdjaev, N.A. *The Philosophy of Freedom. The Sense of Creative Work*. URL: <http://predanie.ru/berdyaev-nikolay-aleksandrovich/book/69721-filosofiya-svobody> (accessed: 12.11.2016). (in Russ).
4. Vezhbitskaya, A. (1999). *Semantic Universals and Description of Languages*. Moscow: LRC Publishing House. (in Russ).
5. Gudkov, L.D., Dubin, B.V. & Zorkaja, N.A. (2011). *The Youth of Russia*. Moscow: Moscow School of Political Studies. (in Russ).
6. Gudkov, L.D., Dubin, B.V. & Zorkaja, N.A. (2011). *Post Soviet Man and Civil Society*. Moscow: The Moscow School. (in Russ).
7. *The Constitution of the Russian Federation*. (1993). URL: <http://www.constitution.ru/> (accessed: 12.11.2016).
8. Gritsanov, A.A. (Ed.). (2003). *The Newest Philosophical Dictionary*. Minsk: Knizhnyi Dom. (in Russ).
9. *Russian National Corpus*. URL: <http://ruscorpora.ru/> (accessed: 16.01.2017).
10. Rozanov, V.V. (2001). *Fallen leaves. A second box and the last one*. Moscow. (in Russ).
11. Sulakshin, S.S. & Bagdasaryan, V.E. (2013). *Supreme Values of the Russian State*. Moscow. (in Russ).

УДК: 81.23:130.2

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-394-402

СОВОКУПНОСТЬ СРЕДСТВ ВЕРБАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТОВ

М.Н. Федулова

Военный университет МО
ул. Б. Садовая, 14, Москва, Россия, 111033
mfedulova@mail.ru

В статье рассматриваются условия и процесс рождения концептов, средств их вербального воплощения. Автор имеет цель доказать, что концепт — это не форма мысли, это некое ассоциативное ментальное образование, активизируемое в формах мыслительной деятельности. Появление и движение мысли возможны при условии обличения ее в определенную словесную форму — в форму вербального воплощения. Различные формы вербализации мысли (умозаключение, суждение, понятие) обязательной своей частью имеют концептуальную часть (концепт), формирование которой начинается с познавательной деятельности, которая имеет этап категоризации и концептуализации и заканчивается вербальным воплощением. При наличии определенных дискурсивных условий этот процесс всегда встречный, то есть от познавательной деятельности мы идем к вербальному воплощению и от вербального воплощения — к познавательной деятельности. Автор полагает, что масштаб и форма вербального воплощения концепта в этом процессе могут быть различными: от слова к тексту и, наоборот, слово может стать синонимом текста.

Ключевые слова: концепт, смысл, концептуализация, категоризация, вербализация концепта, легализация, легитимность

ВСТУПЛЕНИЕ

Современная когнитивная наука рассматривает концепты как базовые ментальные образования, служащие критериями познания, объяснения и оценки явлений мира [6—10, и др.]. Имея статус социокультурного регулятора в аспекте своих коммуникативных проявлений, концепт требует вербализации в речи и в языке, становясь определяющим фактором категоризации языковых значений, условием существования языковой картины мира, определяет уровень восприятия мира. Человек не только выражает свои мысли при помощи готовых вербальных форм, но и мыслит определенными моделями, познает посредством операций с концептами мир, в котором он живет, стремится в процессе коммуникативной деятельности преобразовать существующую в сознании адресата картину мира.

При всей своей культурной, коммуникативной и познавательной значимости концепт не может рассматриваться как некая готовая единица операционального уровня — аналогично единицам предметной семантики фактических речевых обозначений. Смысл (концепт) как таковой не имеет собственной формы, но находит таковую в предметном обозначении. Смысл (концепт) становится реальностью в предметном обозначении, существует и осуществляется в материальной оболочке языка. Через язык смысл становится действительным, доступным для восприятия. «На „духе“ с самого начала лежит проклятие — быть „отягощенным“ материей...» [5. С. 448, 29].

Материальность мысли следует понимать не только буквально — как некую внешнюю выразительную данность. Непосредственно материальность мысли реализуется через ее предметность — через фактическое представление объекта в знаке. Предметное обозначение (или совокупность таковых) становится формой реализации концепта в речи и формой его вербального закрепления в языке.

Мысль облекается в материальную, словесную форму не только тогда, когда мы говорим или пишем, но и когда мы думаем. Форма мысли — понятие, суждение, умозаключение. Понятие — это одна из форм мысли. Само понятие имеет концептуальную часть и формальную часть — объем (границы мысли). Концепт же — это не форма мысли, это некое ассоциативное ментальное образование, активизируемое в формах речемыслительной деятельности.

Передавая и воспринимая информацию, человек осмысливает ее на основе значимых концептов. Формируемая при помощи языковых средств картина мира получает смысловую значимость. В свою очередь концептуальная сторона относительно картины мира получает семантическое развитие, внутреннюю дифференциацию.

Вербализация концептов осуществляется разными путями в различных типах дискурсов: в одних, например, бытовом дискурсе, существуют по преимуществу точные соотношения между лексическим и концептуальным полями (слово — концепт); в других дискурсах, бытийном художественном нарративе, бытийном публичном, институциональном научном, эти отношения гораздо более сложные, так как для них характерна изосемия — один концепт может выражаться на лексическом уровне несколькими единицами, а также может быть эксплицирован и собственно грамматическими (синтаксическими) средствами, при этом одновременно одна лексическая единица может одновременно иметь отношение к нескольким различным концептам.

Процессы вербализации и соответствий между языковыми и речевыми единицами и концептами непрерывны: постоянно формируются новые отношения и соотношения, что можно проиллюстрировать примером известного французского ученого Э. Бенвениста, который на примере двух омонимов убедительно показывает, каким образом происходит формирование, развитие и трансформация новых концептов и новых отношений между смысловыми, языковыми и речевыми единицами. Во французском языке есть два глагола *voler* — *voler* «летать» и *voler* «красть». «Сосуществование этих двух глаголов не должно, однако, вызывать у лингвиста желания совместить их в маловероятном единстве» [1. С. 333]. Глагол в значении «летать» входит в обширное семантическое поле (ряд) — *voleter* «порхать», *s'envoler* «улетать», *volatile* «летучий», *volaille* «домашняя птица» и т.д., в то время как глагол в значении «красть» дает лишь одно производное — *voleur* «вор». Уже одно это ограничение заставляет предположить, что *voler* «красть» восходит к какому-то специальному употреблению первого глагола — «летать». Условием такого употребления явился бы такой контекст, где первый глагол, «летать», мог бы быть употреблен в переходной конструкции. Такой контекст действительно обнаруживается в языке — и одновременно в ритуале — соколиной охоты: *le faucon vole la perdrix* букв. «сокол летит куропатку», т.е. «сокол {летит

и ловит} куропатку». Таким образом, именно этот контекст, текст, ритуал, концептуализированная область, где понятия «лететь» и «хватать, похищать» совмещаются, а соответствующая лексема, *voler*, распадается на две — *voler* ‘лететь’ и *voler* ‘похищать, красть’. Пример Э. Бенвениста показателен для развития языка на протяжении определенного исторического периода.

Концептуальные конфигурации в институциональных дискурсах развиваются и укрепляются постоянно, но несколько иным путем. Рассмотрим следующий пример:

1) Для более четкого уяснения природы государственной власти большое значение имеет правильное понимание ее легализации и легитимации. Еще М. Вебер заложил основы понимания государства как органа легализованного и легитимного насилия. В современной юриспруденции проводится определенное различие между этими терминами. **Легализация государственной власти** — это **юридическое провозглашение правомерности ее возникновения (установления)**, организации и деятельности. В обычных условиях легализация государственной власти осуществляется, прежде всего, **конституциями**, особенно если они принимаются на **референдуме**, как Конституция России 1993 г., легализовавшая ту государственную власть, которая сложилась после отстранения от власти коммунистической партии, фактического роспуска двухсоставного парламента (Съезда народных депутатов и Верховного Совета). Легализация может осуществляться также путем принятия конституции избранным **народом учредительным собранием** (например, в Италии в 1947 г.) или парламентом. Считается, что путем принятия конституции народ осуществляет учредительную власть — устанавливает основы общественного и государственного строя. Поэтому в последние десятилетия часто применяется двойное принятие конституции. Текст, обсужденный или принятый в парламенте, учредительным собранием, выносится затем на референдум (Греция в 1975 г., Польша в 1997 г. и др.). Такой способ обеспечивает наиболее полную конституционную **легализацию** (а при референдуме — и **легитимацию**) государственной власти. Конституции закрепляют основы общественного и государственного строя, порядок создания и систему органов государства, методы осуществления государственной власти, делая их легальными, законными. **Легализация** государственной власти, ее органов, их полномочий, порядка деятельности осуществляется также иными правовыми актами: **законами**, указами президента, постановлениями правительства, решениями судов [2. С. 43—44].

В представленном тексте его авторы не только вербализуют сложные концепты профессиональной области «юриспруденция»: **легализация и легитимация**. Это происходит следующим образом: сначала представляется лексема, представляющая данный концепт, затем приводится дефиниция, то есть словосочетание — **юридическое провозглашение правомерности ее возникновения (установления)**. Таким образом, происходит вербализация концепта на синтаксическом уровне. Затем происходит определение концептуальной области через указание на действующие связи внутри поля: поскольку речь идет об определенной идеальной области гуманитарного знания, то сначала приводятся концепты, связанные с определяемым метонимическими отношениями: **конституция, референдум, учредительное собрание, власть, государственная власть**; затем необходимо рассмотреть противо-

поставленные и смежные понятия. Подобный способ вербализации осуществляется одновременно с описанием концепта и предполагает использование привлечение концептуального поля. Научный концепт образует определенное целостное смысловое образование, которое объективируется на основании установления отношений в системе, номинации в системе языка, оперирования в профессиональном дискурсе. Средствами такой объективации могут выступать как слово, так и фразеологизм, словосочетание, структурная схема предложения и даже текст, если в нем раскрывается сущность какого-либо концепта. Синтаксические концепты являются довольно сложными для презентации и изучения, хотя некоторые из них, связанные с представлением модальных значений и выражений, получают не только широкое распространение, но и высокую значимость в различных типах дискурсов.

Лингвокогнитивная интерпретация механизмов взаимодействия концепта и вербальных единиц осложняется смысловой неоднозначностью соответствующих терминов. Нередко термин «концепт» отождествляется с термином «понятие». При таком понимании концепт — это мыслительный образ, представляющий обобщенные наглядные образы, логические понятия, многослойные информационные образования. Если же рассматривать концепт как первичную оперативную семантическую единицу («семантический эмбрион»), то следует признать его определенной средой, образующей все познавательные структуры.

Для того чтобы понять характер взаимодействия сознания и языка, концепта и вербальной единицы, следует признать, что их взаимодействие происходит в границах информационно-культурного пространства, соответствующего семантического поля.

Рассмотрим еще один пример:

2) Понятие «легитимация» (т.е. узаконение) обществом действий власти означает, что социум признает и подтверждает право государственного аппарата действовать от его имени, поскольку целью власти действительно является реализация основополагающих для общества ценностей [Там же. С. 44].

Американский политолог Д. Истон подразделяет легитимность на следующие три типа: **идеологическую** (в ее основе лежит моральная убежденность людей в ценности того или иного политического режима); **структурную** (приверженность людей механизму и нормам политического режима); **персональную** (вера конкретного человека в личные качества политических лидеров, их способность правильно использовать вверенную им политическую власть) [Там же. С. 45].

В отечественном государствоведении данную проблему подробно освещает В.Е. Чиркин. Он считает, что легитимация государственной власти — это **процессы и явления, посредством которых она приобретает свойство легитимности, выражающее правильность, оправданность, справедливость, правовую и моральную законность и другие стороны соответствия данной власти, ее деятельности определенным, прежде всего психическим, установкам, ожиданиям общества, народа, людей. Легитимная государственная власть — это власть, соответствующая представлениям общества данной страны о должной государственной власти. Такие представления связаны, прежде всего, не с юридическими нормами, а с материальными, социальными, политическими, духовными условиями общественной жизни, с индивидуальной и общественной психикой людей, их коллективов** [Там же. С. 46].

В основе **легитимации** лежит **вера** людей в то, что их блага (материальные и духовные) зависят от сохранения и поддержания данного порядка в обществе, убеждение в том, что существующий **порядок** выражает их **интересы**, а такой порядок в обществе обеспечивается деятельностью государственной власти. Легитимация прямо связана с интересами людей, которые чаще всего оцениваются ими осознанно, но иногда имеют неосознанный характер... То, что является **легитимным** для одних слоев населения, **нелегитимно** и **противозаконно** для других. Поэтому легитимность государственной власти оценивается обычно с точки зрения ее соответствия интересам большинства населения, его представлениям о власти. Следствием легитимности государственной власти является ее **авторитет** у населения, **признание права управлять** и **согласие подчиняться**. Легитимность повышает эффективность государственной власти, опирающейся на большинство населения [Там же. С. 45—46].

Во фрагменте 2 вербализация концепта осуществляется множеством способов, но ведущим здесь следует признать синтаксический: **узаконение обществом действий власти; социум признает и подтверждает право государственного аппарата действовать от его имени; процессы, выражающее правильность, оправданность, справедливость, правовую и моральную законность; признание права управлять и согласие подчиняться**. Можно предположить, что большое количество синтаксических вербализаций концепта указывает на отсутствие вербализации с помощью слова, а также на необходимость и неизбежность появления в языке слова (словосочетания), репрезентирующего основные смыслы, заключенные в данном концепте.

Формированию новых слов предшествуют процессы формирования концептов, а они есть производные процессов категоризации и концептуализации, которые, в свою очередь, являются ключевыми понятиями познавательной деятельности человека, связанными едва ли не со всеми когнитивными способностями и системами в его когнитивном аппарате, а также с совершаемыми в процессах мышления операциями — сравнением, отождествлением, установлением сходства и подобия и т.п.

Из приведенных примеров видно, что важным звеном в формировании категорий является оформление смежных концептов: **власть, государственная власть, интересы**. Затем начинаются процессы дифференциации внутри смыслового единства для уточнения объема, ядра и периферии концептуального поля: **идеологическая, структурная и персональная легитимность**; уточняются синонимичные и противопоставленные смыслы между единицами поля: **легитимно = законно** \leftrightarrow **незаконно, нелегитимно**.

Таким образом, в дискурсе актуализируется целая когнитивно-смысловая сеть, объединяющаяся в определенную категорию. Под категоризацией чаще всего понимают подведение явления, объекта, процесса и т.п. под определенную рубрику опыта, то есть категорию, а также признание данного объекта членом этой категории. В рамках дискурса, культурно-выразительного опыта языка обычные слова концептуализируются, а концепты находят форму вербальной реализации. Необходимо отметить, что это всегда встречный процесс, одно без другого быть

не может, то есть происходит опредмечивание смысла и осмысление предметного содержания. Концепт должен вербализоваться, то есть связать себя с каким-то предметным обозначением любой сложности, при чем сложность обозначения не имеет принципиального значения.

Рассмотрим, как осуществляется вербализация сходных концептов в англоязычных текстах:

3) *The concept of legitimacy is important in analyzing the relationships between companies and their environment. Parsons (1960, p. 175) defines legitimacy as “the appraisal of action in terms of shared or common values in the context of the involvement of the action in the social society”. Maurer (1971, p. 361) points out that legitimation is the process whereby an organization justifies to a peer or superordinate system its right to exist; that is to continue, import, transform, and export energy material or information. Legitimacy theory is derived from the concept of organizational legitimacy, which has been defined as “a condition or status, which exists when an entity’s value system is congruent with the value system of the large social system of which the entity is a part. When a disparity, actual or potential, exists between the two value systems, there is a threat to the entity’s legitimacy”. Preston, et al. (1995) point out that legitimacy is conceived as congruence between institutional actions and social values, and legitimization as actions that institutions take either to signal value congruency or to change social value. Legitimacy is achieved by demonstrating that companies’ activities are concordant with social values. Bansal and Roth (2000) present examples of legitimation as complying with legislation, establishing an environmental committee or the position of environmental manager to oversee a firm’s ecological impact, developing networks or committees with local community representation, conducting environmental audits, establishing an emergency response system, and aligning the firm with environmental advocates. Legitimacy theory concentrates on the concept of a social contract, implying that a company’s survival is dependent on the extent to which the company operates within the bounds and norms of society [3. P. 22].*

The concept of a social contract is explained by Shocker and Sethi (1974, p. 67). The authors point out that: “any social institution and business, without exception, operates in society via a social contract, expressed or implied, whereby its survival and growth are based on: the delivery of some socially desirable ends to society in general and, the distribution of economic, social, or political benefits to groups from which it derives its power”. Mathews (1993, p. 26) states that: “the social contract would exist between corporations and individual members of society [4. C. 42—43].

В данном конкретном случае вербализация концепта осуществляется по преимуществу синтаксическим способом. Авторы пытаются представить множество дефиниций, которые с разных сторон представляют сущность научного понятия и единицы идеальной концептосферы: *relationships between companies and their environment, the appraisal of action in terms of shared or common values, an organisation justifies to a peer or superordinate system its right to exist, disparity exists between the two value systems, congruence between institutional actions and social values*. Интересным является факт того, что от многократного представления концепта путем вербальных интерпретаций авторы переходят к анализу и объяснению тех из них, с помощью которых они пытались представить основной концепт дискурса: от *legitimacy* к *social contract*. Таким образом, отправляясь от исходной точки,

авторы переходят к опорным понятиям, рассматривают их, пытаясь выявить то, что они считают главным. Так, из сравнения текстов 2) и 3) становится понятным, что, казалось бы, общий универсальный концепт юридического поля рассматривается в двух языковых сообществах по-разному: в русском профессиональном сообществе на первый план выдвигается признание управляемого большинства справедливости власти; в англоязычном сообществе обе стороны, управляющая и управляемая, являются активными, так как в основе понятия лежит консенсус по проблеме, договор.

В текстах 1), 2), 3) мы наблюдали, как вербализуется концепт в научном дискурсе профессиональной тематики. Следует согласиться, что доминирующей формой представления здесь является многократное описание концепта с использованием различного рода дефиниций, то есть синтаксический способ представления. Но не следует забывать, какую огромную роль в дефиниции играет ее логическая структура, предполагающая употребление в качестве опорного слова гипонима, то есть родового понятия, смежных понятий. Таким образом, указывается место концепта в концептосфере, специфика его отношений к другим концептам, а также многочисленные связи с другими единицами сети.

Однако правовой дискурс в большинстве случаев представлен не научными, а профессиональными текстами: различного рода законами, постановлениями, решениями, — одним словом, документами. В них довольно ярко реализуются результаты категоризации некоторых понятий, которые всегда отражены в языке, но не всегда вербализованы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, наиболее распространенный способ вербализации концепта — это его реализация в слове. Одни концепты вербализуются в целом номинативном поле — семантической группе слов, это такие квазиконцепты, как «необходимость», «вероятность», «долженствование» и подобные. Другие концепты имеют весьма ограниченный номинативный ресурс, они отражают обычно малореlevantные для широкого круга людей концепты, обычно узкоспециальные, конкретные мыслительные сущности, например, такие, как *закон*, *легитимность*, *подсудность* и под. В связи с этим возникает следующий вопрос: все ли слова соответствуют определенному концепту. Разумеется, что отношения между словом и концептом далеко не однозначны, одно и то же слово может быть связано с различными концептами, а один концепт может иметь несколько вербальных реализаций.

К языковым средствам, которые могут входить в номинативное поле того или иного концепта и обеспечить его описание в процессе лингвокогнитивного исследования можно отнести следующие.

1. Слово, репрезентирующее концепт, или основная номинация концепта, целой концептосферы.

2. Вторичные номинации концепта. Сюда можно отнести различные множества слов: семантические производные, словообразовательные производные.

3. Слова, близкие по значению: синонимы, антонимы, гипонимы, гиперонимы, то есть слова, входящие в ту же концептосферу.
4. Устойчивые сочетания слов: фразеологизмы, перифразы, паремии.
5. Метафорические номинации, сравнения.
6. Дефиниции, словарные толкования, тексты различного рода.
7. Категориальные значения, реализуемые в синтаксических и грамматических категориях высказывания.

© Федулова М.Н.

Дата поступления: 10.01.2017

Дата принятия к печати: 25.01.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. Москва: Едиториал УРСС, 2002.
2. Шагиева П.В. Теория юриспруденции. Калуга, 2007.
3. Brown N., Deegan C. (1998). The public disclosure of environmental performance information — a dual test of media agenda setting theory and legitimacy theory. *Accounting and Business Research*, 1, 21—41.
4. Mousa G.A., Hassan N.T. Legitimacy theory and environmental practices // *International Journal of Business and Statistical Analysis*. 2015. 2. No. 1. P. 41—53.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1955.
6. Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. Москва: Наука, 1990. С. 358—387.
7. Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 2001. № 6. С. 132—149.
8. Кубрякова Е.С. Языковое сознание и языковая картина мира // Филология и культура. Материалы международной конференции. Часть 1. Тамбов. 1999. С. 6—13.
9. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в языковой картине мира // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. Москва, 1988.
10. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Монография. Екатеринбург, 2003.

УДК: 81.23:130.2

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-394-402

COMBINATION OF VERBAL REPRESENTATIVE MEANS OF CONCEPTS

M.N. Fedulova

Military University

14, Bolshaya-Sadovaya str., Moscow, Russia, 111033

mfedulova@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the terms and process of concept emergence, the means of their verbal realization (expression). The author proves that concept is not a form of an idea, the concept is an associative mental entity, activated in the forms of the thinking activity. There is a certain conceptual part in different forms of verbalization idea (conclusion, judgement, idea). The emergence of a conceptual

part starts with the cognitive activity, which consists of categorization stage, conceptualization stage and verbal realization as the final stage. In the presence of some discursive terms this process is always reciprocal, i.e. the final stage of our cognitive activity is our verbal realization of the concept and the final stage of our verbal realization of the concept is our cognitive activity. The author states that the scale and the form of the verbal realization of the concept can vary from a word to the text and vice versa.

Key words: concept, idea, conceptualization, verbalization of the concept, legalization, legitimization

REFERENCES

1. Benvenist, E. (2002). *General linguistics*, 2nd ed. Moscow: Editorial URSS. (in Russ).
2. Shagiyeva, R.V. (2007). *Theory of law. Study book*. Kaluga. (in Russ).
3. Brown, N., & Deegan C. (1998). The public disclosure of environmental performance information — a dual test of media agenda setting theory and legitimacy theory. *Accounting and Business Research*, 1, 21—41.
4. Mousa, G.A. & Hassan, N.T. (2015). Legitimacy theory and environmental practices. *International Journal of Business and Statistical Analysis*, 2(1), 41—53.
5. Marks, K. & Engels, F. (1955). *Works*. Vol. 3. Moscow: State publishing house of political literature. (In Russ).
6. Mackormak, E. (1990). Cognitive theory of metaphor. In: *Theory of metaphor*. Moscow: Nauka. p. 358—387. (In Russ).
7. Kobozeva, I.M. (2001). Semantic issues of analyses of political metaphor. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, 6, 132—149. (in Russ).
8. Kubryakova, E.S. (1999). Linguistic comprehension and linguistic world view. In: *Philology and Culture. Materials of the international conference*. Part 1. Tambov. p. 6—13. (in Russ).
9. Teliya, V.N. (1988). Metaphorization and its role in the linguistic picture of the world. In: *Human factor in language: Language mechanisms of expressiveness*. Moscow. (in Russ).
10. Chudinov, A.P. (2003). *Metaphorical mosaic in a modern political communication*. Monograph. Ekaterinburg. (in Russ).

УДК: 811.161.1'27

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-403-412

ДИНАМИКА ПАРАМЕТРА ОЦЕНОЧНОСТИ ЯДЕРНЫХ ЕДИНИЦ РУССКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ*

Е.Б. Чернышова

Борисоглебский филиал Воронежского государственного университета
ул. Народная, 43, Борисоглебск, Россия, 397160
elena-chernishova@yandex.ru

Статья посвящена анализу динамики оценочных связей ядерных единиц ассоциативно-вербальной сети, являющейся моделью русского языкового сознания. Параметр оценочности ядерных единиц квалифицируется количественно посредством индексов и качественно посредством шкальных оценок. Индексация и шкалирование позволяют сравнивать показатели степени выраженности параметра оценочности единиц, входящих в ядро языкового сознания носителей русского языка в последние два десятилетия. При общей стабильности параметра оценочности наблюдается некоторая отрицательная динамика. За данный временной отрезок у 10% исследуемых ядерных единиц наблюдается снижение частотности оценочных связей, а также сокращение доли периферийных оценочных реакций.

Ключевые слова: языковое сознание, ассоциативное поле, оценочные ассоциативные связи, параметр оценочности, динамика параметра оценочности ядерных единиц русского языкового сознания

ВВЕДЕНИЕ

К концу XX в. теория речевой деятельности в отечественной психолингвистике достигла такого уровня развития, который обусловил становление новой научной парадигмы — языкового сознания. Данное направление исследований, по словам Н.В. Уфимцевой, «пытается ответить на вопрос, на какое же содержание сознания опирается носитель той или иной культуры, когда он формулирует свою мысль, чтобы передать ее другому?» [Уфимцева 2009: 98].

ЯДРО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

В нашем исследовании языковое сознание (ЯС) понимается как система предметных значений, овнешненных языковыми знаками [Уфимцева 2015]. Данная система «вскрывается» в ходе свободного ассоциативного эксперимента. Результаты ассоциативных экспериментов могут быть представлены в виде сетевых структур: ассоциативного словаря-тезауруса (АСТ) и ассоциативно-вербальной сети (АВС). В современной психолингвистике АВС рассматривается как модель языкового сознания и может быть представлена в виде неполносвязанного ориентированного

* Исследование выполнено при поддержке гранта Борисоглебского филиала ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет» в 2016 г.

графа со взвешенной частотой, имеющего определенное количество вершин и дуг, связывающих эти вершины. Выявление в данном графе подграфа вершин, имеющих наибольшее количество входящих связей, позволяет выделить ядро языкового сознания.

Ядро языкового сознания — это совокупность единиц ассоциативно-вербальной сети, имеющих наибольшее число связей с другими единицами данной сети. Ранжирование или упорядочивание ядерных вершин по количеству входящих дуг позволяет выделить центр ядра и околядерные страты.

Выделение ядра и анализ его единиц дает возможность исследовать динамику и национальную, территориальную, гендерную, возрастную специфику языкового сознания.

Ядерные единицы языкового сознания являются носителями базовых понятий, которыми оперирует человек в своей повседневной жизнедеятельности [Золотова 1989]. Все эти единицы вступают в разнообразные связи друг с другом и с другими элементами АВС по линии множества параметров, в том числе и по параметру оценки. Оценочный компонент содержится практически в каждом ассоциативном поле (АП) ядерных единиц русского языкового сознания. Тем самым важно выявить оценочные ассоциативные связи и установить степень выраженности параметра оценочности ядерных единиц.

В данной статье рассмотрим динамику параметра оценочности первых 30 ядерных единиц русского языкового сознания.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основными источниками изучения данного параметра послужили словари и тезаурусы, которые составлялись по результатам свободного ассоциативного эксперимента:

- ◆ Русский ассоциативный словарь (РАС) [Русский ассоциативный словарь 2002];
- ◆ Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус (ЕВРАС) [Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/evras>].

Проведение ассоциативного эксперимента через определенные временные интервалы (примерно каждые 15—20 лет) дает возможность получить ассоциативные данные от разных групп носителей языка и проследить неизменные и изменяемые характеристики оценочного компонента исследуемых единиц. В данном случае мы обращались к материалам РАС и ЕВРАС.

Сбор материала осуществлялся методом сплошной выборки, т.е. из ассоциативных полей исследуемых ядерных единиц были выбраны ассоциаты, имеющие со стимулом оценочные связи, например, *человек* → *хороший, добрый, разумный*.

Проблема маркирования оценочных ассоциативных связей впервые рассматривалась А.В. Кленовой в связи с исследованием оценочных смыслов в «Русском ассоциативном словаре: ассоциативные реакции школьников 1—11 классов». Анализ ассоциативного материала позволил сделать А.В. Кленовой вывод о том, что

оценочное слово не обязательно является оценочной реакцией, например: *хороший* → *отличный* или *очень* → *плохой* [Кленова 2007]. Тем самым при определении статуса каждой реакции необходимо выяснять, выражает ли оценочное слово ценностное отношение испытуемого к объекту оценки, обозначенному словом-стимулом.

В результате сплошной выборки нами был получен массив данных для каждого отдельного источника (РАС и ЕВРАС), представляющий совокупность оценочных реакций, входящих в ассоциативное поле отдельной ядерной единицы.

Для формализации исходного материала было использовано табулирование как метод представления первичных данных. Ассоциативный материал мы поместили в отдельные таблицы, позволяющие соотносить информацию из разных источников.

Приведем пример систематизации ассоциативных данных, позволяющий наглядно представить их для последующего анализа.

Таблица 1

Оценочные реакции в ассоциативном поле ЧЕЛОВЕК (без единичных реакций)

Количество реакций	РАС	ЕВРАС
Количество реакций в АП	644	531
Количество оценочных реакций в АП	Хороший 25; добрый 21; разумный 18; умный 16; любимый 8; гордый 7; плохой, это звучит гордо 6; красивый 5; веселый 4; загадка, милый, с большой буквы, смелый, царь 3; глупый, гуманный, звучит гордо, интересный, мелочь, мудрый, надежный, настоящий, новый, странный, трудный, упрямый, хозяин, homo sapiens 2. Всего 223 оценочных реакции, из них разных 104	Разумный 41; хороший 14; добрый 13; умный 11; красивый 7; глупый, гордо, загадка, разный, терпимый 3; гордый, злой, любимый, мудрый, плохой, смешной, тупой, уверенный 2. Всего 158 оценочных реакций, из них разных 59
Кол-во реакций в ядре АП	93	98
Кол-во оценочных реакций в ядре АП	46	41
Кол-во реакций на периферии АП	551	433
Кол-во оценочных реакций на периферии АП	177	117

Поясним некоторые данные таблицы 1. В ней представлен ассоциативный материал, полученный в ходе сплошной выборки ассоциативных словарей РАС и ЕВРАС.

По материалам РАС всего в АП **ЧЕЛОВЕК** 644 реакции, из них оценочных — 223. Перечень оценочных реакций на стимул **ЧЕЛОВЕК** представлен без разграничения оценки на общую и частную: *хороший 25; добрый 21; разумный 18; умный 16; любимый 8; гордый 7; плохой, это звучит гордо 6; красивый 5; веселый 4; загадка, милый, с большой буквы, смелый, царь 3; глупый, гуманный, звучит гордо, интересный, мелочь, мудрый, надежный, настоящий, новый, странный,*

трудный, упрямый, хозяин, homo sapiens 2 и далее 15 единичных реакций (После каждого ассоциата указана его частота) [РАС 2002: 720]. Полужирным курсивом выделены постоянные реакции, входящие в ядерную зону ассоциативного поля. Под постоянными реакциями понимаются ассоциаты, данные более чем 5% респондентами в процессе свободного ассоциативного эксперимента [Черкасова 2005]. Обычно в ассоциативном поле того или иного стимула первые три реакции и составляют эти 5%.

В следующих двух строках указываются общее количество реакций и количество оценочных реакций в ядре АП (93 и 46 соответственно). Перечень единиц, входящих в ядро АП **ЧЕЛОВЕК**: *невидимка, хороший 25; амфибия 22; добрый 21*. Из них — оценочные: *хороший 25; добрый 21*.

Далее аналогично представлены числовые значения реакций, в том числе и оценочных, на периферии АП. Всего на периферии зарегистрировано 551 реакция, из них 177 оценочных.

ПАРАМЕТР ОЦЕНОЧНОСТИ

Параметр оценочности ядерных единиц квалифицировался количественно посредством индексов и качественно посредством шкальных оценок. Индекс — это оценка параметра, выражаемая числом. Индекс оценочности (ИО) ядерной единицы — это отношение количества ассоциатов, имеющих оценочные связи с ядерной единицей, к общему количеству реакций в ее АП.

Шкалирование или перевод индекса параметра в шкальную оценку способствует созданию формализованной основы модели, которая позволяет описать динамику и вариативность оценочного компонента АП ядерных единиц русского языкового сознания.

Для качественной интерпретации оценочного параметра применялось шкалирование или метод анализа, при котором оцениваемые параметры располагались в порядке увеличения или уменьшения значения параметра (см. таблицу 2). В нашем исследовании мы применили шкалу ранжирования степени выраженности исследуемого параметра, разработанную Л.А. Кривенко [Кривенко 2013].

Таблица 2

Шкала ранжирования степени выраженности параметров (в %)

Численные значения параметра	Степень выраженности параметра
0	нулевая степень
> 0 и < 10%	низкая степень
≥ 10 и < 30%	заметная степень
≥ 30% и < 50%	яркая степень
≥ 50% и < 70%	значительная степень
≥ 70% и < 90%	высокая степень
≥ 90% и < 100%	гипервысокая степень
100%	абсолютная степень

Качественный анализ предполагает ранжирование степени выраженности параметра оценочности ядерных единиц. Результаты количественного и качественного анализа данных представлены в таблицах 3—5.

**Степень выраженности параметра оценочности ядерных единиц
русского языкового сознания**

Ядерные единицы	РАС	ЕВРАС
человек	яркая (34,6%)	заметная (29,8%)
дом	низкая (8,7%)	заметная (18,6%)
жизнь	яркая (37,5%)	яркая (41,2%)
деньги	заметная (24,3%)	яркая (40,6%)
друг	яркая (40,7%)	яркая (39,6%)
любовь	заметная (27,3%)	заметная (23,4%)
работа	яркая (46,5%)	яркая (33,3%)
радость	яркая (31,7%)	заметная (10,8%)
смерть	заметная (18,6%)	заметная (12,7%)
стол	низкая (2,8%)	низкая (1,3%)
мир	заметная (13,3%)	низкая (7,8%)
время	низкая (1,0%)	низкая (1,1%)
свет	низкая (0,9%)	низкая (1,1%)
красный	низкая (1,9%)	низкая (3,0%)
женщина	яркая (37,3%)	яркая (32,2%)
книга	заметная (26,5%)	заметная (21,1%)
грязь	низкая (8,4%)	низкая (9,2%)
идти	низкая (0,8%)	низкая (0,2%)
старый	низкая (3,3%)	низкая (3,4%)
мальчик	заметная (16,7%)	низкая (8,3%)
девушка	заметная (27,2%)	яркая (45,0%)
сильный	низкая (6,4%)	низкая (5,0%)
город	низкая (5,8%)	низкая (4,3%)
море	низкая (1,1%)	низкая (1,5%)
счастье	низкая (9,5%)	низкая (6,1%)
собака	заметная (27,6%)	заметная (19,9%)
ум	яркая (36,7%)	заметная (23,7%)
глупый	низкая (4,5%)	низкая (3,8%)
школа	низкая (7,2%)	низкая (7,2%)
война	заметная (20,7%)	заметная (16,4%)

Поясним данные таблицы на примере ядерной единицы **ДОМ** (вторая строка). По материалам РАС индекс параметра оценочности данного слова составляет 8,7%. Тем самым параметр оценочности ядерной единицы **ДОМ** имеет низкую степень выраженности. По материалам ЕВРАС индекс параметра оценочности слова **ДОМ** — 18,6%, и данный параметр выражен заметно.

ДИНАМИКА ПАРАМЕТРА ОЦЕНОЧНОСТИ ЯДЕРНЫХ ЕДИНИЦ

Дадим характеристику динамики параметра оценочности ядерных единиц русского языкового сознания в период 1988—2011 гг.

Положительная динамика степени выраженности параметра оценочности наблюдается у слов **ДОМ**, **ДЕНЬГИ**, **ДЕВУШКА**. Степень выраженности параметра оценочности ядерной единицы **ДОМ** меняется от низкой в РАС до заметной в ЕВРАС, степень выраженности параметра оценочности слов **ДЕНЬГИ**, **ДЕВУШКА** — от заметной до яркой соответственно.

Отрицательная динамика степени выраженности параметра оценочности характерна для единиц **ЧЕЛОВЕК**, **МАЛЬЧИК**, **РАДОСТЬ**, **УМ**, **МИР**. В частности, доля разных оценочных реакций в АП **ЧЕЛОВЕК** по материалам РАС —

16%, а по материалам ЕВРАС — 11%. При этом снижается доля оценочных реакций, как положительных, так и отрицательных, как реакций общей оценки, так и частной.

Сравним: в РАС **ЧЕЛОВЕК** — хороший 25 (это 4% от общего количества реакций в АП); в ЕВРАС — **ЧЕЛОВЕК** — хороший 14 (3%). В РАС **ЧЕЛОВЕК** — плохой 6 (1%); в ЕВРАС — **ЧЕЛОВЕК** — плохой 2 (0,4%). В РАС **ЧЕЛОВЕК** — добрый 21 (3%), умный 16 (2%); в ЕВРАС — **ЧЕЛОВЕК** — добрый 13 (2%), умный 11 (2%).

В исследуемый временной отрезок не зарегистрированы количественные изменения параметра оценочности ядерных единиц смерть, стол, время, свет, красный, женщина, жизнь, грязь, идти, старый, сильный, город, море, глупый, школа, война.

Проанализируем динамику оценочных реакций в ядре ассоциативных полей исследуемых единиц. К ядерным реакциям мы относим первые три, имеющие наибольшую частотность в АП.

Таблица 4

Степень выраженности параметра оценочности ядра исследуемых единиц

Ядерные единицы	РАС	ЕВРАС
человек	яркая (49,5%)	яркая (41,8%)
дом	нулевая (0,0%)	заметная (19,4%)
жизнь	яркая (37,1%)	яркая (47,2%)
деньги	заметная (18,0%)	значительная (68,5%)
друг	яркая (46,3%)	высокая (70,0%)
любовь	яркая (36,4%)	нулевая (0,0%)
работа	абсолютная (100,0%)	заметная (26,3%)
радость	заметная (29,6%)	нулевая (0,0%)
смерть	нулевая (0,0%)	нулевая (0,0%)
стол	нулевая (0,0%)	нулевая (0,0%)
мир	нулевая (0,0%)	нулевая (0,0%)
время	нулевая (0,0%)	нулевая (0,0%)
свет	нулевая (0,0%)	нулевая (0,0%)
красный	нулевая (0,0%)	нулевая (0,0%)
женщина	яркая (38,2%)	яркая (31,7%)
книга	значительная (61,5%)	яркая (42,2%)
грязь	нулевая (0,0%)	нулевая (0,0%)
идти	нулевая (0,0%)	нулевая (0,0%)
старый	нулевая (0,0%)	нулевая (0,0%)
мальчик	нулевая (0,0%)	нулевая (0,0%)
девушка	высокая (74,1%)	высокая (81,4%)
сильный	нулевая (0,0%)	нулевая (0,0%)
город	нулевая (0,0%)	нулевая (0,0%)
море	нулевая (0,0%)	нулевая (0,0%)
счастье	нулевая (0,0%)	нулевая (0,0%)
собака	значительная (50,0%)	яркая (33,1%)
ум	значительная (66,6%)	заметная (22,7%)
глупый	нулевая (0,0%)	нулевая (0,0%)
школа	нулевая (0,0%)	нулевая (0,0%)
война	нулевая (0,0%)	нулевая (0,0%)

Положительная динамика степени выраженности параметра оценочности ядра наблюдается у единиц **ДОМ**, **ДЕНЬГИ**, **ДРУГ**. Степень выраженности параметра оценочности ядра слова **ДОМ** меняется от нулевой в РАС до заметной в ЕВРАС,

степень выраженности параметра оценочности ядра единицы **ДЕНЬГИ** — от заметной до значительной, **ДРУГ** — от яркой до высокой соответственно.

Отрицательная динамика степени выраженности параметра оценочности ядра наблюдается у единиц **ЛЮБОВЬ, РАБОТА, РАДОСТЬ, КНИГА, СОБАКА, УМ**. Наиболее ярко негативная динамика параметра оценочности ядра проявляется у слов **ЛЮБОВЬ** (от яркой степени к низкой), **РАБОТА** (от абсолютной к заметной) и **УМ** (от значительной к заметной).

Тем самым у 9 из 30 ядерных единиц (это 30%) параметр оценочности ядра в исследуемый период времени претерпевает изменения.

Динамика степени выраженности параметра оценочности периферийных областей исследуемых ядерных единиц имеет сходный характер.

Таблица 5

**Степень выраженности параметра оценочности
периферии ядерных единиц русского языкового сознания**

Ядерные единицы	РАС	ЕВРАС
человек	яркая (32,1%)	заметная (27,0%)
дом	заметная (13,0%)	заметная (18,4%)
жизнь	яркая (37,7%)	яркая (38,5%)
деньги	заметная (25,3%)	яркая (33,6%)
друг	яркая (38,5%)	заметная (26,1%)
любовь	заметная (25,0%)	заметная (29,4%)
работа	яркая (31,0%)	яркая (35,6%)
радость	яркая (32,5%)	заметная (14,8%)
смерть	заметная (22,2%)	заметная (16,4%)
стол	низкая (4,2%)	низкая (2,0%)
мир	заметная (22,0%)	низкая (9,5%)
время	низкая (1,6%)	низкая (1,7%)
свет	низкая (1,5%)	низкая (1,5%)
красный	низкая (2,9%)	низкая (4,4%)
женщина	яркая (36,9%)	яркая (32,6%)
книга	низкая (14,5%)	низкая (15,8%)
грязь	низкая (11,1%)	низкая (11,6%)
идти	низкая (1,0%)	низкая (0,2%)
старый	низкая (5,1%)	низкая (5,3%)
мальчик	яркая (32,5%)	заметная (17,6%)
девушка	яркая (37,6%)	заметная (25,8%)
сильный	низкая (9,0%)	низкая (5,5%)
город	низкая (7,4%)	низкая (5,5%)
море	низкая (1,7%)	низкая (2,0%)
счастье	заметная (11,6%)	низкая (8,9%)
собака	заметная (18,7%)	заметная (13,0%)
ум	заметная (29,4%)	заметная (24,2%)
глупый	низкая (6,3%)	низкая (5,3%)
школа	низкая (9,1%)	низкая (8,6%)
война	заметная (29,1%)	заметная (24,9%)

Положительная динамика степени выраженности параметра оценочности периферии отмечается у ядерной единицы **ДЕНЬГИ** (от заметной до яркой).

Отрицательная динамика наблюдается у слов **ЧЕЛОВЕК, ДРУГ, РАДОСТЬ, МИР, МАЛЬЧИК, ДЕВУШКА, СЧАСТЬЕ**. Нужно отметить, что яркой негативной динамики параметра оценочности, наблюдаемой в ядре, на периферии не регистрируется.

Тем самым у 8 ядерных единиц из исследуемых 30 (это 27%) показатели параметра оценочности изменяются, у остальных показатели стабильны.

Как видим, все исследуемые единицы в той или иной мере имеют на периферии своих ассоциативных полей оценочные реакции, т.е. значение параметра оценочности периферийной области исследуемых ядерных единиц колеблется: от 0,2% слова **ИДТИ** (по материалам ЕВРАС) до 81% слова **ДЕВУШКА** (по материалам РАС).

В то же время не каждая ядерная единица имеет в своем ядре оценочные ассоциации. Например, степень выраженности параметра оценочности ядра слов **ДОМ** (РАС), **ЛЮБОВЬ**, **РАДОСТЬ** (ЕВРАС), **СМЕРТЬ**, **СТОЛ**, **МИР**, **ВРЕМЯ**, **СВЕТ**, **КРАСНЫЙ**, **ГРЯЗЬ**, **ИДТИ**, **СТАРЫЙ**, **МАЛЬЧИК**, **СИЛЬНЫЙ**, **ГОРОД**, **МОРЕ**, **СЧАСТЬЕ**, **ГЛУПЫЙ**, **ШКОЛА**, **ВОЙНА** (РАС и ЕВРАС) нулевая.

Рассмотрим взаимосвязь динамики параметров оценочности структурных элементов АП ядерных единиц (их ядра и периферии).

Необходимо отметить, что динамика параметра оценочности ядерных единиц обусловлена изменениями в составе ядра и периферии соответствующих АП.

Например, степень выраженности параметра оценочности ядерной единицы **ДЕВУШКА** становится выше, т.к. увеличивается количество оценочных связей на периферии АП. Это говорит о том, что у ядерной единицы появляются оценочные связи с другими единицами АВС. Индекс параметра оценочности слова **ДОМ** повышается в связи с повышением индекса параметра оценочности ядра его АП (например, частотность связи *дом* → *уют* от единичной (РАС) возрастает до 25 (ЕВРАС), что влечет за собой повышение ранга данной оценочной реакции и ее «переход» из периферии в ядро. Возрастание степени выраженности оценочности ядерной единицы **ДЕНЬГИ** обусловлено увеличением количества оценочных связей, как в ядре, так и на периферии АП.

За счет уменьшения количества оценочных связей в ядре уменьшается индекс оценочности слова **УМ**. Сокращение оценочных связей на периферии АП ядерных единиц **ЧЕЛОВЕК**, **МАЛЬЧИК**, **МИР** ведет к снижению индекса оценочности всего АП. Степень выраженности параметра оценочности АП **РАДОСТЬ** уменьшается в связи с убыванием количества оценочных связей и в ядре, и на периферии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, каждая исследуемая нами ядерная единица русского языкового сознания содержит в своем составе оценочную зону. Значение параметра оценочности исследуемых ядерных единиц колеблется: от 0,2% слова **ИДТИ** (по материалам ЕВРАС) до 46,5% слова **РАБОТА** (по материалам РАС).

Положительная динамика параметра оценочности зарегистрирована у 10% ядерных единиц: (**ДОМ**, **ДЕНЬГИ**, **ДЕВУШКА**), которая связана с увеличением частотности периферийных реакций и появлением новых оценочных ассоциативных связей.

Отрицательная динамика параметра оценочности выявлена у 20% (**ЧЕЛОВЕК, МИР, МАЛЬЧИК, РАДОСТЬ, КНИГА, УМ**), которая определяется уменьшением частотности ядерных оценочных реакций и утратой периферийных оценочных ассоциативных связей.

Отсутствие динамики параметра оценочности зарегистрировано у 70% ядерных единиц. Это подтверждает гипотезу исследователей об устойчивости ядра языкового сознания, которая обусловлена культурными константами этноса. Тем самым общая тенденция динамики параметра оценочности — стабильность.

За исследуемый временной отрезок при общей стабильности параметра оценочности наблюдается некоторая отрицательная динамика данного параметра у 10% ядерных единиц. Зарегистрировано как снижение частотности оценочных связей, так и сокращение доли периферийных оценочных реакций.

При этом необходимо отметить, что только ядерная единица **ДЕНЬГИ** демонстрирует наращивание оценочных связей, которое идет как за счет увеличения частотности уже имеющихся, так и за счет появления новых. Параметр оценочности слова **ДЕНЬГИ** имеет положительную динамику, как в ядре, так и на периферии АП. Для сравнения: параметр оценочности ядерной единицы **РАДОСТЬ** демонстрирует отрицательную динамику и в ядре, и на периферии.

Оценка окружающей действительности является одной из важных функций сознания. Сознание существует для управления, регулирования деятельностью человека. Свойства объекта, отражаемые психикой субъекта, по своей значимости различны: полезны, вредны, безразличны. От характера свойств объекта зависят и те реакции, которые осуществляются субъектом, его организмом. Анализ оценочных ассоциативных реакций носителей того или иного языка позволяет исследовать их положительное, отрицательное или безразличное отношение к действительности.

© Чернышова Е.Б.

Дата поступления: 17.11.2016

Дата принятия: 3.02.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Золотова Н.О.* Специфика ядра лексикона носителя английского языка (на материале «Ассоциативного тезауруса английского языка»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: Одес. гос. ун-т им. И.И. Мечникова. Одесса, 1998.
2. *Кленова А.В.* Оценочные смыслы в ассоциативном словаре (на материале ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007.
3. *Кривенко Л.А.* Национальная специфика семантем русской и английской субстантивной лексики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2013.
4. *Русский ассоциативный словарь.* В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. Т. I. От стимула к реакции. Москва: АСТ-Астрель, Т. II. От стимула к реакции. Москва: АСТ-Астрель, 2002.
5. *Уфимцева Н.В.* Образ мира русских: системность и содержание // *Язык и культура.* 2009. № 4 (8). С. 98—112.
6. *Уфимцева Н.В.* Дихотомия значение/значимость в исследовании языкового сознания // *Жизнь языка в культуре и социуме-5: материалы международной научной конференции / Отв. ред. Е.Ф. Тарасов.* Москва: Издательство «Канцлер», 2015. С. 29—30.

7. Черкасова Г.А. Квантитативные исследования ассоциативных словарей // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация. Сб. статей / Ин-т языкознания РАН. Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005. С. 227—244.
8. Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус. В 2 т. Т. I. От стимула к реакции. Т. II. От стимула к реакции. Режим доступа: <http://iling-ran.ru/main/publications/evras>. Дата обращения: 06.09.2015.

УДК: 811.161.1'27

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-403-412

DYNAMICS OF EVALUATION PARAMETER OF NUCLEAR UNITS OF RUSSIAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS

E.B. Chernishova

Borisoglebsk branch of Voronezh State University
43, Narodnaya str., Borisoglebsk, Russia, 397160
elena-chernishova@yandex.ru

Abstract. The article analyzes dynamics of the evaluative relationships of nuclear units of associative-verbal network, which is the model of Russian language consciousness. We classify the evaluation parameter of nuclear units using quantitative indexes and qualitative assessments. Indexing and scaling allow to compare metrics severity of evaluation parameter of units belonging to the linguistic consciousness core of native Russian speaker in the last two decades. We notice some negative dynamics despite of overall stability of evaluative parameters. During the study time period 10% of the investigated core units we have observed there is a decrease in the frequency of evaluative relations, as well as the reduction of evaluative peripheral reactions.

Key words: linguistic consciousness, associative field, evaluative associative links, the evaluation parameter and the dynamics of evaluation parameter of nuclear units in Russian language consciousness

REFERENCES

1. Zolotova N.O. (1998). *Specificity of the core vocabulary of native English speakers (based on material of «Associative thesaurus of English language»*. [Dissertation abstract]. Odessa State University named after II. Mechnikov. Odessa. (in Russ).
2. Klenova, A.V. (2007). *Evaluative meanings in the associative dictionary (based on the associative vocabulary of schoolchildren of Saratov and Saratov region)*. [Dissertation abstract]. Saratov.
3. Krivenko, L.A. (2013). *National specific of semantemes of Russian and English language substantive vocabulary*. [dissertation abstract]. Saratov. (in Russ).
4. Karaulov, Yu.N., Cherkasova, G.A., Ufimtseva, N.V., Sorokin, Yu.A., & Tarasov, E.F. (Eds) (2002). *Russian Associative Dictionary. Vol. I. From the stimulus to the reaction*. Moscow: AST-Astel. (in Russ).
5. Ufimtseva, N.V. (2009). The image of Russian world: systemic and content. *Language and culture*, 4(8), 98—112. (in Russ).
6. Ufimtseva, N.V. (2015). The dichotomy of the value/importance of the study of language consciousness. In: *Life of language in culture and society-5: materials of the international scientific conference*, Ed. Tarasov, E.F. Moscow: The Chancellor Publishing House. p. 29—30. (in Russ).
7. Cherkasova, G.A. (2005). Quantitative studies of associative dictionaries. In: *Communication. Language consciousness. Intercultural communication*. Institute of Linguistics RAS. Kaluga: KSPU named after K.E. Tsiolkovsky. p. 227—244. (in Russ).
8. Cherkasova, G.A. & Ufimtseva N.V. *Russian regional associative thesaurus. Vol. I. From the stimulus to the reaction. Vol. II. From the stimulus to the reaction*. URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/evras> (accessed: 06.09.2015).

УДК: 81'37:81'27

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-413-419

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КАК ФРАГМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Г.Т. Безкоровайная

Московский государственный университет печати имени Ивана Федорова
Москва, ул. Прянишникова 2-А, 127550
begatil@yandex.ru

Статья посвящена анализу СП английского языка *gentleness/nobleness* как фрагмента национальной картины мира. Отмечается, что СП являются единицами, составляющими общее семантическое пространство любого языка. В ходе анализа конститuentов важного для мировоззрения англичан поля исследуется история формирования ядерных конститuentов, выявляется их специфика. Отмечается роль концепта *gentleman* в составе данного СП. Делается вывод о важности экстралингвистических факторов в образовании абстрактных понятий. Рассмотрение национальных картин мира с помощью описания входящих в нее СП позволяет увидеть как общее, так и различное не только в языке, но и в мировидении того или иного народа.

Ключевые слова: семантическое поле, национальная картина мира, системность языка, *gentleman, gentleness, nobleness*

ВВЕДЕНИЕ

Языковая коммуникация создает общую для того или иного языкового коллектива картину мира, которая позволяет осуществлять деятельность людей данного сообщества и обеспечивает процесс понимания между его членами разных возрастов, уровней образования развития, культуры и т.п. По мнению исследователей, «национальная картина мира обнаруживается в единообразии поведения народа в стереотипных ситуациях, в общих представлениях народа о действительности, в высказываниях и „общих мнениях“, в суждениях о действительности» [Попова, Стернин URL: <http://mir.zavantag.com/kultura/23202/index.html>]. Известно, что любой язык представляет собой систему, и системность его проявляется, в частности, в лексической парадигме. Сложность лексической системы того или иного языка вызвала необходимость создания различных ее моделей. «Если подходить к языку не как к обособленному от человека объекту, а как к основному способу формирования и хранения знаний человека об окружающем его мире, то одним из главных объектов исследования для лингвиста становятся лексические системы» [Денисенко 2005: 3].

Можно описывать языковую картину мира при помощи таких структур, как семантические поля, поскольку семантическое пространство любого языка состоит из отдельных СП. Поле на современном этапе развития лингвистической науки

следует рассматривать как элемент научной картины мира, способ представления различных структур — как языковых, так и мыслительных. Выделяют семантическое (А.М. Кузнецов, Л.А. Новиков, В.П. Абрамов и др.) и функционально-семантическое (А.В. Бондарко и др.) поля как инструменты анализа языковых структур, текстовое ассоциативно-смысловое поле (И.В. Арнольд, Н.С. Болотнова, Л.Н. Чурилина и др.) в изучении структур текста, ассоциативное поле (А.Н. Леонтьев, Ю.Н. Караулов и др.) в изучении процессов мышления. Кроме того, теорию поля применяют и в когнитивной лингвистике: полевая организация концепта.

Семантическое поле справедливо считают «основной формой репрезентации когнитивных структур, концептов в национальной картине мира, это один из основных методов изучения концептов. Моделирование концепта — это, в сущности, моделирование семантического поля имени-номинанта концепта» [Рожков 2007: 65].

Объединение языковых единиц в полевые структуры по семантическому признаку базируется на экстралингвистическом признаке, то есть основанием для семантической группировки слов является предметная или понятийная сфера. Следовательно, изучение семантических объединений языковых единиц открывает новый путь исследования — через языковую семантику к ментальности человека.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КАК ФРАГМЕНТ НЯКМ

В данной статье предпринята попытка рассмотреть на примере английского СП *gentleness/nobleness* особенности отражения английской национальной картины мира.

В основе теории СП лежит представление о существовании в языке семантических групп и о возможности вхождения языковых единиц в одну или несколько таких групп. Сама идея существования семантических полей — лексических множеств, объединенных общностью содержания — появилась под влиянием мысли о том, что семантическое пространство языка представляет собой континуум, и лексическое значение не имеет четко обозначенных границ.

Семантический признак, лежащий в основе СП, может рассматриваться как некоторая понятийная категория, так или иначе соотносящаяся с окружающей человека действительностью и его опытом. Познавая объективную действительность, человеческое мышление отмечает особенные и общие черты. На основе общности зафиксированных признаков слова, отражающие соответствующие явления, объединяются в определенную совокупность, которая и интерпретируется как СП. Вместе с тем в разных национальных картинах мира могут присутствовать не только универсальные понятийные категории, но и отличающиеся от принятых в других языках. Так, например, ядерные лексемы поля можно перевести как *благородство/знатность*, но содержательная сторона контитуентов СП *gentleness/nobleness* отличается от русских переводных эквивалентов, включает в себя черты и признаки, которые позволяют рассматривать их как специфический фрагмент английской ЯКМ.

Изучая лексические единицы, необходимо учитывать и лингвистические, и экстралингвистические подходы, поскольку «лексика языка непосредственно связана с историей, культурой, наукой, общественно-экономическим развитием народа и находится в тесных связях с внелингвистическими факторами, пренебрегать которыми означало бы сбросить со счетов научного анализа один из основных источников и причин смыслового изменения слова» [Уфимцева 1968: 17].

Рассмотрим состав английского СП *gentleness/nobleness*, которое выступает как способ реализации концепта *gentleman* в языке, а конститuentы этого семантического поля осуществляют функцию актуализации в речи не только самого СП, но и концепта *gentleman*, посредством которого, в свою очередь, и осуществляется презентация и актуализация понятия «благородство» в английской лингвокультуре. Соответственно, изучение СП *gentleness/nobleness* требует, таким образом, предварительного анализа концепта *gentleman* на основе исследования истории понятия «благородство» в британском языковом сознании.

Лексемы *gentleness* и *nobleness*, номинирующие понятие «благородство», восходят к французскому языку. Необходимо отметить, что форманты СП *gentleness/nobleness*, являясь заимствованными из французского, в более ранние периоды развития английского языка присутствовали в такой форме правописания — *jent* и *jentle*, сохраняя при этом семантическое тождество. От данных основ образовывались и дериваты, которые какое-то историческое время использовались наравне с компонентом *gent* и *gentle*. Наличие и употребление такого написания в английском языке подтверждает факт заимствования данной лексемы из французского языка. Указанное правописание представляет собой полную транслитерацию, ведь, как замечает Д. Девлин, «норманны принесли с собой целый лексический слой — франко-норманнский, — большая часть слов которого имела латинское происхождение, а некоторые — греческое, и англичане начали использовать уже готовые норманнские слова, вместо того чтобы продолжать формировать новые слова на основе родных корней...» [Девлин URL: <http://bukvi.ru/obshhestvo/inostrannij/slovoobrazovanie-v-anglijskom-yazyke-devlin-d.html>]. Лексема *nobility* также восходит к французскому *nobilite*. В свою очередь во французском языке оно появляется из латыни (Latin: *(g)nobilis 'noted, high-born'*).

В рассматриваемом нами поле концепт *gentleman* обладает национально-специфическими чертами.

Итак, первоначальная английская форма *gentle* восходит к французскому слову *gentil*, которое, в свою очередь, возникает на основе латинского понятия *gentilis*, обозначающего свободнорожденного человека, имеющего, в отличие от раба, гражданские права. В период распада Римской империи выражение *gentiles homines* римляне стали применять по отношению к своим завоевателям, и на этой основе в языке самих варварских народов возникли варианты *gentils hommes* (франц.), *gentilshombres* (исп.), *gentil men* (англ.). Этими словами обозначали людей «из хорошей семьи», «благородного происхождения». Так, существует точка зрения, что когда готы победили Римскую империю, название *barbari and gentiles hominess* стало применяться к завоевателям. Римлян называли сначала варварами,

следовательно, *Gentile* было синонимично *Barbarian*, а затем знатных людей или людей из хороших семей стали называть *gentiles homines*, *gentilsomes*, *gentils hommes*, *gentilshombres or gentil men* [Selden 1657: 865].

Хотя в сравнении с французским понятием *noblesse*, относящимся к дворянскому сословию, понятие *gentry*, *gentility* (от старофранц. *genterise*, *gentelise*) было более размыто, обозначало людей, не занимающихся ручным трудом (не обязательно аристократов), вплоть до XIV в. слова *Gentle*, *Gentility* могли выступать синонимами *Nobility*: так, герцог Норфолк был приговорен в 1399 г. к казни за измену своему сословному положению — *gentillesse*. Во всяком случае, отдельного от *Nobility* сословия *gentlemen* в Средние века не существовало. С 1414 г. в судебных реестрах Англии слово *gentleman* использовалось для обозначения младшего сына дворянина-землевладельца, который не мог наследовать своему отцу, поскольку существовал принцип единонаследия.

Вот почему, когда в конце XVI в. в английском обществе окончательно установилась дифференциация дворянских титулов, человек, принадлежащий к *gentry* (земельному дворянству), оказался ниже, чем эсквайр, кавалер, баронет, барон, виконт, граф, маркиз или герцог. Об этом свидетельствует, в частности, следующее утверждение В. Харрисона в «Описании Англии» (1577):

We in England divide our people commonly into four sorts, as gentlemen, citizens or burgesses, yeomen, and artificers, or labourers. Of gentlemen the first and chief (next the king) be the prince, dukes, marquesses, earls, vicounts, and barons: and these are called gentlemen of the greater sort, or (as our common usage of speech is) lords and noblemen: and next into them be knights, esquires, and last of all the that are simply called gentlemen...» [Harrison URL: <http://leehrsn.50megs.com/t1/105.html>].

Однако это обстоятельство парадоксальным образом способствовало пониманию того, что благородство происхождения облегчает возможность приобретения нравственного благородства, но не автоматически обеспечивает его, что знатность и благородство — не одно и то же, что король может пожаловать дворянский титул, но «не может сделать благородным человеком».

Следует подчеркнуть, что практически с самого начала в понятие «благородство» подразумевало не только достойное происхождение, но и достойное поведение, что отразилось и в семантике лексемы *gentleman*. Еще в трактатах XII в. подчеркивалось, что настоящая знатность (*nobility*) не дается благородными предками, а требует этического благородства. В эпоху зрелого Средневековья, в XIII—XIV вв., понятие «благородство» стало взаимодействовать с идеалом рыцаря, утвердившимся в эпоху крестовых походов.

В 1413 г. было впервые употреблена современная форма слова — *gentleman*: в этот период, по словам Д. Ситвелла, «мы встречаем в общественных записях *землепашцев, йоменов и иногда свободных землевладельцев недворянского происхождения и джентльменов, однако мода на название джентльмен появится значительно позже*» [Sitwell 1902: 4].

Перейдем к рассмотрению состава и структуры с СП *gentleness/nobleness*. Выделены 489 конститuentов, которые представлены различными частями речи:

прилагательные —

gentle, grand, honourable, worthy, noble, gentilish, gentee, gentilitia, generous, great, gentlemanlike, ladylike, aristocratic, highbred chivalrous, classy, lofty, precious grand, high, superb, notable, eminent, high-minded, distinguished, honorable, honourable, generous, highbred, refined; benign; handsome, honoured, proud, pure-blooded dignified, speciousness, august, big, honour, big heart, curule, gently born, etc.

существительные —

gentry, gentleman, gent, gentildom, generosity, lady, lord, dignity, honour, honorableness, honourableness, gentlemanship, gentleship, greatness, generousness, gentlehood, gentlemanhood, lordliness, knighthood, loftiness (целей), noblesse, dignity highness, chivalry, duke, prince, aristocrat, knight, aristocracy, aristocratism, nobleman, noblefolk, nobbler, nobilitation, nobility, nobleness, generosity, honor baron, pier, honesty, gentleboy, gentle-dam, noblewoman, noblely etc;

причастия —

high-minded, distinguished, high-hearted; high-souled; high-toned; noble-minded; whole-souled, noble-born, exalted high-placed well-born;

наречия —

gently, gentlemanly, genteelly, gentlewomanly, generously, nobly, honorably, aristocratically, knightly lordly princely;

глаголы —

genteelize, gentilize, gentle, dignify, nobilitate, noblify, honorify, lordify etc.

Рассматривая лексико-семантическую группу как микрополе в рамках семантического поля, можно отметить, что в данном СП существуют целый ряд ЛСГ:

1. Номинанты социальных групп — *knighthood, chivalry, gentry, gentility, gentleness, gentlehood, gentlefolks, nobleness, nobility, lordship, peerage, baronage, etc.*

2. Названия представителей высшего класса — *knight, gentleman, nobleman, aristocrat, lord, lady, baron, prince, duke, earl, esquire, worthy, etc.*

3. Антонимичные лексемы, номинирующие людей из низших слоев общества и их характерные черты: *beggar, commoner, low-born person, villain, ill-bred, rude, impolite, etc.*

4. Титулы — *lord, peer, prince, duke, earl, baron, baronet, duchess, yoman, esquire.*

5. Обозначения свойств, присущих джентльмену — *obstinacy, sobriety, magnanimity, literacy, generosity, honour, great, grand.*

6. Обозначения черт характера джентльмена — *honorable, worthy, gentle, great, well-bred, well-dressed, polite, intelligent, idle, chivalrous, etc.*

7. Описание манеры поведения, характерной для джентльмена: *noblemanly, gentlemanly, greatlty, respectively.*

Следует подчеркнуть, что обычно лингвисты отбирают конститuentы семантических полей из лексикографических источников разных языков, реже из текстов, при этом внутритекстовые связи и взаимовлияние семантики отдельного ЛСВ и семантики целого редко становились предметом серьезного анализа. Актуальным представляется изучение СП комплексно, ведь словарное значение приобретает некую однозначность только в контексте, а значит, более полное представление о репрезентации элементов СП может быть получено на основе изучения слова в рамках художественных текстов [Безкоровайная 2014].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Являясь основной формой представления ментальных феноменов, СП передает культурный опыт народа, описывает закрепленный столетиями обобщенный образ реальной действительности, имеющий национальные черты. Определенная понятийная сфера выражается языковыми средствами определенного языка. Языковая картина мира представлена полевыми структурами как общего, так и национального характера. Абстрактные понятия универсальны, но социокультурные и исторические условия их номинирования и закрепления в национальном сознании специфичны. Рассмотрение национальных картин мира с помощью описания входящих в нее СП позволяет увидеть как общее, так и различное не только в языке, но и в мировидении того или иного народа. «Картина мира есть результат определенного мировидения, которое всегда имеет системный характер» [Серебренников 1988: 53]. Исследованное поле *gentleness/nobleness* подтверждает этот тезис.

© Безкоровайная Г.Т.

Дата поступления: 26.06.2016

Дата принятия к печати: 25.01.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Безкоровайная Г.Т. Семантическое поле *gentleness/nobleness* и его актуализация в художественном тексте (на примере романов английских писателей XIX): автореф. дис. ... канд. филол. наук: Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. Самара, 2014.
2. Девлин Д. Словообразование в английском языке. Режим доступа: <http://bukvi.ru/obshestvo/inostrannij/slovoobrazovanie-v-anglijskom-yazyke-devlin-d.html>. Дата обращения: 25.07.2016.
3. Денисенко В.Н. Семантическое поле изменения в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Москва: РУДН, 2005.
4. Новиков Л.А. Проблемы языкового значения // Избранные труды. Москва: Издательство РУДН, 2001.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж, 2007. Режим доступа: <http://mir.zavantag.com/kultura/23202/index.html>. Дата обращения: 20.07.2016.
6. Рожков В.В. Метафорическая художественная картина мира А. и Б. Стругацких (на материале романа «Трудно быть богом»): дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2007.
7. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. Москва: Наука, 1988.

8. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. Москва: Наука, 1968.
9. Harisson W. (1577). *Description of England*. Режим доступа: <http://leehrsn.50megs.com/t1/105.html>. Дата обращения: 20.07.2016.
10. Selden (1672). *Titles of Honour*. Printed by E. Tyler, and R. Holt, for Thomas Dring. London.
11. Sitwell G. (1902). *The English Gentleman // London. The Ancestor*. I.

УДК: 81'37:81'27

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-413-419

SEMANTIC FIELD AS A FRAGMENT OF NATIONAL WORLD LANGUAGE PICTURE

G.T. Bezkorovaynaya

Moscow State University of Printing Arts n.a. Ivan Fyodorov
2-A, Pryanishnikova str., Moscow, Russia, 127550
begatil@yandex.ru

Abstract. The article considers the semantic field *gentleness/nobleness* as a fragment of the English national world picture. The semantic fields are the structures that constitute the general semantic sphere of any language. In course of the analysis of so important for Englishmen semantic field, the history and features of the field constituents are defined. The role of the concept **gentleman** is studied. The conclusion about the extra-linguistic aspect as a crucial factor for abstract concepts creating is made. The study of national world pictures by means of semantic fields makes it possible to understand the view of the world of different nations.

Key words: semantic field, national language world picture, gentleness, gentleman, extra-linguistic factors

REFERENCES

1. Bezkorovaynaya, G.T. (2014). *Semantic Field gentleness/nobleness and its Actualization in Fiction Text (exemplified by English Novels of XIX century)*. [dissertation abstract]. Samara State University of Social Sciences and Education. Samara. (in Russ).
2. Devlin, D. *Derivation in English*. URL: <http://bukvi.ru/obshestvo/inostrannij/slovoobrazovanie-v-anglijskom-yazyke-devlin-d.html> (accessed: 25.07.2016). (in Russ).
3. Denissenko, V.N. (2005). *The semantic field of change in the Russian language picture of the world*. [dissertation abstract]. Moscow: RUDN. (in Russ).
4. Novikov, L.A. (2001). *The problems of language values*. In: Selected Works. Moscow: RUDN. (in Russ).
5. Popova, Z.D. & Sternin, I.A (2007). *Language and National Worldview*. Voronezh. URL: <http://mir.zavantag.com/kultura/23202/index.html> (accessed: 20.07.2016). (in Russ).
6. Roshkov, V.V. (2007). *The metaphorical artistic picture of the world of A. and B. Strugatsky. (On the material of the novel "It's hard to be a god")*. [dissertation abstract]. Novosibirsk. (in Russ).
7. Serebrennikov, B.A. (1988). *The Role of Human Factor in Language. Language and Worldview*. Moscow: Nauka. (in Russ).
8. Ufimtseva, A.A. (1968). *Word in the Lexico-semantic system of language*. Moscow: Nauka. (in Russ).
9. Harisson, W. (1577). *Description of England*. URL: <http://leehrsn.50megs.com/t1/105.html> (accessed: 20.07.2016).
10. Selden (1672). *Titles of Honour*. London: Printed by E. Tyler and R. Holt, for Thomas Dring.
11. Sitwell, G. (1902). *The English Gentleman*. London: The Ancestor.

СЕМИОТИКА ЯЗЫКА И ИСКУССТВА

УДК: 003:82-21

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-420-429

ТИПЫ СЕМИОТИЧЕСКОГО ПОДОБИЯ ПРИ ТРАНСФОРМАЦИИ ПЬЕСЫ В СПЕКТАКЛЬ В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДРАМЫ

Е.Г. Логинова

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина
ул. Свободы, д. 46, Рязань, Россия, 390000
e.loginova@rsu.edu.ru

В статье рассматриваются типы подобия коммуникативно значимых элементов при трансформации мономодального пространства (пьеса) в полимодальное пространство (спектакль) в рамках единого дискурсивного пространства драмы, трактуемого автором в виде цепочки актов семиозиса. Целью исследования является определение направлений упорядочения дискурса драмы, организованного, как показано в статье, по принципу голографичности повторяющихся актов семиозиса. Используя моделирование в качестве основного метода исследования, автор статьи определяет четыре возможных направления упорядочения семиотически разнородного дискурсивного пространства и вычленяет два основных типа подобия мономодального и полимодального контекстов общения в подобном пространстве. Полученные результаты позволяют говорить о возможностях семиотического уподобления как универсалии, с одной стороны, определяющей характер полимодального и поликодового дискурса в целом и дискурса драмы в частности. С другой стороны, упорядочивающей разнообразные модификации формы и содержания знака как результата акта семиозиса, возникающие в трансформационных контекстах, конструируемых кодовыми переходами.

Ключевые слова: упорядочение, уподобление, подобие, акт семиозиса, семисфера, кодовые переходы, дискурсивное пространство

ВВЕДЕНИЕ

Семиотическое подобие есть естественная попытка языка упорядочить способы выражения смысла в неупорядоченных, на первый взгляд, контекстах. Дискурсивное пространство драмы представляет собой удобное поле для исследования возможных типов семиотического подобия, поскольку основной чертой драмы является полимодальность сопряженных смыслов и поликодовость их выражения. Единство дискурсивного пространства драмы обусловлено кодовыми переходами в рамках одного кода и переходами одного кода в другой, сопровождающими означивание новых единиц и их интерпретацию в ходе развития дискурса.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ФОРМУЛИРОВКА ЦЕЛИ

Рассматривая общеэстетические проблемы театра, кино, живописи, Ю.М. Лотман отмечал, что искусство — это всегда «средство познания и общения» [Лотман 1998: 583]. Это все языки, опирающиеся на систему знаков, упорядоченных и функ-

ционирующих согласно определенным правилам. И это все тексты — моделирующие системы, выполняющие роль контекста, необходимого для актуализации связи между означаемым и означающим знака.

Драма — особый текст, точнее текстуальное/дискурсивное пространство, включающее текст/дискурс пьесы-оригинала и возможные тексты/дискурсы-«дериваты»: режиссерские экспликации, спектакли и/или телевизионные постановки. Все вместе — это пространство взаимодействия разнородных семиотических систем, в котором некая исходная коммуникативная ситуация пьесы-оригинала является доминирующей, несмотря на изменения, которые эта коммуникативная ситуация неизбежно претерпевает в процессе трансформации пьесы в ее «дериваты».

Если подходить к дискурсивному пространству драмы с лингвосемиотических позиций (как к коммуникативному событию, во время которого происходят акты семиозиса), то рассматриваемая нами соположенность пьесы, ее сценических версий и/или театральных или телевизионных постановок может трактоваться в виде цепочки актов семиозиса, связанных отношениями формального и содержательного подобия.

В этом смысле драма является удобным материалом для исследования более широкой проблемы — проблемы упорядочения знаков и знаковых систем в процессе общения, реализующемся всегда в некоем дискурсивном (коммуникативном) пространстве — многомерной, подвижной структуре, своего рода «семиосфере», формируемой за счет перманентных кодовых переходов как внутри одной знаковой системы, так и переходов одной знаковой системы в другую.

Понятие «семиосферы», предложенное Ю.М. Лотманом для обозначения гетерогенного семиотического пространства [Лотман 1999: 165], позволяет говорить о внутренней организации такого пространства. Это организация, обусловленная не только соотношением различных систем кодов, но и соотношением дискурсивного пространства как «семиосферы» с семиотическим опытом интерпретатора: «Семиотическое пространство не есть сумма отдельных языков, а представляет собой условие их существования и работы, в определенном отношении предшествует им и постоянно взаимодействует с ними» [Лотман 1999: 163—164].

Сходная мысль получает развитие в исследованиях С.Н. Плотниковой, где отмечается, что дискурсивное пространство понимается «не как вместилище, в которое «помещены» дискурсы», а как «сложная система, параметры которой заданы возможностью объединения дискурсов». Это система, способная «к постоянной модификации за счет расширения/сужения границ или за счет уплотнения/уменьшения интенсивности взаимодействий» [Плотникова 2011].

Такой подход к трактовке дискурсивного пространства вполне обоснован, когда мы пытаемся определить механизм взаимосвязи знаков и знаковых систем в «семиосфере» дискурсивного пространства драмы.

Процесс упорядочения дискурсивного пространства драмы начинается в номодалном контексте общения, в котором языковые и выразительные средства превращают коммуникативное намерение автора в образную систему, представляющую собой систему знаков.

При сценической интерпретации пьесы¹ эта система знаков неизбежно трансформируется и, кроме того, происходит последовательное и/или одновременное «подключение» иных знаковых систем, отражающих «наложение» коммуникативных намерений режиссера, актеров и других участников коммуникации. В результате по-разному функционирующие знаковые системы синтезируются в единую полимодальную систему (спектакль). Такой синтез требует, с одной стороны, кодовых переходов между знаковыми системами (системами кодов), а, с другой стороны, упорядочения новой (трансформированной) образной системы в дискурсивном пространстве драмы.

В настоящей статье наша задача — уточнить направления упорядочения (уровни уподобления) семиотически разнородного дискурсивного пространства драмы, которое, как мы попытаемся показать, имеет динамический характер и организовано по принципу голографичности повторяющихся актов семиозиса. Это, в свою очередь, позволит нам определить типы подобия мономодального и полимодального контекстов общения в дискурсивном пространстве драмы.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Голографичность — понятие, введенное американским физиком Д. Бомом в 30-х гг. XX столетия и затем заимствованное в лингвистику и лингводидактику — обуславливает отражение практически всех характеристик целостного объекта в каждом его фрагменте. При этом целостный объект может быть составной частью другого релевантного целого.

В лингвистических и психолингвистических работах последних лет голографичность рассматривается как характерная черта коммуникации и одно из важнейших свойств гипертекста, определяющих особенности его функционирования [Бобкова 2011], а также как один из принципов обучения лексике, что позволяет устанавливать возможность вхождения лексической единицы в разноплановые внутриязыковые и межъязыковые ряды [Устинова 2010].

В дискурсивном пространстве драмы, несмотря на то, что каждый отдельный текст/дискурс имеет своего автора, дискурсивное пространство в целом способно проявлять все свои свойства (пространственно-временная локализация, наличие участников коммуникации, отношения между участниками и их отношение к предмету общения и др.) на любом отдельном участке, т.е. в пределах каждого отдельного текста/дискурса. В этом смысле голографичность может рассматриваться как иконичность актов семиозиса в пределах мономодального пространства (пьеса), полимодального пространства (спектакль) и при переходе мономодального пространства в полимодальное, что также предполагает целостность процессов семиозиса как одно из условий динамики дискурсивного пространства.

Избрав акт семиозиса единицей исследования, мы тем самым априори исходим из того, что в основе общения лежит семиозис (процесс означивания и интер-

¹ В рамках проводимого исследования мы не рассматриваем подробно режиссерскую экспликацию, поскольку она носит институциональный характер и может быть объектом отдельного исследования, как, например, самостоятельным исследованием является изучение черновики художественных произведений.

претации опыта), выступая каждый раз в виде проекции предшествующего опыта и опыта последующего. Такая трактовка семиозиса согласуется с пониманием Р. Хэррисом коммуникации как процесса, непрерывно интегрирующего новые коммуникативные события за счет интерпретации и создания знаков (“integration-through-sign-creation and sign-creation-through integration”), и включающего уподобление как процесс-посредник (“assimilation as a mediating process”) [Harris 2009: 68, 1996: 77].

Не останавливаясь подробно на психолингвистических основах семиозиса, отметим лишь, что семиозис представляет собой разнонаправленное явление, являясь процессом и результатом непрерывного взаимодействия компонентов коммуникативной ситуации: мотива, цели, пространственно-временных параметров, характеристик участников коммуникативной ситуации и др.

Исходя из этого, знак (как результат акта семиозиса в условиях коммуникативной ситуации) вовсе не является конечным этапом интерпретации и означивания. Знак указывает на ракурс «видения» конкретной ситуации с позиции голографичности общего контекста общения, а также, если следовать терминологии А.А. Залевской, «мультимодального гипертекста предшествующего опыта» интерпретирующего [Залевская 2016: 97]. Это, с одной стороны, может предполагать тождество коммуникативно значимых элементов в дискурсивном пространстве драмы, когда режиссер точно следует авторской ремарке и тексту пьесы, сохраняя характеристики знака в спектакле. С другой стороны, это может предполагать образ как отражение характеристик знака (создание голографично обусловленного подобия знаков разных систем кодов). В таком случае режиссерская трактовка связана с интерпретацией коммуникативной ситуации.

Возможные типы подобия в дискурсивном пространстве драмы наиболее отчетливо прослеживаются при рассмотрении уровней уподобления. В ходе анализа нами выделены следующие уровни уподобления: уподобление на уровне концептуального содержания высказывания, на уровне репрезентации концептуального содержания, на уровне образной структуры высказывания и на уровне коммуникативной структуры высказывания.

Результаты процесса семиозиса на каждом уровне можно представить в виде «голографических срезов», каждый из которых представляет своего рода веху уподобления. На уровне концептуального содержания — это понятийное ядро, стержневой концепт как результат конкретизации понятийного ядра, и концептосфера, формируемая вокруг стержневого концепта. На уровне репрезентации концептуального содержания — первичное значение, голографически представленное в контекстуально обусловленном варианте значения, и общеконтекстуальный смысл высказывания. На уровне образной структуры — художественная деталь, находящая отражение в образе и символе. На уровне коммуникативной структуры высказывания — речевой акт, коммуникативная ситуация, в которой этот речевой акт реализуется, и пьеса как коммуникативная ситуация.

Поскольку детальный анализ всех вех уподобления на каждом уровне выходит за рамки статьи, ограничимся анализом уподобления на уровне репрезентации концептуального содержания и на уровне образной структуры высказывания.

В качестве иллюстративного материала обратимся к пьесе А.П. Чехова «Дядя Ваня» и двум сценическим постановкам (спектакль О. Ефремова и спектакль М. Карбаускиса).

На уровне репрезентации концептуального содержания (где взаимодействие актов семиозиса достаточно четко прослеживается) исходной точкой становится фраза «неизбежная участь». Именно так в разговоре с нянькой (самое начало пьесы) Астров резюмирует размышление о собственной жизни: *«Затягивает эта жизнь. Кругом тебя одни чудаки, сплошь одни чудаки; а проживешь с ними года два-три и мало-помалу сам, незаметно для себя, становишься чудаком. Неизбежная участь»*.

В словаре В. И. Даля неизбежность (неизбытность, неизбывность) определяются как то, «что нельзя сбуть, что должно нести» [Даль URL: <http://www.dict.t-mm.ru/dal/>]. Значение слова «участь» — «то, что Бог дает человеку» [Даль URL: <http://www.dict.t-mm.ru/dal/>]. Контекстуально знак «неизбежная участь» приобретает коннотативный компонент неудовлетворенности собственной участью, при этом интегральный компонент значения присутствует.

Общеконтекстуальный смысл фразы раскрывается в сцене, когда Войницкий и Соня после отъезда профессора с женой вновь начинают работать, писать счета. У них нет надежды на то, что жизнь изменится, но они будут продолжать делать то, что делали, поскольку в этом их долг — «все должное, что должно исполнить; долг к Богу, долг гражданина, долг семьянина» [Даль URL: <http://www.dict.t-mm.ru/dal/>].

Спектакль по пьесе, поставленный на сцене МХТ имени Чехова в 1985 г. (режиссер-постановщик — О. Ефремов) начинается с экспликации того, что в пьесе имплицировано. Первая сцена происходит в комнате дяди Вани. Среди декораций — рабочий стол. Проснувшись, дядя Ваня, смотрит в окно, медленно обувается, в задумчивости делает несколько шагов по комнате. Подойдя к столу, садится за него, перекладывает бумаги, отставляет чернила, сбрасывает счета, будто собирается что-то делать, но так и не приступает к работе. Наоборот, встает, берет пиджак и идет в сад.

Мизансцена, представленная зрителю, аппроксимирует имплицитно выраженное содержание в тексте пьесы. Сигналом кодового перехода, сигналом уподобления, стала необходимость объяснить зрителю ту информацию, которой владеют участники коммуникативной ситуации (Астров и нянька), но которой не владеет читатель/зритель. И то, что старая нянька и врач сидят у стола, накрытого для чая (хотя время обедать), подчеркивает ощущение недосказанности, которую попытался выразить режиссер спектакля.

Режиссер М. Карбаускис, представивший свою интерпретацию пьесы в 2007 г., задействует дополнительные знаки, чтобы не только передать зрителю, но и усилить ощущение духоты и тягостного зноя, эксплицитно и имплицитно представленного в пьесе.

Начинается спектакль с декорации, занимающей практически все пространство сцены — фасад деревянного дома с высокими двустворчатыми застекленными окнами и входной дверью. Перед домом — гамак, на котором в подушках спит

дядя Ваня, укрывшись длинным халатом. Астров, сомлевший от духоты, тоже спит, растянувшись на деревянном настиле ближе к входной двери. Отказываясь пить чай, который подает ему нянька, Астров вытирает платком запотевшее от духоты лицо и с трудом переворачивается со спины на бок. При этом, разговаривая с нянькой, он остается лежать на полу.

Отбор режиссером знаков и знаковых систем обусловлен направлением семиотического уподобления, исходным звеном которого становится не знак 'неизбежность участи' (Астров даже не произносит фразу «*неизбежная участь*» в спектакле), а семантический компонент 'всеобщая усталость и праздное время провождение', выраженный невербально.

Приведенный пример перехода пьесы-оригинала в спектакль-«дериват» показывает, что образы, получающие означивание в тексте пьесы (знаки образов), трансформируются в процессе сценической интерпретации в образы, представленные знаками образов знаков образов. Иными словами, в трансформируемых контекстах, конструируемых при переходе одного кода с другой, происходят многократные изменения интерпретанты знака, на что указывал У. Эко в своем определении процесса непрерывного семиозиса: «Чтобы установить, какова интерпретанта какого-либо знака, нужно обозначить этот знак с помощью другого знака, интерпретантой которого в свою очередь будет следующий знак и т.д. Так начинается процесс непрерывного семиозиса» [Эко 1998: 53]. В ходе этого процесса каждый случай трансформации знака образа в образ знака образа и далее в знак образа знака образа «высвечивает» в голограмме дискурсивного пространства драмы коммуникативно-семиотическую функцию знака. Это функция означивать, означать и обобщать опыт (лингвистический и экстралингвистический).

Вышесказанное подтверждает и анализ уподобления на следующем уровне — уровне образной структуры высказывания. Исходная точка (художественная деталь) — стол дяди Вани, за которым он и Соня едят супа и к которому они возвращаются после отъезда профессора с женой в финале пьесы.

Дядя Ваня и Соня — люди, воспринимающие работу как свою участь, смысл существования и как благо, дающее уход от душевных страданий и надежду на обретение лучшей доли после смерти: «...мы с тобою, дядя, увидим жизнь светлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и на теперешние наши несчастья оглянемся с умилением, с улыбкой — и отдохнем». Так Чехов создает образ русского интеллигента, следовавшего чувству долга, благородного труженика, мечтающего о лучшей жизни на земле, но не для себя, а для других. Символом служения долгу, символом жертвенности становится дядя Ваня, хотя, следует обратить внимание, что символичность проявляется и в образе Сони.

О. Ефремов, начиная спектакль специально введенной сценой в комнате дяди Вани, акцентирует внимание зрителя на рабочем столе как коммуникативно значимой детали. Финальная сцена также происходит в комнате дяди Вани, что подчеркивает не только рамочную структуру спектакля, но и цикличность актов семиозиса в процессе кумуляции смысла. За рабочим столом — Войницкий и Соня. Однако если в пьесе они так и остаются сидеть за столом, то в спектакле и Соня, и дядя Ваня встают из-за стола. Соня произносит свой заключительный моно-

лог, находясь в центре сценического пространства. Дядя Ваня выходит на авансцену, в отчаянии обхватывает голову руками. Затем садится на краю сцены и так и остается сидеть в «фокусе внимания» зрителя, пока закрывается занавес.

Невербальное поведение дяди Вани, включая жесты, — все это знаки, символизирующие неизбежность следования долгу, неизбежность участи, с которой очень тяжело смириться Войницкому.

В спектакле М. Карбаускиса стола нет. Даже когда в финале спектакля Соня произносит реплику *«Давно уже мы не сидели вместе за этим столом»*, зритель не видит стола. Войницкий располагается с бумагами на подоконнике. Соня произносит финальный монолог, пронизанный надеждой на успокоение, также сидя на подоконнике около дяди Вани.

Огромная декорация усадьбы, функционирующая сначала как деталь, создает образ лениво текущей, праздно, «душной» жизни. В финале огромный дом с окнами, закрытыми глухими массивными ставнями, становится символом отсутствия жизни, ее завершенности. Это происходит в тот момент, когда последнее незакрытое ставнями окно после заключительных слов Сони (*«Мы отдохнем»*), тоже закрывают ставнями, и Соня с дядей Ваней остаются в заколоченном доме как Фирс — персонаж Чехова из пьесы *«Вишневый сад»*.

ВЫВОДЫ

В целом, анализируя спектакль как некий дериват пьесы-источника актов семиозиса, приходим к тому, что режиссер-постановщик может максимально точно следовать указаниям драматурга касательно организации сценического пространства, речевого поведения героев и т.д., что мы и наблюдаем в постановке О. Ефремова. Практически нет изменений в репликах персонажей (к возможным исключениям относятся интонационное оформление высказывания и темп произнесения реплик). Однако и при такой «аккуратной» режиссерской постановке следует говорить о кодовых переходах, отражающих трактовку режиссером и актерами актов семиозиса в тексте пьесы. Дело в том, что, используя иные знаковые системы (свет, звук, декорации, костюмы, мизансценирование и др.) при трансформации мономодального пространства пьесы в полимодальное пространство спектакля, режиссер создает визуальное и акустическое впечатление. И хотя внешние и внутренние репрезентационные характеристики знака сохраняются в спектакле, кодовые переходы происходят. Это кодовые переходы, предполагающие подобие по репрезентации как семиотическое тождество (первый тип подобия).

Вместе с тем при сценической интерпретации пьесы возможны и кодовые переходы иного уровня, когда в процессе семиозиса возникает новый знак как результат уподобления. В спектакле О. Ефремова такие новые знаки — добавленная режиссером сцена-представление дяди Вани, плащ и дорожный саквояж Астрова. Каждый из этих коммуникативно значимых элементов несет дополнительный семантический компонент. Дорожный саквояж определенной формы, например, — это своего рода знак принадлежности профессии. Не случайно подобный саквояж есть и у Астрова в спектакле М. Карбаускиса.

Помимо добавления семантических компонентов кодовые переходы второго типа могут быть основаны на опущении семантических компонентов, их перераспределении и повторе. Также возможна векторная замена, что наглядно демонстрируют кодовые переходы, задействованные при создании образов Войницкого и Серебрякова в спектакле М. Карбаускиса. Войницкий предстает перед зрителем инфантильным, мелочным, страдающим мигренью и абсолютно бездеятельным, не вызывающим сочувствия человеком. Серебряков же, наоборот, создает образ человека позитивного, преданного своему делу, заслуживающего уважения. Такая интерпретация достигается с учетом не только знака, создание которого детерминировано, как отмечалось выше, предшествующим познанием интерпретатора, но и с учетом отношений между знаками в рамках конкретной коммуникативной ситуации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В работе Дж. Стюарта, посвященной объяснению природы языка, приводится положение о том, что язык можно трактовать как «подчиняющийся правилам комплекс лингвистических сущностей», находящихся в отношении репрезентации с нелингвистическими сущностями [Стюарт 1990: 88]. Если рассматривать дискурсивное пространство драмы именно с таких позиций, как пространство соположенных разнородных «лингвистических сущностей», то критерием уподобления этих сущностей можно считать элементы семиотического сходства, проявляющиеся при анализе голографических срезов уподобления на разных уровнях дискурса. Кодовые переходы, обуславливающие взаимодействие знаков и знаковых систем в рамках единого полисемиотического пространства драмы, демонстрируют действие уподобления как универсалии, каждый раз приводящей процесс коммуникации к необходимой ситуативной однозначности, когда упорядочивается означенное, находящееся в процессе означивания и потенциально означаемое.

Думается, что предложенные в работе типы семиотического уподобления при трансформации пьесы-оригинала в спектакли-«дериваты» (тождество и образ) могут стать основой более детальной номенклатуры типов подобия в дискурсивном пространстве драмы как полимодального континуума, где уподобление есть принцип упорядочения знаков, их интерпретации и, соответственно, развития исходной коммуникативной ситуации.

© Логинова Е.Г.

Дата поступления: 23.12.2016

Дата принятия: 3.02.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бобкова П.В.* Онтологические характеристики электронного массмедийного гипертекста и перспективы его лингвистического исследования // Вестник МГЛУ. 2011. Вып. 14 (620). С. 7—15.
2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Режим доступа: <http://www.dict.t-mm.ru/dal>. Дата обращения: 30.09.2016.

3. Залевская А.А. Психолингвистические проблемы семиозиса // Вопросы психолингвистики. 2016. Вып. 3 (29).
4. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек (1981—1984) текст — семиосфера — история. Москва: Языки русской культуры, 1996.
5. Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПб, 1998.
6. Плотникова С.Н. Дискурсивное пространство: к проблеме определения понятия // *Magister Dixit*. Электронный научно-педагогический журнал Восточной Сибири. 2011. Вып. 2 (06). Режим доступа: <http://md.islu.ru>. Дата обращения: 04.10.2016.
7. Стюарт Дж. Возвращаясь к символической модели: нерепрезентативная модель природы языка // Знаковые системы в социальных и когнитивных процессах / ред. И.В. Поляков. Новосибирск: Наука (Сибирское отделение), 1990.
8. Устинова Е.С. «Голографичность» слова как результат его осмысления в различных «осмыслениях» // *Иностранные языки в высшей школе*. 2010. Вып. 2 (13).
9. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. Режим доступа: <http://www.dict.t-mm.ru/ushakov>. Дата обращения: 30.09.2016.
10. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. Москва: ТООТК «Петрополис», 1998.
11. Harris R. (1996). *Signs, Language and Communication*. London and New York: Routledge.
12. Harris R. (2009) *Integrationist Notes and Papers*. 2006—2008. Gamlingay: Bright Pen.

УДК: 003:82-21

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-420-429

TYPES OF SEMIOTIC SIMILITUDE IN DRAMATIC DISCOURSE: TRANSFORMATION OF A PLAY INTO A THEATRICAL PERFORMANCE

E.G. Loginova

Ryazan State University named for S.A. Esenin
46 Svoboda St., 390000, Ryazan, Russia
e.loginova@rsu.edu.ru

Abstract. The article is aimed at presenting types of semiotic similitude of the communicatively related semiotic acts in heterogeneous discursive space, namely dramatic discourse which includes monomodal discourse (play) and polymodal discourse (theatrical performance). Making an attempt to reveal the functional basis for intrasemiotic and intersemiotic code metamorphoses within the semiosphere of dramatic discourse the author pays special attention to analogy as a cognitive universal which ensures orderliness across modalities and thus accounts for integrational and complementary nature of communication. Model construction is chosen as a method of analyzing the characteristics and directions of semiosis in dramatic discourse. It makes it possible to define two types of semiotic similitude in dramatic discourse (semiotic identity and image) and to single out four interdependent vectors seen as a model which brings about orderliness through analogy when we deal with heterogeneous discursive space.

Key words: orderliness, analogy, similitude, semiotic act, semiosphere, code metamorphoses, discursive space

REFERENCES

1. Bobkova, P.V. (2011). Ontological characteristics of electronic mass media hypertext and perspectives of its research in linguistics. *Bulletin of MSLU*, 14 (620), 7—15. (in Russ).
2. Dal, V.I. *Explanatory dictionary of the living great Russian language*. URL: <http://www.dict.t-mm.ru/dal> (accessed: 30.09.2016). (in Russ).

3. Zalevskaya, A. (2016). A. Psycholinguistic problems of semiosis. *Journal of Psycholinguistics*, 3(29). (in Russ).
4. Lotman, Yu.M. (1996). *Inside minded worlds*. Human — text — semiosphere — history. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury. (in Russ).
5. Lotman, Yu.M. (1998). *About the Art*. SPb.: Art-SPB. (in Russ).
6. Plotnikova, S.N. (2011). Discourse as a space: a new approach. *Digital scientific and pedagogical journal of Eastern Siberia «Magister Dixit»*, 2 (06). URL: <http://md.islu.ru> (accessed: 4.10.2016). (in Russ).
7. Stuart, J. (1990). Back to symbolic modeling: nonrepresentative model of language essence. In: Polyakov, I.V. (Ed). *Sign systems in social and cognitive processes*. Novosibirsk. (in Russ).
8. Ustinova, E.S. (2010). Towards a «holographic» vision of vocabulary viewed in multiple dimensions. *Foreign languages in higher education*, 2(13). (in Russ).
9. Ushakov, D.N. *Explanatory Dictionary of the Russian Language*. URL: <http://www.dict.t-mm.ru/ushakov> (accessed: 30.09.2016). (in Russ).
10. Eco, U. (1998). *La Struttura Aassente Assente Introuaione. Ala Ricerca Semiologicala*. Moscow. (in Russ).
11. Harris, R. (1996). *Signs, Language and Communication*. London and New York: Routledge.
12. Harris, R. (2009). *Integrationist Notes and Papers*. 2006—2008. Gamlingay: Bright Pen.

УДК: 297.18:801.73

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-430-439

ПРОИЗВЕДЕНИЕ АБУ УБЕЙДЫ «МЕДЖАЗ АЛЬ-КОРАН» КАК НАЧАЛО НОВОГО НАПРАВЛЕНИЯ В ПРАКТИКЕ ТАФСИРА

К. Мамедова

Бакинский государственный университет
ул. Захида Халилова, 23 Баку, Азербайджан, 1148
naznar82@gmail.com

Произведение Абу Убейды «Меджаз Аль-Коран» является первой книгой по лингвистическому анализу текста священного Корана, которая сохранилась до наших дней. Заслуженой автором этого исследования является то, что исследование стиля написания Корана было началом первого этапа в арабской литературной критике и арабской литературе в целом. Автор подчеркивает, что нет большой разницы между использованием метафор в языке Корана и в арабской поэзии или в целом в арабском языке того периода. Также отмечается, что в устной речи арабов как до, так и после ниспослания Корана пророку Богом широко применялись метафоры. На самом деле автор написал вышеуказанную книгу не только лишь для арабов, но и для облегчения понимания Корана, что-то вроде учебного пособия.

В целом указанное произведение Абу Убейды о лингвистическом анализе и интерпретации Корана привело к появлению нового направления в деле лингвистического анализа Корана, и эта работа фактически заложила основу для подобного анализа, значительно облегчив работу интерпретаторов и представителей филологической науки.

Ключевые слова: арабский язык, Абу Убейда, «Меджаз Аль-Коран» лингвистический анализ и интерпретация Корана, новое направление филологической науки

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблемы связана с тем, что тема метафоры на основе толкований Корана, дав основу для формирования нового языковедческого направления, также и дала толчок формированию тафсира, т.е. комментариев. Все это способствовало расширению критических исследований в коранистике. Исходя из вышесказанного, мы пришли к необходимости более подробно анализировать сущность произведения Абу Убейды «Меджаз аль-Коран». О существовании указанного произведения, его авторстве есть такие надежные источники, как "الفهرس", затем произведение Аль-Хатиба — "تاريخ بغداد", Ибн Аль-Анбари — "نزهة الالباء", Ягута Аль-Хамави — "إرشاد الارب", Ибн Халигана — "الوفيات", и, наконец, Ас-Суитина — "بغية الوعاة".

Проблема метафоры в произведениях Абу Убейды. Отметим, что Абу Убейда Мамер Бин Аль-Мусенна Ат-Тейми (أبو عبيدة معمر بن المثنى التيمي) (728—825) родился в Басре, принадлежит к роду Бени Тейм племени Гурейш. Абу Убейда учился вместе с Абу Амром и Юнусом Бен Хабибом, у него же самого учились

Ибн Саллам, Аль-Мазини, Ас-Систани и знаменитый арабский поэт Абу Нувас. Абу Убейда, прекрасно владевший наряду с арабским языком также теологией и фикхом (правоведением), сумел собрать обширный материал по древней истории, литературе, нравам, истории арабского этноса. Историки и по сей день пользуются этим материалом [Мамедалиев 1985: 35].

Акад. В.М. Мамедалиев отмечает, что Абу Убейда, собрав произведения знаменитых арабских поэтов Джарира и Фараздагина, написал к ним комментарии. Одной из заслуг писателя является также то, что он составил сборник арабских пословиц и поговорок и написал и к ним комментарии.

Абу Убейда, принадлежавший к «внешней» секте, активно участвовал в движении Шуубиййа, направленном против арабов, а его книгой "مثالب العرب" (Ругательства) пользовались как оружием, в указанном движении [Мамедалиев 1985: 286]. Проф. М.Г. Кулиева в своем произведении «Коранические проповеди и азербайджанская литература» пишет, что «одним из первых источников, повествующих о кораническом проповедничестве, является произведение Абу Убайда "مجاز القرآن"» [Кулиева 2010: 269].

Автор, упоминая метафору, имеет в виду объяснение, комментарий и тафсир (толкование). Как считает автор, в аятах Корана используются повторы, которые хотят упорно акцентировать какую-либо цель. Все это имеет отношение к системе метафор. Тагдим и тахир (препозиция — постпозиция) как понятия также относятся к метафорам. Написав свое произведение, Абу Убайда тем самым «хотел дать толкование кораническому тексту» [Кулиева 2010: 396].

Ибн Надим упоминает пятьсот произведений Абу Убайда, написанных на самые разные темы. Среди них более всего распространено произведение под названием "مثالب العرب" و "طبقات الفرسان".

В целом можно упомянуть еще произведения исследователя, связанные с арабским языком и арабской литературой:

"نقائض جرير والفرزدق"، "مجاز القرآن"، "رسالة العقبة والبررة"، "مآثر العرب"، "مثالب العرب"، "افتوح أرمينية"، "ما تلحن فيه العامة"، "أيام العرب"، "الإنسان"، "الزرع"، "الثوارد"، "طبقات الشعراء"، "طبقات الفرسان"، "المحاضرات والمحاورات"، "الخيال"، "الأمثال"، "تسمية أزواج النبي"

Согласно точке зрения Ягута Аль-Хамави, свое произведение "مجاز القرآن" Абу Убейда написал в 188 год хиджры. Он так повествует от имени самого Абу Убейды: «в 188 год Хиджры по приглашению Фазла ибн Ар-Раби я приехал в Багдад. С позволения вошел в его покои. Он сидел на троне на широком ковре в большой комнате. Затем к обществу присоединился некто с книгой в руке. Фазль ибн Ар-Раби спросил у него: ты знаешь его? Тот ответил, что нет. Это есть самый знаменитый ученый из народа Басры Абу Убейда. Я вызвал его, чтобы воспользоваться его ученостью. Он сказал также, что соскучился по его знаниям. Хотел бы у него кое-что спросить. Я сказал: ну спрашивай. Он сказал: Аллах нам повелел, что

(الصفات: ٦٥) الشَّيَاطِينِ طَلَعَهَا كَأَنَّهُ رُؤُوسُ

Смысл этого понять трудно. Я же ответил, что Аллах обратился к арабам на языке, понятным им. Разве ты не слышал такое выражение имруль-Гейса:

وَمَسْنُونَةٌ زُرُقٌ كَأَنِّيَابِ أَعْوَالِ

أَيْقُنَانِي وَالْمَشْرِقِي مُضَاجِعِي

«Как они меня убьют, если моим местом отдохновения являются возвышенности голубого цвета, подобно очищенным одеждам черта?».

Они тоже никогда не видели черта, однако, услышав его имя, его именно так и представляли. Эти слова понравились Фазлу, понравились они и его гостям. В этот день я решил, что следует написать книгу, с помощью которой можно будет внести ясность в подобные вопросы. По возвращении в Басру я написал такую книгу, которую назвал "المجاز".

Согласно мнению Ягута Аль-Хамави, Аль Убейда написал и другую книгу на эту тему под названием "غريب القرآن": «Абу Убейда в исследовании Корана подерживал точку зрения „Хаваридж“». В целом у него есть два произведения о языке и стилистических особенностях Корана: "غريب القرآن" и "مجاز القرآن". Ибн Халлиган также свидетельствует о том, что автор написал именно эти две книги. Ас-Суюти, напротив, опровергает сказанное Ягутом Аль-Хамави и Ибн-Халлиганом, считая, что у Абу Убейды на указанную тему есть лишь одна книга, это "غريب القرآن"; здесь также исследуется тема "المجاز". Фактически две книги по тематике здесь объединяются в одну, и две темы исследованы вместе.

Ибн Ан-Надим, ибн Аль-Халлиган и Ягут Аль Хамави указывают на две книги по вышеотмеченной тематике. Возможно, что это та самая книга, которая находится в хранилище филологического факультета университета Аль-Искендерийе под названием "المجاز في تفسير غريب القرآن". При близком рассмотрении становится ясно, что здесь сделана попытка токования трудных слов и терминов. Сеййид Нофель, один из признанных специалистов по истории коранических проповедей, автор произведения "نشأة البلاغة", считает, что книга, о которой идет речь, то есть "مجاز القرآن" на самом деле является произведением под названием "غريب القرآن", здесь также широко анализируются проблемы метафоры.

Из сказаний вокруг истории создания этого произведения становится ясным, что автор поставил перед собой задачу не только толковать трудные по смыслу слова, но и раскрыть подлинное содержание метафоричности, всерьез проанализировать связи между словами и их смыслами. Автор, рассматривающий смыслы и содержание слов, анализирует их с разных позиций, а также многозначность, признаки флексии и проч.

АНАЛИЗ КНИГИ

Анализ указанной книги Абу Убейда полезен, на наш взгляд, в нескольких отношениях. Во-первых, в этом произведении поставлена цель анализировать в языковедческом плане текст Корана, причем эта первая книга подобного рода, дошедшая до наших дней. Во-вторых, этой книгой было заложено начало первого периода наглядного анализа коранического стиля, критического анализа арабского языка и арабской литературы. Наконец, в-третьих, книга на эту тему стала хрестоматийным источником на все последующие времена. Все исследователи в той или иной степени находились под влиянием этой книги при анализе Корана и его влияния на развитие арабского языка.

В предисловии к книге Абу Убейда повествуется о проблемах общего языкознания Корана, ведутся обширные рассуждения о смысле слова «коран», его эти-

мологии, причем все это делается достаточно оригинально: Эта книга потому называется «Коран», что здесь воедино объединены все суры. Ответ на этот вопрос стоит поискать в аятах Корана. Аллах в своем святом слове так повелевает нам:

"إِنَّ عَلَيْنَا جَمْعَهُ وَقُرْآنَهُ" (القيامة: ١٧)

«На нас лежит соединение (частей) и чтение (Корана). На нас лежит и разъяснение его» [Коран: сура 75. Аль-Кийама (Воскресение): 17]

(مجاز القرآن، مقدمة)

Автор для доказательства указанной мысли приводит многочисленные примеры из арабского языка и фольклора. Затем он последовательно рассматривает отдельные части текста Корана, средства выразительности, применяемые здесь, подчеркивая, что стиль и способ изложения соответствуют принятому в те времена общепарабскому стилю изложения и словоупотребления: «Коран по своему характеру изложения и смысловому содержанию соответствует способу словесного выражения в арабском языке того времени».

Определив в общем плане во введении цель исследования, автор разъясняет также методику рассмотрения проблемы. Высказывается мнение автора о книге, приводится толкование слова «метафора» в самом приближенном понимании. После этого он, начиная с суры «Аль-Фатиха», высказывается относительно текста Корана с точки зрения языкознания. Автор стремится выявить принцип тафсира (толкования), причем универсальный:

- 1) в пределах возможности стремится каждый аят комментировать содержанием другого аята;
- 2) с этой целью прибегает к содержательным хадисам;
- 3) затем стремится обосновать правильность своих выводов приведением доказательств из древнего арабского стиха, хутбы, пословиц и поговорок.

Автор во всех своих комментариях все время хочет доказать наличие бесспорной связи между стилем Корана и средствами выразительности в нем и средствами выражения арабского языка, с этой целью в конце каждого комментария пишет: "والعربُ تَفْعَلُ هذا" «И арабы так делают».

МЕТАФОРА И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕЕ КАК ТЕРМИНА АБУ УБЕЙДОЙ

Первое, что встречается в данном произведении — это позиция автора по отношению к метафоре. Он повествует как о буквальном, так и переносном значении этого слова. Вначале приводится первоначальный смысл данной категории, затем — дополнительные смыслы. Стремясь обосновать свои идеи относительно понятия метафоричности, Абу Убейда обращается к указанному выше аяту из Корана [Коран: сура Ас-Сафат, 65-1 аят], дает комментарий этого аята, и приводит при этом многочисленные примеры из арабской поэзии и фольклора.

Он приходит к выводу о том, что между использованием метафоричности в Коране и в целом в арабском языке большой разницы нет. По фактам очевидно, что как до коранической практики, так и после снисхождения Корана пророку Мухаммеду метафора применялась достаточно широко. Поэтому автор подчеркивает, что анализ в данной книге практики применения метафор и ее возможностей

делается не для арабов, а для понимания коранического текста. Книга фактически написана как учебное пособие для тех, кто изучает Коран.

Проф. Н.Н. Мамедов о метафоре пишет так: «Неповторимость Корана, его уникальность свидетельствует о том, что подобное произведение само человечество, его разум создать не в состоянии. В Коране есть многочисленные метафоры. Смысл того, что Аллах-Таала хотел донести до создания людей, усиливается применением иронии, повторов, ташбеха. В таком положении сохраняется смысл слов, но одновременно усиливается» [Мамедов 2008: 374].

Абу Убейда обосновывает мысль о том, что арабы с первых дней своей жизни воспринимают стиль и образ общения посредством языка, который они используют на протяжении всей своей последующей жизни. Использование этого стиля и форм переносных смыслов, на основе метафор, дало новые языковые возможности арабским племенам для усиления художественной выразительности, создания новых словесных выражений и образов.

Как считает Абу Убейда, метафора не является просто противоположностью тафира (однозначностью смысла). (الاستاذ امين الخولي، مادة تفسير، دائرة المعارف الاسلامية). Для того, чтобы пояснить суть проблемы, стоит обратить внимание на изменение смысла слова.

а) изменение смысла в слове может произойти в словарном контексте:

1) смысл может меняться при смене грамматической формы, к примеру, инфинитива на прилагательное. Например:

"...وَلَكِنَّ الْبِرَّ مَنْ آمَنَ بِاللَّهِ وَالْيَوْمِ الْآخِرِ..." (البقرة: 177)

«...а благочестие в том, чтобы уверовать в Аллаха, и в Последний День, и в ангелов его» [Коран: сура 1. Аль Багара (Корова): 177].

Автор, определяя с точки зрения арабского языкознания свое отношение к применению в указанном аяте метафоричности, пишет так: «Арабы из инфинитива создают прилагательное. Так, метафора *аль-бирр* в переносном смысле означает прилагательное в выражении *верующие в Аллаха*».

2) смысл *фаила* может перейти в другой смысл, *мафул*, или еще какой-нибудь:

"وَأَتَيْنَاهُ مِنَ الْكُنُوزِ مَا إِنَّ مَفَاتِحَهُ لَتَنُوءُ بِالْعُصْبَةِ أُولِي الْقُوَّةِ..." (القصص: 76)

«...и мы его таким богатством одарили, что (вес) ключей (от закров его) составил бы тяжелый груз для целой группы силачей...» [Коран: сура 28. Аль Кисас (Повествование): 76].

الْعُصْبَةُ — это выражение означает то, на чем держится связка ключей.

Формирование переносного смысла при смене *мафула* на *фаил* автор демонстрирует на следующем аяте:

"وَمَثَلُ الَّذِينَ كَفَرُوا كَمَثَلِ الَّذِي يَنْعِقُ بِمَا لَا يَسْمَعُ..." (البقرة: 171)

«Неверные не способны различать (слова), а слышат только зов и крики, глухи, немые и слепы — они любого разуменья лишены...» [Коран: Сура 2. Аль-Багара: 171].

Для иллюстрации сказанного из Корана приводятся еще много примеров.

б) Получение противоположного смысла. В качестве примера подобного превращения приводится следующее выражение:

"مِن وَرَائِهِمْ جَهَنَّمُ..." (الجاثية: 10)

«Ад — впереди у них (после смерти)...» [Коран: Сура 45. Аль-Джасия (Коленопреклоненные): 10].

Как видно из примера, переносный смысл слова из аята *وَرَاءَ* получает в этом слове противоположный смысл: *أَمَامَ* *və* *فَدَّامَ*.

с) Изменения в форме путем добавления некоторых букв. Например:

«...فَأَمْطُرُ عَلَيْهَا جَارَةً مِّنَ السَّمَاءِ أَوْ اثْبَتْنَا بِعَذَابٍ أَلِيمٍ» (الانفال: 32)

«...Пролей на нас с небес дождь из камней иль карой тяжкой накажи» [Коран: Сура 8. Аль-Анфаль (Военные трофеи): 32].

В этом аяте переносный смысл связан с тем, что если посланная вещь состоит из страданий, то следует использовать форму *أَمْطُرُ*, если же речь идет о помиловании, то следует использовать форму *مَطَرَ*. Подобный подход выглядит очень естественным с точки зрения общего стиля Корана.

ç) Изменение смысла слова. Например:

«...جَعَلُ فِيهَا مَن يُفْسِدُ فِيهَا وَيَسْفِكُ الدِّمَاءَ...» (البقرة: 30)

«...Ужель поставишь на Земле того, кто там нечестие посеет и кровь прольет на ней...?» [Коран: Сура 2. Аль-Багара: 30].

Согласно мнению автора и его последователей, в этом аяте внешне проглядывается один смысл, задается как бы вопрос, однако здесь этот вопрос носит явно риторический характер. Так, в начале аята говорится, что «*إِنِّي جَاعِلٌ فِي الْأَرْضِ خَلِيفَةً*» — «Я на Земле себе наместника поставлю». Отсюда уже понятно, о чем или о ком в последующем будет идти речь.

В связи с исследованием переносных смыслов в Коране-Кериме автор обращает внимание также на форму, показывающую степень имени прилагательного. Это форма *أَفْعَلُ*. С этой целью Абу Убейда обращается к различным аятам Корана и приводит необходимые примеры. Вот некоторые из них:

«*وَهُوَ الَّذِي بَدَأَ الْخَلْقَ ثُمَّ يُعِيدُهُ وَهُوَ أَهْوَنُ عَلَيْهِ...*» (الروم: 67)

«Он Тот, Кто создает первичное творенье, и (обратив его в небытие), потом воспроизводит вновь, и это (несомненно) для Него легко...» [Коран: Сура 30. Ар — Рум (Ар Рум): 27].

Согласно мнению Абу Убейды, слово *أَهْوَنُ* здесь использовано не в значении «*фашл*», а в иносказательном смысле, как *هَيِّنٌ*.

Переход смысла в тексте, носящего характер проповеди. Согласно мнению ученых, для выражения мысли в проповедническом смысле некоторые слова подвергаются определенным изменениям. Подобная практика широко применяется в тексте Корани-Керима. В связи с подобным употреблением автор приводит определенную классификацию:

а) *Тагдим и тахир (препозиция — постпозиция).*

С этой целью Абу Убейда приводит в качестве примера некоторые аяты:

«...فَإِذَا أَنْزَلْنَا عَلَيْهَا الْمَاءَ اهْتَزَّتْ وَرَبَتْ...» (الحج: 5)

«...Когда ж Мы на нее (землю) прольем дождем, она вся зашевелится, набухнет, и в парах изведет все виды поросли прекрасной...» [Коран: Сура 22. Аль-Хакк (Паломничество): 5].

Как считает автор, в указанном аяте с целью помощи проповедничеству применяется тагдим-тахир. Согласно его мнению, здесь на самом деле, "رَبَّتْ وَ اهْتَرَّتْ". Имеется в виду, что «проявится и придет в действие». В другом же аяте говорится так:

"الَّذِي أَحْسَنَ كُلَّ شَيْءٍ خَلَقَهُ... (السجدة: ٧)"

«Кто совершенный вид придал всему, что создал...» [Коран: Сура 32. Ас-Сажда (Поклон ниц): 7].

Как считает Абу Убейда, и здесь налицо представление — ...ведь имеется в виду именно этот смысл: "أَحْسَنَ خَلْقَ كُلِّ شَيْءٍ". После толкования аята смысл можно понимать следующим образом: «арабы поступают так». При разговорной речи используется стиль тагдим-тахир.

b) *Ташбех*. Смысл меняется при устной проповеди, произнесении Корана с амвона, в качестве примера Абу Убеуда обращается к следующему аяту:

"يَسَاوُكُمْ حَرَّتُ لَكُمْ فَأَتُوا حَرَّتَكُمْ أَنَّى شِئْتُمْ... (البقرة: ٢٢٣)"

«(О правоверные!) Для вас супруги ваши — нива, и вы на свою ниву приходите, когда желание в вас есть! ...» [Коран: Сура 2. Аль-Багара (Корова): 223].

Автор в этом аяте отмечает наличие иронии и тешбеха.

c) *Инсценировка и подражание*. Как считает автор, при помощи этой метафоры дается широкое поле деятельности для уподобления или подражания, перед глазами встает живая картина, сценка, что облегчает восприятие написанного. Например:

"أَقَمَنْ أَسَسَ بُنْيَانَهُ عَلَى تَقْوَى مِنَ اللَّهِ وَرِضْوَانٍ خَيْرٌ أَمْ مَنْ أَسَسَ بُنْيَانَهُ عَلَى شَفَا جُرُفٍ هَارٍ فَانْهَارَ بِهِ فِي نَارِ جَهَنَّمَ... (التوبة: ١٠٩)"

«Кто лучше: тот, кто заложил основу для постройки на благочестии и трепете перед Аллахом, или тот, кто заложил основу для постройки на обрывающемся склоне старого откоса, готовом раскрошиться в прах? Он вместе с ним во пламя Ада будет сокрушен!» [Коран: Сура 9. Ат-Товбе (Покаяние): 109].

Если вдуматься в смысл этого аята, то представляется своего рода живая зарисовка событий. Такое ощущение, что сам присутствуешь во всех процессах, где один сменяет другой. (ابو عبيدة، مجاز القرآن، ص. ٧٠)

Абу Умейд почувствовал и понял в указанном аяте тонкую грань между ташбехом и представлением (созданием сценической картинки), подчеркнув имеющееся здесь различие.

ç) *Истиаре*. Автор отмечает, что во многих аятах в Коране переносное значение слова передается с помощью истиаре (). Например:

"...وَيُنزِلُ عَلَيْكُمْ مِّنَ السَّمَاءِ مَاءً لِّيُطَهِّرَ كُمْ بِهِ وَيُذْهِبَ عَنْكُمْ رِجْسَ الشَّيْطَانِ وَلِيَرْبِطَ عَلَى قُلُوبِكُمْ وَيُنَبِّئَ بِهِ الْأَقْدَامَ" (الانفال: ١١)

«...в знак Своего миротворения для вас и ниспослал вам с неба воду, чтобы очистить ею вас, и снять с вас скверну Сатаны, чтобы укрепить ваши сердца и этим утвердить ваши стопы» [Коран: Сура 8. Аль-Анфаль (Военные трофеи): 11].

Или же:

"فَلَمْ تَقْتُلُوهُمْ وَلَكِنَّ اللَّهَ قَتَلَهُمْ وَمَا رَمَيْتَ إِذْ رَمَيْتَ وَلَكِنَّ اللَّهَ رَمَى... (الانفال، ١٧)"

«(О правоверные! (в Бедре), не вы их убивали — их убивал Аллах! Когда ты бросил горсть песка, бросал не ты — бросал...» [Коран: Сура 8. Аль-Анфаль (Военные трофеи), 17].

Из сказанного можно сделать вывод о том, что если в отдельных аятах одной и той же суры речь идет об одном и том же событии, то метафоричность используется для того, чтобы показать могущество Аллаха, проявляемое в помощи, оказываемой мусульманам.

Абу Убейда, поставивший перед собой цель проанализировать весь текст Корана, фактически изучил все аяты, выявив здесь все *истиаре* и *таибехи*.

d) **Ирония.** Одним из средств усиления воздействия Корана на сознание людей через метафоричность Абу Убейда называет иронию, причем применение ее в обществе связано с необходимостью избегания прямого названия чего-либо, посредством иносказания. Абу Убейда показывает, что ирония может выражаться посредством существительных, глаголов, а также вспомогательных языковых средств. В качестве обоснования своих идей автор приводит цитаты из Корана:

"يَسْأَلُكُمْ حَرْثٌ لَكُمْ فَأْتُوا حَرْثَكُمْ أَنَّى شِئْتُمْ... (البقرة: ٢٢٣)"

«(О благочестивые!) Для вас супруги — ваша нива, и вы на свою ниву приходите, когда желание в вас есть, но перед этим вы для душ своих какую-либо благодать уготовьте...» [Коран: Сура 2. Аль-Багара: 223].

Или же:

"...كُنْتُمْ مَرْضَىٰ أَوْ عَلَىٰ سَفَرٍ أَوْ جَاءَ أَحَدٌ مِّنْكُم مِّنَ الْغَائِطِ أَوْ لَامَسْتُمُ النِّسَاءَ... (النساء: ٤٣)"

«...а если вы больны или в поездке (иль выходили по естественной нужде) и возвратились, иль с женщиной сношение имели...» [Коран: Сура 4. Ан-Ниса (Женщина): 43].

Автор, приводя в качестве довода те или иные аяты, подчеркивает, что ирония здесь применяется лишь как метафора, в качестве средства внушения.

Али Убейд был убежден в том, в Корани-Кериме метафорические возможности были использованы достаточно широко. Автор приводит в подтверждение необходимые примеры: к примеру, в Коране одним из средств придания метафоричности является прием «*хазф*» (применение слова к месту), или же «*зияде*» (добавление слова). Однако некоторые из лингвистов, в особенности Аль-Мубаррад, не воспринимают его точку зрения о «*зияде*». В частности, они отрицают метафоричность частицы "إذ" в суре «Али Имран», 55-м аяте, которая фактически не является «*зияде*»:

"إِذْ قَالَ اللَّهُ يَا عِيسَىٰ... (آل عمران: ٥٥)"

«И (вспомните), когда Аллах сказал: О, Иса!...» [Коран: Сура 3. Али-Имран (семейство Имран): 55].

Аль-Мубаррад и другие представители филологической науки также пришли к выводу о правомерности вывода Абу Убейда о метафоричности выра-

жения "وقَالَ اللَّهُ يَا عِيسَى", подчеркнув, что в указанном контексте слово использовано в своем подлинном смысле, по этой причине вырвать его из общего контекста аята не представляется возможным (الشريف الرضى، اسرار لتتنزيل، ص، ١٦٥).

Одним из грамматических явлений, привлечших внимание Абу Убейда в связи с метафоричностью коранического текста, является «*ильтифат*» (переход, при необходимости, смысла от одного лица к другому, от одного пола к противоположному полу). С целью доказать данное положение автор приводит несколько примеров из текста Корана. Например:

"الم. ذَلِكَ الْكِتَابُ لَا رَيْبَ فِيهِ هُدًى لِّلْمُتَّقِينَ" (البقرة: ٢-١)

«Алеф — Лям — Мим. Книга эта, несомненно, наставление для тех, кто (гнева) Господа страшась, смирен и праведен (в своих деянях)» [Коран: Сура 2. Аль-Багара (Корова): 1—2].

Автор в указанном аяте ذلك (о) выделил метафору, подчеркнув ее иносказательный характер, выражающий этот смысл هذا (эта).

Приведенные выше аяты являются лишь некоторыми из исследованных в Коране Абу Убейдом.

ВЫВОДЫ

Подводя итоги исследования, можно сказать, что Абу Убейда заложил своим творчеством, т.е. лингвистическим анализом и толкованием текстов Корана основу нового направления в теории коранистики — языковедческий анализ Корана. Известно, что исследованное произведение Абу Убейды значительно облегчило задачи последующих поколений ученых, следовавших в указанном направлении.

Отметим, что и по сей день лингвистический и литературоведческий анализ текста Корана является объектом исследования многих специалистов.

© Мамедова К.

Дата поступления: 24.12.2016

Дата принятия: 3.02.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мамедалиев В.М. Арабское языкознание. Баку, 1985 (на азербайджанском языке).
2. Кулиева М.Г. Коранические проповеди и азербайджанская литература. Баку, 2010. (на азербайджанском языке).
3. Коран. Перевод смысла и комментарии иман Валерии Пороховой. Изд. 8. Москва: Рипол-Классик, 2005.
4. Мамедов Н.Н. Стилистические особенности Корана-Керима. Баку, 2008.
5. ابن النديم. الفهرست، بيروت، مكتبة خياط، ١٩٩٢
6. أبو عبيدة. مجاز القرآن، بغداد، ١٩٧١
7. امين الخولي، مناهج تجديد في النحو والبلاغة والتفسير والادب. القاهرة، ١٩٦١، ص. ٢٣٥
8. السيوطي. بغية الوعاة في طبقات اللغويين والنحاة، دار الفكر، ١٩٧٩
9. سيد نوفل، نشأة البلاغة، ص ١٨٨
10. شرح ديوان امرئ القيس، طهندية، ١٩٠٦
11. الشريف الرضى، تلخيص البيان في مجازات القرآن القاهرة، ١٩٥٥، ص. ٣٠٨
12. ياقوت الحموي. معجم الأدباء إرشاد الأريب إلى معرفة الأديب، دار الغرب الإسلامي، ١٩٩٣

УДК: 297.18:801.73

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-430-439

ABU UBAlDAH'S "MAJAZ AL-QUR'AN" AS THE BEGINNING OF A NEW TREND IN THE PRACTICE OF TAFSIR

K. Mamedova

Baku State University

Str. Zahid Khalilov, 23, Baku, Azerbaijan, 1148

naznar82@gmail.com

Abstract. Abu Ubaidah's "Majaz al-Qur'an" is the first book on the linguistic analysis of the text of the Holy Qur'an, which has survived to our days. This author stands out among others because his research was the first research and analysis of the style of writing of Qur'an and it was the beginning of the first stage of criticism in the Arabic literary in general. The author emphasizes that there is little difference between the use of metaphors in the language of Qur'an and Arabic poetry, or in general in the Arabic language of the period. It is also noted that Arabs widely used metaphors in their oral speech, both before and after the revelation of Qur'an to the prophet of God. In fact, the author wrote the above-mentioned book, not only for Arabs, but also to facilitate the understanding of Qur'an, something like a textbook.

In general, the mentioned work of Abu Ubaidah on the linguistic analysis and interpretation of Qur'an led to the emergence of a new direction in the linguistic analysis of Qur'an. This work has actually paved the way for this research, and it has greatly eased the work of interpreters and representatives of philological science.

Key words: Arabic language, Abu Ubaidah, Majaz al-Qur'an, linguistic analysis and interpretation of Qur'an, new direction of philological science

REFERENCES

1. Mamedaliev, V.M. (1985). *Arabic linguistics*. Baku. (In Azerb).
2. Kuliyeva, M.G. (2010). *Quranic sermons and Azerbaijani literature*. Baku. (In Azerb).
3. Koran (2005). *Translation of meaning and comments by Iman Valeria Porokhova*. Ed. 8. Moscow: Ripol-Classic. (In Russ).
4. Mamedov, N.N. (2008). *Stylistic features of the Koran-Kerim*. Baku. (In Russ).
5. ابن النديم. الفهرست، بيروت، مكتبة خياط، ١٩٩٢
6. أبو عبيدة. مجاز القرآن، بغداد، ١٩٧١
7. امين الخولي، مناهج تجديد في النحو والبلاغة والتفسير والادب. القاهرة، ١٩٦١، ص. ٢٣٥
8. السيوطي. بغية الوعاة في طبقات اللغويين والنحاة، دار الفكر، ١٩٧٩
9. سيد نوفل، نشأة البلاغة، ص. ١٨٨
10. شرح ديوان امرئ القيس، ط. هندية، ١٩٠٦
11. الشريف الرضي، تلخيص البيان في مجازات القرآن القاهرة، ١٩٥٥، ص. ٣٠٨
12. ياقوت الحموي. معجم الأدباء إرشاد الأريب إلى معرفة الأديب، دار الغرب الإسلامي، ١٩٩٣

Сведения об авторе:

Мамедова Кенул, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры арабской филологии Бакинского государственного университета; *e-mail*: naznar82@gmail.com

Bio Note:

Mamedova Khenul, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Arabic Philology, Baku State University; *e-mail*: naznar82@gmail.com

УДК: 811.133.1'276.6:7.048.3

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-440-447

ОРИЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОКИ ОБРАЗНОГО ЯЗЫКА ФРАНЦУЗСКОГО ОРНАМЕНТАЛЬНОГО ИСКУССТВА XVII—XVIII ВВ.

Д.Г. Ткач

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина

(Технологии. Дизайн. Искусство)

ул. Малая Калужская, 1, Москва, Россия, 119071

tkach.dmitry@mail.ru

На XVII—XVIII вв. приходится период наивысшего расцвета французского прикладного искусства и его утверждение в Европе в качестве общепризнанного эталона. Это было достигнуто в результате творческого развития французскими мастерами традиционного европейского орнаментального искусства, а также благодаря успешной адаптации ими ориентального декора. В статье раскрываются особенности образного языка орнаментального искусства стран Востока, анализируется символический смысл и эволюция наиболее часто встречающихся во французском декоре XVII—XVIII вв. орнаментальных мотивов восточного происхождения. Описаны первоисточники, зарождение и развитие ориентального стиля шинуазри (*chinoiserie*) во Франции, а также роль выдающихся французских художников-декораторов в формировании этого стиля. Выявлено значение образного языка шинуазри как органичной части орнаментального лексикона стилей барокко и рококо.

Ключевые слова: семантика орнамента, образный язык орнамента, ориентальный декор, стиль шинуазри, орнаментальное искусство Франции

ВВЕДЕНИЕ

Начиная с периода античности, художественные изделия стран Востока являлись источником вдохновения для европейского декоративно-прикладного искусства. Вплоть до XVI в. орнаментальные стили Европы формировались под значительным влиянием относительно малоудаленных стран Ближнего Востока и Персии. С XVII в. преобладающее влияние перешло к странам Дальнего Востока — Индии и Китаю. Источники этого влияния зачастую достаточно трудно разделить, так как художники-орнаменталисты XVII—XVIII вв. при заимствовании мотивов восточного искусства смешивали эти мотивы, не заботясь об их происхождении: «Было множество примеров, когда турки, индусы, китайцы и даже... обезьяны сосуществовали без всяких нареканий со стороны современников Декарта, Бюффона и Канта» [*L'art decoratif en Europe 1992: 228*]. Сведения о странах Дальнего Востока долгое время оставались весьма приблизительными, путаными, с большой примесью фантазий. Теории были весьма туманными, некоторые из них, например, приписывали Китаю связи с древним Египтом. Этим объясняется отсутствие интереса публики к различению стран Дальнего Востока и обозначение их общим названием «Индии» («*Les Indes*»).

Первые индийские набивные ткани появились в Европе в конце XVI в., и с развитием морской торговли ввоз этого престижного и дорогого товара увеличивается. Желание подражать вошедшим в моду индийским тканям и их мотивам явилось основным стимулом развития европейских набивных мануфактур в XVII—XVIII вв.

С эстетической точки зрения индийские ткани характеризовались исключительным богатством орнаментальной образности, и индийская модель долгое время доминировала в европейском набивном текстиле. Главный хранитель Музея печати на тканях в г. Мюлуз (Франция) Жаклин Жаке пишет: «Та важная роль, которую сыграла индийская продукция в создании европейской текстильной набойки как с точки зрения техники окрашивания, так и с точки зрения декора и эстетики, показывает, насколько индийские мотивы были близки духу XVIII в. Долг признания этого европейцами был отдан в самом определении набивного текстиля, который долго назывался „индьенн“ (indiennes)» [Jacqué 1995: 164], независимо от места его изготовления.

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗНОГО ЯЗЫКА ОРНАМЕНТАЛЬНОГО ИСКУССТВА СТРАН ВОСТОКА

Общеизвестно, что в эпоху, предвещающую промышленную революцию, вклад Востока в язык текстильного декора был гораздо более значительным, чем вклад Запада. Французский исследователь Патрис Хьюг объясняет этот факт рядом значительных цивилизационных отличий Востока и Запада. Согласно его гипотезе существует некая связь между областью исчисления и областью орнаментальных ритмов. Так называемые «арабские» цифры (в том числе ноль, разряды и основы алгебры) были заимствованы арабами в Индии и переданы ими на Запад в период с VII по X в. Таким образом, отставание Запада в развитии орнамента может быть связано с изначальным отставанием в системе исчисления. На индийских тканях присутствие числа проявляется в схемах ритмов, характеризующих развитие мотива. При этом ритмическая структура декора гармонично сочеталась с замечательным чувством природы и могла включать антропоморфные изображения.

В своем исследовании «Язык ткани» П. Хьюг отмечает, что между миром текстильного орнамента и миром письма также существует особая, довольно тесная связь. В Индии, Персии, Китае и в странах ислама при декорировании ткани охотно и весьма гармонично соединяли орнаментальные мотивы с буквами письма, при этом эти буквы сами иногда становились мотивами [Hugues 1975: 50]. В культуре Запада приходится обратиться к самым древним средневековым вышивкам, чтобы обнаружить буквы в соединении с мотивами, и то речь идет только об уставном или готическом алфавите, которые хорошо вписываются в орнаментальные формулы: «Когда же в алфавите стало преобладать стремление к графическому выражению идеи, а слово стало самым простым и рациональным сигнальным кодом, как это случилось в латинском алфавите на Западе, — пишет Хьюг, — тогда прекратилась всякая возможность выражения чувств при написании букв, а следовательно, и возможность орнаментальной комбинации их с мотивами» [там же].

Таким образом, мир письма и мир текстильного орнамента разделились, а в дальнейшем печатное воспроизведение текстов значительно опережало печатное орнаментирование тканей. Этого не произошло на Востоке, где письмо оставалось сложным, не столь рационализированным: китайские иероглифы, близкие к идеографическому символу идеи или вещи, буквы исламского алфавита, недостаточно вокализированные, частично силлабические, написание которых может иметь различные орнаментальные вариации. Во всех этих случаях соединение мотива и письма оставалось возможным, и письмо в непрерывном контакте с миром орнамента образовывало весьма жизнеспособную единую орнаментально-знаковую систему, не исключавшую изображение человека или божества.

На Западе предпочтение было отдано изображению Бога или человека. Поскольку письмо не давало возможности чувственного выражения, чувство нашло выражение в автономном развитии человеческого изображения, вплоть до полной его индивидуализации в скульптурных и живописных произведениях. «Развиваясь в направлении индивидуализации, — пишет Хьюг, — изображение отклонялось от ритмической ассоциативности и подчинялось принципам, отличающимся от ритмических принципов повторяемости мотивов. Поэтому в западных тканях не произошло общего развития изображения как мотива» [Hughes 1975: 54].

ДРЕВО ЖИЗНИ. СИМВОЛИКА ОРНАМЕНТАЛЬНОГО МОТИВА

Из всего многообразия заимствованных европейской набойкой восточных мотивов, включающего немало достаточно абстрактных форм растительного происхождения, например, кашемировая пальметка, восточный огурец, мотив древа жизни выделяется многозначностью сюжетных трактовок. Этот крупный повторяющийся мотив разворачивается по поверхности ткани, протягивая свои ветви и стебли, на конце которых имеются букеты цветов или просто цветы, фрукты, вполне узнаваемые. Одни из них крупнее, другие становятся все мельче в соответствии с расположением и кажущимся произвольным, а на самом деле весьма упорядоченным, соотношением между мотивом и интервалами. Здесь присутствует как животный, так и минеральный мир: цапли, змеи, черепахи (китайские символы долголетия), помещенные на скалистой почве как бы в состоянии поклонения перед священным деревом, являющимся символом Шивы.

В целом древо сочетает в себе напоминание о земном рае, о любви к природе с характерным индийским мистицизмом и образами садов с персидских миниатюр и ковров. Влияние ислама присутствует в ритмах разрастания дерева, в полях цветов, которые его окружают и занимают пространство как божественный посев. Изображение древа осевое и в то же время столь же индивидуальное, как и дерево в природе, характеризующееся и симметрией и асимметрией. У подножия древа или на бордюре могут быть помещены многочисленные персонажи, в том числе люди и божества. Древо жизни есть символ всех видов плодородия. Как пишет П. Хьюг, оно «является мотивом великого синтеза, мотивом универсальной мировой значимости».

Древо жизни — пример уникального долголетия мотива, проходящего через время и пространство и появляющегося на ткани в различных вариациях. На набивных индийских тканях XVIII в., произведенных по заказу Французской Восточно-Индийской компании, этот мотив уже изменен с учетом вкусов западной клиентуры, что проявляется в бордюре, принимающем вид гирлянд, и в некоторых других деталях западноевропейского декоративного лексикона.

ОБРАЗНЫЙ ЯЗЫК ОРНАМЕНТОВ СТИЛЯ ШИНУАЗРИ

Ставший модным в Европе в XVII в. ориентальный экзотический стиль вобрал в себя значительную группу мотивов, имеющих китайское происхождение или отражающих весьма причудливое европейское представление того времени о Китае. Термин «шинуазри» (в переводе с французского ‘китайщина’) появился лишь в эпоху Бальзака: в то время он обозначал дешевый экзотизм, распространявшийся в интерьере буржуазии, и носил скорее иронический оттенок, который отчасти продолжает сохранять и в наше время. В XVII и XVIII в. шинуазри, как мы этот термин понимаем сегодня, соответствовал термину *des Indes*, т.е. «из Индии».

Первое представление о «Катае» (*Cathay* — так называли Китай в средние века в Европе) дал миру Марко Поло. Его книга, появившаяся в начале XIV в., повествовала об экзотической стране изысканной учтивости и мудрецов-правителей, стране природных богатств и сокровищ. Последовавшие за ней сочинения монахов-иезуитов и европейских послов закрепили этот сказочный образ Китая в воображении европейцев.

Если тексты о Китае становились все более многочисленными, то иллюстрации оставались весьма редкими. Голландец Ян Нейхов (*Jan Nieuhoff*) сыграл определяющую роль в развитии шинуазри, опубликовав свой отчет о посещении китайского императора в 1655 г., снабженный более чем сотней эстампов. Эти изображения являлись важным источником мотивов шинуазри в текстильных сюжетных композициях вплоть до XIX в. После знакомства с вышедшей в 1667 г. серией эстампов немецкого гравера Атанасиуса Киршера (*Athanasius Kircher*), изображавшей азиатских суверенов в обстановке невиданной роскоши, Людовик XIV, по свидетельству Лафонтена, приказал обтянуть стены внутренних апартаментов в Версальском дворце роскошными тканями, привезенными из Китая [*L'art decoratif en Europe* 1992: 234], а также появлялся на маскараде в костюме, наполовину персидском, наполовину китайском [Джекобсон 2004: 31].

Литература о Китае и иллюстрирующие ее эстампы подготовили условия для возникновения китайского стиля, но сам факт его рождения был связан с началом импорта китайских товаров. Спрос на них был так велик, что европейские мастера начали на месте производить изделия в подражание китайским образцам или фантазируя на эту тему.

Необходимо подчеркнуть, что стиль шинуазри являлся в значительной мере продуктом европейского воображения. При проектировании мотивов шинуазри

очень много места отводилось фантазии и весьма мало — точному воспроизведению существующих моделей. Это было связано с недостаточным количеством и приблизительным характером иллюстративного материала, а также недоступностью и дороговизной образцов. Зачастую новый стиль имел лишь весьма отдаленную связь с первоисточником. Об этом свидетельствует тот факт, что китайцы видели в присланных из Европы шинуазри типичные образцы западноевропейского искусства, как это было со шпалерами в стиле шинуазри, подаренными Людовиком XV китайскому императору [Джекобсон 2004: 31].

Отметим, что близкое к оригиналам копирование китайских мотивов стало преобладающим во французском декоре лишь начиная со второй половины XIX в. в рамках исторического стиля. Этот подход стал возможен благодаря появлению источников с более точными описаниями и изображениями китайской архитектуры и декоративно-прикладного искусства, первым из которых можно считать вышедшую в 1760 г. богато иллюстрированную книгу английского архитектора Вильяма Чемберса (William Chambers).

Напомним, что начиная с периода античности торговля шелком, ценным за его эстетические качества и удобство в носке, являлась главной связующей нитью между Европой и Китаем. Успех в Европе богато орнаментированных ориентальных шелков побудил итальянских ремесленников-ткачей использовать их мотивы в своих изделиях. С середины XIV в. ткачи из Лукки, а затем из Флоренции и Венеции начали имитировать в довольно свободной манере китайские мотивы — цветочные, геометрические и символические, заложив основы стиля шинуазри в европейском текстиле. При этом ориентальная орнаментика воспринималась только в связи с ее декоративными качествами без учета изначального смыслового значения. Италия долгое время оставалась европейским монополистом в области производства роскошных тканей с ориентализированными мотивами.

Эта монополия просуществовала до середины XVII в., когда заказы французского двора и аристократии, увлеченных модой на все китайское, способствовали началу производства таких тканей в Туре, Лионе и Париже. Декор этих тканей, помимо символических китайских мотивов — солнца, луны, звезд, гор, драконов, фениксов, ваз и т.п., мог включать в себя и сюжетные сценки с персонажами экзотического вида, а также вплетенные в орнамент фигуры китайцев. При этом первоисточником мотивов был уже декор не только китайских тканей, но и китайского фарфора, а также китайских деревянных лаковых панелей и обоев. Во второй половине XVII в. темы и мотивы шинуазри проникают в гобеленовое ткачество. Первой работой, отметившей приход нового стиля, можно считать тканое панно «Индии» (*Les Indes*), выполненное в 1687 г. на Королевской мануфактуре Гобеленов под руководством ее директора Лебрена (*Le Brun*).

Установившийся во Франции стиль барокко с его пышным декором, динамичными орнаментами формами хорошо сочетался с экстравагантностью и блеском шинуазри. Однако «...для барокко шинуазри был лишь новомодным веянием, но отнюдь не главным средством художественной выразительности. Мастеров

эпохи барокко привлекала только его внешняя экзотическая сторона, в то время как приверженцы нового стиля рококо чувствовали глубинную внутреннюю связь с шинуазри, его близость новому мироощущению» [Джекобсон 2004: 60], — пишет известный английский исследователь Д. Джекобсон.

Выдающиеся мастера рококо, и среди них Антуан Ватто, выполняли заказы на оформление интерьеров в китайском стиле. Работы Ватто в стиле шинуазри немногочисленны, но именно они определили основное направление развития этого стиля в Европе в эпоху рококо. Присущая творчеству Ватто лиричность и изысканная элегантность характерна для его работ в китайском стиле, сюжет которых он трактует достаточно иронично.

Продолжателем традиций Ватто в области шинуазри стал Франсуа Буше, стилю произведений которого свойственны яркая выразительность и игривый эротизм. Тему шинуазри в своем творчестве он начал с воспроизведения в гравюре работ Ватто, а затем продолжил выпуском многочисленных серий гравюр на эту тему, выполненных им самим или лучшими граверами того времени по его рисункам. Впоследствии эти эстампы явились важным источником мотивов шинуазри во французском орнаментальном искусстве.

Апогеем китайского стиля в творчестве Буше можно считать серию из девяти картонов для королевской мануфактуры Бовэ, шесть из которых получили воплощение в гобеленах, настолько успешных, что в период 1745—1775 гг. они воспроизводились двенадцать раз. Девятый комплект шпалер этой серии, вытканый в 1759 г., был подарен Людовиком XV в 1767 г. китайскому императору Цянлуню, который для его размещения построил специальный павильон.

В работах Буше таинственный и величественный образ Китая, каким он представлялся в эпоху барокко, уступил место образу беззаботному, эпикурейскому и пасторальному, характерному для эпохи рококо. На пышных рисунках шпалер и других произведениях эпохи рококо облик китайцев хотя и экзотичен, но несомненно это «утонченно-изысканные обитатели парижских салонов» [Джекобсон 2004: 62].

Значительный вклад в становление стиля шинуазри внес выдающийся французский график-орнаменталист Жан Пиллеман (Pillement), который работал не только на родине, во Франции, но и выполнял заказы почти во всех крупных городах Европы. В отличие от Буше, его больше интересовала не телесность воображаемого причудливого мира, а его сказочная, фантастическая сторона. Вдохновляясь произведениями китайской графики, Пиллеман создал сотни рисунков, гравюр, орнаментов в стиле шинуазри, нашедших впоследствии широкое применение в декоративно-прикладном искусстве, в том числе и в сюжетном текстиле.

Стиль шинуазри в текстильном декоре, проявившийся вначале в гобеленовом и шелковом ткачестве, расцвел в возродившейся после отмены запрета французской набойке второй половины XVIII в. Набивные мануфактуры Парижского и Эльзасского регионов, а также Нанта и Руана активно использовали мотивы шинуазри в декоре, наносимом с помощью деревянных печатных форм и гравиро-

ванных медных пластин. В набойках мануфактуры Жуи (Jouy), наиболее крупной французской текстильной мануфактуры XVIII в., китайские мотивы появились с самого начала производства — первый рисунок в стиле шинуазри «Китаец с тачкой» датируется 1760 г.

Помимо геометрических и растительно-цветочных мотивов шинуазри значительное место в набойке занимают сюжетные мотивы с китайскими персонажами. Для этого типа мотивов характерной является композиционно-раппортная схема, при которой четыре или пять сюжетных сцен в одном масштабе (одна из которых является доминантной) расположены как бы на островках на разных уровнях орнаментального поля. Среди сюжетов этих сцен можно выделить четыре наиболее часто встречающихся: чайная церемония, рыбная ловля, китайская архитектура (пагоды), фантастические птицы среди экзотической природы.

Испытав период расцвета во французском орнаментальном искусстве XVIII—XVIII вв., стиль шинуазри отступил на второй план с приходом классицизма, однако закрепился в качестве самостоятельной темы, периодически используемой вплоть до наших дней.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многие особенности образного языка французского орнаментального искусства XVIII—XVIII вв. обусловлены влиянием ориентального искусства. В XVIII—XVIII вв. в мотивах французского декора прослеживается преобладающее влияние двух стран — Индии и Китая. При этом индийское влияние во многом предопределило образный строй и орнаментальный лексикон французской текстильной орнаментики, а китайский стиль — шинуазри — проявился в тематике и принципах организации сюжетных орнаментальных композиций.

Начиная с 1853 г., после открытия Японских островов для торговли с Европой, источник ориентальной экзотики перемещается в Японию, и стиль шинуазри, уже изначально включавший в себя японские мотивы, отступает под растущим влиянием японизма. Это влияние было определяющим для наступившего в конце XIX в. стиля ар нуво, тогда как стиль ар деко 20—30-х гг. XX в. отмечен возрождением интереса к шинуазри.

© Ткач Д.Г.

Дата поступления: 27.12.2016

Дата принятия к печати: 25.01.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Джекобсон Д. (2004). Китайский стиль. Искусство-XXI век, Москва.
2. Hugues P. (1975). Langage du tissu. Paris: Autoedition.
3. Jacqué J. (1995). Les motifs imprimés sur étoffes au XVIII-ème siècle et leur fortune critique. Le coton et la mode.
4. Bruno, P. (1992). L'art décoratif en Europe. In: Grubert, A. *Classique et Baroque, Vol. 2*. Paris: Citadelles et Mazenod.

УДК: 811.133.1'276.6:7.048.3

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-440-447

ORIENTAL ORIGINS OF FIGURATIVE LANGUAGE OF THE FRENCH ORNAMENTAL ART IN XVII—XVIII CENTURIES

D.G. Tkach

The Kosygin State University of Russia
1, Malaya Kaluzhskaya str., Moscow, Russia, 119071
tkach.dmitry@mail.ru

Abstract. The XVII—XVIII centuries are the period of highest French applied art prosperity and its approval in Europe as a recognized standard. This was achieved as a result of the creative development of traditional European ornamental art by French masters, and due to the successful adaptation of oriental decor. The article reveals the peculiarities of figurative language of the East ornamental art, examines the symbolic meaning and the evolution of the most common ornamental motifs of oriental origin in the French decor in the XVII—XVIII centuries. It describes the primary sources, the emergence and development of chinoiserie oriental style in France, as well as the role of prominent French decorators in the formation of this style. The article reveals the value of chinoiserie figurative language as an organic part of the ornamental lexicon in Baroque and Rococo styles.

Key words: ornament semantics, figurative language of ornament, oriental décor, chinoiserie style, French ornamental art

REFERENCES

1. Jacobson, D. (2004). *Chinese style*. Moscow: Iskusstvo — XXI vek.
2. Hugues P. (1975). *Langage du tissu*. Paris: Autoedition.
3. Jacqué J. (1995). Les motifs imprimés sur étoffes au XVIII-ème siècle et leur fortune critique. In: *Le coton et la mode*. Paris. Lausanne.
4. Alain, G. (1992). L'art décoratif en Europe. *Classique et Baroque. Vol. II*. Paris: ed. Citadelles et Mazenod.

УДК: 811.411.21'373

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-448-453

ЛЕКСИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОБРАЗОВАНИЯ КОЛОРИЗМОВ В АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ

В.Н. Зарытовская

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10, Москва, Россия, 117198
zarytovskaya_vn@pfur.ru

Статья посвящена семантическому полю цвета в арабском языке, особенностям его состава в сопоставлении с русским. На обширном языковом материале автор впервые исследует способы (заимствования, метафоризацию) и средства (особые грамматические конструкции) образования не базовых, а многочисленных оттеночных цветоименований. В рамках исследования затрагиваются актуальные вопросы культурологического характера: отражение картины мира в языке как через количественную представленность оттенков того или иного цвета, так и через характер классов объектов, участвующих во вторичной номинации колоров. Результаты исследования позволяют сделать вывод о сложности семантического поля цвета в арабском языке, большом потенциале его словообразовательных возможностей и о его систематических пересечениях с полями другой семантики.

Ключевые слова: арабский язык, лингвистика цвета, семантическое поле цвета, вторичная номинация, словообразование

Цвет (колор) является объектом изучения различных научных отраслей, в первую очередь естественных. Но и лингвистика не стала исключением с ее интересом к особенностям языковой номинации цветовых оттенков и их культурологической коннотации. Лексический пласт, обозначающий цвет, в языке легко вычленим, обладает своими системными отношениями (родо-видовыми, частично синонимическими, крайне редко антонимическими), морфологическими характеристиками (части речи, характерные аффиксы, отсутствие определенных грамматических форм и др.) и синтаксическими возможностями сочетания. Все это позволяет анализировать колоризмы в большом количестве языковедческих и лингвокультурологических аспектов и говорить о лингвистике цвета как о самостоятельном пространстве лингвистических изысканий (термин получил статус в работе В.Г. Кульпиной [Кульпина 2001]).

Соотношение действительности, мышления и языка в области цветообозначения таково, что из различаемых глазом порядка 7 тысяч оттенков только около полутора сотен получают свои наименования в языке [Фрумкина 1984: 25], что в принципе объясняется реальными потребностями общения. С другой стороны, список слов-цветообозначений не конечен, потребность в номинации оттенков только возрастает. С открытием технологических возможностей создавать новые краски и смешивать существующие колоры, а также с ростом уровня цивилизованности общества и его материальной усложненности новые цветообозначения появляются настолько стремительно, что не успевают попадать в словари.

Логично, что новые колоры являются оттеночными на фоне т.н. основных, или абсолютных, цветообозначений, поскольку не отвечают полностью таким их требованиям, описанным американскими учеными Б. Берлином и П. Кейем для basic colour term, как 1) состоять из одной морфемы (ср. *зеленый*, *красный*); 2) не быть родовым названием по отношению к другим оттенкам (ср. *алый* и *красный*); 3) не относиться к ограниченной группе предметов (ср. *русый* — описывает только волосы) и 4) быть широко употребляемым (ср. *желтый* и *шафранный*) [Berlin, Kay 1969]. Отсюда встает вопрос о потенциале и своеобразии лексико-морфологических средств того или иного языка в номинации многочисленных оттенков.

Первичные процессы номинации, которые осознаются носителями языка как первообразные, в современных языках представлены редко. Номинативный инвентарь языка, в том числе и колоризмов, пополняется преимущественно посредством заимствований (*бордо*, *маджента*, *хаки*, *деним*, *терракот* и др.) или вторичной номинации, когда используются уже существующие единицы, а новые мыслятся как морфологически производные. Появление новых единиц цветообозначения происходит за счет метафоризации признаков объектов, используемых как эталонные. Их отечественный исследователь И.Г. Рузин распределяет по следующим группам: камни (*изумрудный*, *аметистовый*, *жемчужный* и т.д.), растения (*брусничный*, *розовый*, *сиреневый*, *малиновый* и т.д.), металлы (*кобальт*, *свинцовый*, *золотой* и т.д.), животные (*мышинный*, *бурый* и др.) и прочие (*огненный*, *защитный*, *кремовый*, *болотный* и т.д.) [Рузин 1994: 81]. При этом нельзя отрицать, что в процессах именованья, а именно в выборе эталона, лежащего в его основе, играет роль прагматический фактор, отражающий цветовые представления группы людей с их предметным и природным окружением, историческим происхождением и географическим положением.

Поэтому в первую очередь мы рассмотрим колоризмы арабского языка с точки зрения полноты, представленности семантического поля «цвет», национальных особенностей вторичной номинации и количества заимствований цветообозначений. Для сравнения будем приводить списки колоризмов русского языка по материалам М.А. Кузьминой [Кузьмина 2008]. В данных списках будут отсутствовать редкие, практически неизвестные обывателю цветообозначения, закрепленные в научном и профессиональном обиходе (как *шамуа*, *кожура апельсина*, *полуночный синий*, *абрикосовый крайола*, *античная латунь* и т.д.). Поскольку в языковедческом плане нас не интересует физический спектр цвета, его насыщенность, яркость, то слова приводятся в алфавитном порядке. Жирным курсивом выделены характерные только для одного из привлеченных к сопоставлению языков цветообозначения, а в скобках к арабским номинациям приведены варианты перевода, наиболее близкие к оригиналу.

Красный (29 единиц): *алый*, *багровый*, *багряный*, *винный*, *вишневый*, *гранатовый*, *карминный*, *киноварь*, *кирпичный*, *клюквенный*, *кروавый*, *кумачевый*, *малиновый*, *огненный*, *пурпурный*, *рубиновый*, *рыжый*, *рябиновый*, *свекольный*, *томатный*; **розовый**: *брусничный*, *коралловый*, *лососевый*, *персиковый*, *ягодный*; **оранжевый**: *апельсиновый*, *морковный*.

'ahmar (красный) (21): *barsi:mu:niyu* (цвет хурмы), *tu:tiyu* (ягодный), *zanja-fariyu* (киноварь), *siqilla:tiyu* (алый), *fukha:riyu* (глиняный), *qarmaziyu* (карминный), *karaziyu* (вишневый), *karkada:wiyu* (каркаде), *lahy:biyu* (пламенный, огненный), *nabi:ziyu* (винный), *tama:tymiyyu* (томатный), *tu:biyu* (кирпичный), *ya:qu:tiyu* (рубиновый); **wardiyu (розовый)**: *khu:khiyu* (персиковый), *dalbarjiyu* (палисандровый), *zahriyu* (цветочный), *marja:niyu* (коралловый); **burtuqa:liyu (оранжевый, апельсиновый)**: *qar*iyu* (тыквенный), *yu:sifiyu* (мандариновый).

Желтый (12 единиц): *ванильный, гороховый, золотой, канареечный, лимонный, охристый, песочный, пшеничный, соломенный, шафранный, яичный, янтарный.*

'asfar (желтый) (24): *'asadiyu* (львиный), *hantiyu* (слезка смуглый), *khashabiyyu* (светло-древесный), *kharbaziyyu* (дынный), *thurawiyu* (кукурузный), *thahabiyyu* (золотой), *ramliyu* (песочный), *za*afra:niyu* (шафранный), *su:fiyu* (шерстяной), **anbariyu* (янтарный), *fa:ni:liyu* (ванильный), *qashshiyu* (соломенный), *qamhiyu* (пшеничный), *kibri:tiyu* (серный), *kana:riyu* (канареечный), *katta:niyu* (льняной), *kurkumiyyu* (куркума), *kumathriyyu* (грушевый), *kahrama:niyu* (янтарный), *laymu:niyu* (лимонный), *maghriyu* (охристый), *mishmishiyyu* (абрикосовый), *yaqtu:niyu* (тыквенный), *yasmi:niyu* (жасминовый).

Коричневый (14 единиц): *бежевый, бордовый, бронзовый, карий, каштановый, кофейный, медный, русый, ржавый, смуглый, шоколадный, горчичный, терракотовый, хаки.*

Bunniyu (коричневый, кофейный) (11): *'asmar* (смуглый), *bunduqiyyu* (ореховый), *bi:j* (бежевый), *kha:ki* (хаки), *khardaliyyu* (горчичный), *sad'iyu* (ржавый), **asaliyyu* (медовый), **u:diyu* (цвет темного дерева, махагон), *kastana:niyu* (каштановый), *ma:tu:niyu* (бордовый), *nuha:siyu* (медный).

Зеленый (10 единиц): *болотный, бутылочный, изумрудный, защитный, малахитовый, мятный, оливковый, салатный, травяной, фисташковый.*

'akhdar (зеленый) (14): *ahawiyu* (цвет зеленой ржавчины), *isla:miyyu* (цвет ислама), *harjaliyyu* (цвет растения харгаль), *rabi:*iyu* (весенний), *zumrudiyu* (изумрудный), *zaytu:niyu* (оливковый), **ashabiyyu* (травяной), **afaniyyu* (болотный, гнилостный), *fustuqiyyu* (фисташковый), *qa:ru:riyu* (бутылочный), *kumtu:niyu* (тминный), *laymiyyu* (лаймовый), *tudhamm* (почерневший зеленый), *na*na:*iyu* (мятный).

Синий (9 единиц): *бирюзовый, васильковый, голубой, джинсовый, индиго, лазурный, небесный, сапфировый, ультрамарин.*

'azraq (синий) (8): *bahriyyu* (морской), *di:ni:miyyu* (джинсовый), *sa:fi:riyu* (сапфировый), *sata:wiyu* (небесный, небесно-голубой), *fauru:ziyu* (бирюзовый), *la:zur-diyyu* (лазурный), *ta':iyu* (водяной, светло-голубой), *ni:liyu* (индиго).

Фиолетовый (9 единиц): *аметистовый, баклажановый, лавандовый, лиловый, пурпурный, сиреневый, сливовый, фиалковый, фуксия.*

'arjuwa:niyu (пурпурный) (8): *ba:zinja:niyu* (баклажановый), *barqu:qiyyu* (сливовый), *banafsajiyu* (фиалковый), *khuza:miyyu* (лавандовый), **una:biyyu* (цвет унаби, цвет китайского финика), *fu:shi:* (фуксия), *la:fandriyyu* (лавандовый), *laylakiyyu* (сиреневый).

Серый (10 единиц): *антрацитовый, грифельный, землистый, мышинный, пепельный, перламутровый, сизый, свинцовый, серебряный, стальной.*

Рама:diyyu (пепельный) (5): *rasa:siyu* (свинцовый), *fyddiyyu* (серебряный), *fula:ziyyu* (стальной), *fi:ra:niyyu* (мышинный), *ghallu:kiyyu* (сизый).

Белый (14 единиц): *белобрысый*, *белокурый*, белоснежный, *жемчужный*, кремовый, *меловой*, молочный, *мраморный*, *опаловый*, *ртутный*, седой, сливочный, *телесный*, *фарфоровый*.

'abyad (белый) (7): *'ashyab* (седой), *thaljiyyu* (снежный), *hali:biyyu* (молочный), *dukha:niyyu* (дымчатый), *sukkariyyu* (сахарный), *qyshdiyyu* (сливочный), *kri:miyyu* (кремовый).

Черный (1 единица): *агатовый*.

'aswad (черный) (2): *fahmiyyu* (угольный), *kuhliyyu* (иссиня-черный).

Из сопоставления вышеприведенных списков колоров мы видим, что в арабском языке семантическое поле цвета представлено так же полно, как и в русском. Сопоставимо и количество заимствований, процент которых крайне не велик (*фуксия*, *сиреневый*, *лазурный*, *хаки*, *джинсовый*, *канареечный*). При этом в арабском заимствования могут дублироваться исконно арабским словом (*лавандовый* — *khuza:miyyu* и *la:fandriyyu*, *янтарный* — *kahrāma:niyyu* и **anbariyyu*). Некоторые цветообозначения в арабском отсутствуют, другие, наоборот, оказываются для нас «новыми», что связано с разницей русскоязычной и арабоязычной картин мира и простоты/сложности тех или иных концептов, как «снег», «вода», «ягоды», «специи» и др. в соответствующих культурах. В арабском не имеют аналога такие лексические единицы, как *брусничный*, *клюквенный*, *рябиновый*, *болотный*, *гороховый*, *васильковый* и др. Все оттенки ягод, которые в принципе редко встречаются в арабском быту, объединены под оттенком красного *ягодный*, а цветов — под оттенком розового *цветочный*. Реже в арабском эталоном цвета служат камни, поэтому в арабском нами не были обнаружены соответствия таким наименованиям, как *малахитовый*, *мраморный*, *опаловый*, *аметистовый*. Но с другой стороны, в арабском есть специфические для нас цветоименования: *тыквенный*, *мандаариновый*, *каркаде*, *куркума*, *харгаль*, *унаби*, *тминный*, *исламский*, *львиный*, *кукурузный*, *жасминовый*, *лаймовый*, *сахарный* и др., все они образовались в результате вторичной номинации от характерных названий специй, растений, животных.

Также мы видим, что как и в русском, в арабском языке представлено большое количество оттенков синего цвета (ср. *синий* и *голубой* не различаются в английском), однако все они образованы в результате вторичной номинации, а эталоном для их наименований послужили природные стихии (*водный*, *морской*, *небесный*). Более полно, чем в русском, в арабском представлены оттенки таких цветов, как **оранжевый**, **желтый** (12 наименований против 24). Беднее в арабском представлены серые оттенки и белые (7 наименований против 14), которые, по всей видимости, редко встречаются в самой арабской природе, что не скажешь о черном. Название серого цвета уже является вторичной номинацией от слова *пепел*, фиолетового от слова *пурпур*, а коричневого от слова *кофе*.

Для уточнения оттенков цвета в арабском языке есть набор словообразовательных средств помимо перечисленных нами моноксемных имен прилагательных. Они могут совпадать или не совпадать с русскоязычными, но, в силу арабской морфологии, исключают двухкорневые слова типа — *дымчато-серый*, *лимонно-*

желтый, темно-коричневый, задействуя другие, характерные для арабского языка словообразовательные возможности:

1) в первую очередь это дополнительные определения, уточняющие интенсивность краски, выраженными такими именами прилагательными, как sa:tu* (*блестящий*), na:si* (*ослепительный*), ghaniyu (*богатый*), fa:tiḥ (*светлый*), gha:miq, da:kin, qa:tim (*темный*), *ami:q (*глубокий*), sa:khin (*теплый*), sa:dim (*резкий*), sha:hib, ba:hit (*бледный*), mu*tadil (*умеренный*), fa:qu* (*яркий*) что соответствует русским сложным словам с формантами *ярко-, светло-, темно-, нежно-, пастельно-* и т.п.

Здесь следует опять обратить внимание, что арабский язык располагает большим количеством синонимов для обозначения именно темных и ярких, интенсивных оттенков.

2) двусоставные цветообозначения, представляющие названия смешанных цветов или разноцветных объектов, выраженные по схеме либо *прилагательное цвета + относительное прилагательное* либо по схеме *прилагательное цвета + страдательное причастие второй породы*: 'asfar mukhaddar (*желто-зеленый*), 'akhdar muzarraḡ (*сине-зеленый*), faḡu:ziyu luluiyu (*жемчужно-бирюзовый*), 'ahmar burtuqa:liyu (*красный апельсин*), wardiyu daba:biyu (*дымчато-розовый*), 'akhdar ba:kista:niyu (*пакистанский зеленый*), 'azraḡ tufu:liyu (*детский голубой*), 'akhdar hindiyu (*индийский зеленый*), 'azraḡ kahraba:iyu (*электрический синий*), 'azraḡ mysriyu (*египетский синий*), 'azraḡ malakiyu (*королевский синий*) и др.

Отметим, что в конструкции первого типа часто встречаются составляющие, характерные для ближневосточного региона — *египетский, индийский, персидский, пакистанский, восточный* и др. Вторая конструкция по своим морфологическим характеристикам не характерна для русского, поскольку в русском отсутствуют каузативные глаголы цвета типа **синить, *краснить* и, соответственно, страдательные причастия от них.

3) конструктивно сложные цветообозначения, построенные на основе идафной (генетической) конструкции, где первый член — прилагательное цвета, а второй — имя существительное: wardiyu ash-sha:u (*цвет чайной розы*), jaladiyu al-ja:mu:s (*цвет бычьей кожи*), zahriyu al-atfa:l (*детский розовый*), zahriyu al-fyddah (*серебристо-розовый*).

Итак, можно утверждать, что семантическое поле цвета в арабском языке не менее развито, чем в европейских языках. При этом особо полно в языке представлены желтые, оранжевые и черные оттенки, а также различные степени смутности, бедно — серые и белые. Для наименования цветов используются как заимствования, но их не так много, так и средства вторичной номинации, перенесенные из таких своеобразных семантических групп, как **специи, водная стихия, экзотические растения и фрукты**, характерные для региона. В несколько раз реже эталонными объектами цвета в арабском становятся ягоды, цветы и камни. В арабском также имеются различные словообразовательные средства, помогающие передать тончайшие нюансы цвета, обладающие потенциалом обозначения новых цветов и смешанных цветов. Наиболее актуальными для арабского дискурса оказываются темные и насыщенные оттенки.

© Зарытовская В.Н.

Дата поступления: 1.07.2016

Дата принятия: 1.09.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кузьмина М.А. Метафорические прилагательные-цветообозначения в русском и итальянском языках (на материале толковых словарей) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2008. Том 7, выпуск 2: Филология. С. 3—9.
2. Купина В.Г. Лингвистика цвета: термины цвета в польском и русском языках. Москва: Московский лицей, 2001.
3. Рузин И.Г. Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // Вопросы языкознания. 1994. № 6. С. 79—100. Москва.
4. Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство: аспекты психолингвистического анализа. Москва: Наука, 1984.
5. Berlin B., Kay P. (1969) Basic color terms. Their universality and evolution. Berkeley: University of California Press, Uca-Press.

УДК: 811.411.21'373

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-448-453

LEXICAL AND MORPHOLOGICAL MEANS OF COLOUR NAMES FORMATION IN ARABIC

Victoriya N. Zarytovskaya

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

Str. Miclukho-Maklaya, 6a, Moscow, Russia, 117198

zarytovskaya_vn@pfur.ru

Abstract. The article is devoted to the semantic field of colours in Arabic language and the peculiarities of its composition in comparison with the Russian. For the first time the author explores the means (borrowing and metaphorization) and methods of formation (special grammar patterns) of the Arabic colour names (rather than base tints) and makes this on extensive language material. The study addresses the actual issues of cultural character: the reflection of the world picture in the language as a quantitative representation of shades of a particular colour, and character of objects which participated in the secondary nominations of colour. The results of the study allow to conclude about the complexity of the semantic field of colours in Arabic, the great potential of its derivational possibilities and systematic intersections with fields of different semantics.

Key words: Arabic language, linguistics of colour, semantic field of colour, a secondary nomination, word formation

REFERENCES

1. Kuzmina, M.A. (2008). Metaphorical adjectives-colour terms in Russian and Italian language (on the material of explanatory dictionaries. *Bulletin of NSU. Series: History, Philology. Volume 7, issue 2: Philology*, 3—9. (in Russ).
2. Kulpina, V.G. (2001). *Linguistics of colour: colour terms in Polish and Russian languages*. Moscow: Moskovskii litsei. (in Russ).
3. Ruzin, I.G. (1994). Cognitive strategies of naming: the modes of perception (sight, hearing, touch, smell, taste) and their expression in language. *Topics in the Study of Language*, 6, 79—100. (in Russ).
4. Frumkina, R.M. (1984). *Colour, sense, similarity: aspects of psycholinguistic analysis*. Moscow: Nauka. (in Russ).
5. Berlin, B. & Kay, P. (1969). *Basic color terms. Their universality and evolution*. Berkeley: University of California Press, UCA-Press.

НАУКА 21.0*

УДК: [811.161.1:811.581]'25

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-454-463

СОПОСТАВЛЕНИЕ АББРЕВИАТУР В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Ли Сяогэ

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, 117198, Россия

В статье рассматриваются определения и типы аббревиатур в русском и китайском языках, сопоставляются аббревиатуры в двух языках на примерах, взятых из публикаций в средствах массовой информации. Цель исследования — анализ способов образования и типов аббревиатур по различной социально значимой тематике в русском и китайском языках. Основным методом — сопоставление и лексико-грамматический комментарий. В итоге выявляются различия и сходства между аббревиатурами в двух разноструктурных языках.

Ключевые слова: аббревиатура, типы аббревиатур, сопоставление аббревиатур, китайский язык, русский язык

ВВЕДЕНИЕ

Аббревиатура (итал. *abbreviatura*, от лат. *abbrevio* ‘сокращаю’) — «имя существительное, состоящее из усеченных слов, входящих в исходное словосочетание, или из усеченных компонентов исходного сложного слова. Последний компонент аббревиатуры может быть также целым (неусеченным) словом» [ЛЭС: <http://tapemark.narod.ru/les/009b.html>; (02.10.2016)].

В китайском языке под аббревиатурами понимаются часто употребляемые словосочетания, обороты или некоторые определенные формы при условии, что значения у них не изменяются, а их составная часть выражает целое и превращается в самостоятельную единицу языка. Фонемы или слоги, представляющие значение исходной единицы, образуют новую форму, значение у которой равно исходной. Новая форма может заменять исходную, но в любом случае ее значение не меняется [Юй Лимин 2000].

Образование аббревиатур — это особый способ словообразования, направленный на создание более коротких по сравнению с исходными структурами (словосочетаниями или сложениями) синонимичных им номинаций — получило широкое распространение в основных европейских языках в XX в. Это были в основном заимствования сложных наименований из сферы общественно-политических отношений, которые свидетельствовали о происходящем «аббревиатурном взры-

* **НАУКА 21.0** — это новая рубрика Вестника РУДН серии «Теория языка. Семиотика. Семантика», в которой предполагается публикация статей аспирантов и магистров (выборочно) с целью апробации их диссертационных исследований. — *Редколлегия.*

ве», наступившем под влиянием экстралингвистических факторов, таких как ускоренный ритм жизни и его следствия, что привело к экономии языковых усилий [Серебренников 2006: 597].

В русском языке аббревиатуры получили особенно широкое распространение после Великой Октябрьской Социалистической революции. В китайском языке аббревиатуры стали распространенными после создания Китайской Народной республики. Как в русском, так и в китайском языке появились новые для своего времени слова: русск. *полпред/полномочный представитель, лесхоз/лесное хозяйство, Минздрав/Министерство здравоохранения, бронемашина/бронированная машина*; кит. *土改 (土地改革) 'аграрная реформа'*¹, *“一五”计划 (第一个五年计划) 'Первая пятилетка'* и множество других.

Аббревиация активна и сейчас в связи с тем, что создавались совершенно новые общественные учреждения, институты, предприятия, появились новые реалии, и всем им нужно давать название, точно описывающее его назначение, например, *АМТП/Ассоциация морских торговых портов, АМП/адресная метка пожарная, 世博会 (世界博览会) 'всемирная выставка'*. Возникли составные наименования, многие из которых позднее стали принимать более удобный вид, превращаясь в сложносокращенные слова слогового типа.

АББРЕВИАТУРЫ И ИХ РАЗНОВИДНОСТИ В СПЕЦИАЛЬНЫХ СЛОВАРЯХ

В современном языкознании теоретически определена специфика аббревиатур как особого типа слов, их морфонологические, мотивационные и другие свойства. Аббревиатуры фиксируются в специальных словарях сокращений. Таких словарей достаточно много, но для анализа мы только берем эти три: ЛЭС (онлайн): <http://tapemark.narod.ru/les/009b.html>; «Словарь сокращений русского языка: Около 15 000 сокращений» / Под ред. Д.И. Алексеева; «现代汉语缩略语词典» (袁晖, 阮显忠) 'Современный словарь сокращений китайского языка (Юань Хуэй, Жуань Сяньчжун)'

◆ Русский язык

Во всех словарях русского языка выделяются основные типы аббревиатур и даются расшифровки и толкования сокращений. В некоторых словарях в статье указываются произношение, ударение и грамматическая характеристика (грамматические пометы). В ряде словарей аббревиатуры иллюстрируются примерами употребления. Среди всех типов аббревиатур общими являются инициальные (*СССР*), сложносокращенные (*Госкомстат*) и заимствованные аббревиатуры (*АТМ*). Далее в каждом словаре русского языка типы аббревиатур характеризуются еще подробнее.

Так, в ЛЭС аббревиатуры инициального типа делятся на три подтипа:

1) **буквенные аббревиатуры**, состоящие из названий начальных букв слов, входящих в исходное словосочетание: *Союз Советских Социалистических Республик* → *СССР* (такие сокращения читаются по буквам в соответствии с названиями букв в русском алфавите);

¹ Здесь и дальше перевод наш. — Л.С.

2) **звуковые аббревиатуры**, состоящие из начальных звуков слов исходного словосочетания (они, читаются как обычное слово), например: *высшее учебное заведение* → *вуз*;

3) **буквенно-звуковые аббревиатуры**, состоящие как из названий начальных букв, так и из начальных звуков слов исходного словосочетания: *Центральный дом Советской Армии* → *ЦДСА* (тогда часть сокращения читается по буквам в соответствии с названиями букв в русском алфавите, а остальную часть читается как обычный слог *СА*).

К сложносокращенному типу относятся такие аббревиатуры:

1) так называемые **словые аббревиатуры**, состоящие из сочетания начальных частей слов: *партийный комитет* → *партком*;

2) **аббревиатуры смешанного типа**, состоящие как из начальных частей слов, так и из начальных звуков (названий букв): *городской отдел народного образования* → *гороно*;

3) **аббревиатуры**, состоящие из начальной части слова (слов) и целого слова: *запасные части* → *запчасти*;

4) **аббревиатуры**, состоящие из сочетания начальной части слова с формой косвенного падежа существительного: *заведующий кафедрой* → *завкафедрой*;

5) **аббревиатуры**, состоящие из сочетания начала первого слова с началом и концом второго или только с концом второго: *мотоцикл-велосипед* → *мопед* [ЛЭС: <http://tapemark.narod.ru/les/009b.html> (02.10.2016)]. Отметим, что в ЛЭС заимствованные аббревиатуры не обсуждаются как отдельная группа сокращений.

В «Словаре сокращений русского языка» представлены следующие типы аббревиатур:

1) **буквенные, инициальные аббревиатуры** различных структур: *Центральный комитет* → *ЦК*; *высшее учебное заведение* → *вуз*;

2) **сложносокращенные слова слогового типа**: коллективное хозяйство → *колхоз*; смешанного образования: *Всесоюзный научно-исследовательский и проектно-конструкторский институт добычи угля гидравлическим способом* → *ВНИИгидроуголь*;

3) **условные графические сокращения** разных структур: *библиотека* → *б-ка*, *ледокол* → *л/к*, *бригадный медицинский пункт* → *брмп*. Авторы словаря полагают, что сокращения, которые пишутся с точками, обычно строчными буквами (*к. т. н.*, *т. е.*), через дробь (*к/т*, *с/х*) или дефис (*ф-ка*), не являются словами-аббревиатурами, т.к. у них нет аббревиатурного произношения, от них не образуются производные слова.

Словарь содержит также заимствованные из других языков сложносокращенные слова и инициальные сокращения различной структуры: *Fédération Aéronautique Internationale* ‘международная авиационная федерация’ → *FAI* → *ФАИ*; *British Broadcasting Corporation* ‘Британская радиовещательная корпорация’ → *BBC* → *Би-би-си*; *Radio Detection and Ranging* ‘Британская радиовещательная корпорация’ → *radar* → *радар* и т.д.

◆ Китайский язык

Известно, что в корнеизолирующем китайском языке отношения между словами выражаются порядком слов, а не формальными связями, как в русском языке,

так что в китайском языке не существует синтаксического понятия «словосочетание», существует только понятие сочетания слов, или синтагмы.

В китайском языке выделяются следующие типы аббревиатур:

1. Сложносокращенный тип:

Исходное словосочетание делится на несколько частей по семантике, затем из этих частей выбираются наиболее выражающие исходное значение слова (один иероглиф) или словосочетания (два или больше иероглифов) и вновь сочетаются по грамматическим правилам, а остальные части пропускаются [Юй Дуньянь, 2011]. Это главный тип сокращения, которые различает:

1) **аббревиатуры, состоящие из начальных слов исходного сочетания**, т.е. структура АБ ВГ → АВ, например:

安 + 全 ‘безопасный’ — 检 + 查 ‘проверка’ → 安检 ‘безопасная проверка’²;

2) **аббревиатуры, состоящие из конечных слов исходного сочетания**, т.е. структура АБ ВГ → БГ, например:

联 + 合 ‘совместно’ — 举 + 办 ‘организовывать’ → 合办 ‘совместно организовывать’;

3) **аббревиатуры, включающие начало и конец исходного сочетания слов**, т.е. структура АБ ВГ → АГ:

标 + 价 ‘цена на ценнике’ — 出 + 售 ‘продажа’ → 标售 ‘продажа по цене на ценнике’;

4) **аббревиатуры, включающие конец первого сочетания слов и начала последнего сочетания слов**, т.е. структура АБ ВГ → БВ:

参 + 观 ‘посетить’ — 展 + 览 ‘выставка’ → 观展 ‘посетить выставку’.

2. Усеченный тип [Си Миджэ, Ван Итао 2016: 18—19]:

Усекаются исходные словосочетания и пропускаются либо начальные компоненты, либо конечные. Например:

复 + 旦 ‘Фуданьский’ — 大 + 学 ‘университет’ → 复旦 ‘Фуданьский университет’; 大 ‘большой’ — 使 + 馆 ‘посольство’ → 使馆 ‘посольство’.

3. Обобщенный тип [Си Миджэ, Ван Итао 2016: 18—19]:

Обобщенные аббревиатуры выражают общую часть или общий признак исходного словосочетания, например:

父 + 亲 ‘родной отец’ — — 和 ‘и’ — 母 + 亲 ‘родная мать’ → 双亲 ‘оба родителя’.

4. Аббревиатуры с цифрами:

Цифры обозначают количество параллельных компонентов и сочетаются с одним (или больше) иероглифом из исходного словосочетания, выражающим общий признак параллельных компонентов [Го Фулян 1998]. Например:

陆 + 军 ‘армия’, 海 + 军 ‘флот’, 空 + 军 ‘авиация’ → 三军 ‘три рода войск’.

² Исходное словосочетание 安+全 — 检+查 делится на две части по семантике: 安+全 ‘безопасная’ и 检+查 ‘проверка’. Из каждой части выбираются начальные иероглифы 安 и 检 и вновь сочетаются как аббревиатура 安检 ‘безопасная проверка’. Здесь и дальше показываются отношения между иероглифами с помощью знаков “+” и “—”.

5. Аббревиатуры с буквами:

1) **заимствованные аббревиатуры из букв:** *National Basketball Association* (буквальный перевод: 美国国家篮球协会) ‘Национальная баскетбольная ассоциация’ → *NBA*. Эта аббревиатура употребляется нерегулярно, преимущественно в разговорной речи, а в официальных телепрограммах запрещается употреблять;

2) **аббревиатуры, состоящие из букв и иероглифов:** В+型 ‘В-метод’ — 超+声 ‘ультразвуковой’ — 诊+断 ‘диагностика’ → В超 ‘В-метод ультразвуковой диагностики’;

3) **транслитерация аббревиатур из букв на китайском языке:** *Acquired immune deficiency syndrome* ‘синдром приобретенного иммунного дефицита’ → *AIDS* [edz] → 艾滋 [ai zi]; *Test of English as a foreign language* ‘экзамен английского языка как иностранный’ → *TOEFL* [‘təʊfəl] → 托福 [tuo fu].

Для наглядного сопоставления предлагаем таблицу с примерами русских и китайских аббревиатур. Русские примеры аббревиатур взяты из газет онлайн: ИЗВЕСТИЯ, Ъ (Коммерсант), ВЗГЛЯД и др. Китайские примеры аббревиатур (сокращения) взяты из газет онлайн: 新华 (Син Хуа), 人民 (Жэнь Минь), 新浪 (Син Лан) и др.

Алгоритм представления в таблице таков: китайские аббревиатуры переводим на русский язык, далее каждый иероглиф или сочетание иероглифов записываем в пенанге и отдельно приводим его смысл. Затем приводим полное наименование на китайском языке, снова сочетание иероглифов записываем в пенанге и переводим на русский язык с учетом выраженного понятия.

Таблица 1

Тематические разновидности аббревиатур в русском и китайском языках

Виды аббревиатур	Русский язык	Китайский язык
Государственно-политические	<p>1. МЭР</p> <p>1) <i>Министерство экономики и развития РФ</i> — полное наименование;</p> <p>2) <i>Минэкономразвития РФ</i> — сложно-сокращенное слова, компонентные корни либо узнаваемые и дешифруемые компоненты слова (ср. с 1);</p> <p>3) <i>МЭР РФ</i> — аббревиатура, или сокращение по первым буквам слов.</p> <p>Например, МЭР: <i>Министр подтверждает, что инфляция в этом году не превысит 4%</i> (бегущая информационная строка в новостях ТВ канала «Россия 24»).</p> <p>Примечание: аббревиатура <i>МЭР</i> омонимична слову <i>мэр</i> (города), заимствована из франц.: <i>maître</i></p>	<p>1. 国家发改委 ‘государственный комитет по делам развития и реформы’</p> <p>国+家 发 改</p> <p>guo jia fa gai</p> <p>государство развитие реформа</p> <p>1) 国家发展改革委员会 — полное наименование;</p> <p>国+家 发+展 改+革</p> <p>guo jia fa zhan gai ge</p> <p>государство развитие реформа</p> <p>2) 国家发改委 — аббревиатура.</p> <p>国家发展改革委员会 → 国家发改委</p> <p>Полное наименование, т.е. сочетание иероглифов 国+家 ‘государство + семья’ — 发+展 ‘развивать + развивать, расширять’ — 改+革 ‘изменять + обновлять’ — 委+员+会 ‘комитет + член + союз’ имеет форму: имя + имя – глагол + глагол – глагол + глагол – имя + имя + имя.</p>

Виды аббревиатур	Русский язык	Китайский язык															
Государственно-политические	<p>2. БРИКС</p> <p>1) <i>Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР</i> — полное наименование;</p> <p>2) <i>БРИКС</i> — аббревиатура, или сокращение по первым буквам слов.</p> <p>Например, <i>Доля расходов на оборону в РФ выше, чем в среднем по странам ОЭСР и странам БРИКС</i>, — примерно 4,5% ВВП. (Ъ, 25.01.2016, http://www.kommersant.ru/doc/2896706)</p>	<p>Аббревиатура <i>国家发改委</i> состоит из целого первого словосочетания <i>国+家</i> 'государство + семья' и начальных иероглифов остальных словосочетаний <i>发</i> 'развивать', <i>改</i> 'изменять', <i>委</i> 'комитет', наиболее выражающих изначальные значения словосочетаний. Она имеет форму: имя + имя – глагол – глагол – имя. Например,</p> <p>国家发改委发布关于在全国开展药品价格专项检查的通知 (新华网 27.05.2016 http://news.xinhuanet.com/fortune/2016-05/27/c_129022294.htm)</p> <p>Государственный комитет по делам развития и реформы заявил, что по всей стране проводится специальная инспекция по цене на лекарства.</p> <p>2. 金砖国家 'Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР'</p> <table border="0" data-bbox="723 766 1184 846"> <tr> <td>金+砖</td> <td>国+家</td> </tr> <tr> <td><i>jin zhuān</i></td> <td><i>guó jiā</i></td> </tr> <tr> <td>золотой + кирпич</td> <td>государство, страна</td> </tr> </table> <p>1) <i>金砖国家</i> заимствовано из сокращения <i>BRIC</i> (сокращения по первым буквам названий стран <i>Brazil, Russia, India, China</i>). <i>BRIC</i> омонимично английскому слову <i>brick</i> 'кирпич', так что эти страны называются 'странами золотого кирпича'.</p> <p>2) <i>巴西</i> 'Бразилия', <i>俄罗斯</i> 'Россия', <i>印度</i> 'Индия', <i>中国</i> 'Китай', <i>和南非</i> 'ЮАР' — полное наименование;</p> <p>3) <i>金砖国家</i> — аббревиатура, или заимствование из сокращения <i>BRIC</i>. Сокращение <i>金砖国家</i> имеет форму: прилагательное + имя – имя + имя.</p> <p>Например, 金砖国家要坚定维护世界和平 (人民网 22.09.2016, http://world.people.com.cn/n1/2016/0922/c1002-28731851.html)</p> <p><i>БРИКС должен поддерживать мир во всем мире.</i></p>	金+砖	国+家	<i>jin zhuān</i>	<i>guó jiā</i>	золотой + кирпич	государство, страна									
	金+砖	国+家															
<i>jin zhuān</i>	<i>guó jiā</i>																
золотой + кирпич	государство, страна																
Экономические	<p>3. АПК</p> <p>1) <i>Аграрно-промышленный комплекс</i> — полное наименование;</p> <p>2) <i>АПК</i> — аббревиатура, или сокращение по первым буквам слов.</p> <p>Например, <i>Ранее The Wall Street Journal написал, что укрепившийся доллар наносит серьезный удар по американскому АПК, в то время как Россия завоевывает мировой рынок пшеницы.</i> (ВЗГЛЯД, 08.02.2016, http://vz.ru/news/2016/2/8/793006.html)</p>	<p>3. 工农业 'промышленность и сельское хозяйство'</p> <table border="0" data-bbox="723 1249 1184 1330"> <tr> <td>工</td> <td>农+业</td> </tr> <tr> <td><i>gōng</i></td> <td><i>nóng yè</i></td> </tr> <tr> <td>промышленность</td> <td>сельское хозяйство</td> </tr> </table> <p>1) <i>工业和农业</i> — полное наименование;</p> <table border="0" data-bbox="723 1370 1184 1471"> <tr> <td>工+业</td> <td>和</td> <td>农+业</td> </tr> <tr> <td><i>gōng</i></td> <td><i>hé</i></td> <td><i>nóng yè</i></td> </tr> <tr> <td>промышленность</td> <td>и</td> <td>сельское хозяйство</td> </tr> </table> <p>2) <i>工农业</i> — аббревиатура.</p> <p>工业和农业→工农业</p> <p>Полное наименование, т. е. сочетание иероглифов 工+业 'промышленность + отрасль' – 和 'и' – 农+业 'сельское хозяйство + отрасль' имеет форму: имя + имя – союз – имя + имя. Аббревиатура <i>工农业</i> состоит из начального иероглифа первого словосочетания 'промышленность' и целого последнего словосочетания + 'сельское хозяйство + отрасль'. Союз 'и' в середине упущен. Сокращение имеет форму: имя – имя + имя</p>	工	农+业	<i>gōng</i>	<i>nóng yè</i>	промышленность	сельское хозяйство	工+业	和	农+业	<i>gōng</i>	<i>hé</i>	<i>nóng yè</i>	промышленность	и	сельское хозяйство
工	农+业																
<i>gōng</i>	<i>nóng yè</i>																
промышленность	сельское хозяйство																
工+业	和	农+业															
<i>gōng</i>	<i>hé</i>	<i>nóng yè</i>															
промышленность	и	сельское хозяйство															

Продолжение таблицы 1

Виды аббревиатур	Русский язык	Китайский язык																											
Экономические	<p>4. ВВП</p> <p>1) <i>Валовой внутренний продукт</i> — полное наименование;</p> <p>2) <i>ВВП</i> — аббревиатура, или сокращение по первым буквам слов.</p> <p>Например, <i>Доля расходов на оборону в РФ выше, чем в среднем по странам ОЭСР и странам БРИКС, — примерно 4,5% ВВП</i> (Ъ, 25.01.2016, http://www.kommersant.ru/doc/2896706)</p>	<p>Например, 区域规划要对规划区域的产业结构、工农业生产的特点、地区分布状况进行系统地调查研究。(建设工程教育网, 01.12.2014, http://www.jianshe99.com/jianzhu/fuxi/li2014120114255164879769.shtml)</p> <p><i>Районирование должно систематически исследовать структуру производства, особенности промышленности и сельского хозяйства, распределение района.</i></p> <p>4. GDP ‘Валовой внутренний продукт’</p> <table border="0"> <tr> <td>G</td> <td>D</td> <td>P</td> </tr> <tr> <td>gross</td> <td>domestic</td> <td>product</td> </tr> <tr> <td>总+值</td> <td>国+内</td> <td>生+产</td> </tr> <tr> <td>zong zhi</td> <td>guo nei</td> <td>sheng chan</td> </tr> <tr> <td>валовой</td> <td>внутренний</td> <td>продукт</td> </tr> </table> <p>1) <i>GDP</i> является варваризмом из английского языка.</p> <p>2) Gross Domestic Product — полное наименование;</p> <p>3) <i>GDP</i> — аббревиатура, или сокращение по первым буквам слов.</p> <p>Gross Domestic Product → GDP</p> <p>Например,</p> <p><i>俄罗斯财政部长西卢阿诺夫说：“2017年我们将维持相当大的赤字，约占GDP的3%”(透视俄罗斯 24.09.2016 http://tsrus.cn/kuaixun/2016/09/24/633071)</i></p> <p><i>Министр финансов РФ Силуанов сказал, что в 2017 году дефицит федерального бюджета России останется большим и составит 3 процента ВВП.</i></p>	G	D	P	gross	domestic	product	总+值	国+内	生+产	zong zhi	guo nei	sheng chan	валовой	внутренний	продукт												
	G	D	P																										
gross	domestic	product																											
总+值	国+内	生+产																											
zong zhi	guo nei	sheng chan																											
валовой	внутренний	продукт																											
Социально-культурные	<p>5. ЕГЭ</p> <p>1) <i>Единый государственный экзамен</i> — полное наименование;</p> <p>2) <i>ЕГЭ</i> — аббревиатура, или сокращение по первым буквам слов.</p> <p>Например, <i>Видеозаписи ЕГЭ будут храниться до марта следующего года.</i> (ИЗВЕСТИЯ, 11.02.2016, http://izvestia.ru/news/603813)</p>	<p>5. 高考 ‘Единый государственный вступительный экзамен высших учебных заведений’</p> <table border="0"> <tr> <td>高</td> <td>考</td> </tr> <tr> <td>gao</td> <td>kao</td> </tr> <tr> <td>высший</td> <td>экзамен</td> </tr> </table> <p>1) <i>普通高等学校招生全国统一考试</i> — полное наименование;</p> <table border="0"> <tr> <td>普+通+高+等</td> <td>学+校</td> <td>招+生</td> </tr> <tr> <td>pu tong</td> <td>xue xiao</td> <td>zhao sheng</td> </tr> <tr> <td>gao deng</td> <td></td> <td></td> </tr> <tr> <td>высший</td> <td>учебное заведение</td> <td>вступительный</td> </tr> <tr> <td>全+国</td> <td>统+一</td> <td>考+试</td> </tr> <tr> <td>quan guo</td> <td>tong yi</td> <td>kao shi</td> </tr> <tr> <td>государственный</td> <td>единый</td> <td>экзамен</td> </tr> </table> <p>2) <i>高考</i> — аббревиатура.</p> <p>普通高等学校招生全国统一考试 → 高考</p> <p>Полное наименование, т. е. сочетание иероглифов 普+通 ‘общий+общий’ – 高+等 ‘высший+уровень’ – 学+校 ‘учебный + училище’ – 招+生 ‘зачислить + ученик’ – 全+国 ‘весь + государственный’ – 统+ – ‘единый + единый’ – 考+试 ‘экзамен + экзамен’ имеет форму: прилагательное + прилагательное – прилагательное + имя – прилагательное + имя – глагол + имя – местоимение + прилагательное – прилагательное + прилагательное – имя + имя.</p>	高	考	gao	kao	высший	экзамен	普+通+高+等	学+校	招+生	pu tong	xue xiao	zhao sheng	gao deng			высший	учебное заведение	вступительный	全+国	统+一	考+试	quan guo	tong yi	kao shi	государственный	единый	экзамен
高	考																												
gao	kao																												
высший	экзамен																												
普+通+高+等	学+校	招+生																											
pu tong	xue xiao	zhao sheng																											
gao deng																													
высший	учебное заведение	вступительный																											
全+国	统+一	考+试																											
quan guo	tong yi	kao shi																											
государственный	единый	экзамен																											

Виды аббревиатур	Русский язык	Китайский язык
Социально-культурные		<p>Аббревиатура 高考 состоит из первых иероглифов двух словосочетаний 高 'высший' и 考 'экзамен', наиболее выражающих значение исходных словосочетаний. Она имеет форму: прилагательное – имя.</p> <p>Например, 高考分数不再是高考录取的唯一标准, 学生综合素质评价将成为高校录取考生的重要参考。 (中国教育在线, 14.09.2016, http://gaozhong.eol.cn/gd/guangdong/201609/t20160914_1448831.shtml)</p> <p>Оценки ЕГЭ не являются единственными стандартами вступления в университет, всесторонние качества студентов станут важным ориентиром для кандидатов приема колледж.</p>
	<p>6. ВУЗ</p> <p>1) Высшее учебное заведение — полное наименование;</p> <p>2) ВУЗ — аббревиатура, или сокращение по первым буквам слов.</p> <p>Например, Минобрнауки приостановило процесс объединения вузов. (ВЗГЛЯД, 26.09.2016, http://vz.ru/news/2016/9/26/834629.html)</p>	<p>6. 高校 'Высшее учебное заведение'</p> <p>高 校 gao xiao высший учебное заведение</p> <p>1) 高等学校 — полное наименование;</p> <p>高+等 学+校 gao deng xue xiao высший учебное заведение</p> <p>2) 高校 — аббревиатура.</p> <p>高等学校→高校</p> <p>Полное наименование, т.е. сочетание иероглифов 高+等 'высший + уровень' – 学+校 'учебный + училище' имеет форму: прилагательное + имя – прилагательное + имя.</p> <p>Аббревиатура 高校 состоит из начального иероглифа первого словосочетания 高 'высший' и конечного иероглифа второго словосочетания 校 'училище'. Она имеет форму: прилагательное + имя.</p> <p>Например, 高校毕业生年末总体就业率达94.9% (新浪新闻, 26.09.2016, http://news.sina.com.cn/o/2016-09-26/doc-ifxwerm3910397.shtml) В конце года уровень занятости выпускников вузов достиг 94,9%.</p>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленный материал и его предварительный анализ позволили сделать вывод о том, что аббревиатуры в русском и китайском языках имеют большие различия: во-первых, при сокращении сочетаний в китайском языке основными единицами являются иероглифы, и сочетания сокращаются на основе объединения семантики слов. В русском языке словосочетания сокращаются, как правило, по буквам. Полученные сокращения имеют меньше отношений к значению исходного словосочетания, а потому со временем становятся даже самостоятельными словами. Во-вторых, аббревиатуры в китайском языке передаются в соответствии со звучанием отдельных иероглифов, а в русском языке аббревиатуры читаются

по звукам-озвучанию отдельных букв в алфавите или даже как целое слово. В-третьих, в китайском языке одна аббревиатура обычно соответствует только одному исходному сочетанию, а в русском языке многие аббревиатуры, особенно инициальные, могут соответствовать нескольким исходным словосочетаниям, т.е. возникает омофония аббревиатур.

Хотя русский и китайский язык относятся к разным языковым структурным типам — флективный и корнеизолирующий языки, соответственно, но в процессе аббревиации они обнаруживают сходства, поскольку теоретическая основа образования аббревиатур единая — сократить сочетания слов и словосочетания по принципу экономии языковых средств. Далее, несмотря на различные типы аббревиатур, как в русском, так и в китайском языке сочетания и словосочетания сокращаются путем отбора, усечения и обобщения. Наконец, как буквы в русском языке, так и иероглифы в китайском языке сочетаются в соответствии с определенным структурным принципом, а и при отборе составных частей аббревиатуры учитываются звучание и форма этой новой аббревиатуры.

В обоих языках аббревиация получает все более и более широкое распространение в связи с ускорением темпа жизни и требованием к максимально быстрой коммуникации современных людей

© Ли Сяогэ

Дата поступления: 09.12.2016

Дата принятия к печати: 25.01.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеев Д.И., Гозман И.Г., Сахаров Г.В. Словарь сокращений русского языка: Около 15 000 сокращений. 2-е изд. Под ред. Д.И. Алексеева. Москва, 1977.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/009b.html>. Дата обращения: 08.12.2017.
3. Новейший словарь аббревиатур русского языка. Режим доступа: <http://netler.ru/slovari/abbreviature.htm> Дата обращения: 08.12.2017.
4. Серебренников Б.А. Язык как общественное явление. Общее языкознание. Москва: Промсвещение, 2006.
5. 郭伏良 《试论建国后汉语简缩成词的类型与特点//汉字文化, 1998年第4期: С. 9—14. [Го Фулян (1998). Типы и характеристики аббревиатур в китайском языке после создания КНР // Культура китайского языка]. № 4. С. 9—14.
6. 习觅哲, 王一涛 《汉英缩略语的构词类型对比浅析//文教资料》, 2016年第1期: С. 18—19. [Си Миджэ, Ван Итао (2016). Сопоставление типов аббревиатур в китайском и английском языках // Материалы культурно-просветительные]. № 1. С. 18—19.
7. 余东衍 《试论汉语缩略语的构造特点和规范原则》, 湖北师范学院, 2011. [Юй Дуньянь (2011). Характеристики и правила образования аббревиатур в китайском языке. Хубэйский педагогический институт].
8. 俞理明 《词语缩略的界定及其理论诠释//四川大学学报》, 2000年第2期 С. 124—128. [Юй Лимин Определение и теоретическое толкование аббревиатур // Вестник Сычуаньского университета]. 2000. № 2. С. 124—128.
9. 袁晖, 阮显忠 《现代汉语缩略语词典, 北京, 语文出版社, 2002. [Юань Хуэй, Жуань Сяньчжун Современный словарь сокращений китайского языка]. Пекин: Филология. 2002.

10. http://www.linguistics_dictionary.academic.ru.
11. Специализированный дешифровальный сервер SOKR.RU. Режим доступа: <http://sokr.ru>. Дата обращения: 08.12.2017.

УДК: [811.161.1:811.581]'25
DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-454-463

COMPARISON OF ABBREVIATIONS IN RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

Li Xiaoge

RUDN University

Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

Abstract. This article deals with the definition and types of abbreviations in Russian and Chinese languages; abbreviations are compared in both languages on examples taken from the media. The purpose of research is to analyze various types of abbreviations on modern social issues in Russian and Chinese. The basic method is comparison followed by lexical and grammatical commentary. As a result, the differences and similarities of abbreviations in two languages of different structure are revealed.

Key words: abbreviation, types of abbreviations, comparison of abbreviations, Chinese language, Russian language

REFERENCES

1. Alekseev, D.I., Gozman, I.G. & Sakharov, G.V. (1977). *Russian dictionary of abbreviations. Approximately 15,000 abbreviations. 2nd ed.* In: Alekseev, D.I. (Ed.). Moscow. (in Russ).
2. Yartseva, V.N. (Ed.) (1990). *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/009b.html>. (accessed: 08.12.2017). (in Russ).
3. Sidorov, V.V. (Ed.). *The newest dictionary of abbreviations in Russian language*. URL: <http://netler.ru/slovari/abbreviature.htm> (accessed: 08.12.2017). (in Russ).
4. Serebrennikov, B.A. (1970). Language as a social phenomenon. *General linguistics*. Moscow: Prosveshchenie.
5. 郭伏良《试论建国后汉语简缩成词的类型与特点//汉字文化》，1998年第4期: 9—14页.
6. 习觅哲, 王一涛《汉英缩略语的构词类型对比浅析//文教资料》，2016年第1期: 18—19页.
7. 余东衍《试论汉语缩略语的构造特点和规范原则》，湖北师范学院, 2011.
8. 俞理明《词语缩略的界定及其理论诠释//四川大学学报》，2000年第2期. 124—128页.
9. 袁晖, 阮显忠《现代汉语缩略语词典》，北京, 语文出版社, 2002.
10. http://www.linguistics_dictionary.academic.ru (accessed: 08.12.2017).
11. *Specialized decryption server SOKR.RU*. URL: <http://sokr.ru> (accessed: 08.12.2016). (in Russ).

Сведения об авторе:

Ли Сюэзэ, аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН; *e-mail*: lixiaoge89@mail.ru

Bio Note:

Li Xiaoge, Post-Graduate student at Department of General and Russian Linguistics at RUDN University; *e-mail*: lixiaoge89@mail.ru

УДК: 81'42:821.161.1-1

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-464-471

ОСОБЕННОСТИ СЛОВЕСНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОПЛОЩЕНИЯ КОНЦЕПТА «ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ» В ПОЭЗИИ Е.А. ЕВТУШЕНКО

Е.С. Корнакова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
20, Мясницкая ул., Москва, Россия, 101000
ammiak@inbox.ru

Цель статьи — изучение и описание особенностей словесно-художественного воплощения концепта «гражданственность» в творчестве Е.А. Евтушенко, исследование структуры и вербальных реализаций концепта «гражданственность» на материале художественных произведений поэта. В статье выявляется ядро и периферия данного концепта в русской языковой картине мира. Актуальность данной работы определяют следующие факторы: пристальное внимание современной науки к вопросам концептуального анализа текста и выявлению специфики художественной картины мира автора; неослабевающий интерес к теме гражданственности в современной отечественной литературе. Материалом исследования послужили стихотворения Е.А. Евтушенко, объективирующие исследуемый концепт. В качестве основного метода исследования используется специальный лингвистический метод — метод концептуального анализа. Для раскрытия и уточнения лексического содержания концепта «гражданственность» в системе русского языка использовался лексикографический материал: «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля; «Словарь русского языка» С.И. Ожегова; «Словарь русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой, «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова и др.

Ключевые слова: концепт, синоним, приядерная зона, репрезентант, антоним, гражданственность

ВВЕДЕНИЕ

С точки зрения когнитивной лингвистики концепт является одним из базовых понятий, которое может иметь, а может и не иметь словесного выражения. Это связано с тем, что некоторые слои концепта или его признаки могут не обладать языковым обозначением в родном языке человека. Когда концепт получает свою лингвистическую репрезентацию, то «те языковые средства, которые использованы для этого, выступают как средства вербализации концепта» [Евтушенко 1984: 38]. По мнению Н.Н. Болдырева, «для формирования концептов и их существования язык сам по себе не требуется» [Болдырев 2014: 43]. В языке концепт может быть вербализован отдельными словами и словосочетаниями, фразеологическими единицами, предложениями и целыми текстами.

В свою очередь В.Н. Денисенко, ссылаясь на «Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике» [Денисенко 2004], понимает концепт как «часть модели

мира текста, включающей, кроме всего прочего, отношения, связывающие эти концепты в пространстве знания».

По мнению В.Н. Денисенко, наиболее полное определение концепта сформулировано В.В. Красных: «Это самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая (языковому) сознанию, подвергшаяся когнитивной обработке идея „предмета“ в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью» [Денисенко 2004]. Для сравнения приводится определение концепта по Ю.С. Степанову: «Концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не „творец культурных ценностей“ — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее, концепты не только мыслятся, они переживаются. Они — предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт — основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Денисенко 2004]. Таким образом, по мнению В.Н. Денисенко, в содержание концепта входит и понятие, и то, что делает его фактом культуры, а также современные ассоциации (причем по отношению к культурному концепту часто являющиеся определяющими), оценки, переживания, возможность входить в состав прецедентных текстов и т.д. [Денисенко 2004].

Существует множество вариантов «моделирования» концепта. З.Д. Попова, Л.С. Выгодский, Г.В. Токарев предлагают модель концепта как облака. Н.Н. Болдырев сравнивает концепт с катящимся комом снега, «который постоянно увеличивается в объеме» [Болдырев 2014: 45]. И.А. Стернин видит модель концепта в форме плода.

Однако следует отметить, что все исследователи выделяют в концепте ядро и периферию. Ядро концепта можно выделить, а для постоянно изменяющихся слоев концепта четкая организация не характерна, поэтому моделировать концепт как жесткую структуру в принципе невозможно: «концепт все время функционирует, актуализируется в разных своих составных частях и аспектах, соединяется с другими концептами и отталкивается от них» [Попова, Стернин 2001: 61].

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что хотя концепт на сегодняшний день и является одним из ведущих понятий когнитивной лингвистики, тем не менее однозначного понимания данного термина пока не существует. Исследование концепта «гражданственность» в произведениях Е.А. Евтушенко построено на культурологическом, языковом, когнитивном подходах.

ПРИАДЕРНАЯ ЗОНА КОНЦЕПТА «ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ»

Ядро и приадерная зона репрезентуют универсальные и общенациональные знания, а периферия — индивидуальные. «Ядро концепта лучше всего отражает семантика ключевого слова (лексемы), именующего концепт. Пополняет содержание концепта анализ синонимов, симилияров, антонимов ключевой лексемы» [Попова, Стернин 2001: 97]. Поскольку ядро концепта составляют зафиксирован-

ные в словарях значения, для определения признаков ядра концепта «гражданственность» необходимо обратиться к данным толковых словарей.

Лексема *гражданственность* в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля дается не отдельно, а вместе с определением лексемы *гражданин*. Согласно словарю: «Гражданственность — состояние гражданской общины; понятия и степень образования, необходимые для составления гражданского общества. Гражданственный, ко гражданству относящийся» [Даль 1955].

Исходя из данного толкования, очевидно, что концепт «гражданственность» имеет два ядерных компонента: 1) состояние гражданской общины (далее *гражданственность 1*); 2) понятия и степень образования, необходимые для составления гражданского общества (далее *гражданственность 2*).

«Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова дает следующее определение *гражданственности*: То же, что цивилизация [ТСРЯ 2008]. Данное толкование концепта «гражданственность» демонстрирует наличие только одного компонента ядра, а именно в значении *гражданственность 1*.

В «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой «гражданственность» определяется как: 1. Гражданское устройство и организованность; государственность. 2. Сознание своих прав и обязанностей по отношению к государству [СРЯ 1981]. В данном толковании выделяются два ядерных компонента: *гражданственность 1* и *гражданственность 2*.

Анализ вышеизложенных толкований лексемы *гражданственность* позволяет определить основные значения концепта в русском языковом сознании: *гражданственность 1* — осознание гражданами своих прав и обязанностей по отношению к государству; *гражданственность 2* — состояние и устройство гражданского общества.

Понятие «гражданственность» относится к абстрактной лексике, суффикс *-ость*, придает существительным этой группы обобщающий характер.

Рассмотрим данную дефиницию в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова, где ей дается следующее толкование: *Гражданский*: 1. Относящийся к правовым отношениям граждан между собой и их отношениям с государственными органами и организациями. Гражданское общество (общество свободных и равноправных граждан, отношения между которыми в сфере экономики, культуры развиваются независимо от государственной власти). 2. Свойственный гражданину как сознательному члену общества. 3. Невоенный, штатский. 4. Нецерковный, не связанный с церковным обрядом [Ожегов 1972]. Там же рассмотрен синоним *гражданственный*, относящийся к ближней и дальней перифериям концепта. *Гражданственный* — Присущий, свойственный гражданину (в 1 знач.). Гражданственное самосознание || сущ. гражданственность [Ожегов 1972].

В «Словаре паронимов русского языка» лексемы *гражданский* и *гражданственный* представлены и как синонимы, и как паронимы. В значении «обладающий сознанием достоинства гражданина, свойственный общественно-сознательному гражданину» слова *гражданский* и *гражданственный* продолжают оставаться синонимами: *гражданский (гражданственный) пафос, гражданское (гражданст-*

венное) самосознание. Гражданский. 1. Предназначенный для граждан, относящийся к гражданам, к правовому положению граждан в государстве. 2. Свойственный гражданину как сознательному члену общества; проникнутый идеей общественного блага (высок.). 3. Невоенный. 4. Нецерковный [Вишнякова 1984]. *Гражданственный* (устар.). Свойственный, соответствующий общественно-сознательному гражданину [Вишнякова 1984].

Синонимы выполняют достаточно важные функции в художественном тексте. Под синонимами понимают слова, обычно принадлежащие к одной части речи, с одинаковым или близким значением. Основным назначением синонимов в языке является замещение в тексте друг друга, уточнение содержания обозначаемого. Синонимы формируют вместе с другими словами тот или иной «стилевой строй» высказывания, давая ему различную оценку [Новиков 2001: 614]. Тем самым использование синонимов в художественном произведении позволяет избежать повторения одних и тех же слов, однообразия в изложении.

Следует отметить, что анализ синонимов ключевого слова, вербализующего исследуемый концепт, дает возможность определить дифференциальные признаки исследуемого концепта, выявляющиеся при сопоставлении лексем, принадлежащих к синонимическому ряду. На сегодняшний день синонимия и антонимия как возможность вербализации концепта остаются актуальной темой исследования современной лингвистики.

Таким образом, в соответствии с двумя основными ядерными значениями в ближней и дальней перифериях выявлены два типа синонимов. На основе данных значений был построен синонимический ряд для двух одноименных ядерных компонентов: **Гражданственность 1:** *гражданский, гражданственный, свободный, равноправный, невоенный, штатский, нецерковный. Гражданственность 2:* *гражданственный, гражданский, сознательный (гражданин), общественно-сознательный (член общества), проникнутый идеей общего блага.*

Анализ словарных дефиниций позволяет утверждать, что в сознании носителя русского языка концепт «гражданственность» ассоциируется прежде всего с нравственной позицией гражданина, с сознанием достоинства гражданина. Для настоящего исследования наиболее важно значение «гражданственности» как нравственного качества, свойственного общественно-сознательному гражданину.

Исследуя вербализацию концепта «гражданственность» в творчестве Е.А. Евтушенко, можно говорить об антропоцентричности образной составляющей данного концепта. Используя разнообразные стилистические приемы, Е.А. Евтушенко создает особую образность поэтического языка, позволяющего ярко выражать свой собственный взгляд на окружающую действительность. К теме гражданственности обращались почти все поэты и писатели, независимо от времени, в котором они творили. Естественно, в творчестве каждого автора мы наблюдаем интерпретацию этой темы, что обусловлено личностью каждого из них, социальной проблематикой эпохи, художественным стилем.

Концепт «гражданственность» у Е.А. Евтушенко вбирает в себя все элементы картины мира русского социума, которая переосмысливается и дополняется, в чем-то

сходится, в чем-то разнится. Картина мира писателей является особенной, так как ее можно считать и частью коллективной картины мира, но, с другой стороны, она индивидуальна, и эта картина мира лингвистически репрезентована в художественном тексте. Поэт открыто призывает к подлинной «гражданственности». Многие стихотворения Евтушенко публицистичны. Ничто не уходит от его внимания — он откликается на острые политические, социальные, нравственные проблемы и ситуации дня, дает им оценку с точки зрения морали.

Концепт «гражданственность» наиболее ярко выражен в стихотворении Е.А. Евтушенко «Гражданственность» (1971). Автор отождествляет «гражданственность» с флагом — государственным символом страны: / *Ты, гражданственность, — флаг, а не флюгер* / [Евтушенко 1984: 387]. Поэт использует особый троп — олицетворение, подразумевая под «скрипчивым флюгером» человека, который «слишком усердно выставляет напоказ свои чувства к Родине: / *Флюгер слишком усердно скрипчив. / Тот, кто Родину подлинно любит, тот в любви никогда не криклив* / [Евтушенко 1984: 387].

Автор призывает не подменять подлинное чувство гражданственности показным: / *Стань, гражданственность, строже и чище, / ведь прохожих нелепо хватать / и, бия себя в грудь кулачищем, / Им орать: «Я люблю свою мать! /»* [Евтушенко 1984: 387].

Гражданственность поэтов-патриотов замешана на их собственной крови в отличие от квасного патриотизма болгаринствующих вралей, который даже не заквашен, а просто замешан: / *Ты, гражданственность, — Пушкин, Некрасов — / не болгаринствующие вдали, / и замешана ты не на квасе, / а заквашена на крови* [Евтушенко 1984: 387].

Следует отметить, что в ядро авторского концепта «гражданственность» входят однокоренные лексемы *гражданство* и *гражданин*, дополняя его содержание: / *Боль гражданства — не в собственной боли. / Тот, кто истинный гражданин, / защищает собою все поле, / даже если он в поле один* / [Евтушенко 1984: 388].

В следующем четверостишии, вспоминая битву при Бородино, автор утверждает, что, сплотившись, русский народ сможет одолеть любого врага: / *Все мы порознь, как в чаще тропинки / и дорога, когда мы одно. / Все мы порознь, как в поле травинки, / ну а вместе — Бородино.* / В тексте также были обнаружены антонимичные единицы. Семантическая природа антонимов, заключающаяся в выражении противоположности, по мнению Л.А. Новикова, позволяет широко использовать их в языке в качестве одного из важнейших выразительных средств [Новиков 2001: 298].

Антонимы — это слова, в значении которых отражается их взаимная противоположность друг другу. Противопоставление антонимов является ярким источником речевой экспрессии в художественной литературе, где антонимы реализуют свойственные им стилистические функции в таких фигурах речи, как антитеза, ирония и оксюморон. Под антитезой понимают стилистическую фигуру противопоставления противоположных, контрастных по своему содержанию слов [Новиков 2001: 303].

Лексемы *показной, криводушный* выступают в качестве антитезы свойств истинного гражданина: / *Показной героизм — криводушен.* / Автор призывает защищать Родину, приводя в пример знаменитого героя Тушина: / *Вы, не чувствуя собственных ран, / защищайте Россию, как Тушин, / незаметный ее капитан.* Также в качестве антитезы сознательному гражданину Е.А. Евтушенко использует следующие лексические единицы: *двуличный, подхалим, клеветник, заграничный «умник», отечественный дурак*: / *Защищайте ее от двуличных / подхалимов и клеветников / и от «умников» заграничных /и отечественных дураков.* / [Евтушенко 1984: 388].

В следующем катрене поэт призывает сознательных граждан защищать не только природу родной страны, но и своих сограждан: / *Защищайте леса и озера, / прикрывая их грудью своей, / от губительного разора... / Не забудьте защиту людей!* / Используя лексемы *хамство, безверье, ложь*, автор противопоставляет их добропорядочности, вере, правде, поскольку эти категории относятся к истинному гражданину. Е.А. Евтушенко призывает истинных граждан к защите детей и женщин своей страны: / *Защищайте, как наши высоты, / нашей совести рубежи, / наших женщин — от хамства чьего-то / и детей — от безверья и лжи.*

Завершая стихотворение, Е.А. Евтушенко вновь делает акцент на противопоставлении ложной и истинной гражданской позиции: / *Крикуны исчезают бесследно, / но, как совести внутренний глас, / на защиту России — бессмертно / поднимает **гражданственность** нас* [Евтушенко 1984: 388].

Анализ реализации концепта «гражданственность» в стихотворении «Молитва перед поэмой» (1964) позволяет говорить об антропоцентричности его образной составляющей. Понятие «гражданственность» у Е.А. Евтушенко неразрывно связано с нравственной позицией поэта, обладающего «гордым духом гражданства», который отвечает за нравственно-патриотическое воспитание своих читателей: / *Поэт в России — больше, чем поэт. / В ней суждено поэтами рождаться / лишь тем, в ком бродит гордый дух **гражданства**, / кому уюта нет, покоя нет* / [Евтушенко 1980: 395].

В стихотворении «Гражданственность — талант нелегкий» (1958) «гражданственность» отождествляется с ядерным компонентом *гражданственность 2*. Е.А. Евтушенко справедливо считает гражданственность «нелегким» талантом, требующим работы над собой: / *Гражданственность — талант нелегкий. / Давайте делаться умней.* / Гражданская позиция — чувство осознанное, не каждому оно дано: / *Зачем тащить, как на веревке, / надменно фыркающих — к ней?* / [Евтушенко 1980: 176].

Далее автор противопоставляет ложную гражданственность подлинной, используя прием поэтической антитезы: / *Пусть в игре своей несложной / то славят громко, то клянут — / они **гражданственностью** ложной / от подлинной не оттолкнут* / [Евтушенко 1980: 176].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение концептов остается актуальным научным направлением в когнитивной лингвистике. Особый интерес для нашего исследования представляет художественный концепт, поскольку он вербализуется в пространстве художественного

текста в рамках определенной национальной художественной картины мира. Проведенный анализ содержания концепта «гражданственность» в различных толковых словарях выявил в его составе два ядерных компонента: *гражданственность 1* — осознание гражданами своих прав и обязанностей по отношению к государству; *гражданственность 2* — состояние и устройство гражданского общества. В поэтическом творчестве Е.А. Евтушенко лексема *гражданственность* совпадает со значением ядерного компонента *гражданственность 2*. Итак, можно констатировать, что приядерная зона концепта «гражданственность» представлена лексемами с синонимичной и антонимичной семантикой. Антитеза как авторский художественный прием в творчестве Е.А. Евтушенко выступает в качестве элемента поэтического мировидения при описании им актуальной темы гражданственности. Такой поэтический троп, как антитеза, ярко вскрывает языковую личность поэта-гражданина, выявляет его взгляды на окружающую действительность.

Используя различные типы антонимов, языковые, речевые, индивидуально-авторские, Е.А. Евтушенко создает особую образность поэтического языка, в которой совмещаются и его отношение к реальной жизни, и еще больше — его размышления о ней.

Исследование синонимов также имеет огромное значение при раскрытии индивидуального стиля автора. Образность художественной речи, в частности поэтической речи Е.А. Евтушенко, — это образность эстетическая, она отличается индивидуальностью и неповторимостью признаков при их предельной конкретности. Анализ реализации концепта «гражданственность» в творчестве Е.А. Евтушенко позволяет говорить об антропоцентричности образной составляющей данного концепта. Примеры из произведений поэта свидетельствуют о том, что в картине мира Е.А. Евтушенко концепт «гражданственность» ассоциируется прежде всего с нравственной позицией активного гражданина, достойного члена общества.

© Корнакова Е.С.

Дата поступления: 23.02.2017

Дата принятия: 3.03.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: ИД ТГУ, 2014.
2. *Вишнякова О.В.* (1984) Словарь паронимов русского языка. Москва: Рус. яз.
3. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Москва, 1955.
4. *Денисенко В.Н.* Концепт изменение в русской языковой картине мира. Москва: РУДН, 2004.
5. *Евтушенко Е.А.* Собрание сочинений. В 3-х т. Т. 2. Москва: Худож. лит., 1984.
6. *Евтушенко Е.А.* Избранные произведения. В 2-х т. Т. 1. Москва: Худож. лит., 1980.
7. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001.
8. *Новиков Л.А.* Проблемы языкового значения // Избранные труды. Т. 1. Москва: Изд-во РУДН, 2001.
9. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. Москва, 1972.
10. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Под ред. Д.Н. Ушакова. Москва, 2008.
11. Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 1. Под ред. А.П. Евгеньевой. Москва: Русский язык, 1981—1984.

УДК: 81'42:821.161.1-1

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-464-471

PECULIARITIES OF VERBAL AND ARTISTIC IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT “CITIZENSHIP” IN THE POETRY OF E.A. EVTUSHENKO

E.S. Kornakova

National Research University “Higher School of Economics”
20, Myasnitskaya str., Moscow, Russia, 101000
ammiak@inbox.ru

Abstract. The article is aimed at the research and the description of the peculiarities of verbal and artistic implementation of the concept “citizenship” in the works of E.A. Evtushenko, as well as the research of the structure and verbal realizations of the concept «citizenship» prepared on the basis of poet's works. This article reveals the core and periphery of this concept in Russian language picture of the world. The urgency of this Article is determined by the following factors: 1) the scrutiny of modern science to issues of conceptual analysis of the text; 2) an increased interest in identifying the specifics of artistic paintings of individual writers of the world; 3) citizenship unexplored theme in the works of E.A. Yevtushenko. The purpose of the article — the study and description of the characteristics of verbal and artistic expression of the concept of “citizenship” in the works of E.A. Yevtushenko, the study of the structure and implementation of verbal concept “citizenship” on the material of the artistic works of E.A. Yevtushenko. The material of the study is based on a poem E.A. Yevtushenko, objectifying the analyzed concept. The main research method used a special method of linguistic — conceptual analysis. To expand and clarify the lexical content of the concept “citizenship” in the system of the Russian language was used lexicographical material: V.I. Dal “Explanatory Dictionary of Russian Language”; S.I. Ozhegov Dictionary of Russian language; Dictionary of Russian ed. A.P. Evgenyeva, Explanatory Dictionary of Russian ed. D.N. Ushakov and others.

Key words: concept, synonym, pronuclear zone, representatives, antonym, citizenship

REFERENCES

1. Boldyrev, N.N. (2014). *Cognitive semantics. Introduction to Cognitive Linguistics*. Tambov: TSU. (in Russ).
2. Vishnyakova, O.V. (1984). *Dictionary of paronyms of the Russian language*. Moscow: Russkii yazyk. (in Russ).
3. Dal, V.I. (1955). *Explanatory Dictionary of Russian language*. Moscow. (in Russ).
4. Denissenko, V.N. (2004). *Concept Change in the Russian language picture of the world*. Moscow: RUDN. (in Russ).
5. Evtushenko, E.A. (1984). *Collected Works*. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (in Russ).
6. Evtushenko, E.A. (1980). *Collected Works*. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (in Russ).
7. Popova, Z.D. & Stermin, I.A. (2001). *Essays on Cognitive Linguistics*. Voronezh: Istoki. (in Russ).
8. Novikov, L.A. (2001). *Problems of linguistic significance. Selected works*. Volume 1. Moscow: Publishing house of RUDN. (in Russ).
9. Ozhegov, S.I. (1972). *Explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow. (in Russ).
10. Ushakov, D.N. (Ed.) (2008). *Russian language Dictionary*. Moscow. (in Russ).
11. Evgenieva, A.P. (Ed.) (1981—1984). *Russian dictionary in 4 volumes*. Moscow: Russian language. (in Russ).

Сведения об авторе:

Корнакова Екатерина Сергеевна, преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; *e-mail*: ammiak@inbox.ru

Bio Note:

Kornakova Ekaterina Cergeevna, Senior Lecturer at National Research University “Higher School of Economics”; *e-mail*: ammiak@inbox.ru

УДК: [811.161.2:811.161.1]'373.21
DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-472-478

ТОПОНИМИКА ПОЭМЫ «МОИСЕЙ» И.Я. ФРАНКО: КВАНТИТАТИВНЫЙ АСПЕКТ КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА (украинский оригинал и русские переводы)

В.В. Шульган

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
kaf_yazik_rudn@mail.ru

В статье рассматриваются топонимы, которые встречаются в поэме «Моисей» И.Я. Франко. Особое внимание уделено онимам, которые обладают коннотацией, присущей библеизмам в целом, реализуют свой семантический и прагматический потенциал в украинском оригинале поэмы. Также проанализированы расхождения в выборе стратегий перевода, которые были использованы в отношении этих онимов русскими переводчиками, а именно Д. Бродским, В. Азаровым и Б. Пастернаком. По итогам компаративного анализа вариантов перевода можно утверждать, что В. Азаров не только придерживался принципа эквилинеарности, но и сохранил практически все топонимы. В качестве исследовательской задачи была определена попытка изучить частоту употребления в тексте географических названий, что в свою очередь подчеркивает важность смысловой нагрузки на определенные топонимы.

Ключевые слова: топоним, ороним, астионим, хороним, потамоним, платионим, пелагоним, поэзия И.Я. Франко

ВВЕДЕНИЕ

В связи с тем, что топонимия художественного текста сравнительно недавно стала объектом научных интересов, возникает необходимость в изучении географических названий ранее не исследуемых произведений, таких как поэма «Моисей» И.Я. Франко. Известно, что онимы как часть лексики обладают своим смыслообразующим потенциалом в структуре поэтического текста. Топонимы прежде всего обладают лингвокультурологической валидностью, поскольку географические названия вводят в текст широкий историко-культурный фон, своеобразно актуализирующийся в конкретном контексте. В настоящей статье рассматриваются топонимы, обладающие коннотацией, присущей библеизмам в целом, реализующие свой семантический и прагматический потенциал в украинском оригинале, а также стратегии перевода, выбираемые в отношении этих топонимов русскими переводчиками поэмы.

АНАЛИЗ ТОПОНИМОВ ПРОЛОГА

Поэма И. Франко «Моисей» насчитывает 30 топонимов, из которых 9 оронимов, 8 астионимов, 7 хоронимов, 2 потамонима, 2 платионима и 2 пелагонима. Рассмотрим пролог к поэме на украинском языке. Стоит отметить, что в поэтиче-

ском вступлении к поэме встречаются 3 топонима: Кавказ, Бескид, Черне море: «Та прийде час — і ти огнистим видом / Засяєш у народів вольних колі, / Труснеш Кавказ, впережешся Бескидом, / Покотиш Чорним морем гомін волі...» [Франко 2010: 49]. В оригинале топонимы обозначают природные границы, которые так или иначе должны быть разрушены для того, чтобы украинский народ присоединился к свободным народам. При этом горы должны претерпеть землетрясение, а море — волнение.

Таким образом, стабильность географических объектов осмысливается ограничивающая, сковывающая. Топоним *Бескиды* в сущности называет конкретные хребты из системы Карпат, но важна не только географическая локализация, но и гуцульское происхождение топонима. Существует предположение, что название произошло от гуцульского слова, означающего «лысый хребет» [Арсенич 2012: 14]. В переводе Д. Бродского исчезает топоним *Кавказ*, что можно объяснить не только стремлением изменить топоним, где происходит поэтическое событие оригинала, но и тем, что в оригинале *Кавказ* не выдвинут не только в позицию рифмы, усиливающую его контекстуальную значимость, но даже в позицию финали нерифмуемой строки: «Но час придет — и ты в венце багряном, / В кругу народов вольных, чуждых боли, / За грань Бескид, курящихся туманом, / И к Черноморью двинеш рокот воли...» [Франко 1990: 449]. В переводе Б. Пастернака *Кавказ* и *Бескиды* заменены на *Карпаты*, но последние выдвинуты в рифмопозицию: «Но час придет, в багряном ореоле, / В кругу народов вольных, за Карпаты / И к Черноморью рокот новой воли / И радости ты доплеснешь раскаты» [Франко 1981: 189], но и поставил этот топоним в ударную рифмопозицию (*Карпаты* — *раскаты*), впрочем, в его переводе изменена схема рифмовки оригинала — чередующаяся на сплошную, тем самым семантическая значимость рифмопозиции понижена. Однако смысловое сближение гор и горной катастрофы (обвала, землетрясения), имеющаяся в оригинале, сохранена. Наиболее полную топонимическую картину пролога сохранил перевод В. Азарова: «Но время близко — ты, с лицом открытым, / Сияя, вступишь в вольный круг народов, / Тряхнешь Кавказ, повяжешься Бескидом, / Покатишь Черным морем шум свободы...» [Франко 1981: 623].

Исходя из изложенного выше, следует сделать вывод, что прежде всего непосредственное влияние на передачу смысла в текстах-переводах имеет изменение переводчиками количества имен собственных (табл. 1).

Таблица 1

Топонимикон пролога к поэме «Моисей»

Текст-оригинал на украинском языке	Переводы на русский язык		
Франко И.	Бродский Д.	Азаров В.	Пастернак Б.
Кавказ		Кавказ	
Бескиди	Бескиды	Бескиды	
Чорне море	Черноморье	Черное море	Черноморье
			Карпаты

АНАЛИЗ ТОПОНИМОВ ПОЭМЫ

В поэме имеется группа топонимов, безусловно представляющая собой библеизмы. Рассмотрим каждый топоним отдельно. Чаще всего в украинском тексте поэмы встречается хороним Израїль/Израиль (укр) — 16 раз, Израиль (рос) в пере-

воде Д. Бродского — 12 раз, В. Азарова — 10 раз. У И. Франко находим 7 примеров апострофы, как «Ти, *Ізраїлю*, чир той! Тебе так товктиме Єгова...» [Франко 2010: 80] и «Я, *Ізраїлю*, від тебе собі / Нічогосінько не хочу» [Франко 2010: 83]. Поэт использует междометие «о» при восклицательном обращении к упомянутому выше государству: «О *Ізраїлю*, ти той посол, / І будущий цар світа!» [Франко 2010: 70]. Такое обращение звучит рефреном в поэме. И. Франко «разговаривает» с этим хоронимом на равных, как с другом делится внутренними размышлениями («О *Ізраїлю*! Якби ти знав, / Чого в серці тім повно!» [Франко 2010: 82]) и чувствами («О *Ізраїлю*, не тям ти сього, / Богохульного слова: / Я люблю тебе дужче...» [Франко 2010: 83]). У Д. Бродского находим обращение к Израилю с местоимением «мой», чего нет в украинском тексте: «Мой *Израиль*, поверь, от тебя / Ничего не хочу я» [Франко 1990: 471]. Следует также заметить, что в его переводе присутствуют повторения обращений с междометием «о»: «О *Израиль*, ты этот посол, / Царь на свете в грядущем!» [Франко 1990: 462] и «О *Израиль*, прости мне мое / Богохульное слово...» [Франко 1990: 470]. Дважды И. Франко называет Израиль «своим чадом»: «О *Ізраїлю*, чадо мое!» [Франко 2010: 84] и «О *Ізраїлю*, чадо мое, / Будь здоровий навіки!» [Франко 2010: 85]. Д. Бродский сохранил такое обращение со словом «чадо» только в одном случае: «О *Израиль*, о чадо мое, / Плачься богу Шаддаю!» [Франко 1990: 471], а в другом — заменил его на «дитя»: «О *Израиль*, с тобою, дитя, / Я прощаюсь навеки!» [Франко 1990: 472].

В отличии от текста-оригинала, в переводе Д. Бродского эта восклицательная апострофа встречается не только в начале строки, но и внутри: «Тьмам твоих, о *Израиль*, сынов / Скалы стали гробницей» [Франко 1990: 466], а также «Ты, *Израиль*, тот луб!» [Франко 1990: 469]. В переводе В. Азарова прослеживаются близки к переводу Д. Бродского стилистические приемы в обращении: «О *Израиль*! Ты сам тот посол, / Царь грядущий планеты...» [Франко 1960: 637] и уже без местоимения «мой», но с обращением внутри строки: «То, *Израиль*, поверь, от тебя / Ничего не хочу я» [Франко 1960: 646]. Следует также отметить, что В. Азаров в переводе сохранил дважды употребляемое И. Франком слово «чадо»: «О *Израиль*, ты чадо мое, / Будь же счастлив навеки!» [Франко 1960: 648] и «О *Израиль*! Ты чадо мое!» [Франко 1960: 647].

Не менее важным есть соблюдение одинаковых повторений в обращении, которые В. Азаров перенес в русский текст поэмы «Моисей»: «О *Израиль*, прошу, не внимай / Богохульному слову...» [Франко 1960: 646], а также «О *Израиль*, когда бы ты знал, / Что мне вымолвить трудно!» [Франко 1960: 645]. Нельзя не заметить, что И. Франко персонифицирует вышеназванный хороним: «...у дрантивих наметах своїх / Весь *Ізраїль* дримає» [Франко 2010: 51], а также «...Що той дуб і ті гилі — / Се *Ізраїля* двана<д>цять колін, / Розбуялих на *Нілі*» [Франко 2010: 75]. То же самое видим и в переводе В. Азарова: «День за днем — тут же скудный Моав / И жара донимает. / Весь *Израиль* в дырявых шатрах / В сладком сне пребывает» [Франко 1960: 625]. И в переводе Д. Бродского прослеживаем существующий в украинском тексте и отсутствующий у В. Азарова — «І згасне *Ізраїля* звізда, / Щоб вже більше не сяти...» [Франко 2010: 113] — пример метонимии: «Вот *Израиль* гаснет звезда / Навсегда...» [Франко 1990: 490]. Таким образом, следует подчеркнуть, что наряду с персонификацией писателем употребляется мето-

нимия. У И. Франко встречаются следующие подтверждающие это строки: «По моавських долинах марних / Ось *Ізраїль* кочує...» [Франко 2010: 50] и «Щоб з мудрецами й жрецами кувать / На *Ізраїля* зраду?» [Франко 2010: 75], где хороним Израиль олицетворяет не всех людей, которые живут на его территории, а именно страждущий народ, о котором говорится в Библии. Такой же вид тропа — метонимию — находим в переводе Д. Бродского «Ловит молча *Израиль* ту речь, / Ожидая развязки...» [Франко 1990: 460] и В. Азарова «Там в долинах *Израиля* жизнь / Протекает в скитаньи...» [Франко 1960: 624].

Интересен тот факт, что в некоторых местах прослеживается идентичность переводов с текста-оригинала «...І *Ізраїля* сила грізна / По пісках розгубилась» [Франко 2010: 76] у Д. Бродского «И *Израиля* грозная мощь / Меж песков растерялась» [Франко 1990: 466] и В. Азарова «...И *Израиля* грозная мощь / По пескам распылилась...» [Франко 1960: 641].

Считаем необходимым обратить внимание еще на один пример украинской строки «...Той *Ізраїль* росте та росте, / Як та *Нілова* повінь» [Франко 2010: 75], русские переводы которого более чем похожи: «Тот *Израиль* растет и растет, / Словно *Нил* в половодье» [Франко 1990: 465] (Д. Бродский), и аналогичная картина наблюдается в «Ведь *Израиль* растет и растет, / Словно *Нил* в половодье!» [Франко 1960: 641] (В. Азаров).

Словосочитание «Израиля сыновья» дважды встречается в поэме И. Франко: «...Сотнями тисяч *Ізраїля* синів / Домовиною стали!» [Франко 2010: 76], а также — «А на зборі *Ізраїля* синів / Честь віддавши Ваалу...» [Франко 2010: 54], которая нашла семантическое отражение в переводе Д. Бродского: «На собранье *Израиль* созвав, Полн к Ваалу почтенья...» [Франко 1990: 453]. Здесь видим уже отсутствие вышеупомянутого словосочетания, но сохранение и передачу смысла. Довольно часто встречается в поэме потамоним Иордан. В тексте-оригинале находим: «Сорок літ сапфіровий *Йордан* / І долина пречудна / Їх манили...» [Франко 2010: 51]. В переводе этой строки В. Азаров использует иное прилагательное: «Сорок лет голубой *Иордан* / И долины цветенье / Их манили и гнали вперед, / Как в пустыне виденье» [Франко 1960: 624]. А Д. Бродский с целью улучшения поэтического благозвучания меняет порядок слов в строке: «Сорок лет *Иордан* голубой / И долина за кряжем, / Без конца призывали, влекли...» [Франко 1990: 450].

В поэме «Моисей» наблюдается использование автором потамонима Иордан в нерифменной позиции: «Та хоч би край *Йордана* мені / Зараз трупом упасти, / Щоб в обіцям краю лише / Старі кості покласти» [Франко 2010: 85]. Но вот уже в переводе В. Азарова — «Мне бы мертвым хотя бы упасть / У воды *Иордана*, / Чтобы старые кости сложить / В крае обетованном» [Франко 1960: 647] — видим связку <ИордАна — обетовАнном>. И совсем другую картину наблюдаем в переводе Д. Бродского: «Хоть бы там, где бежит *Иордан*, / Наземь пасть, умирая, / Чтобы старым улечься костям / В предначертанном крае» [Франко 1990: 472]. Здесь этот потамоним уже в конце строки, но (как и в украинском оригинале) в нерифменной позиции. Кроме Иордана в поэме актуализованы следующие заведомо **библейские топонимы**: Моав, Йордан, Міцраїм, Мадїям (Мідїян-земля), Ур, Гарран (Харан), Канаан — Ханаан — Палестина, Синай, Сенаар, Хорив, Небо-гора (Нево-гора), Фазга, Кармель, Сіон, Єрихон, Кадес, Дамаск, Салим (Єрусалим), Галад (Галаад), Ассур — Ассірія, Вавилон, Єгипет, Палестина.

Древняя страна Моав, расположенная к востоку от Мертвого моря, вдоль реки Арнон встречается в ударной рифмопозиции как в оригинальном тексте — «Тут ще піски й червоні, як ржа, / Голі скелі Моава, / Та за ними синіє Йордан, / І діброви, й мурава» [Франко 2010: 50], так и в переводе Д. Бродского «... кряжей Моава, / Но вдали — Иордан голубой, / И трава, и дубравы» [Франко 1990: 450] и В. Азарова «... скалы Моава, / Но за ними течет Иордан, / Там дубравы и травы» [Франко 1960: 624]. Что касается способов сохранения в тексте топонима, обозначающего обетованную заветную землю, то следует отметить, что переводчики в основном придерживались оригинала. Таким образом, Палестина Франка: «...Наблизився з народом своїм / О межю к Палестині» [Франко 2010: 50] оставалась Палестиной и у В. Азарова «Наконец он с народом своим / Подошел к Палестине» [Франко 1960: 624], и у Д. Бродского «...он с народом своим / В некий день к Палестине» [Франко 1990: 450]; а Канаан (укр.) «...мушу дійти / До межі Канаана» [Франко 2010: 84] превращается в Ханаан «...обязан достигь / Рубежей Ханаана» [Франко 1990: 471].

Но есть в переводе Д. Бродского несоответствие с украинским вариантом произведения, когда топоним Ханаан употребляется без прямого соотношения с оригиналом: «Ханаана тебе не видать, / Горб не гнуть униженно» [Франко 1990: 466]. Подобное наблюдаем у В. Азарова: «...Моисей / Так ответил Датану. — / Стан свой гордый тебе не сгибать, / Не видать Ханаана» [Франко 1960: 641]. Использование названия, заменяющего оригинальный топоним Мицраим на Египет, видим в переводе Д. Бродского: «Из Египта он вывел народ / И рабов на свободу...» [Франко 1990: 452]. Рассмотрим ту же цитату «Из неволи в Мицраїм свій люд / Вирвав він...» [Франко 2010: 53] в переводе В. Азарова «Словно буря, свой вырвал народ, / Из неволи в Мицраим / На свободу он вывел рабов, / Гнет неволи свергая» [Франко 1960: 626]. Подобное несомненно влияет на метрику стиха, а также вносит изменения в квантитативный показатель используемого в поэме топонима.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из вышеприведенного компаративного анализа со всей очевидностью следует отметить, что в переводах Д. Бродского и В. Азарова исчезают два топонима: *Канаан* — в обоих случаях, *Кавказ* — у Д. Бродского, и *Ассур* — у В. Азарова. Учитывая частотность употребления топонимов, можно сделать выводы, что перевод В. Азарова наполнен практически таким же количеством ономастической лексики (табл. 2).

Таблица 2

Количество топонимов использованных в поэме «Моисей»

Топонимы	Оригинал поэмы (И.Франко)	Перевод (Д. Бродский)	Перевод (В. Азарова)
Ассур	1	1	нет
Бескидом	1	1	1
Вавилон	1	1	1
Галада	1	1	1
Гарран	2	3	2
Дамаск	1	1	1
Египет	5	6	5
Ерихон	3	3	3
Йордан	6	6	7
Ізраї(й)ль	16	12	10

Окончание таблицы 2

Топонимы	Оригинал поэмы (И. Франко)	Перевод (Д. Бродский)	Перевод (В. Азарова)
Кавказ	1	нет	1
Кадеса	1	1	1
Канаан	4	нет	нет
Кармель	2	2	2
Ліван	2	1	2
Мадіям	1	1	1
Мертве море	2	1	2
Міцраїм	1	1	2
Моава	2	2	3
Небо-гора	1	1	1
Ніл	3	3	3
Палестина	5	5	5
Салима	1	1	1
Сенаар	1	1	1
Синай	1	1	1
Сіон	1	1	1
Ур	2	1	2
Фазга	1	1	1
Хорив	4	4	5
Чорне море	1	1	1
Ханаан		5	5
Всего:	73	68	72

© Шульган В.В.

Дата поступления: 23.01.2017

Дата принятия: 3.02.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Арсенич П.* Прикарпаття в житті Каменяра. Івано-Франківськ, 1996.
2. *Бучко Д.Г., Ткачова Н.В.* Словник української ономастичної термінології. Харків, 2012.
3. *Франко И.* Стихотворения и поэмы. Москва, 1960.
4. *Франко И.* Избранные сочинения: Пер. с укр. Москва, 1981.
5. *Франко И.* Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы: Пер. с укр. Москва, 1990.
6. *Франко І.* Мойсей: поема. Івано-Франківськ, 2010.

УДК: [811.161.2:811.161.1]'373.21

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-472-478

**TOPONYMY OF IVAN FRANKO'S POEM "MOSES":
THE QUANTITATIVE ASPECTS OF COMPARATIVE ANALYSIS
(ukrainian original and russian translations)**

V.V. Shulgan

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

Abstract. The article discusses the usage of the place names which appear in the poem "Moses" by Ivan Franko. Particular attention is paid to onyms which have connotations generally inherent biblicisms and realize their semantic and pragmatic potential in the Ukrainian original poem. Also the differences

in the choice of translation strategies used by D. Brodskij, V. Azarov and B. Pasternak due to these toponyms were analyzed. As a result of comparative analysis of translations it can be argued that V. Azarov not only kept the number of stanza in translated variant, but also retained almost all place names. An attempt to explore the frequency of geographical names' usage has been defined as a research task. It underlines the importance of semantic meaning of certain place names.

Key words: toponym, oronym, astionym, horonym, potamonym, plationym, pelagonym, Ivan Franko's poetry

REFERENCES

1. Arsenich, P. (1996). *Carpathian life masons*. Ivano-Frankivska. (in Ukr).
2. Buchko, D.G. & Tkachova, N.V. (2012). *Ukrainian dictionary of onomastic terminology*. Khar'kov. (in Ukr).
3. Franko, I. (1960). *Poetry and poems*. Moscow. (in Russ).
4. Franko, I. (1981). *Selected works: Translation from Ukrainian*. Moscow. (in Russ).
5. Franko, I. (1990). *Collected Works in 3 volumes*. Vol. 1. Poetry and poems: Translation from Ukrainian. Moscow. (in Russ).
6. Franko, I. (2010). *Moses: Poem*. Ivano-Frankivska. (in Ukr).

Сведения об авторе:

Шульган Вера Владимировна, аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН; e-mail: kaf_yazik_rudn@mail.ru

Bio Note:

Shulgan Vera, Post-Graduate student at Department of General and Russian Linguistics at RUDN University; e-mail: kaf_yazik_rudn@mail.ru

УДК: 372.881.1

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-479-484

ACCESS TO SECOND LANGUAGE ACQUISITION

Mahmoud Mustafa H. Jabballa

RUDN University
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

Abstract. This paper discusses the different views on the availability of UG principles in language acquisition of adult second language learners, and summarizes some of the evidence for or against each position. One important issue in current language acquisition research is whether the acquisition of a second language is fundamentally different from that of the first language. Researchers approaching second language acquisition (SLA) from the linguistic perspective often relate this issue to the availability of Universal Grammar to second language acquisition. Universal Grammar (UG) refers to a grammar which is genetically endowed to all human beings and which all languages have in common.

Key words: Universal grammar, language acquisition, availability, hypothesis, fundamental identity/difference

INTRODUCTION

One important issue in current language acquisition research is whether the acquisition of a second language is fundamentally different from that of the first language. Researchers approaching second language acquisition (SLA) from the linguistic perspective often relate this issue to the availability of Universal Grammar (UG) to second language acquisition. Universal Grammar (UG) refers to a grammar which is genetically endowed to all human beings and which all languages have in common. If second language learners have access to Universal Grammar, grammar of the second language (L2) would not be fundamentally different from that of the first language (L1), which is guided by UG. There have been many debates about whether UG plays a role in second language acquisition. Two opposing views are commonly suggested: ‘The Fundamental Difference Hypothesis’ by Bley-Veroman (1989), and The ‘Fundamental Identity Hypothesis’ by Schwartz (1987, 1997).

THE FUNDAMENTAL DIFFERENCE HYPOTHESIS

This view claims that the nature of the process involved in second language acquisition is radically different from primary language acquisition. Whereas the former process involves a language-specific faculty, the LAD, the latter observes a more general problem-solving skill, also typical of adult learning in various fields other than language. Bley-Vroman’s (1989) specific proposal is that: “The function of the domain specific acquisition system is filled in adults (though indirectly and imperfectly) by this native language knowledge and by general abstract problem-solving system. I shall call this proposal the Fundamental Difference Hypothesis” [Bley-Vroman’s 1989: 50]. In support

of this claim, he reports nine areas of learning difficulties among adults such as lack of success, general failure, variation in success, fossilization, which make adult second language learning acquisition more similar to general adult problem-solving than to child language development.

THE FUNDAMENTAL IDENTITY HYPOTHESIS

This hypothesis is consistent with the idea that the same language-specific mechanism guiding L1 acquisition may be involved in L2 acquisition as well. Although very seldom, some adult second language learners achieve native speaker competence, and this fact requires an explanation. It might well be that the LAD is available to second language learners well beyond the critical period. Ellis (1994) cites Dulay and Burt (1974), Bailey, Madden, and Krashen (1974), d'Anglejan and Tucker (1975) and others as saying that second language acquisition is, in crucial respects, like first language acquisition, and the same theoretical constructs can be invoked to explain both. As they showed, developmental L2 errors tend to mimic those committed by the L1 learner, and, with respect to the morpheme studies, the order of acquisition of certain morpheme in L2 mirrors that in L1. Although the L2 morpheme acquisition studies are not unproblematic, they, along with other evidence, resulted in a new consensus about L2 acquisition, namely that UG might not shut off at puberty. At the same time, evidence was brought up that an L2 learner's grammar, far from being a mere malgamate of deviant forms, itself obeys the crucial properties of naturally occurring human languages, subject to the same principles of organization and constraints [Ellis 1994].

Schwartz (1997) also presents evidence in favor of the Fundamental Identity Hypothesis by comparing acquisition sequences of child and adult second language learners who share a similar language background. Schwartz maintains that: "The result of the comparison between the developmental sequences of adult and child L2A lend support to the hypothesis that linguistic-specific mechanisms do drive nonnative grammar construction" [Schwartz 1997:15].

ON THE UG ACCESSABILITY

Generally there are four different positions as to the accessibility of UG to SL learners. Those include:

1. **No access position:** there is no such thing as UG.
2. **Indirect access position:** UG exists, but second language learners only have indirect access to it via.
3. **Partial access position:** UG exists, but L2 learners only have partial access to it.
4. **Full access position:** second language learners have full access to UG.

As for hypothesis one, some people like O'Grady [O'Grady 1996; cited in White 2003] see no need to postulate a language module, and no need to look for linguistic universals either.

The best-known hypothesis regarding the second position, that UG exists, but that second language learners only have indirect access to it, is Bley-Vroman's Fundamental Difference Hypothesis [Bley-Vroman 1989].

Bley-Vronan argues that the mind is modular, and that there exists a language faculty (UG), which is essential for the development of L1, but that UG is not directly at work in SLA. According to Bley-Vroman, adult second language learners do not have direct access to UG; what they know of universals is constructed through their L1, and they then have to use general problem solving abilities, such as those that operate in non-modular learning tasks: hypothesis testing, inductive and deductive reasoning, analogy, etc.

Gregg (1996) says of those who adopt this approach: “Superficially it might seem that they want it both ways: if the learner succeeds, it is because of UG via the L1, if the learner fails it is because UG is not available. But in fact the claims are more precise. (...). If a given L2 instantiates a principle not instantiated in the L1, that principle will not be acquired, and if the L2 setting of a given parameter is more restrictive than the L1 setting, it will not be acquired, in the absence of negative evidence [Gregg 1996: 65].

The third hypothesis, partial access, claims that L2 learners have access to principles but not to the full range of parameters. Schachter (1988) and Clahsen and Muysken (1989) have argued this case. It differs from the “indirect access” position in that it predicts that no evidence of “wild grammars” will be found.

Finally, the full access hypothesis claims that UG is an important causal factor in SLA, although not, of course, the only one. Those adopting the full access view [see: Flynn 1987; cited in White 2003] claim more than that the L1 UG affects the second language learning process. They claim that principles are not applicable to the second language learner’s L1, but needed for the L2, will constrain the L2 learner’s interlanguage. For example, the hierarchy principle of Subjacency, which constrains the kind of **wh**-movement permitted, is irrelevant to languages that lack **wh**-movement. While those adopting the partial access approach would claim that the Subjacency Principle would not affect a Korean native speaker learning English, since it is irrelevant to Korean, those taking a full access stance would expect the Subjacency principle to constrain, e.g., the Korean learner’s interlanguage grammar.

In regard to parameter re-setting, the full access position, contrary to the partial access position, suggests that while the learner may pass through a stage where the L1 setting is applied to the L2, he will eventually attain the L2 setting, assuming a sufficient amount of relevant input.

THE EMPIRICAL EVIDENCE

The empirical evidence for the various positions that argue for some role for UG in the SLA process is mixed. Here are a few examples:

— a study by Ritchie [Ritchie 1978; cited in Ellis 1994] of Japanese students of English gave preliminary support to the assumption that linguistic universals are intact in the adult;

— White [White 1989; 2003] reports on a study of Japanese learners of English who, despite having no knowledge of question formation involving complex subjects, successfully acquired this knowledge in English. White argues that the learners must have had access to the principle of structural dependence;

— Flynn [Flynn 1996; cited in Mitchell & Myles 2004], reviewed research on Japanese learners of English, and claimed that it supported the view that UG constrains L2 acquisition;

— Thomas (1991) and White, Travis and Maclachlan (1992) both cited in Mitchell and Myles (2004) offer studies that also claim to support the full access to UG hypothesis;

— a study by Bley-Vroman, Felix and Ioup [Bley-Vroman, Felix, Ioup 1988; cited in Ellis 1994] of Korean learners of English concluded. Given the results, on the other hand, it is extremely difficult to maintain the hypothesis that Universal Grammar is accessible to adult learners;

— a study by Meisel [Meisel 1997; cited in Mitchell & Myles 2004] of the acquisition of negation in French and German by L1 and L2 learners concludes that the UG principle of structure-dependency is not available to L2 learners;

— Schachter's (1989) test on Subjacency gave much more doubtful results than White's, which she says constitute a "serious challenge" to the claim that UG is available to adult learners.

CONCLUSION

In general, then, it seems that there is conflicting evidence for all positions, although Cook and Newson claim that "there is a great deal of evidence that knowledge of some aspect of language has been acquired in an L2 that is not learnable from input, that was not part of the learners' L1 and that is unlikely to have been taught by language teachers" according to Cook and Newson.

© Mahmoud Jabballa

Дата поступления: 22.12.2016

Дата принятия к печати: 25.01.2017

REFERENCES

1. Bley-Vroman, R. (1989). What is the logical problem of foreign language learning? In: S. Gass & J. Schachter (Eds.), *Linguistic perspectives on second language acquisition*. p. 41—68. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
2. Clahsen, H. & Muysken P. (1986). The availability of the Universal Grammar to adult and child learners: The study of acquisition of German word order. *Second Language Research*, 2, 93—113.
3. Cook, V. (1993). *Linguistics and second language acquisition*. New York: PALGRAVE.
4. Ellis, R. (1994). *The study of second language acquisition*. Oxford: OUP.
5. Felix, S. (1985). More evidence on competing cognitive systems see. *Second Language Research*, 1, 47—72.
6. Gregg, K. (1996) The logical and developmental problems of second language acquisition. In W. Ritchie & T. Bhatia (Eds.), *Handbook of second language acquisition*. p. 49—81. San Diego: Academic Press.
7. Mitchell, R. & Myles, F. (2004). *Second language learning theories*. 2nd ed. New York: OUP.
8. Meisel, J. (1997). The acquisition of syntax of negation in French and German: Contrasting first and second language development. *Second Language Research*, 13(3), 227—263.
9. Schachter, J. (1988). Second language acquisition and its relationship to Universal Grammar. *Applied Linguistics*, 9, 219—235.

10. Schwartz, B. (1997). On the basis of the Basic Variety. *Second Language Research*, 13, 386—402.
11. Schwartz, B. & Sprouse, R. (1996). L2 cognitive states and the full transfer/full access model. *Second Language Research*, 12, 40—72.
12. White, L. (1985). The pro-drop parameter in adult second language acquisition. *Language Learning*, 35, 47—62.
13. White, L. (2003). On the nature of interlanguage representation: Universal Grammar in the second language. In: C.J. Doughty & M.H. Long (Eds.), *The handbook of second language acquisition*. p. 19—42). New York: Blackwell.

УДК: 372.881.1

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-479-484

ОБ ОБОСНОВАНИИ ПРИНЦИПОВ ОСВОЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Махмуд Мустафа Х. Джаббалла

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются и обсуждаются различные точки зрения по вопросу об использовании принципов универсальной грамматики в процессе освоения иностранного (второго) языка взрослыми учащимися. Приводятся доводы за и против. Одним из важных принципов является решение вопроса отличается ли изучение иностранного языка от изучения родного языка или же оно осуществляется аналогичным образом. Исследователи процесса изучения иностранного языка с точки зрения лингвистических принципов решают этот вопрос в зависимости от того, применима или нет универсальная грамматика в процессе обучения к обоим языкам — родному и изучаемому. Поскольку все человеческие языки имеют общую природу, очевидно, что ответ будет положительным.

Ключевые слова: универсальная грамматика, освоение языка, приемлемость, гипотеза, фундаментальные сходства/различия

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Bley-Vroman, R. (1989). What is the logical problem of foreign language learning? In: S. Gass & J. Schachter (Eds.), *Linguistic perspectives on second language acquisition*. p. 41—68. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
2. Clahsen, H. & Muysken P. (1986). The availability of the Universal Grammar to adult and child learners: The study of acquisition of German word order. *Second Language Research*, 2, 93—113.
3. Cook, V. (1993). *Linguistics and second language acquisition*. New York: PALGRAVE.
4. Ellis, R. (1994). *The study of second language acquisition*. Oxford: OUP.
5. Felix, S. (1985). More evidence on competing cognitive systems see. *Second Language Research*, 1, 47—72.
6. Gregg, K. (1996) The logical and developmental problems of second language acquisition. In W. Ritchie & T. Bhatia (Eds.), *Handbook of second language acquisition*. p. 49—81. San Diego: Academic Press.
7. Mitchell, R. & Myles, F. (2004). *Second language learning theories*. 2nd ed. New York: OUP.
8. Meisel, J. (1997). The acquisition of syntax of negation in French and German: Contrasting first and second language development. *Second Language Research*, 13(3), 227—263.

9. Schachter, J. (1988). Second language acquisition and its relationship to Universal Grammar. *Applied Linguistics*, 9, 219—235.
10. Schwartz, B. (1997). On the basis of the Basic Variety. *Second Language Research*, 13, 386—402.
11. Schwartz, B. & Sprouse, R. (1996). L2 cognitive states and the full transfer/full access model. *Second Language Research*, 12, 40—72.
13. White, L. (1985). The pro-drop parameter in adult second language acquisition. *Language Learning*, 35, 47—62.
14. White, L. (2003). On the nature of interlanguage representation: Universal Grammar in the second language. In: C.J. Doughty & M.H. Long (Eds.), *The handbook of second language acquisition*. p. 19—42). New York: Blackwell.

Сведения об авторе:

Махмуд Мустафа Х. Джаббалла, аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН; *e-mail*: mahmoudm8911@mail.ru

Bio Note:

Mahmoud Mustafa H. Jabballa, Post-Graduate student at Department of General and Russian Linguistics at RUDN University; *e-mail*: mahmoudm8911@mail.ru

УДК: [811.111:811.411.21]'362
DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-485-493

COMPARATIVE STUDY OF WORD-ORDER PATTERNS OF SIMPLE SENTENCES IN ENGLISH AND ARABIC

Mounya Souadkia

RUDN University
6, Miklukho-Maklay str., Moscow, Russia, 117198

Abstract. It is sociolinguistically acknowledged that humans are uniquely distinct from other living species due to the fact that they communicate with one another through the use of a particular human language. Furthermore, the number of human languages that exist worldwide is huge. Unsurprisingly, languages can be similar or different from one another as well as the main aims of each language. Standard Arabic and Standard English languages, for instance, are distinct from one another but at the same time they are alike. Explicitly, the two languages are originally different from one another (one Semitic while the other German) but they do share at least some general linguistic features at all levels: phonological, morphological, syntactic, semantic, and pragmatics' level. In this research paper, fields which are closely connected to the linguistic analysis and comparison of languages known as Contrastive Analysis, Comparative Linguistics and Universal Grammar will be referred to in comparing between Standard Arabic and Standard English in terms of their word-order patterns of simple sentences.

Key words: word-order patterns, simple sentences, Standard Arabic (SA), Standard English (SE), Comparative study, Contrastive analysis hypothesis, Universal Grammar

INTRODUCTION

Historically, linguists worldwide have made many attempts trying to identify one language as the source of all languages. Furthermore, their investigations intended to formulate or map world languages, to find out what makes a language similar or different from another language, and how to explain these differences. On the one hand, linguists led by Chomsky, have attempted to examine the common features/aspects of all the languages of the world. Specifically, his theory is known as Universal Grammar (UG). On the other hand, however, other linguists have preferred to investigate languages via the similarities they mutually share together. Essentially, this is called Comparative Linguistics (CL); researchers in this field are concerned with comparing two or more languages, dialects, etc., to discover similarities between/among them.

Moreover, another approach has appeared in the early 1940s and prospered in the 1960 and over, known as Contrastive Analysis (CA) or as Contrastive Linguistics [Lightbown 2006: <https://ru.scribd.com/doc/47136503/Lightbown-Spada-2006>]. The theory of Contrastive Analysis also identified as Lado's Contrastive Analysis Hypothesis (CAH) was first introduced in R. Lado's *Linguistics Across Cultures* (1957). In the first chapter of his book, Lado states: "In the comparison between native and foreign language lies the key to ease or difficulty in foreign language learning... those elements that are similar

to (the learner's) native language will be simple for him, and those elements that are different will be difficult [see: Yang, 1992].

From the quote stated above, it is clear that contrastivists believe that contrasting and analyzing two languages must be done through concentrating on the differences between them that are the cause of the difficulty to learn a second language.

One of the most important areas of languages study and analysis is through examining and investigating word order patterns and/or types that exist in simple sentence structures. Consequently, in linguistics word order is referred to as the study of the order of the syntactic constituents of a language. To simply put it, word order is the order of subject (S), verb (V) and object (O) in a sentence. The primary word orders that are of interest are the constituent order of a clause — the relative order of subject, object, and verb; the order of modifiers in a noun phrase; and the order of adverbials. For example, in English the word order of a typical sentence is Subject-Verb-Object (SVO). To English speakers this seems obviously the only logical arrangement. Nonetheless, a lot of languages have a different word order, such as Arabic which is mainly recognized as being VSO (Verb-Subject-Object), with an alternative SVO order.

Hence, mainly this work is a contrastive study of the simple sentence structure of both standard Arabic (SA) and Standard English (SE), where in both languages are introduced in brief, their simple sentence structures are described, and then they are compared by examples taken from data collected at random. More outstandingly, this research paper will cover the area concerning the word order of both simple sentence patterns of the two languages and investigate the validity of the claim that (SA) is (VSO) and (SE) is (SVO).

LITERATURE SURVEY: DESCRIPTION STAGE

Arabic and English are two major languages in the world. On the one hand, in the case of Arabic, it is possibly due to the fact that a large number of the population of the world speaks it, however more importantly for being the language of Islam. English, on the other hand, nowadays is the language of international communication or more specifically the Lingua Franca, also the language of technology and academic and higher education even in some Arab Countries and other foreign countries in Europe and many regions and countries in this world. Both Standard Arabic and Standard English are two of the official languages declared by the United Nations.

The Arabic language is divided into three types: Classical Arabic, Standard Arabic and Spoken Arabic. In short, classical Arabic is usually referred to the language used before Islam, language of poetry, literature and golden ages of Islam and Arabic Sciences. Afterward, precisely after the European Renaissance, a new age has appeared along with a new version of Arabic which has been called Standard Arabic or Modern Standard Arabic. Moreover, what has been called as Classical Arabic is being only used for the Holy Quran and ancient Arabic books. Similarly, nowadays Standard Arabic language is only used in formal states, academic publications, educational materials such as books or articles, news and broadcasting channels, etc, [Owens, 2006, as cited in Saleh Alduais, 2012]. In the Arab world, there are a huge number of dialects/varieties which

are in each country. For instance, Yemen's Arabic language is to some extent different from the Saudi's Arabia kingdom Arabic language. Yet, these two Arabic dialects are to a huge extent different from the Moroccan and Algerian Arabic dialects, for this reason, Standard Arabic is being used here as the data of this contrastive study.

The English language is used as a native language for about three hundred million people in countries such as United Kingdom, United States of America, Australia, Canada and many others. English is now widely used, due to the fact that a huge number of learners seek to acquire it as either a foreign or second language because they are fully aware that has become of a great importance in the world. Similar to Arabic, there are some dialects in English but the number is less than those of Arabic, also the varieties are similar to one another.

THEORETICAL COMPARISON AND CONTRAST

The first difference between (SA) and (SE) is that Arabic is originally Semitic (belonging to the Asian language family) whereas English is Germanic (it belongs to the European language family). Additionally, Arabic spread due to religious reasons, that is to say, Muslims have to learn the Arabic language in order to be able to read the Holy Quran. While English became popular because of business, academic, educational and economic reasons. Another difference between the two languages is in their writing system and the number of letters they have. While Arabic is a right to left in its writing system, English is a left to right in its own. Moreover, Arabic has twenty eight letters and English has twenty six [Ibrahim, 2000, as cited in Saleh Alduais, 2012].

Standard Arabic and Standard English are also phonetically, phonologically, semantically, morphologically, pragmatically and syntactically different. Phonetically, Standard Arabic has some more places and manners of articulations which are not required in Standard English, those such as Velarized and pharyngalized sounds. In phonology, in English vowels and basic and more in number compared to Arabic which are three in total. In addition to that, vowels in the Arabic language do not appear in written words as in the English language, but they can be identified through the use of case-markers or diacritics (in nominative, accusative, and genitive cases). From a morphological point view, Standard Arabic is more inflectional than Standard English. Semantically, there are words which are similar in the two languages and may have more than one meaning or words in one language but not the other, each to be used in a particular situation. For example, the word (Maktabah), in Arabic the word refers to all (bookshop, bookstore, library, and stationary), in English. Sometimes, in the one language, words do not have their equivalents in the other language. Pragmatically, a particular utterance or word uttered by a speaker of Arabic would carry a meaning he/she wants to convey which would be different or meaningless when heard by speakers of English. Syntactically, English and Arabic are to a great extent different from one another, some syntactic differences include sentences' structure, word-order, subject-verb agreement and others. In short, Standard Arabic is a free-word-order (FWO) which means that its sentence's structure can be both (S+V+O) or (V+S+O), as a statement, while Standard English is a fixed-word-order (FIWO), i.e., its sentence's structure can be only (S+V+O) [Haywood, 1965, as cited in Saleh Alduais, 2012].

SIMPLE SENTENCE STRUCTURE

In grammar, a sentence is considered the largest unit in any written language. However, in spoken language, it is not clear what could be a sentence and what could not be a sentence. When defining a sentence, Leech argues “in writing, sentences are marked by beginning with a capital letter and ending with a full stop (.), question mark (?), or exclamation mark (!), in spoken language, the definition is problematic”. Furthermore, a sentence can be in various forms and types in any language, these forms are as follows: statements, interrogative, imperative and exclamation. Therefore, Standard Arabic and Standard English may contain similar simple sentence structures, and may also contain different ones.

A simple sentence in English can be defined as “a complete unit of meaning which contains a subject and a verb, followed, if necessary, by other words which make up the meaning” [Alexander: 1990, p. 4, as cited in Saleh Alduais, 2012]. Additionally, the English language is considered to have a fixed-word-order (FIWO), which precisely requires a subject (Noun Phrase, NP) to come first, obliged to be followed by a verb (Verb Phrase, VP) and other elements of the sentence depending greatly on the type of the verb (VP) used in the sentence.

On the other hand, the case is different in Standard Arabic concerning simple sentence structure. To simply put it, the structure of simple sentence structure in (SA) is not complex, there are two main sentence structures often referred to as the nominal and the verbal sentences. Clearly, a nominal sentence is the one that begins with a noun (i.e. Noun Phrase), while a verbal sentence is the one that begins with a verb (i.e. Verb Phrase).

COMPARISON AND CONTRAST

As it has been pointed out earlier in the above lines, Standard Arabic is a free-word-order language, while Standard English has a fixed-word-order system of simple sentence structure. It is of great importance to discuss and explain in more details how and why Arabic is a FWO whereas English is FIWO, and what is allowed and what is not allowed in building simple sentences in both (SA) and (SE) languages.

A basic simple sentence in English is one which contains a subject (NP) and an intransitive verb, that is (S= NP+VP), (Ahmed, 2008) and (Patzold, 1985) (as cited in Saleh Alduais, 2012).

For example: The lesson started.

S= (The lesson started.)

S= (NP+VP)

NP= (Det+ N)

Det= (the)

N= (lesson)

VP= (In. V)

VP= (started)

Other patterns of the simple sentence in English could be as the follows:

(NP+ VP+ Comp):

A comp can be (DO), (IO), (DO+IO), (DO+SA), (DO+PC);

Or it can be:

(NP+ VP+ Comp);

The (VP) here will be (a copula) and the (NP) will be (SA);

Or the (VP) is (a non-transitive verb) and the (NP) is (a PC).

In the English language the (NP) is the basic element of the simple sentence and cannot be changed unless the form of the sentence is changes to a question, imperative, etc. additionally, what comes after the NP is put obligatory, it is the VP; without VP, the sentence cannot exist. Finally, what follows the (VP) is greatly dependent on the type of the verb used whether auxiliary or lexical, and if it is lexical it can be a non-complement verb (intransitive) or a complement verb (non-transitive, transitive), etc.

Contrastingly, the simple sentence structure in Arabic is divided into four types: nominal sentences vs. verbal sentences and equational (or non-verbal) sentences vs. verbal sentences. Firstly, nominal sentences vs. verbal sentences: a nominal sentence is a sentence that begins with a noun (NP) followed by a verb (VP) and a complement. A verbal sentence is a sentence which starts with a verb (VP), followed by a subject (NP) and ends with a complement depending on the type of the verb. Here is the example:

1. */algharad alrrayiyisi kanaa gharadaan siasiaan/*. الغرض الرئيسي كان غرضاً سياسياً.
The translation is as follows: The main purpose was a political purpose.

The nature of the free-word-order system of the Arabic language allows us to move the verb (underlined) in the sentence above which in this case is (kanaa = was), to the beginning of the sentence without changing the meaning of it and it stays grammatically acceptable. As a consequence, the nominal sentence will then become a verbal one. The following sentence shows the change that can be done:

2. */Kanaa algharad alrrayiyisi gharadaan siasiaan/*. كان الغرض الرئيسي غرضاً سياسياً.

The translation in English is the same for both nominal and verbal sentences in Arabic. Furthermore, in (SA) a verbal sentence can also be uttered into a nominal sentence without adding or changing basic elements, for instance:

3. */Waratha aleibno al'aba/*. ورث الابن الأب.

In English the sentence means: The son inherited the father.

Thus, the sentence above can be changed into the following nominal sentence:

4. */aleibno waratha al'aba/*. الابن ورث الأب.

In English it is the same: The son inherited the father.

Thus, one can conclude that (SE) does not allow this kind of structure in its system. Whereas, (SA) does allow this kind of structure in its system, that is, it can be either (NP + VP + Comp/ع) or (VP + NP + Comp/ع). However, there are other cases in the Arabic language where it not allowed changing a sentence from one structure to another unless following some rules and restrictions in order to keep the sentence meaningful, well-formed and grammatically acceptable.

For a better understanding, here are some examples:

5. */Kaama al'assaathidhato takdiiran lileaalemy/*. قام الأساتذة تقديرًا للعالم.

The English equivalent: The professors stood up appreciatively for the scientist.

The sentence 5 is verbal since it starts with the verb (VP) (*kaama* = stood up), then comes the subject (NP) (*al'assaatidhato* = professors), and finally ends with the complement (Comp) (*takdiiran lilealemy* = appreciatively for the scientist). For this sentence to be reversed into a non-verbal sentence one has to take into consideration the agreement between the subject (NP) (people) and the verb (VP) (stood up). If this agreement is not taken into focus, and the change is being made, it will absolutely result in producing a meaningless, ill-formed and grammatically unacceptable sentence from the Standard Arabic point of view. Consider the same sentence where changes are made without any consideration to the subject (NP) and the verb (VP):

6. *Al'assatidhato kaama takdiiran lilealemy*/ الأساتذة قام تقديرًا للعالم.

When the sentence 5 was changed, it became unaccepted because it is ungrammatical and ill-formed (sentence 6). The verb here doesn't agree with the subject. Explicitly, the subject is plural but the verb is not (even though when the structure of the sentence 5 was not changed, this did not matter much because the verb was put first, which is the case in sentence 6). In the sentence the subject is plural so this directly means that the verb must also be in the plural. The mark of plural must be added to the verb in order to formulate a plural verb. Moreover, the gender of the subject must also be taken into consideration before forming the plural verb. In addition to that, the dual pronoun that exist in (SA) and does not in (SE) must be taken into account and which also differ in terms of gender, i.e. it can be masculine or feminine. Significantly, there are also the cases: whether it is genitive, accusative or nominative in order to add the mark of what and which. The following structures show the applying of these rules according to the Arabic language:

7. *Al'assaatidhato kaamoo takdiiran lilealemy*/ الأساتذة قاموا تقديرًا للعالم.
All professors stood up appreciatively for the scientist (Masculine).
8. *Al'assaatidhato komna takdiiran lilealemy*/ الأساتذة قمن تقديرًا للعالم.
All professors stood up appreciatively for the scientist (Feminine).
9. *Al'ostadhany kaama takdiiran lilealemy*/ الأستاذان قاما تقديرًا للعالم.
The two professors stood up appreciatively for the scientist (Masculine).
10. *Al'ostadhanya kaamataa takdiiran lilealemy*/ الأستاذتان قامتا تقديرًا للعالم.
The two professors stood up appreciatively for the scientist (Feminine).
11. *Kaama al'ostadhany takdiiran lilealemy*/ قام الأستاذان تقديرًا للعالم.
Both professors stood up appreciatively for the scientist (Masculine).
12. *Kaamataa al'ostadhanya takdiiran lilealemy*/ قامتا الأستاذتان تقديرًا للعالم.
Both professors stood up appreciatively for the scientist (Feminine).
13. *Komna al'assaatidhato takdiiran lilealemy*/ قمن الأساتذة تقديرًا للعالم.
Professors stood up appreciatively for the scientist (Feminine).
14. *Kaama al'ostaadhho takdiiran lilealemy*/ قام الأستاذ تقديرًا للعالم.
The professor stood up appreciatively for the scientist (Masculine)
15. *Al'ostaadhho kaama takdiiran lilealemy*/ الأستاذ قام تقديرًا للعالم.
The professor stood up appreciatively for the scientist. (Masculine)
16. *Kaamati al'ostaadhato takdiiran lilealemy*/ قامت الأستاذة تقديرًا للعالم.
The professor stood up appreciatively for the scientist (Feminine).

17. /*Al'ostaadhato kaamat takdiiran lilealemy*/ الأستاذة قامت تقديرًا للعالم.
The professor stood up appreciatively for the scientist (Feminine).

Secondly, equational (or non-verbal) sentences vs. verbal sentences: essentially and as mentioned above, this type of sentences appears without a verb namely in the case of present simple tense when the sentences have only two elements (NP + Comp) known in the Standard Arabic as (mubtad'a and khabbar), e.g.:

18. /*Al'loghawiat hiya al'diraasa al'eilmiya lil'loghat*/ اللغويات هي الدراسة العلمية للغات.
The sentence means: Linguistics is the scientific study of language.
19. /*Al'insaan kaaen hay*/ الإنسان كائن حي.
The English equivalent: The human being is a living creature.

The two examples show what is referred to in Standard Arabic as non-verbal (or equational) sentences. In this type of sentences, no verb can be found and they can appear as the verb (to be) only when translated into the English language. Nevertheless, the verbs can also come to being when attempting to alter the sentences into verbal ones, but changing them is not permitted due to the fact that there are logically no verbs that can be moved around to make up verbal sentences. However, a lot of Arabic speakers especially writers would often use some other words that can function as verbs, but in translation one can figure out that such alternatives do not influence the preceding translation. In the following examples, sentences 18 and 19 of the examples mentioned above are altered from non-verbal sentences into verbal ones to give us these:

20. /*Yuetaabaro al'insaan kaaen hay*/ يعتبر الإنسان كائن حي.

In this case, the English translation is the same and does not require any change: the human being is a living creature. Or it can be as follows: the human being is considered a living creature.

21. /*Toetabaro al'loghawiat hiya al'diraasa al'eilmiya lil'loghat*/
تعتبر اللغويات هي الدراسة العلمية للغات.

In such a case, the structure of the sentence becomes an ill-formed one when inserting this kind of verb. For this sentence to be acceptable, one more change must be done; the deletion of another word (in the case above the word "hiya" must be omitted). The sentence becomes:

22. /*Toetabaro al'loghawiat al'diraasa al'eilmiya lil'loghat*/
تعتبر اللغويات الدراسة العلمية للغات.

The English translation would also be the same as the previous one: linguistics is the scientific study of languages. Or it can be literary translated into: linguistics is considered to be the scientific study of languages.

CONCLUSION

To sum it up, the analytic study proved that Standard Arabic's sentence structure is a VP + NP +... while Standard English's is an NP + VP +... through using the Contrastive analysis. Moreover, Lado's Contrastive Analysis hypothesis is highly helpful in the teaching-learning process, as well as translation and syllabuses' plan.

In the end, it is now well-known that Standard Arabic and Standard English are to a great extent different to one another. But at the same time they can somehow be similar; different in that English's simple sentence structure in the form of a statement can never start with a verb (VP), and similar in that both languages have simple sentence structures following the order (NP + VP +...).

© Mounya Souadikia

Дата поступления: 20.12.2016

Дата принятия к печати: 25.01.2017

REFERENCES

1. *Contrastive Analysis. Wikipedia, the Free Encyclopedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Contrastive_analysis (accessed: 24 January 2017).
2. Lightbown, P. & Spada, M. (2006). *How languages are learned*. URL: <https://ru.scribd.com/doc/47136503/Lightbown-Spada-2006> (accessed: 19.12.2016).
3. Saleh Alduais, A. (2012). Simple Sentence Structure of Standard Arabic Language and Standard English Language: A Contrastive Study. *International Journal of Linguistics*. URL: <http://www.macrothink.org/journal/index.php/ijl/article/viewFile/2621/pdf> (accessed 23 January 2017).
4. Word Order. *Wikipedia, the Free Encyclopedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Word_order (accessed: 24 January 2017).
5. Yang, B. (1992). *A Review of the Contrastive Analysis Hypothesis*. URL: <http://fonetiks.info/byang/db/92cah.pdf> (accessed: 23 January 2017).

УДК: [811.111:811.411.21]'362

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-485-493

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МОДЕЛЕЙ ПОРЯДКА СЛОВ В ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ В АНГЛИЙСКОМ И АРАБСКОМ ЯЗЫКАХ

Муния Суадкиа

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
mounya.sdkia@gmail.com

Социолингвистика исходит из того, что люди явно отличаются от всех других живых существ, потому что они общаются друг с другом используя такой инструмент, как человеческий язык. Более того, число человеческих языков огромно, но в них обнаруживаются не только различия, но и сходства. Standard Arabic и Standard English, например, в чем-то сходны, а в чем-то различны. Внешне они различны уже потому, что принадлежат различным языковым семьям и группам, но на языковых уровнях устанавливаются общности: фонологическая, морфологическая, синтаксическая, семантическая и прагматическая. В этом исследовании языковые единицы — простые предложения Standard Arabic и Standard English рассматриваются через призму контрастивного анализа, сопоставительной лингвистики и языковых грамматических универсалий в аспекте порядка слов в простом предложении.

Ключевые слова: модели словопорядка, простое предложение, Standard Arabic (SA), Standard English (SE), сопоставительное исследование, контрастивный анализ, постулаты универсальной грамматики

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Contrastive Analysis. Wikipedia, the Free Encyclopedia. Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Contrastive_analysis (Дата обращения: 24 January 2017).
2. *Lightbown P., Spada M.* (2006). How languages are learned. Режим доступа: <https://ru.scribd.com/doc/47136503/Lightbown-Spada-2006> (accessed: 19.12.2016).
3. *Saleh Alduais A.* (2012). Simple Sentence Structure of Standard Arabic Language and Standard English Language: A Contrastive Study. *International Journal of Linguistics*. Режим доступа: <http://www.macrothink.org/journal/index.php/ijl/article/viewFile/2621/pdf> (Дата обращения: 23 January 2017).
4. Word Order. Wikipedia, the Free Encyclopedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Word_order (Дата обращения: 24 January 2017).
5. *Yang B.* (1992). A Review of the Contrastive Analysis Hypothesis. Режим доступа: <http://fonetiks.info/bgyang/db/92cah.pdf> (Дата обращения: 23 January 2017).

Сведения об авторе:

Муния Суадкия — магистрант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН; *e-mail*: mounya.sdkia@gmail.com

Bio Note:

Mounya Souadkia — Graduate student at Department of General and Russian Linguistics at RUDN University; *e-mail*: mounya.sdkia@gmail.com

УДК: 811.161.1'42:821.161.1:398.9
DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-494-500

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ РОМАНА А. ИВАНОВА «ГЕОГРАФ ГЛОБУС ПРОПИЛ»

А.А. Васильева

МГИМО (университет) МИД РФ
76, просп. Вернадского, Москва, Россия, 119454

Статья посвящена исследованию языковых единиц, характеризующих языковую личность. Цель статьи — рассмотреть функционирование прецедентных текстов как важнейшей характеристики паремиологического дискурса. Проводится анализ теоретических подходов в области отечественной и зарубежной паремиологии и фразеологии. Основной метод — речевое портретирование, позволяющее достаточно полно охарактеризовать языковую личность — персонаж художественного произведения.

Ключевые слова: паремиология, фразеология, крылатые слова, прецедентные тексты, цитирование, языковая личность, речевое портретирование

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к идиоматике языка уровня номинации — фразеологизмам, устойчивым выражениям, пословицам, поговоркам — сформировался как предмет лингвистического исследования уже в XIX в. В настоящее время существует и активно работает целый ряд отечественных и зарубежных школ фразеологии и паремиологии: Э.М. Солодухо (1983), Е.Ф. Арсентьева (1993), Г.А. Багаутдинова (2007), А. Taylor (1931), А. Dandés (1981) и др.

Истоки паремиологии восходят к Аристотелю (384—322 до н.э.). Паремии можно встретить в стихах античных поэтов Гомера и Гесиода (VIII век до н.э.). В новое время У. Шекспир (1564), английский поэт и драматург, создатель литературного английского языка, использовал паремии в названиях своих произведений, например, одна из его комедий называется *All's Well That Ends Well* «Конец — делу венец» (есть и другой букв. перевод: «Все хорошо, что хорошо кончается»); или *Much Ado About Nothing* «Много шума из ничего». Очевидно, и в оригинале, и в переводе использованы паремии. Выдающийся русский лингвист, ученик М.В. Ломоносова, профессор Московского университета А.А. Барсов собрал и издал «Собрание 4291 древних российских пословиц» (1770). В формирование фонда устойчивых единиц большой вклад внес В.И. Даль, который создал уникальный сборник русских пословиц «Пословицы русского народа» (1861).

По-прежнему остается дискуссионным вопрос об определении устойчивых выражений. Особенно актуальны различия, связанные с определением базовых единиц этой сферы языкового употребления. Наиболее общее определение содержит

ЛЭС: «**Фразеологизм** (фразеологическая единица) — общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава» [URL: <http://tapemark.narod.ru/les/559a.html>]. Оно иллюстрируется примерами, ср.: *остаться с носом, бить баклуши, дать сдачи, валять дурака, без царя в голове* и др.

Там же находим определение **крылатых слов**: «это устойчивые, афористические, обычно образные выражения, вошедшие в речевое употребление из определенного фольклорного, литературного, публицистического или научного источника, а также изречения выдающихся исторических деятелей, получившие широкое распространение. Употребляются в переносно-расширительном смысле как стилистическое средство усиления выразительности текста» [<http://tapemark.narod.ru/les/246c.html>]. К крылатым словам относятся такие выражения: *а Васька слушает да ест; а ларчик просто открывался, зарыть талант в землю, колосс на глиняных ногах* и др.

Очевидно, что в этой группе устойчивых выражений есть и цитаты из литературных произведений, и исторические наименования, при этом каждое изречение вызывает аллюзию на исходную ситуацию, на литературный или исторический сюжет.

Принимая эстафету, исследованиями паремиологии занимаются известные современные российские филологи и лингвисты: В.П. Аникин (1996), И.А. Подюков (1999), Л.Б. Савенкова (2002), А.П. Василенко (2011), О.В. Ломакина (2015) и др. По мнению А. Крикманн, пословицы используют для практических целей: «Ими обосновывают свои положения, дают прогнозы, выражают сомнения, упрекают, оправдываются или извиняются в чем-то, утешают кого-то, издеваются и злорадствуют над кем-то, желают, обещают, разрешают, приказывают и запрещают и т.д.» [Крикманн 1978: 94]. Тем не менее, носители языка далеко не всегда осознают, что в своей речи используют паремиологические единицы, поскольку большинство из них употребляется повсеместно и постоянно и давно вошло в основной словарный фонд языка.

Одновременно и регулярно образуются разговорные, речевые варианты таких единиц, насыщенные современным актуальным и даже злободневным содержанием. Тексты художественных произведений, особенно речь персонажей, изобилуют устойчивыми выражениями, паремиями и фразеологизмами. Это в равной степени относится к любому прозаическому тексту, в том числе и к роману А. Иванова «Географ глобус пропил». Если принять за точку отсчета экспрессивную, образительную функцию устойчивых единиц, то они в равной мере характеризуют и описания природы, обстановки, чувств, эмоций и поступков, включаются в представление портретов, но более всего — речь и общение персонажей.

В настоящем исследовании мы рассматриваем фразеологические единицы, которые являются отличительной чертой языковой личности, с опорой на работу О.В. Ломакиной, которая представляет собой многоаспектное изучение паремиологического фонда отдельной языковой личности [Ломакина 2015].

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В РОМАНЕ А. ИВАНОВА «ГЕОГРАФ ГЛОБУС ПРОПИЛ»

Как известно, основоположником современной теории русской фразеологии является академик В.В. Виноградов, впервые разработавший в конце 40-х гг. детальную семантическую классификацию фразеологических единиц русского языка: фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания, фразеологические выражения. В процессе отбора материала исследования мы обратили внимание на одну особенность: среди анализируемых фразеологизмов часто встречаются фразеологические единства. Рассмотрим примеры.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНСТВА

1) «*Будкин точен, как свинья. Точность — вежливость свиней*»: это трансформация известного выражения «Точность — вежливость королей», что значит ‘не опаздывать, быть точным’. В романе персонаж говорит о пунктуальности своего товарища Будкина. Таким образом, в обоих выражениях наблюдается тождественное значение.

2) «*Брехать — не кувалдой махать*»: автор романа заменяет слово *цеп* на современное *кувалда*: «брехать (или: Врать), не цепом мотать: не тяжело» (Ср.: собаки *бреиут* в значении ‘лают без причины’). Значение выражения остается тем же: ‘брехать, врать никакого труда не составляет, чего нельзя сказать о физическом труде’.

3) «*И тогда Служкин нырнул в омут с головой*»: выражение *нырнуть в омут с головой* стоит рассмотреть детально, каждое слово. *Омут* — это ‘глубокое место в озере’, *броситься* — ‘быстро устремиться’, *с головой* — ‘погрузиться целиком, без возможности вдохнуть воздух’. Таким образом, смысл состоит в следующем: ‘отдаться решению проблемы целиком, не оставляя себе права отступить’. Также выражение имеет переносный смысл: ‘обстановка, среда, которая затягивает, засасывает человека, делает безвольным, безличным’.

Аналогично:

4) «*Да минует меня чаша сия*» (слова Иисуса, произнесенные им во время молитвы в ожидании казни на кресте, взято из Евангелия), что значит ‘пусть не коснется меня это горе, несчастье’;

5) «*Не трусь, солдат ребенка не обидит*»: значение ‘подчеркнуть свое превосходство над кем-либо, проявить жалость, снисхождение’;

6) «*Свет не сходится клином ни на чем*», ср.: «Свет клином не сошелся», т.е. ‘не стоит все свои надежды, планы связывать с кем-то или чем-то, существуют еще какие-то возможности’;

7) «*Порыться в твоём грязном белье*»: значение ‘проявлять излишний интерес к чьей-либо личной жизни, к чьим-либо взаимоотношениям, деятельности’;

8) «*Я бросаю в глаза холодную тяжелую воду*», ср.: «глаза на мокром месте», «пустить пыль в глаза»;

9) «как нож в сердце [втыкает ложку в рот]» следует понимать как то, что вызывает переживания, душевные муки.

Высокую коннотативность фразеологических единств обеспечивают аллюзии, вариативность, что обусловлено целостным обобщенно-переносным значением, мотивированным лексическими значениями компонентов, вошедших в их состав.

Далее рассмотрим фразеологические сочетания — обороты, в которых у одного из компонентов фразеологически связанное значение проявляется лишь в связи со строго определенным кругом понятий, которые также ярко звучат в речи главного персонажа.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ

1) «Хорош не хорош, а *вынь да положь*»: выражение имеет то же значение, что и аналогичное выражение «Хоть роди, хоть подай! *Вынь да положь!*», т.е. ‘сделать без промедления, во что бы то ни стало’.

2) «Сидишь тут *мрачнее навозной кучи*»: очевидна параллель, переработка известной фразы *быть мрачнее тучи*. Так В. Служкин описывает состояние своего друга-приятеля Будкина: ‘быть угрюмым, неразговорчивым, погруженным в свои мысли’. Стоит отметить, что употребление сочетания *навозная куча* вместо слова *туча* передает еще более удручающее состояние, положение дел.

Сравните:

3) *Бог любит троицу*, ср.: «без троицы дом не строится»: говорящий оправдывается, почему он пользуется чьими-то услугами неоднократно;

4) «никакой *Точки опоры* в жизни, болтаюсь туда-сюда...»: *точка опоры* — это основа чего-либо; ср. афоризм Архимеда: *Дайте мне точку опоры, и я переверну весь мир*.

5) «*Орешь как потерпевший*» (ср.: *орать как резаный*): значит ‘кричать очень громко, истошно’;

6) «А теперь третья часть *Марлезонского балета*», ср.: «Вторая часть *Марлезонского балета*», что значит ‘что-то очень долгое, утомительное’. Особую популярность это выражение получило после выхода на экраны советского фильма «Д’Артаньян и три мушкетера» в начале 70-х годов XX в.

Особую важность для репрезентации языковой личности представляют прецедентные тексты, в основу которых положены цитаты.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ

Одним из способов оформления прецедентных текстов являются цитаты. Цитаты выделяются в текстах не только формально, но и отмечены когнитивно и эмотивно, позволяя возникать новому смыслу. Цитата как один из способов существования прецедентного текста является формой смысла, который мигрирует из текста в текст, отсылая к исходному тексту.

1) «*Жег глаголом*, да назвали балаболом». В. Служкин трансформирует фразу известного стихотворения А. Пушкина «Пророк»: «И Бога глас ко мне возвал: / Восстань, пророк, и виждь, и внемли, / Исполнись волею моей, / И, обходя моря и земли, / Глаголом жги сердца людей». Строка «...*Глаголом жги сердца людей*» имеет значение ‘вдохновлять, воодушевлять’, что придает стилю некую торжест-

венность. Но в речи В. Служкина эта же фраза приобретает отрицательное значение: *балабол* — ‘человек, который много говорит попусту, зря’, т.е. благое желание вдохновить, побудить окружающих воспринимаются как пустые слова, и, как следствие, возвышенность стиля обращается в некоторую противоположность, становится иронией. Торжественность отсутствует.

2) «Но долго буду тем любезен я народу, — доверительно пояснил ей Служкин, — что чувства добрые я *ливрой* (выделено нами. — А.В.) *пробуждал...*: в стихотворении А.С. Пушкина «Памятник» используется лексема *лирой*: «И долго буду тем любезен я народу, / Что чувства добрые я *лирой* (выделено нами. — А.В.) *пробуждал...*». Данную лексему писатель А. Иванов заменил в речи персонажа на *ливрой* (разг., сниж.), которая не меняет стихотворного размера и в целом смысла: человек становится добрее, но у персонажа А. Иванова — добрее в результате употребления алкогольного напитка.

3) «*Бой не ради славы, ради жизни на земле...*». В поэме А.Т. Твардовского «Василий Теркин» речь идет о патриотизме, борьбе во имя родины, своего народа: «Бой идет святой и правый. / Смертный бой не ради славы, / Ради жизни на земле». В романе А. Иванова речь идет о словесной борьбе главного персонажа В. Служкина и его подруги Ветки, о соре, которая вспыхнула между ними. Поэтому можно предложить новую трактовку лексемы *бой* и фразы в целом: ‘любая сложившаяся ситуация, требующая немало усилий, терпения для ее разрешения’.

4) «*Ты говоришь, что у тебя по географии тройка, / а мне на это просто наплевать*». Известно, что В. Цой, автор песни «Восьмиклассница», в 1980-х гг. стал рок-звездой и, естественно, у него появились молоденькие поклонницы. Одна из них стала его подругой. В. Цой проводил с ней много времени и возвращался домой одухотворенный. В один из таких вечеров, вернувшись с очередной романтической прогулки, он и сочинил песню «Восьмиклассница»: «Ты говоришь, что у тебя по географии тройка, / а мне на это просто наплевать. / Ты говоришь, из-за тебя там кто-то получил синяк, / Многозначительно молчу, и дальше мы идем гулять». Нельзя сказать, что В. Служкин безответственно относился к своей работе, к знаниям своих учеников, но, думается, он прекрасно понимал, что молодому поколению география действительно не нужна была. И эти слова он адресовал девятикласснику Скачкову, который не отличался стремлением к получению знаний. Тождественность значений очевидна (ср.: «География не наука, кучер и так довезет». Д.И. Фонвизин. «Недоросль»).

5) «*Посмеяться над собой — значит лишить этой возможности других*». Это высказывание Омара Хайяма (ср.: Тот, кто никогда не смеется над собой, упускает множество отличных случаев посмеяться. С. Дункан). Человек, умеющий над собой смеяться, свободен от других. В. Служкин не боится уронить авторитет. Самокритика — лучшее лекарство от раздутого самолюбия.

Следующие примеры анализируем по аналогии:

6) ... «*Чужой земли мы не хотим ни пяди!*» (взято из «Марша танкистов» Б. Ласкина, хотя в тексте А. Иванова нет реального факта войны);

7) ... «*Жил-был Географ один, / Карту имел и глобус. / Но он детей не любил, / Тех, что не метили в вуз*» (источником песни-переделки является песня «Миллион

алых роз» А. Вознесенского, смысл песни не изменился, поскольку это некий рассказ о себе, о жизни, будь перед нами художник или географ);

8) ... «А мне говорят, что Волга / впадает в Каспийское море, / а я говорю, что долго / не выдержу этого горя» (песня Ю. Энтина «Мы маленькие дети» из к/ф «Приключения Электроника»). В. Служкин меняет личное местоимение **нам** на **мне**, при этом в целом значение не изменяется.

Уровень знаний прецедентной базы языка, представленной цитатами, свидетельствует о том, насколько хорошо человек владеет этим языком. Очевидно, что любой прецедентный текст неоднозначен и имеет, как минимум, два значения: первое — его исходный смысл в тексте источника, второе — его обобщенный смысл, приобретаемый в речи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Речь персонажа художественного произведения изобилует различными паремиологическими и фразеологическими ресурсами языка, она насыщена уже заранее приготовленной максимой, речевыми шаблонами, стандартными выражениями и автоматически воспроизводимыми фразами, что свидетельствует о консервативности данной языковой личности. Паремиология и фразеологическая система текста позволяет реконструировать индивидуальную картину мира персонажа и понять характер его интенций, создать речевой портрет языковой личности.

© Васильева А.А.

Дата поступления: 20.12.2016

Дата принятия к печати: 25.01.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Виноградов В.В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. Москва, 1972.
2. *Койранская Е.А.* Разностороннее изучение паремий в русской и зарубежной лингвистике // Вестник Орловского государственного университета. Сер. Новые гуманитарные науки. Орел, 2011. № 1(15). С. 257—259.
3. *Крикманн А.* Некоторые аспекты семантической неопределенности пословицы // Паремиологический сборник: пословица, загадка (структура, смысл, текст). Москва: Наука, 1978.
4. *Ломакина О.В.* Фразеология в языке Л.Н. Толстого: лингвистический комментарий и лексикографическое описание: дисс. ... докт. филол. наук. С-Петербург, 2015.
5. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К.* Большой словарь русских пословиц. Москва: Издательство «ОЛМА Медиа групп», 2010.
6. *Потебня А.А.* Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка // Потебня А.А. Теоретическая поэтика. Москва: Высшая школа, 1990.
7. *Семенов Н.Н.* Прецедентный потенциал паремий как проблема семантического исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2009. № 2. Волгоград. С. 17—23.
8. *Фёдоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. Москва: Астрель, 2008.
9. *Ярцева В.Н.* ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь, 1990. Режим доступа: <http://www.tapemark.narod.ru> Дата обращения: 20.10.2016.

УДК: 811.161.1'42:821.161.1:398.9
DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-494-500

PAREMIAE AND PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE SPEECH OF CHARACTERS IN THE NOVEL “THE GEOGRAPHER DRANK HIS GLOBE AWAY” BY A. IVANOV

A.A. Vasilyeva

MGIMO-University of RF Ministry of Foreign Affairs
76, Vernadskogo ave., Moscow, Russia, 119454

Abstract. The article is devoted to the study of language units, describing linguistic personality. The purpose of this article is to review the functioning of precedent texts existing in paremiological space. The analysis of domestic and foreign phraseology and paremiology identifies and analyses the units related to paremiae. The article used the method of verbal portraying, allowing to describe the linguistic identity of a novel character.

Key words: paremiology, phraseology, winged words, precedent texts, citation, language person, portraying

REFERENCES

1. Vinogradov, V.V. (1972). On the basic types of phraseological units in Russian. In: *Russian: Grammatical doctrine of the word*. Moscow. (in Russ).
2. Koyranskaya, E.A. (2011). Comprehensive study of the paremiae in Russian and foreign linguistics. *Bulletin of the Oryol State University. New humanities series*, 1(15), 257—259. (in Russ).
3. Krikmann, A. (1978). *Some of semantic uncertainty of proverbs aspects. Paremiological collection: proverb, riddle (structure, meaning, text)*. Moscow: Nauka. (in Russ).
4. Lomakina, O.V. (2015). *Phraseology in language of Leo Tolstoy: linguistic commentary and lexicographic description*. [doctoral dissertation]. St. Petersburg. (in Russ).
5. Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. & Nikolaeva, E.K. (2010). *Great dictionary of Russian proverbs*. Moscow: OLMA Media Group Publishing House. (in Russ).
6. Potebnya, A.A. (1990). Lectures on the theory of literature. Fable. Proverb. Saying In: *Theoretical poetics*. Moscow: Vysshaya shkola. (in Russ).
7. Semenenko, N.N. (2009). Precedential potential of paremiaesemantic research. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2, 17—23. Volgograd. (in Russ).
8. Fyodorov, A.I. (2008). *Phraseological dictionary of the Russian formal language: approx. 13 000 phraseological units*. Moscow: Astrel. (in Russ).
9. Yartseva, V.N. (Ed.) (1990). *Linguistic encyclopedic dictionary*. URL: <http://www.tapemark.narod.ru> (accessed: 20.10.2016). (in Russ).

Сведения об авторе:

Васильева Анна Александровна, старший преподаватель МГИМО (университет) МИД РФ;
e-mail: Vasilyeva_aa_mgimo@mail.ru

Bio Note:

Vasilyeva Anna Alexandrovna, Senior Lecturer at MGIMO-University of RF Ministry of Foreign Affairs, *e-mail*: Vasilyeva_aa_mgimo@mail.ru